

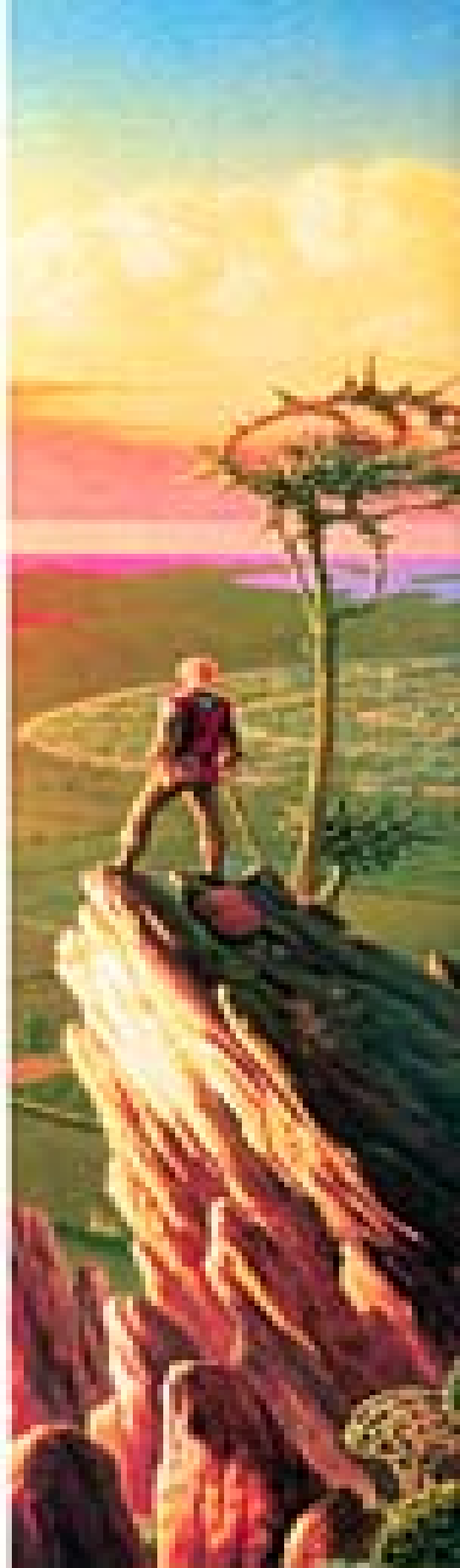
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ



ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ТОМ 2



Annotation

Профессиональные контрразведчики, ганфайтеры Матвей Соболев и Василий Балувев выходят на след «Киллер-клуба» – тайной организации наемных убийц. Но оказывается, что за спиной убийц стоит таинственный Союз Девяти Неизвестных, который руководит «теневым» правительством России. Офицерам предстоит схватка не на жизнь, а на смерть...

- [Василий Головачев](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
-

Василий Головачев
ИЗЛОМ ЗЛА

Глава 1

ИМЕНЕМ АЛЛАХА

В последний раз Николай Алексеевич Кожемякин приходил сюда, когда на полях еще лежал снег, река спала подо льдом с мокрыми пятнами проталин, а бледное весеннее солнце почти не нагревало кожу лица. Теперь же стоял конец апреля, весна вступила в свои законные права и природа радовалась началу жизни, теплу и свежей зелени. Николай Алексеевич любил апрель по-особому, нежно, с грустью, с болью в сердце и сладким замиранием, с ожиданием чего-то, каких-то перемен, встреч, тайн, открытий и откровений. В апреле он родился, в апреле впервые встретил Галю, в апреле женился... и первый рассказ свой написал он тоже в апреле, ровно пятьдесят пять лет назад. Вот только в Союз писателей его приняли не в апреле, а в июне, тогда еще – в Союз писателей СССР. Лишь несколько лет назад, в девяносто четвертом, Николай Алексеевич поменял красную книжечку с гербом СССР на коричневую с двуглавым Российским орлом, вступив в независимый Союз российских писателей.

За спиной раздался скрип, шорох. Николай Алексеевич оглянулся.

Человек, которого он заметил, еще спускаясь к реке, приблизился и теперь смотрел на Кожемякина сверху, нахохлившись, сунув руки в карманы. Станный человек, весь в черном, с черным кепи на голове, смуглолицый и черноусый. От него веяло холодом и недоброжелательностью. Николай Алексеевич пожал плечами и спокойно пошел вдоль берега, моментально забыв о чужом. Грабежа он не боялся, в кошельке лежали всего тридцать тысяч рублей, на которые можно было купить разве что бутылку пива, триста граммов колбасы и буханку хлеба.

Нет, Николай Алексеевич не бедствовал, произведения его печатали, гонорары платили исправно, вот только писал он медленно, издавая книгу раз в три, а то и в четыре года. Таков был ритм его писательской деятельности, ритм жизни, и переделывать себя в угоду конъюнктуре, нынешней суматошной жизни он не хотел. А материал давался все труднее, все медленнее, информация собиралась по крохам, месяцами, годами. Заставить себя сесть за стол было все

тяжелее, возраст постепенно брал свое. И все же его романами зачитывались, издатели звонили, приглашали и ждали, а он терпеливо отвечал всем одной фразой: непременно приду, вот только сотворю...

Первый рассказ Николай Алексеевич написал еще в канун окончания войны, которую начинал восемнадцатилетним ополченцем, участвуя в защите Москвы. В составе сводного батальона уральцев и москвичей он дрался на Волоколамском шоссе, попал в плен, бежал, прошел всю войну от Москвы до Праги, снова попал в плен, снова бежал, участвовал в движении Сопротивления в Италии. Вследствие этого в послевоенные годы пережил косые взгляды, подозрения и негативное отношение со стороны писательской братии, воспитанной в сталинском духе. Однако оставался всегда прямым, принципиальным, честным, не любил конъюнктуру и опирался в своем творчестве только на правду жизни. За что в конце концов и получил признание как писатель и человек.

За пятьдесят пять лет творческой деятельности он написал одиннадцать романов и повестей, около полусотни рассказов, две пьесы, издал два пятитомника, был отмечен премиями Союза и международным признанием и, по сути, еще при жизни стал классиком, прославившим русский народ, знавшим все его нужды, горести, надежды и чаяния.

Последний его роман попал в номинационные списки премии Букера и, хотя первого места не занял, был высоко оценен критикой, а также замечен исламскими экстремистами, готовыми на любое преступление «во имя веры», ибо коснулся отношений ислама и христианской религии.

О нет, Николай Алексеевич это сделал не так, как в свое время Салман Рушди, приговоренный к смерти аятоллой Хомейни публично на площади Аль-Иран-шехр в Тегеране, но и то, что он написал, а написал он правду, не понравилось приверженцам вселенской покорности, и Николай Алексеевич был внесен в черный список «приговоренных к смерти именем ислама». О чем сам, естественно, даже не подозревал. В этот список, насчитывающий, по данным агентства Рейтер, более шестисот человек, попали и такие знаменитости, как скульптор Эрнст Неизвестный, режиссер Энтони Хикокс, поэт Андрей Вознесенский и писатель Виктор Астафьев.

Над головой раздалось карканье, пролетел ворон, глянув на задумчиво бредущего по берегу реки человека.

Мысли свернули к работе, к материалу, который он привез из Чечни два дня назад. По сути, это была заготовка будущего романа о войне режима вседозволенности с другим режимом – криминальным, в которой заложниками стали российские солдаты, и вот об этом и собирался писать Николай Алексеевич свой новый роман.

За спиной снова скрипнуло дерево.

Николай Алексеевич обернулся, и в тот же момент в голове вспыхнуло пламя, собралось в точку и вонзилось в сердце уколом яростной боли. Больше он почувствовать ничего не успел...

* * *

Директор Федеральной службы безопасности Иван Сергеевич Панов ужинал в кругу семьи, когда зазвонил телефон и дежурный по Главному управлению полковник Скобареv сообщил об убийстве известного писателя Кожемякина.

– Ну и что я должен делать? – осведомился Иван Сергеевич. – Пусть этим занимаются люди Жаренова. Мы тут при чем?

– Вас просил приехать Синельников, – замялся полковник. – Он говорит, что обстоятельства убийства заставляют его сразу передать дело нам.

Панов помолчал, машинально облизывая вилку. Полковник Синельников был начальником МУРа, опытным, знающим, умным розыскником, профессионалом и зря звонить не стал бы.

– Ладно, – буркнул директор ФСБ, – сейчас буду. Вызовите Ельшина и сыскарей Бондаря.

– Уже вызвал. Машина за вами вышла.

Панов хмыкнул и положил трубку. Через сорок минут он подъехал на служебной «Волге» к дому номер сорок два по улице Живописной, где в двухкомнатной квартире жил известный писатель, недавно овдовевший. Жена Кожемякина Галина Сергеевна умерла год назад от сердечного приступа.

Во дворе дома, несмотря на поздний вечер, жались кучки жителей, стояли три машины УВД с мигалками и «рафик» ОМОНа. У

оцепленного подъезда директора ФСБ ждал генерал Ельшин, начальник Управления «Т»^[1], со своим телохранителем. Оба курили, артистически пуская дым кольцами. Генерал был одет в спортивный костюм, словно завернул сюда прямо со стадиона, успев только сменить кроссовки на туфли. Его телохранитель, он же командир подразделения «Стикс» майор Ибрагимов, выглядел бомжем, но взгляд выдавал в нем человека опасного и жестокого, способного на все.

– Ну, что тут происходит? – буркнул Панов.

Ельшин бросил сигарету в урну, стоявшую в четырех метрах, попал.

– Сходите, полюбуйтесь, я уже смотрел. Синельников ждет вас в квартире.

Иван Сергеевич в сопровождении командира своей личной тройки телохранителей направился к неосвещенному подъезду.

Квартира Кожемякина располагалась на третьем этаже. Дверь была полуоткрыта и охранялась мрачными молодцами в пятнистых комбинезонах с автоматами в руках. Пропустили директора они без звука, понимая, что прибыло начальство.

В квартире с мебелью в стиле пятидесятих годов: пузатые комод и шифоньер, кровать, стол и стулья на гнутых ножках, шкафы с книгами, стол писателя со старенькой пишущей машинкой «Москва» – ничего лишнего – царил разгром, и везде, куда бы ни падал взгляд, лежали десятки миниатюрных Коранов с золотым тиснением на арабском языке.

Из спальни в узкий коридорчик вышел гладко выбритый огромный мужчина с круглыми литыми плечами борца-тяжеловеса, на которых едва не лопалась черная кожаная куртка. Это был полковник Синельников, глава Московского уголовного розыска. Молча сунув Панову громадную ладонь, он пропустил гостей в спальню, где работала группа экспертов.

Иван Сергеевич увидел кровь на полу, потом отрубленные конечности, отдельно лежащую голову и тело на кровати, засыпанное все теми же Коранами. Он многое повидал на своем веку, не будучи еще директором ФСБ, но содрогнулся, разглядев во рту головы маленькую синюю книжечку и прибитый ко лбу гвоздем листок бумаги с какими-то письменами.

– Сура из Корана, на арабском, – прогудел сзади Синельников. – Примерно переводится как: «Никто не смеет осуждать великое».

Иван Сергеевич сглотнул ком в горле, постоял с минуту, разглядывая обстановку комнаты, и вышел из спальни. Синельников провел его на кухню, закурил, предлагая сигарету. Панов машинально взял, хотя с месяц назад бросил курить. В очередной раз.

– Его сначала ударили по голове у реки, – сказал, глубоко затягиваясь, начальник МУРа. – Потом перенесли сюда, в квартиру, причем никто не видел – как и когда. Ну а здесь отрезали пальцы, потом кисти рук и голову. Правда, Николай Алексеевич был уже мертв – сердце не выдержало еще на реке. Так что не мучился мужик.

– За что? – глухо спросил Иван Сергеевич.

– Я потому вас и вызвал, чтобы передать дело. Это след исламских экстремистов, начавших планомерное «зеленое» уничтожение неверных по всему миру. Помните писателя Рушди, осужденного к смерти за книгу «Сатанинские стихи»?

– Но ведь Кожемякин ничего подобного не писал, насколько я знаю?

– В последних двух романах он затронул тему отношений религий и назвал ислам самым изуверским и жестоким вариантом религиозного фанатизма. Привел примеры. А недавно ездил в Чечню, собирал материал для новой книги. Разве ваши ребята не следят за такими вещами?

Панов промолчал, помянув Ельшина в душе недобрым словом. Начальник антитеррористического управления должен был предупредить его и дать материал заранее. Конечно, Иван Сергеевич знал о появлении во всем мире транснациональных исламских группировок, образовавшихся в результате войн в Афганистане, Алжире, Боснии и Чечне, но и предположить не мог, что руки одной из группировок дотянутся до Москвы.

Синельников, по лицу Панова понявший, о чем тот подумал, кивнул.

– Обнаглели моджахеды, Иван Сергеевич. И без чеченцев в этом деле не обошлось. Они явно застрельщики. Ведь не секрет, что спецслужбы Чечни начали готовиться к отделению от России своими методами. Вам ли этого не знать.

– Но зачем такая жестокость? – Панов снова содрогнулся, вспомнив отрезанные руки и голову. – Убили бы попроще, раз они «идейные мстители»...

– Для устрашения, – мрачно усмехнулся Синельников. – Выродки. Я читал об убийстве мультимиллионера Джеймса Тийма в Нью-Йорке. Его распилили дисковыми электропилами на мельчайшие кусочки, а куски потом сложили в вазу в форме дракона. Этот кошмарный сосуд венчала голова бизнесмена – без носа и ушей, с выколотыми глазами и полусодранным скальпом. Что вы хотите от фанатиков? Это же больные люди, которых излечить можно лишь казнью... такой же, какую устраивают они.

На кухне появился худощавый молодой человек с бледным интеллигентным лицом – генерал Валентин Анатольевич Дикой, начальник Управления военной контрразведки, именуемой в среде работников ФСБ «Смерш-2». Он поздоровался с Пановым и Синельниковым, проговорил тихим интеллигентным, под стать облику, голосом:

– Мои люди нашли свидетеля, вернее, свидетельницу. Она якобы видела подозрительных личностей. Будете говорить с ней, Иван Сергеевич?

– Нет, – буркнул Панов. – Работайте. Утром доложите о результатах.

С отвращением отбросив сигарету, он вышел. Оставшиеся на кухне переглянулись.

– Ну, я своих людей отзываю? – произнес Синельников. – Причем с превеликим удовольствием. У самого дела невпроворот. Знаете, сколько в Москве за последний месяц зарегистрировано умышленных убийств? Сто семьдесят! В большинстве мафиозные разборки и тому подобное, но и «чистилище» добавляет свои разборки. По «Стопкриму» не работаете?

– Работаем, – негромко произнес Дикой.

– Ох и не завидую я вам, Валентин Анатольевич!

Дикой ответил ему понимающим взглядом. Его мнение на сей счет было примерно таким же.

Утро следующего дня не предвещало вызванным директором ФСБ генералам ничего хорошего, хотя в принципе каждый из них знал ситуацию и владел материалом. Собравшись в приемной, Ельшин, Первухин и Дикой одернули пиджаки и зашли в кабинет один за другим, молча сели за стол, образующий букву Т. Панов был мрачен, и это означало, что предстоит тяжелый разговор.

– Звонил премьер, – начал он, ни на кого не глядя, поставив локти на стол. – Просил принять все меры для поимки убийц Кожемякина. Общественность взбудоражена, подогретая прессой, Дума жаждет крови... – Иван Сергеевич пожевал губами и замолчал, уставившись взглядом в стол. – Начинайте, Генрих Герхардович.

Самоуверенный вид Ельшина говорил, что он готов к ответу и начальственного гнева директора не боится. В последнее время начальник Управления «Т» вообще круто изменился, стал более напористым, жестким, высокомерным, что отмечали даже его друзья. А еще он приобрел такое качество, как стремление одергивать кого бы то ни было, будь то даже человек старше его по возрасту или по званию.

– По моим данным, след убийства писателя Кожемякина ведет не в Иран, где создана террористическая группа «ликвидаторов неверных», попавших в черный список «приговоренных к смерти именем ислама», а в Чечню, где в последнее время усиленно тренируется так называемая ЧАС – Чеченская армия свободы. Кораны, которыми было усыпано тело погибшего, только попытка дезинформации.

О том, что развернутая силами ОМОНа и МВД совместно с подразделением «Стикс» ФСБ операция по задержанию убийц не сработала, Ельшин говорить не стал, это было известно всем присутствующим.

– Но я знаю три случая убийств с подобной наглядной жестокостью и вариациями, – сказал Панов. – Джеймс Тийм был убит в девяносто пятом в собственных апартаментах в Нью-Йорке, марокканский инженер Месса Кей – в девяносто седьмом и польский график-сатирик Коро – в девяносто девятом. И во всех этих случаях след вел в Сирию, Арабские Эмираты и в конечном счете – в Иран. Ваше мнение, Валентин Анатольевич?

– Не исключено, что в группе киллеров был и инструктор из Ирана, – проговорил Дикой, раскрыв папку, которую принес с собой. – Но Генрих Герхардович прав. Судя по информации, которой я располагаю, эта группа сформирована в Чечне и подчиняется командованию ЧАС. Мало того, по некоторым косвенным сведениям можно предполагать, что руководит ею Амирбек Шароев.

В кабинете стало совсем тихо.

Амирбек Шароев, известный еще со времени войны в Чечне под кличкой Безумный, был сыном нынешнего президента Чечни. Его участие в акции, будь оно доказано, резко меняло политический расклад в стране и способствовало бы падению режима, неугодного Москве, наметившего полное отделение Чечни от России. Это осознавал Панов, это понимали и начальники управлений.

– И последнее, – добавил своим негромким приятным голосом Валентин Анатольевич. – ЧАС начала отстрел на территории России отличившихся в боях в Чечне спецназовцев, офицеров МВД и регулярных войск Минобороны. Не далее как два дня назад убит в своей машине ветеран чеченской войны капитан Меркулов со своей женой. Смею полагать, что убийство совершила та же группа.

– Мне нужны доказательства, – с силой хлопнул ладонью по столу директор ФСБ, – а не предположения. Задействуйте все силы, все средства, но выявите всех членов банды. Потом решим, что делать дальше, но сначала – имена.

– Решать тут особо нечего, – небрежно проговорил Ельшин. – Лозунг Ленина в двадцатых годах: «Красным террором – на белый террор!» – себя оправдал. За несколько лет было уничтожено восемьдесят процентов бандформирований. Почему бы нам не взять этот лозунг на вооружение? Выяснить, кто проник к нам, кто убивал, и уничтожить всю группу! Да так, чтобы все почувствовали: ответ всегда будет адекватным!

– Ну ты и хватил, Генрих, – пробормотал молчавший до сих пор Первухин. – Да стоит только депутатам в Думе дознаться о твоих планах...

– А кто их проинформирует? Они только рады будут, узнав, что в Чечне начались разборки меж своими. Наоборот, это поможет думцам принять ряд законов по удержанию Чечни и смене там правительства.

– Мысль хорошая, – неожиданно согласился Панов. – Тем более что первым ее высказал премьер в разговоре со мной. Ваше мнение, генералы?

– Я против, – покачал головой Дикой. – Антитеррор – не метод борьбы с терроризмом.

– Не знаю, – буркнул Первухин. – С одной стороны, Валентин Анатольевич прав, с другой, если мы не примем жесткие меры, отстрел наших людей будет продолжаться, а бандиты вроде Басаева и Радуева будут на свободе радоваться жизни. Предпринимать что-то, безусловно, надо. Кстати, – он посмотрел на Панова, потом на Дикого и Ельшина, – почему бы не натравить на ЧАС «Стопкрим»? Пусть чеченцами займется «чистилище».

В кабинете снова установилась тишина. Потом захохотал Генрих Герхардович.

– Предложение весьма оригинальное, Федор Ильич, но я считаю, что мы справимся не хуже. Зато будет на кого в случае чего свалить неудачу... да и удачу тоже. Понимаете? Пошлем группу профессионалов перехвата, а такие у нас есть, она ликвидирует террористов, а мы свалим все на «чистилище»! И овцы будут сыты, то есть депутаты, и волки целы, то есть мы. Как идея?

– Ну ты и хват, Генрих! – осуждающе покрутил головой Первухин.

– Идея – блеск! – кивнул Панов, сразу оценив преимущества предложения. – Разрабатывайте. Но все равно сначала – фамилии: кто, откуда, сколько их было. За три дня управитесь, Валентин Анатольевич?

– Неделя, не меньше, – подумав, ответил начальник «Смерша».

– Пять дней. – Иван Сергеевич пристукнул ладонью по папке с грифом «четыре нуля» («совершенно секретно»). – А вам, Генрих, и вам, Федор Ильич, за этот же срок подготовить команду. Задание понятно?

– Так точно! – Генералы встали.

– Свободны.

Начальники управлений вышли в приемную, закурили, думая каждый о своем. Спокоен был только Ельшин. Он чувствовал себя в своей стихии. Дикой же думал о законе, который они собирались нарушить, хотя не выполнить приказ директора не мог.

Оставшись один, Панов снял трубку «вертушки» – телефона прямой связи с премьер-министром – и доложил о принятых мерах.

Глава 2

ПРИНЦИП АДЕКВАТНОГО ОТВЕТА

Заместитель начальника военной контрразведки полковник Борис Иванович Ивакин был по натуре суров и несуетлив, за что получил уважительную кличку Викинг. Он и обликом походил на легендарного викинга – ростом под два метра, с широкими плечами, малоподвижным лицом с крупными резкими чертами, прозрачно-серыми глазами, которые изредка становились стальными. В контрразведке он был вторым человеком после начальника ВКР Дикого, именно от него зависели подбор кадров и подготовка специалистов высокого класса. С ним Дикой советовался по большинству оперативных вопросов, ему давал самые сложные задания.

На этот раз речь шла о поиске преступной группы, убившей героя чеченской войны капитана Меркулова и писателя Кожемякина. Вызов спецслужбам был брошен нешуточный, и заниматься этим делом приходилось на пределе возможностей. Ни сам Дикой, ни Ивакин, ни другие заместители «главконтры», как прозвали Валентина Анатольевича сотрудники, не вылезали из конторы ни днем, ни ночью, выезжая только по оперативной надобности.

Директор ФСБ на поиски преступников дал пять дней, но прошло уже почти две недели со времени убийства Кожемякина, а объем полученных контрразведчиками данных не позволял им сделать однозначный вывод о причастности к преступлению определенных лиц. Конечно, кое-какие сведения «смершевцы» получили, особенно после того, как в Чечню слетал сам Борис Иванович, но этого было мало, и он собирался лететь туда еще раз. Там работала особая группа следователей ВКР, совершенно секретно, разумеется, а также местное отделение контрразведки во главе с полковником Дерюгиным.

В девять утра Ивакин согласно заведенному порядку вошел в кабинет Дикого и впервые увидел его разминку: генерал без рубашки, в одних брюках, вел «бой с тенью» и перетекал из положения в положение стремительно и плавно, как змея.

Валентин Анатольевич пришел на должность начальника военной контрразведки ФСБ с должности заместителя начальника штабов Министерства обороны, показав себя блестящим аналитиком и безупречным тактиком. Шел ему всего тридцать второй год, но его опыту и уму, а больше всего – волевому характеру могли позавидовать и вдвое старшие специалисты. Худой, с виду нескладный, с узким лицом, на котором выделялись по-детски припухлые губы, он выглядел рафинированным интеллигентом, вечно смущенным своими успехами на высоком посту, но те, кто работал с ним раньше, знали его и как великолепного бойца, мастера кунг-фу, способного постоять за себя, а также как отличного стратега, обладающего тонкой интуицией.

Не оборачиваясь, Валентин Анатольевич завершил комбинацию, потом вдруг оказался рядом с Ивакиным и нанес ему три мгновенных удара в голову, в горло и в грудь, вернее, наметил удары. Остановился, опустив руки. Улыбнулся, дыша легко и тихо, будто не занимался только что физическими упражнениями. Пожал руку высившемуся над ним горой заместителю, кивнул на стулья и вышел в комнату, замаскированную книжной полкой. Через минуту вошел одетый в костюм с галстуком, свежий и умытый.

– Сегодня я хочу определиться с приоритетностью наших дел, – сказал он, наливая себе и предлагая Борису Ивановичу стакан минеральной воды. – Что вы предлагаете разрабатывать в первую очередь?

– Естественно, дело ЧАС.

– Это дело идет вне конкурса. Проанализируйте остальное.

– На мой взгляд, первоочередными можно считать все! Но наиболее важных пять-шесть. Утечка секретного оружия из лабораторий завода «Арсенал» – первое из такого рода мероприятий.

– «Волк», «глушак» и «болевик». Согласен. Насколько я знаю, следствие буксует?

Ивакин кивнул. Речь шла о краже партии суперпистолетов четвертого поколения «волк», а также психотронного оружия: генераторов боли «пламя», известных под названием «болевик», и гипногенераторов, или суггесторов, подавления воли «удав», метко названных «глушаками».

– Затем идет похищение крупных партий оружия со складов в/ч 30673-1 и в/ч 54607 – еще одна головная боль.

Дикой поморщился. Обе войсковые части были не просто обычными армейскими соединениями, а отдельными бригадами спецназа Главного разведывательного управления Министерства обороны. Эти бригады, расположенные в Твери и Подмосковье, всегда считались суперэлитными и сверхсекретными подразделениями Вооруженных Сил. Именно в них формировались так называемые «летучие мыши» – профессионалы по ликвидации перебежчиков и проведению особо важных активных операций за рубежом. Тем не менее месяц назад обнаружилось, что со складов частей исчезли полтонны пластиковой взрывчатки, десятки тысяч патронов, мины, гранаты, пулеметы, автоматы и пистолеты, в том числе знаменитые «кипарис», «кедр» и «никонов», а также зенитно-ракетные комплексы «гарпун». Трагикомичность ситуации состояла в том, что плановые проверки сохранности арсеналов не выявили утечек, а складские помещения и состояние охранной сигнализации были признаны образцовыми.

Мало того, при разработке дел о хищении на военную прокуратуру и следователей «Смерша» было оказано такое давление со стороны высших чинов Министерства обороны, особенно – его министра Галкина, прозванного «кавалеристом» за кривые ноги и смех, напоминающий ржание лошади, что Дикой вынужден был обратиться за помощью к директору, после чего удалось наконец сдвинуть дело с мертвой точки.

– В этом же ряду следует расположить и три дела по расследованию финансирования боевиков Дудаева, – продолжал перечислять Ивакин. – Дальневосточное дело будем включать в список приоритетных?

Полковник имел в виду уголовное дело, заведенное на командующего Дальневосточным военным округом и его заместителей, обвиненных в прокручивании бюджетных денег в коммерческих структурах, использовании служебного положения и нанесении государству ущерба в десятки миллиардов рублей.

– Нет, – коротко ответил Валентин Анатольевич, не вдаваясь в объяснения.

– Тогда остаются только три крупняка: расследование нарушений закона сотрудниками безопасности, деятельность «Стопкрима» и отрядов Чеченской армии свободы на территории России.

– Первые два дела отложим, – снова лаконично произнес Дикой.

Одно из них касалось действий бойцов из подразделения личной охраны президента, подозреваемых в совершении ряда преступлений, и генералу было ясно, что, вероятнее всего, по высочайшему указу оно в скором времени будет закрыто. Второе было заведено по приказу директора ФСБ, хотя в ведение военной контрразведки напрямую не попадало. О деятельности «чистилища», взявшегося без суда и следствия освободить страну от преступников всех мастей, ходили легенды, однако Валентин Анатольевич хорошо знал, насколько легенды близки к действительности.

– Что ж, тогда остается только одно дело – «чеченских терминаторов» из ЧАС, будь она трижды неладна! По ней работаем не только мы, слава Богу, однако наглость этих бандитов уже переходит все пределы. Пора предпринимать что-нибудь неординарное, иначе они перестреляют всех наших парней, участвовавших в войне.

Дикой глянул в похолодевшие глаза полковника и медленно проговорил:

– Такое впечатление, Борис Иванович, что вы знаете об идее Генриха...

– Создать группу мстителей и ликвидировать убийц? Знаю. Зять я или не зять директора ФСБ? Вчера вечером он со мной поделился своими сомнениями.

Дикой удивленно поднял брови.

– Панов рассказал вам об этом?

– Он до сих пор колеблется, хотя премьер не раз вызывал его на ковер и требовал немедленного реагирования.

– Под Краснорыжиным шатается кресло, вот он и спешит продемонстрировать свое рвение и желание «служить народу». Я думаю, в ближайшее время президент его снимет.

– Но пока не снял, и группа перехвата уже почти готова к заброске в Чечню... то бишь Ичкерию, как ее гордо именуют сами чеченцы. Кстати, Иван Сергеевич просил дать пару «волкодавов» для усиления группы.

– Дайте им Соболева, коль уж вы его вызвали из Рязани. С «Арсеналом» мы и сами разберемся.

– Во-первых, я ему предлагал, и он отказался. Во-вторых, без него мы не разберемся, Валентин Анатольевич. К похищению «глушаков»,

«болевииков» и «волков» причастна контора Белого, то есть батальон «Щит», который находится под эгидой Ельшина. Тронем «Щит», Генрих устроит облаву на нас, не дожидаясь окончания расследования. Вот когда Соболев копнет достаточно глубоко, тогда и выйдем к Панову с полным пакетом информации. А до того придется кланяться при встрече и жать руку Генриху.

– Хорошо, – подумав, проговорил Дикой. – Вы правы, Борис Иванович. Но работать становится все неуютней, вы не находите? Даже в ГРУ и СВР появились «новые русские», готовые за определенную мзду продать кого и что угодно и работать с бандгруппами и даже с «Куполом». Кстати, почему вы не выделили следствие по делу «Купола» в одно из важнейших?

– Потому что у нас просто не хватит сил работать еще и по мафии, – усмехнулся Ивакин. – Пусть «Куполом» занимаются профи Бондаря, МВД и ГУБО. Между прочим, судя по последним крохам информации, добытым нашими ребятами, во главе «Купола» якобы стоит человек из нашей же конторы.

Дикой промолчал, допивая минералку. Он знал больше, но не настолько, чтобы указать на человека, возглавлявшего гигантскую структуру сросшихся воедино мафии и государственной чиновничьей элиты под названием «Купол».

– Что у нас в портфеле по ЧАС на нынешнее утро?

– Есть кое-какие подвижки. Стали известны имена практически всей группы, нанесшей визит в столицу и убившей Кожемякина. – Ивакин вытащил из папки листок бумаги и положил на стол перед генералом. – Чеченцев трое: Безумный, то есть Амирбек Шароев – командир группы, Джамал Гапуров и Имран Абдулмуслим. Кроме них в группу входили инструктор из Афганистана – вот откуда Кораны – Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад, эстонец Ильмар Кулдсепп, украинец Роман Купчик. Всего выявлены имена шестерых человек.

– Семерых. Вы забыли проводника.

– Не забыл, но он в группу основных исполнителей не входит.

Речь шла о жителе Москвы, хорошо знающем столицу и связанном с местной чеченской диаспорой. Именно он наводил группу убийц и следил за убитыми Меркуловым и Кожемякиным. Он был вычислен военными контрразведчиками в первую очередь и оказался русским, Константином Барковым по кличке Беретта, бывшим

офицером ФАПСИ^[2], уволенным за какие-то грешки еще пять лет назад.

– Связи у него, конечно, остались, – добавил Ивакин, – судя по тому, что поймать тергруппу по свежим следам не удалось. Они отсиделись где-то здесь, в Москве, и спокойно просочились по одному сквозь сети ОМОНа и розыскников угро. Баркова можно брать в любой момент, основной его канал заказа мы просчитали и по нему выползли на заказчиков, ну а оттуда до исполнителей рукой подать.

– Заказчик – Шароев-старший?

– В том-то и дело, что нет. Президент Ичкерии заказа на ликвидацию героев чеченской кампании и писателей из черного мусульманского списка не давал. Складывается впечатление, что сынок Шароева действовал на свой страх и риск, недовольный нерешительностью отца. А заказ ему давал нынешний министр обороны Ичкерии Удуев.

– Нечто в этом роде я и предполагал. Акция в Москве не способствует нормальному политическому процессу отделения Чечни, и Шароев это понимает. А Удуев, похоже, начал свою игру, желая спихнуть президента и сесть в его кресло. Но, кроме группы исполнителей, должна быть еще и группа поддержки, обеспечивающая наведение основной на цель. Одного Баркова мало.

– Занимаемся, Валентин Анатольевич. Связи Баркова тянутся и в Минобороны, в аппарат самого Галкина, и в Совет Федерации. Так что покровители у него мощные. Будем копать дальше... пока не остановят.

– Несладко придется твоему тестю, – покачал головой начальник «Смерша». – Осиное гнездо разворошил.

– Поэтому он и согласился на предложение Генриха. Здесь, в Москве, ему свободы не будет, живо свяжут руки или вообще отправят в отставку. Мелкую сошку отдадут на съедение, как это уже было не раз, а главари останутся при власти. Чечня – иное дело, там можно и пошуметь. К тому же потом действительно можно свалить все на «чистилице».

– Вы знаете, Борис Иванович, – слабо улыбнулся Дикой, – когда я принимал дела и мне сказали, что вы – зять Панова, я тогда подумал, что придется работать с обычным генеральским протеже, рвущимся по служебной лестнице на самый верх. Оказалось, вы умней и... опасней

и все понимаете правильно, только не все докладываете начальству. – Валентин Анатольевич снова улыбнулся. – То есть мне.

– Спасибо за оценку, товарищ генерал, – без улыбки ответил Ивакин. – Наверное, у каждого из нас есть свои секреты на черный день, в том числе и у меня.

– Согласен. Итак, я могу идти к директору с высоко поднятой головой и докладывать о завершении поисков.

Ивакин сложил в папку документы, закрыл, щелкнув кнопкой-замком, вопросительно глянул на Дикого.

– Я могу быть свободен?

– Зачем вы летите в Чечню, Борис Иванович, если имена террористов известны?

– Необходима тщательная проверка сведений. Ошибаться мы не должны, особенно в столь сложных политических обстоятельствах. Скоро начнется заваруха отделения Ичкерии, и надо будет иметь полную информацию о действующих лицах и исполнителях. Поиски убийц – только часть нашей работы.

– Хорошо, решайте сами, ехать вам или не ехать. Соболева дадите мне на время?

– Нет, – твердо сжал губы Ивакин. – Он в принципе не розыскник, а «супер» перехвата, «волкодав», хотя и способен провести расследование. Но это мое личное прикрытие на случай...

– Понимаю. Жаль, что не имею такого же «супера», хотя и не боюсь темных переулков. А почему он отказался войти в команду Генриха, мотивации?

– Как Соболев выразился – он не судья и не палач, хотя и сочувствует родственникам убитых. За пять лет работы со мной он участвовал в двадцати семи операциях перехвата и ни в одной не убил ни одного человека!

– Это интересно. Какую школу боя он прошел?

– По его словам – практически все, но в настоящее время он «барс», то есть мастер русского стиля...

– Не надо объяснять, я тоже занимаюсь русбоем. Знать бы, у кого он начинал. Ладно, забыли. Если возникнет необходимость, познакомьте меня со своим «супером».

– Он агент класса «абсолют».

– Теперь о группе перехвата, которую готовят Ельшин и Первухин. Кого мы дадим?

– Я рекомендовал Пугача... Пугачева Александра. Он тоже «волкодав» и мастер перехвата, но классом ниже Соболева. Одиннадцать задержаний...

– Подойдет. А кто пойдет командиром, знаете?

– Хасан Ибрагимов, майор охраны Генриха, он же – командир «Стикса». Кроме него знаю еще двух человек, кто зачислен в группу: Белый, то бишь майор Шмель Юрий Степанович, комбат «Щита», и капитан Василий Балугев, перехватчик из команды Первухина. Всего же в группе пойдут семеро, самый мобильный вариант. Остальные – наведение, связь, страховка, экипировка, доставка.

Дикой встал.

– У меня все, Борис Иванович. Работаем дальше.

Ивакин встал тоже и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь с мигающим зеленым огоньком охранно-сигнализирующей системы, не допускающей никакого прослушивания.

– Интересно, чем мы отличаемся от братьев-мусульман, посылая такую же группу к ним? – проговорил Валентин Анатольевич задумчиво, обращаясь неизвестно к кому.

Глава 3

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО С ВАРИАЦИЯМИ

Холодный ветер нес низкие лохматые облака над холмистой равниной, гнал по зелено-седой траве волны, норовил сбросить с плеч всадника плащ, но зорекс, гигантский «дирижабль» или, скорее, «самолет» Веспидов – ос разумных висел над недалеким холмом как привязанный, равнодушно воспринимая атаки ветра. Впрочем, он и в самом деле оказался привязанным.

Всадник подъехал ближе и увидел серебристую паутинку лестницы, соединявшую холм и зорекс, действительно напоминавший издали необычной формы складчатый самолет с разлохмаченными на концах крыльями. И тут же у Матвея, сознание которого контролировало разум всадника, создалось впечатление, что его здесь ждут.

Он приказал всаднику – своему далекому предку-первочеловеку – спешиться и слез со своего шестинога, по грудь закованного в голубоватые зеркальные доспехи. Такие же доспехи, напоминающие рыцарские латы, были и на всаднике, но сделаны они были не из металла, а из хитиновых чешуй и панцирей древних разумных насекомых – Инсектов, чьи высушенные тела все еще находили в их летающих, как зорекс, наземных, как термитники, или подземных городах. Правда, некоторые отдельные особи дожили и до этого времени, когда племена людей завоевали все континенты и освоили города Инсектов, приспособивая их для своих нужд или строя рядом новые, и людям частенько приходилось воевать с уходящими со сцены истории предками, пережившими Изменение.

Матвей достал из захватов на холке шестинога арбалет – длинное копьё с льдисто мерцающим наконечником, поднес к губам пластинку с замысловатым узором отверстий, дунул, и над холмами поплыл долгий печальный вскрик, напоминающий человеческий плач и стон чайки одновременно.

Никто не появился на краю платформы зоэрекса, никто не ответил на зов, и все же ощущение чьего-то присутствия не проходило.

Тогда Матвей привязал своего шестиногого «коня», похожего на льва и быка, к металлическому кольцу вбитого в землю штыря, к которому была принайтвлена и лестница, и полез вверх. Перекладины лестницы светились серебром и были тонкими, как спицы, но под тяжестью тела всадника не гнулись, и Матвей мимолетно подумал, что эта вещь, вероятно, досталась кому-то в наследство от Инсектов, сотворивших, кроме городов и дворцов, многие чудеса вроде «саркофагов», «Игл Парабрахмы», генераторов абсолютного зомбирования – кодонов и тому подобное. Правда, многие из этих Великих Вещей Мира «запрещенной реальности», если не большинство, были опасны для людей. Наверное, не один разведчик человеческих племен, расширявших свои владения, погиб во время исследования остатков цивилизации Инсектов, прежде чем остальные научились пользоваться кое-какими находками.

Зоэрекс висел над холмом всего на высоте тридцати с лишним метров, и Матвей достиг ячеистой платформы быстро, готовый пустить в ход оружие в любой момент. Предок-разведчик, чьим телом он сейчас распорядился, имел четыре руки – рудимент тела Блаттоптера сапиенс, насекомого, от которого произошел род человеческий, и мог делать сразу несколько дел.

Взобравшись на крыло зоэрекса, Матвей огляделся и направился к складчатому «фюзеляжу» – центральному строению летающего города Веспидов, где имелся вход, но до трехметровой рваной дыры в борту «фюзеляжа» не дошел. Навстречу ему вышел гигант в таких же металлических на вид доспехах, в сложном шлеме, скрывающем лицо, и плаще поверх доспехов, вооруженный арбалетом и мечом из светящегося материала, более похожим на длинный острый шип. Судя по всему, это был такой же разведчик одного из человеческих племен, как и тот, в чьем теле сидело сознание Матвея Соболева.

Некоторое время они рассматривали друг друга с философским спокойствием воинов-профессионалов. Затем вышедший навстречу опустил арбалет, и Матвей сделал то же самое.

– Заставляете ждать себя, мастер, – сказал первый мелодичным женским голосом. Вернее, он произнес какую-то фразу на трескуче-

воющем языке, но в голове Матвея зазвучал именно женский голос, хорошо знакомый ему по прежним трансовым эзотерическим снам.

– Светлана? – Матвей почти не удивился, подспудно ожидая встретить в своем сне-путешествии инфарха со спутницей.

– Вы меня помните?

Матвей хотел отшутиться, потом сказать нечто значительное, соответствующее встрече со вторым «я» главного иерарха, но в конце концов ограничился коротким:

– Я помню все.

– Вы поняли, что произошло?

На этот раз Матвей размышлял и формулировал ответ дольше.

– В результате взаимодействия «Иглы» и эйнсофа произошла инверсия моего личного времени...

– Почти верно.

– Почему почти?

– Процесс, инициированный вами с помощью эйнсофа, гораздо сложнее и масштабней, чем вы думаете. В принципе ваше возвращение к началу известных вам событий еще не говорит о том, что вы можете их изменить, ибо в вашей реальности недостижима ни честность, ни справедливость. Вы хорошо представляете Путь, которым решили идти дальше?

– Путь Меча, Путь Воина я закончил, не сомневайтесь.

– Означает ли это, что вы избрали Путь Избегающего Опасности?

– Скорее Путь Ненасилия.

– Мне кажется, вы не совсем понимаете, что это означает. Отказ от насилия возможен лишь в определенных личных ситуациях. Воин на Пути Знания придерживается отказа от насилия только в силу того, что контролирует ситуацию. Ему не нужно подставлять левую щеку, потому что никто не сможет нанести ему удар по правой.

– Я это понимаю.

– Прекрасно, мастер. – Несмотря на похвалу, в голосе Светлены прозвучала печаль. – Только не допускайте, чтобы отказ от насилия становился препятствием к познанию как обстоятельств, так и людей, среди которых у вас немало врагов.

– Что вы хотите сказать? Зачем вы ждали меня здесь?

– Контакт с вами стал возможен только в прошлом, связь в отрезок времени, в котором вы формируете законы вашей реальности,

становится недоступной.

– Из-за усиления контроля иерархами Союзов Неизвестных? Иерархии все-таки начали передел власти в «розе реальностей»?

– Мой ответ вам не требуется, мастер, фактически вы стали Посвященным... хотя еще не юридически. Но берегитесь, не повторите ошибок прошлого Пути. Хотя, с другой стороны, Путь Ненасилия не означает отказа от...

– Вы уже говорили.

– Да, извините, я волнуюсь, потому что вы мне небезразличны... и... и, в общем, именно поэтому я жду вас здесь.

Матвей почувствовал неловкость и в то же время желание увидеть лицо Светлены, какое он помнил по прежним снам, – прекрасное, удивительно манящее, юное, притягивающее взор, завораживающее текучей игрой чувств и света...

– Вы контактируете с Ульяной Митиной, Посвященной I ступени Внутреннего Круга?

Вопрос вырвался непроизвольно, и Матвей сразу пожалел о том, что спросил, однако Светлана ответила без запинки:

– Теперь в этом нет необходимости, вы прошли свой первый вариант Пути до конца и знаете все, что мы хотели передать. Осталось малое. А вы... хотели бы, чтобы Ульяна стала моей авешей?

– Не знаю, – пробормотал Матвей.

– Вы все еще не уверены в себе... Что ж, в данном случае незнание лучше ответа «нет». Вы знакомы с китайским учением Дао?

– Знаком, – лаконично отозвался Матвей.

– Даосы разработали принципы действий применительно к обстоятельствам. Один из принципов звучит так: начинай действовать, пока еще не возникла настоятельная необходимость или пока обстоятельства позволяют это.

– Ну и что? – осторожно спросил Матвей после продолжительного молчания.

– Начинать действие нужно тогда, когда в этом еще нет очевидной потребности. Вы считаете, что у вас есть время на осуществление своих замыслов? Вы ошибаетесь, мастер. У вас нет времени! Ваше возвращение к началу Пути – лишь одна из деталей начавшегося изменения. Одновременно начался лавинообразный процесс ломки законов, в том числе ослабление Закона возмездия. Проанализируйте

ситуацию во всех сферах жизни вашей реальности, и вы поймете, что все далеко не так гладко и просто.

Матвей ушел мыслями в себя и на некоторое время утратил контроль над сознанием предка. Тот шагнул назад, хватаясь за арбалет, прорычал что-то, пытаясь понять, что происходит, и Матвей едва успел перехватить его руку, готовую метнуть копье.

– Что мне нужно делать?

– Это вы должны решать без подсказки. Позволю вопрос: что вы ищете в прошлом? Зачем снова пытаетесь проникнуть за барьер Изменения? Ради Знаний Бездн?

– Нет, – угрюмо ответил Матвей не совсем искренне. – Хотя, может быть... очень хочется дойти до Начала Начал. До момента, когда в нашей реальности появился Безусловно Первый.

– Зачем это вам?

– Не знаю, – растерялся Матвей, сбитый с толку вопросом.

– Вот видите, – снова опечалилась собеседница. – Вы сами не знаете, чего хотите и что ищете. А главное, не верите в собственные силы. Как же вы измените себя?

– Я собирался изменить мир...

– Не изменив себя, не изменишь мир. Прощайте, мастер. Вам дана уникальная возможность не повторять свой Путь, воспользуйтесь ею. И поторопитесь. Что касается Начала Начал... далеко не каждому иерарху дано опускаться во времени так глубоко. Прощайте.

Голос Светлены отдалился, стих, как стихает колокольный звон. Гигант в латах напротив Матвея повернулся и исчез внутри центрального строения зозрекса. Разговор закончился. Матвей заставил предка спуститься по лестнице на холм, сесть на коня и тронуться в путь.

Внутреннего слуха коснулся чей-то тихий вздох, и невероятной чистоты и красоты девичий голос вдруг пропел несколько слов на неведомом языке. И было в этом голосе столько тоски, любви и надежды, что Матвей едва не бросился назад, чтобы сбросить с недавнего собеседника латы и увидеть ту, что пела для него...

Он удержал порыв. Стальной рукой заставил шестинога идти рысью и произнес мысленно всплывшее в памяти даосское изречение:

Начало – это сущность
Всего, что предстоит узнать,
И место,
Куда все должно возвратиться...

Возврат в свое время и в свое тело прошел без осложнений и особых ощущений: короткий свист, темнота, падение, удар, – и вот он уже лежит на кровати лицом вверх, а рядом спит красивая девушка и тепло дышит ему в грудь...

История повторялась, хотя и не во всех деталях.

Горшина Тараса, Посвященного I ступени Внутреннего Круга, отлученного от этого самого Круга за упорную реализацию мести, Соболев пока не встретил. Васю Балуюева тоже, хотя собирался найти его в ближайшее время. А вот с Кристиной отношения развивались практически так же, как и в первом варианте событий. Они успели встретиться трижды, понять, что их непреодолимо влечет друг к другу, а потом девушка прибежала к нему ночью, спасаясь от приставаний все того же сокурсника, кудрявого красавчика Жоржа, которому пришлось давать отлуп. Правда, уже иначе, проще, не так наглядно, как это проделал Матвей «в прошлой жизни».

Он быстро вычислил, где живет Жорж, дождался его возвращения с очередной гулянки и аккуратно придушил в подъезде, после того как парень отпустил своих накачанных охранников. Не до летального исхода придушил, понятное дело, популярно объяснив при этом, что приставания к девушкам, особенно к Кристине Сумароковой, отрицательно скажутся на здоровье Жоржа. Теперь Кристина жила у Матвея, создавая дополнительные неудобства, а поговорить с ней, объяснить, что так долго продолжаться не может, сил не хватало.

За неделю, что провел Матвей в Москве после вызова из Рязани, он успел сделать многое, как по работе, так и в личном плане.

Для начальства был уже готов подробный отчет о деятельности батальона «Щит» с указаниями фамилий, адресов и планов, а также о похищении секретного оружия из лабораторий завода «Арсенал», о связях многих высших должностных лиц армии и спецслужб с мафией. Готовился анализ отношений правительственных чиновников

с «Куполом», руководимым генералом Федеральной службы безопасности Ельшиным, начальником Управления «Т».

И при всем при этом Матвей отчетливо осознавал, что ему не поверит не только Дикой, но и Борис Иванович Ивакин, непосредственный начальник Соболева. Хотя, с другой стороны, доказательств о противозаконной деятельности депутатов и генералов хватало. Если у начальника «Смерша» хватит смелости их проверить, дело закрутится.

Матвей вспомнил слова Светлены, мысленно пожал плечами. Она советовала поторопиться, начать действовать, но он и сам не сидел сложа руки. Или спутница инфарха имела в виду нечто другое? И надо действовать в другом плане – абсолютном? Искать выходы на «розу реальностей», встречаться с людьми Внутреннего Круга, выходить на Монарха Тьмы, пока он еще не взялся за подготовку нового Изменения? Или оно уже... началось?

«Проанализируйте все сферы социума, – сказала Светлена, – и вы поймете...» Матвей почувствовал, как непроизвольно сжались мышцы живота, грудь кольнуло холодом, и осторожно отодвинулся от Кристины, чтобы она не проснулась. Встал. Господи, неужели он опоздал?! Если Светлена права, эйнсоф не только вернул его в прошлое по личной мировой линии, но и запустил процесс изменения, подчиненный воле Монарха! Вот на что надо обратить все внимание, а не на мирские материальные дела... И в первую очередь надо действительно проанализировать происходящие в мире процессы, а потом попытаться войти в контакт с Хранителем Матфеем, чтобы окончательно прояснить ситуацию. Слишком много возникло вопросов, на которые сам Соболев ответить не мог.

Например, куда делся эйнсоф?

Матвей съездил в Сергиев Посад, посетил Троице-Сергиеву лавру и прошелся по всем трем ярусам надкладезной часовни, построенной в семнадцатом веке у юго-западного угла Успенского собора лавры, но эйнсофа не обнаружил. Узел фазового пространственного многообразия, в котором пересекались когда-то слои-лепестки «розы реальностей», исчез.

Попытался Матвей и проникнуть в МИР – «модуль иной реальности», одно из сохранившихся древнейших сооружений Инсектов, расположенное глубоко в недрах Московской платформы, но

территория бывшего Зачатьевского женского монастыря оказалась огороженной. Церковь Спаса реставрировалась, а все ее пристройки были безжалостно разрушены, в том числе и склеп-хозблок, из которого начинался спуск в подземелье с замком Арахнидов. Конечно, можно было использовать свой «третий глаз» – ментальное зрение и ночью пробраться к церкви, чтобы отыскать засыпанный вход. Однако для этого требовались время и кое-какие приготовления. К тому же «Игла Парабрахмы», в контур которой был когда-то включен Матвей как один из одушевленных узлов управления, располагалась не в этом МИРе, а в замке Формикоидов, находившемся под дачей генерала Ельшина. А уж для похода туда и вовсе требовалась недюжинная подготовка и соответствующая экипировка. Матвей в принципе собирался навестить дачу Генриха Герхардовича, но теперь, после контакта со Светленой, необходимо было сделать это как можно быстрее.

Кроме всех прочих занятий, Матвей предпринял и попытку установить местонахождение кардиналов Союза Девяти Неизвестных. К его удивлению, это ему удалось без труда. Все кардиналы занимали почти те же посты в иерархии властных структур и не предприняли никаких дополнительных мер предосторожности и охраны. Для них еще ничего не произошло. Матвей Соболев, «волкодав» военной контрразведки, агент класса «абсолют», идущий по пути Посвящения в адепты Внутреннего Круга, для Союза Девяти не существовал.

«Щупая» их мыслесферы в астрале, Матвей ощущал лишь удивление кардиналов, не представлявших, кто их осмелился потревожить и было ли это на самом деле. Лишь координатор Союза Бабуу-Сэнгэ мгновенно насторожился, почуяв касание чужого мысленного потока, но он был далеко, в своем Храме Гаутамы на Алтае, и Матвей не особенно обеспокоился, считая себя в безопасности. Только сейчас, спустя несколько дней после «возвращения из будущего», он понял, какая это страшная сила – знание того, что будет происходить!

Матвей на цыпочках вышел из спальни, прополоскал в ванной рот и полчаса тренировал в кабинете суплес и поднимал мышечный тонус специальными упражнениями. Обычно он занимался физическими нагрузками в спальне, где у него стоял спортивный комплекс: макивара, деревянный «идол» для тренировки ударов, стенд для

силовых упражнений и качания пресса, — но сегодня не хотелось будить Кристину, поэтому занимался он недолго.

Встал под душ, переменнo пуская то холодную, то горячую воду, побрился подаренным Ивакиным «Брауном», смягчил кожу лица лосьоном «Аква ди гио» фирмы «Армани» с ароматом озона, цитрусовых, хурмы и жасмина. Кристине этот запах очень нравился, и она как-то сказала, что именно таким лосьоном должен пользоваться мужчина, который строит свои отношения с женщиной на взаимопонимании и доверии.

Матвей усмехнулся. Кристина явно повторяла чьи-то слова, хотя ее оценка была близка к истине.

Зазвонил телефон.

Мгновенно сработали не дремлющие ни днем, ни ночью сторожевые центры сознания. Сюда никто не должен был звонить, телефон знал только Ивакин, и если звонил он, значит, что-то произошло. Матвей снял трубку.

— ... ей... лев? — с хрипом выплюнула трубка чей-то густой бас.

— Кто звонит? — вежливо поинтересовался Матвей.

Голос в трубке изменился на баритон, хотя хрипы и подвывание остались, сквозь них доносились лишь обрывки слов:

— ... длeнно... най... вать... щенных... наче буд... иваться измене... зит гибель...

— Кто говорит? — повторил Матвей, стискивая зубы. — Вы, наверное, не туда попали.

— ... регись! — донеслось последнее слово, и трубка замолчала. Ни гудков отбоя, ни звона междугородней линии, ни щелчков скремблера — мертвая тишина, словно у телефона оборвался провод. Кто же звонил, черт возьми?! Что хотел сказать? Явно предупреждал, если судить по словам «грозит», «гибель» и «берегись». Но кто это мог быть? Инфарх? Хранитель Матфей? Кто еще? Не полковник же Ивакин, в самом деле...

— Кто звонил так рано? Полседьмого всего. — На пороге спальни возникла сонная Кристина, завернутая в простыню. Угол простыни соскользнул с ее плеча, обнажив грудь, и Матвей некоторое время молча боролся с разгорающимся желанием, рассматривая фигуру девушки, потом подхватил ее на руки и отнес в спальню.

Через полчаса пришлось мыться под душем снова, теперь уже вдвоем, хотя ничего путного из этого не вышло. Кристина была настроена шутливо и порывалась то намылить «сованнику» лицо, то утопить его в ванне. Потом она накинула вместо халата его рубашку и отправилась на кухню готовить завтрак, откуда тут же раздался ее негодующий голос:

– Соболев, ты все-таки свинья!

– Почему? – изумился Матвей, прекращая одеваться.

– По определению. Ты почему не помыл посуду?

– А разве я был вчера дежурным по камбузу? – хмыкнул Матвей. Волоча за собой брюки, зашел на кухню и, узрев нарочито рассерженное лицо Кристины, поднял вверх руки. – Виноват, гражданин начальник, больше не повторится.

Вскоре они ели мюсли и пили кофе с тостами, болтая о разных разностях, приходящих в голову совершенно ассоциативно. Разве что Матвей при этом думал о своих заботах, о будущих встречах с интересующими его людьми, а Кристина просто наслаждалась ощущением приятной расслабленности и была, похоже, вполне счастлива. Во всяком случае, о грядущих переменах в своей жизни она не думала, а о войне иерархов, отражавшейся на Земле «запрещенной реальности» разрушением духовности, культуры, справедливых отношений, ничего еще не знала. И у Матвея вдруг непроизвольно вырвались слова, которые он хотел произнести давно, однако не решался:

– Крис, тебе будет трудно со мной...

Кристина посерьезнела, опустила руку с чашкой кофе, глядя на Соболева враз округлившимися большими глазами. Красивая девятнадцатилетняя девочка, еще не познавшая всю страшную суть «запрещенной реальности». Как же ее уберечь от всего этого: бед и опасностей, непрерывной череды схваток, поединков с трусливыми и оттого более жестокими подонками, бандитами всех мастей, с беспощадными в достижении своих целей кардиналами Союза Девяти, их безмозглыми слугами, со всеми теми, кто хочет власти любой ценой, просто с недалекими сластолюбцами типа кудрявого Жоржа? Как защитить ее от тысяч превратностей судьбы, подстерегающих самого Соболева на каждом шагу? Как изменить формулу, внушенную

ему Монархом Тьмы в прошлых встречах? «Твоя деятельность всегда будет отражаться на твоих близких...»

– Что случилось, Соболев? – тихо спросила Кристина.

– Ничего не случилось, – улыбнулся одними губами Матвей. – Пока. Просто человек, посвятивший себя определенного рода деятельности, должен вести определенный образ жизни.

– Какого же рода деятельностью ты занимаешься?

– Мистикой, – серьезно сказал Матвей.

Кристина фыркнула.

– Я и так поняла, что ты не учитель русского языка. А кто? Милиционер? Служишь в ОМОНе или в каком-нибудь секретном спецназе? Или... – Глаза Кристины стали круглыми и огромными. – Или ты работаешь на... «Стопкрим»?!

Матвей рассмеялся, хотя ему было, честно говоря, не до смеха. Интуиция у Кристины была развита хорошо, да и наблюдательность тоже. Но от этого ему было не легче.

– Нет, на знаменитое «чистилище» я не работаю, успокойся. Скорее это действительно можно назвать спецназом. А большего я сказать тебе не имею права.

– Понимаю. – Теперь ко всем кипевшим в глазах девушки чувствам добавилось жгучее любопытство, но она сумела себя перебороть и вопросы задавать не стала. – Я потерплю. Пока не прогонишь.

– Лишь бы сама не ушла. – Он поцеловал ей пальцы. – Но что бы ни случилось, никто не должен...

– Знать, кто ты такой, – подхватила Кристина.

– Примерно так. Это первое. Второе: на звонки не отвечай, вообще не поднимай трубку. Ты здесь не живешь. В смысле – тебя здесь как бы нет и никогда не было. И последнее: ты не должна зависеть от меня. В любой момент я могу надолго исчезнуть, прийти поздно, вообще не прийти на ночь. Короче, мне нужна свобода...

– А я тебе ее не ограничиваю, – насупилась было Кристина, однако заглянула в голубые, чуть ли не светящиеся глаза контрразведчика и поняла свою промашку. – Извини, я не то хотела сказать. Буду терпеливой и заботливой, вот увидишь. Захочешь, скажешь сам. Но я чувствую, что ты встревожен. Нельзя узнать, что случилось?

– Я же сказал – ничего, – как можно уверенней проговорил Матвей. – Все идет своим путем, просто у меня работа такая – ждать неприятностей. Не думай о плохом, иначе экзамены не сдашь.

Кофе допивали в молчании, взглядами обнимая друг друга, хотя перед глазами Матвея нет-нет да и вставал образ Ульяны, после чего он в какой-то мере начинал ощущать себя предателем. Он помнил почти все моменты их прошлых встреч, ведь пролетело целых два года с момента знакомства Соболева с обеими женщинами, и ничего не забылось! А еще у них с Кристиной должен был родиться ребенок... Но обо всем этом он не мог рассказать ей ни слова. Тот путь, который они уже прошли вместе, вел к гибели обоих... А вот о Стасе рассказать стоит. Надо найти парнишку и вылечить, может быть, удастся оградить его от опасностей, отослать к отцу, например, ведь старик еще жив... Хотя, с другой стороны, он уже посылал Стаса и Кристину к отцу и знает, чем это все закончилось. Кто говорил: «Не возвращайся по своим следам», – был прав...

С Ивакиным Матвей встретился на конспиративной квартире, принадлежащей военной контрразведке, и передал ему пачку сколотых листков – весь пакет информации по деятельности батальона охраны «Щит», его командования, о хищении им оружия с завода «Арсенал», об участии во всем этом генерала ФСБ Ельшина, ставшего недавно боссом «Купола».

Полковник был сильным и сдержанным человеком, но и он изменился в лице, дочитав доклад Соболева до конца. Поднял на Матвея ставшие совсем прозрачными глаза.

– Вы с ума сошли, Соболев! Откуда у вас эти сведения? За неделю такого объема данных собрать невозможно!

Матвей кивнул, вполне понимая Бориса Ивановича, но даже ему он не мог сказать всей правды. Или хотя бы части правды. Полковник был сугубо военным человеком, опиравшимся на здравый смысл, и слыхом не слыхивал о каких-то там Монархах Тьмы и вообще о существовании Внутреннего Круга. Вряд ли он правильно воспринял бы и откровения подчиненного насчет происхождения человечества от рода Блаттоптера сапиенс – тараканов разумных.

– Как я это преподнесу генералу? – продолжал Ивакин, не дождавшись ответа Соболева. – Он же меня сразу отправит к психиатру.

– Авось не отправит, – сказал Матвей философски. – Часть сведений у вас и так лежит в компьютере, кое о чем вы догадываетесь, а остальное – логическое завершение расследования. Что касается сроков, то мне помогали.

– Кто, если не секрет?

– Сами подозреваемые.

Матвей выдержал пронзительно-недоверчивый взгляд Бориса Ивановича, усмехнулся.

– Не пугайтесь, полковник. Когда-нибудь вы все узнаете, а пока примите все как есть. И очень вас прошу – поберегитесь. В скором времени вас попробуют убрать, причем с помощью тех самых «болевиков», что были похищены из «Арсенала». Будьте начеку.

– Откуда вы знаете?

– Знаю. – И в голосе Матвея прозвучала такая твердая, непрошибаемая уверенность, что Ивакин проглотил все иронические замечания и вопросы.

– Вы предлагаете...

– Действовать, – закончил Матвей. – Время не ждет. Понадоблюсь – звоните по сотовому, домой на квартиру звоните только в крайнем случае, не нравится мне та линия.

Он заглянул в дверной «глазок», представлявший собой окуляр перископной системы, никого в коридоре и на лестничной площадке не обнаружил и вышел, оставив растерянного, ошеломленного масштабом предполагаемых событий полковника военной контрразведки.

Глава 4

ЗНАКОМСТВО «ВОЛКОДАВОВ»

Для концентрации сознания Василий Балугев не часто пользовался всеми девятью уровнями медитации, не было особых оснований, хотя в жизни перехватчика-«волкодава», подчиненного дерганому ритму жизни Управления специальных операций ФСБ, опасностей хватало. Но сегодня его почему-то потянуло пройтись по всем ступеням сюэндо, в результате чего, достигнув «будущего» и увидев себя в «прошлом», то есть настоящем для медитирующего, Василий оценил свои нынешние решения как неправильные, что его ошеломило, и пришел к выводу, что ему стоит ждать каких-то необычных встреч.

Выйдя из состояния самадхи, Василий некоторое время размышлял над своими ощущениями, однако, будучи человеком действия, а не мысли, предоставил судьбе играть с ним по ее правилам и занялся тренингом, чему каждый день уделял не менее полутора часов для поддержания необходимой физической и психической формы.

Рукопашным боем Вася занимался уже почти четверть века, начав Путь воина в додзё карате и закончив школу Куки-Синдэн-рю-Хаппо Хи-Кэн (тайное искусство владения оружием). В семнадцать-восемнадцать лет он обратился к айкидо, а став слушателем Высшей школы КГБ, впоследствии ФСК и ФСБ, увлекся русбоем, проповедующим стиль реального боя в условиях, максимально приближенных к жизни. Но все же основную закалку дала Балугеву школа ниндзюцу, которую он одолел на Дальнем Востоке, под Приморском, где с трехлетнего возраста прожил одиннадцать лет (отец был офицером-ракетчиком и служил в зенитно-ракетных войсках), под руководством японского мастера Хатсуми, владевшего стилем тогакурэ-рю («спрятанное за дверью»). Василий и впоследствии, уже работая в бригаде спецопераций под руководством опытного «волкодава» Люцканова, а потом Первухина, продолжал заниматься постоянно изменяющимися приемами борьбы тогакурэ-рю-ниндзюцу, с помощью которых без особого напряжения можно было справиться с каждым новшеством в технике атак. В основе этих приемов лежало

понимание поведения человека в тех или иных ситуациях, знание человеческого тела и его возможности вне зависимости от времени. Это давало возможность намного расширить узкие границы ориентированных на конкретные времена технических приемов борьбы, потому что методы ниндзюцу учитывали все естественные физические и эмоциональные особенности человека.

Искусство ниндзюцу вообще развивалось не как самоцель, средство для получения спортивного титула или символического поощрения в виде цветного пояса. Оно представляет скорее систему эффективных способов для достижения тех или иных целей личности с минимумом опасности, что заложено даже в названии борьбы – ниндзюцу. Иероглиф «нин» имеет два ряда значений: выносливость, упорство, терпение, стойкость, и второй ряд – тайный, незаметный скрытый, а иероглиф «дзя» переводится как личность, индивидуум. Таким образом, ниндзюцу – это искусство тайных действий с учетом вышеназванных категорий, подразделяемое на два уровня: бу-дзюцу – искусство воина (низший уровень) и хей-хо – стратегия боя (высший уровень). Василию удалось овладеть обоими и стать мастером ниндзюцу – мэйдзином, для которого не существовало тайн ни в одном виде рукопашного боя.

Конечно, он не стал «японцем» – по ощущению мира, но воспитан был все-таки в традициях ниндзюцу и не только довел до совершенства искусство воина, но и по большому счету достиг гармонического отражения окружающей действительности, в основе которого лежало интуитивное ощущение опасности на уровне рефлексов, тонких движений полей и излучений.

Сущность каждодневных тренировок для Балугева состояла не столько в освоении или повторении присущих ниндзюцу приемов боя, сколько в становлении и развитии в сознании тех ощущений, которые вызывает их применение. Как известно, в естественных условиях – улица, двор, метро, магазин, коридор, комната и тому подобное – ближний бой подразумевает применение любых подручных средств: палки, камня, гвоздя, булавки, осколка стекла, доски, веревки, пуговицы, скрепки, даже ассигнации, – и тренировка владения этими предметами скорее вырабатывает ощущение всеобъемлющей системы защиты. Поэтому большую часть времени тренинга Василия занимала именно эта специфичная система владения «полезными деталями».

Начав тренировку в шесть утра, он закончил ее в половине восьмого эффектным прыжком через кресло и броском остро заточенного карандаша в глаз идола для тренировок, стоящего в углу комнаты. Попал. Бесшумно приземлился с перекатом и пошел в душ. Уже вытираясь махровым полотенцем, услышал телефонный звонок, взял трубку аппарата и услышал голос Первухина (генерал лично курировал сборы группы перехвата, отправляемой в Чечню, в которую входил и Балуев):

– В десять быть на базе. Без опозданий.

– Слушаюсь, – ответил Василий, не испытывая ни особой озабоченности, ни особых переживаний по поводу того, что ему предстояло выполнить.

И в это время он почувствовал некий внутренний холодок, словно кто-то заглянул в него, как птица в открытую форточку, и в комнату влетел свежий ветерок. А через секунду тихо звякнул входной колокольчик.

Хмыкнув про себя с недоумением: гостей Василий не ждал, квартира принадлежала ФСБ, и прийти к нему мог разве что сам Первухин или в крайнем случае командир подразделения полковник Смирнов, – он открыл дверь и вздрогнул, встретив взгляд голубых глаз позвонившего. У него даже заныло под ложечкой и защипало в глазах. Взгляд молодого человека (лет двадцать семь – двадцать восемь, ровесник, надо полагать) был необычайно глубоким, серьезным, хотя и не без иронии, спокойным и понимающим, таящим недюжинную скрытую силу. Незнакомец знал и видел так много, что Василий невольно поежился. Такого лица, дышащего внутренним, просветленным покоем, бесконечно уверенного, воспринимающего и отражающего действительность как зеркало, Балуев еще ни у кого не видел. И понял, что перед ним мастер, достигший совершенства в воинских искусствах, воплотивший в жизнь формулу Гуань-Инь-цзы^[3]: будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина. А еще Василию показалось, что он уже где-то видел это лицо, может быть, в снах, может, наяву.

– Здравствуйте, Василий Никифорович, – тихим приятным голосом произнес незнакомец. – Разрешите войти?

– Нава Юмио, Хэйситиро, Рисукэ, Масааки? – спросил Василий, подразумевая учителей школ ниндзюцу, в которых мог бы оттачивать

свое мастерство гость.

– Ямасита Тадаси, – улыбнулся молодой человек, – стиль «потерянных следов». Хотя я от этого просто оттолкнулся и давно проповедую русбой.

– «Барс», – кивнул Василий. – Похоже. Кто вы?

– Меня зовут Матвей Соболев, и работаю я, как и вы, ганфайтером, «володавом»-перехватчиком, только в другой конторе.

Василий впустил гостя, отметив, как тот держится – совершенно свободно и естественно, не боясь поворачиваться к хозяину спиной, и как движется – экономно, гибко, плавно и точно, и окончательно уверовал в то, что впервые встретил профессионала, равного себе, а то и превосходящего по мастерству боя.

– У кого вы работаете? Антитеррор?

– «Смерш».

– Контрразведка! Надо же, какая встреча! А я гадаю, кто меня вычислил? Мы с вами не могли раньше встречаться? Такое впечатление, что я вас знаю.

– О да, – кивнул Соболев, оглядывая спартанское убранство гостиной со спортивным комплексом в углу, с любопытством посмотрел на идола с торчащим из глаза карандашом. – Мы знакомы уже два года. Я смотрю, вы практикуете методику шреба?

– Кое-какие приемы, – небрежно ответил Вася, выхватывая вдруг из кармана новенькую денежную купюру достоинством в тысячу рублей и делая почти неразличимый взмах рукой.

Матвей проследил за падением двух половинок комара, к своему несчастью пролетавшего мимо, улыбнулся одними глазами, но ничего не сказал, вспомнив, как два года назад таким же манером демонстрировал свое умение Кристине.

– Проходите, присаживайтесь, – сделал приглашающий жест Василий, от которого не ускользнула усмешка гостя, досадуя на свое мимолетное тщеславное желание что-либо показать. – Кофе, чай, кефир, минералка?

– По вашему усмотрению, – сел в кресло Соболев, одетый в самый обычный летний костюм: джинсы, кроссовки, голубоватая рубашка, безрукавка, – позволяющий затеряться в любой толпе.

Василий принес чашки, ложки, кофейник, сахар, слоеное печенье, и они принялись пить кофе, поглядывая друг на друга с абсолютно

разными чувствами. Неизвестно, о чем думал гость, но у хозяина росла тревога, появилось ощущение дискомфорта, ожидания каких-то перемен и новостей, однако он постарался выглядеть так же невозмутимо, как и Соболев, понимая в то же время, что тот свободно читает его переживания.

— Вы сказали, что мы знакомы уже два года... — не выдержал Василий наконец.

— Сейчас поясню. — Соболев промокнул губы салфеткой, жестом отказался от второй чашки кофе. — Только прошу выслушать все внимательно, без восклицаний и определений, какой бы удивительной ни показалась вам моя речь. Я не сумасшедший, я просто много знаю. Дело в том, дорогой Василий... э-э... Никифорович, что я как бы побывал в будущем и вернулся и теперь знаю почти все, что будет происходить. С вами, со мной, с миром вообще. За примерами долго ходить не будем, я представлю доказательства сразу после рассказа. А теперь слушайте. Вы случайно не читали кое-какую эзотерическую литературу? Что такое Внутренний Круг, знаете? Вот с этого и начнем...

И Василий услышал самую невероятную и захватывающую из историй, когда-либо прочитанных или услышанных им в жизни.

Рассказ Соболева длился больше часа, с перерывами на кофе и умывание; Вася дважды бегал в ванную и лил на голову холодную воду, не скрывая уже своих чувств. Затем настал черед беседы.

— Не верю! — заявил Василий после того, как Соболев закончил повествование.

— Как говорят учителя, вера — лишь нежелание понять замыслы Божьи, — улыбнулся Соболев. — С чем конкретно вы несогласны?

— Союз Девяти Неизвестных... разумные тараканы... Монарх Тьмы, наконец! Вы-то сами верите во все это?

— Разумеется, потому что я все это пережил.

— Как можно доказать происхождение человечества от ваших Бляд... Блаттоптеров, разумных тараканов?! Как можно познакомиться с Монархом Тьмы, если он живет, как вы говорите, в другой реальности? Допустим, в существование Внутреннего Круга еще можно поверить, но как вы можете доказать существование всего остального?

– Для этого понадобится всего пара общих походов. Я покажу вам так называемые МИРы, модули иной реальности, созданные Инсектами и сохранившиеся в пещерах под Москвой, а также отведу вас на дачу генерала Ельшина, где у него располагается мощный компьютер для связи с Монархом... который и помог ему стать боссом «Купола».

– Бред! – махнул рукой Василий, пытаясь найти неувязки в стройной логической цепи истории, выстроенной рассказчиком, и не находя таковых. – Вы обещали привести доказательства сразу.

– Нет ничего проще. Об организации «Стопкрим», именуемой в народе «чистилищем», слышали? Надеюсь, не станете подозревать меня в связи с ним? – Матвей глянул на старенькие ходики на стене, перешедшие Балуюву в наследство от бабушки; шел десятый час утра. – Включите телевизор, программу «2х2». Сейчас в «Новостях» должны сказать о гибели от рук «чистильщиков» прокурора Бескудникова Бурлакова, а также о нападении на полковника милиции Пиворыкина и о наказании судьи Охрименко: ему отрубили палец.

Василий включил телевизор, молча выслушал сообщение о новой акции «Стопкрима», выключил. Исподлобья глянул на гостя.

– Что еще?

– Как вы думаете, могу я знать некоторые интимные стороны вашей жизни?

– Можете, – подумав, сказал Балуюв. – Задавшись целью собрать компромат, можно выяснить о человеке все.

– Но только не о «волкодаве» вашего класса. Хорошо, интимные подробности отпадают. Ну а профессиональные тайны? К примеру, я знаю адрес вашей второй конспиративной квартиры в Бутове или назову координаты схрона с оружием и снаряжением, что расположен в районе Савеловского вокзала. Продолжать?

Василий потемнел, внезапно почувствовав самый примитивный, липкий страх. Этот человек не должен был знать о таких вещах! Если адрес квартиры знали многие: генерал Первухин, полковник Смирнов, квартирмейстер и кадровик УСО ФСБ, – то о расположении склада, оборудованного Балуювым лично в одном из погребов для хранения овощей, знали только двое: он сам и бывший хозяин погреба, ныне почивший в бозе, как говорится.

– Любопытно! – пробормотал Василий, меряя Соболева взглядом и прикидывая, может ли он взять его на прием из этого положения.

– Не стоит, – угадал его мысли Матвей, хорошо понимая, что творится сейчас в душе хозяина. – Я вижу, вы пытаетесь составить план атаки, но даже с вашей подготовкой взять меня невозможно. А чтобы вы убедились в этом, вот, почитайте. – Соболев достал из внутреннего кармана безрукавки стопку листов, скрепленных скрепкой, положил на стол рядом с креслом.

– Что это?

– Описание техники смертельного касания.

– Сан-нэн-гороси, что ли? В ниндзюцу это один из способов «гашения обликов».

– В принципе японцы разработали довольно неплохой вариант техники «гашения», но то, что я вручаю вам, разработано миллион лет назад перволюдьми, которые, чтобы выжить, почти поголовно были воинами. В той жизни, которую я прожил, вы не только ознакомились с этой техникой, но и усовершенствовали ее, создав варианты, один из которых называли космек, что означает «комбинаторика смертельного касания», а второй – ТУК, то есть «техника усыпляющего касания». От сан-нэн-гороси они отличаются тем, что уколы-касания с передачей энергии наносятся в любую точку тела противника, а не обязательно в точки смерти, и без учета его психических особенностей, телосложения, пола, возраста и времени суток.

– Ерунда, – буркнул Василий, переходя в «состояние Пустоты», боевое состояние «машины без мыслей». Терять ему было нечего, гость знал столько, что в пору было топиться, а проверить его возможности иным способом не было времени.

Соболев дернул уголок губ, сдерживая улыбку, не желая отвечать на реплику, и в этот момент Василий прыгнул к нему прямо из кресла выгибом вперед, привычно оценивая положение соперника и мгновенно реагируя на его движения. В занятиях рукопашным боем он достиг того уровня мастерства, когда мозг не перебирает конкретные комбинации и заданные приемы, а командует телом спонтанно, на уровне рефлексов, что обуславливает разнообразие и универсальность боевых техник. К тому же Вася владел темпом, то есть боевым трансом с измененным психическим состоянием, позволяющим

ускорять естественные физиологические реакции. Но как бы быстро он ни действовал, гость двигался еще быстрее.

Удара Василий не заметил и не почувствовал, вполне возможно, его и не было, просто Соболев продемонстрировал прием из арсенала ТУК. Очнулся Балуюев лежащим на диване. Рывком сел. Ничего не болело, руки-ноги были на месте, но тело казалось мешком ваты и отказывалось повиноваться.

– Пройдет через пару минут, – раздался голос Соболева, и перед носом Балуюева появился стакан минеральной воды. – Выпей и расслабься.

Вася послушался, а через минуту уже мог соображать, что происходит. Покрутил головой.

– Лихо ты меня!

– Убедил?

– Не знаю... пожалуй. Но мне надо разобраться... освоиться.

– Осваивайся, только не торопись с выводами. Вопросов появится масса, и на все я отвечу. Встретимся послезавтра, договорим.

– Послезавтра не получится, я сегодня уезжаю. О черт! – Вася бросил взгляд на часы. – Опаздываю.

– Я на машине, подброшу до места. Куда уезжаешь?

– За кудыкины горы, – буркнул Василий, проверяя содержимое сумки, собранной еще на ночь.

– Чечня?

Василий медленно разогнулся, глянул на собеседника сузившимися глазами.

– Ты откуда... или мы в одной команде?

Соболев покачал головой.

– Мне предлагали, я отказался. Откажись и ты.

– Не могу, я человек военный. Да и уж слишком нагло стали действовать боевики из ЧАС. Слышал о такой «армии»? Начали отстрел по всей России бывших своих врагов. А тут еще писателя убили...

– Я слышал. И все же откажись, это не твой Путь. В конце этого Пути нет ни славы, ни благодарности, только забвение... или ненависть. И сдается мне, вас забрасывают с другой целью, не ради восстановления справедливости.

– А ради чего?

– Ради далеко идущих политических амбиций. Высокая политика всегда была и будет грязью, которую разгребают профессионалы, такие, как мы с тобой. А исполнителями всегда жертвуют в первую очередь.

Василий отвернулся, закрыл сумку.

– Пошли, я готов.

– Не откажешься?

Они вышли из квартиры, спустились вниз, сели в соборовскую «Таврию», уже отремонтированную Ильей Муромцем. Еще живым и здоровым. Ответил Балуюев уже в машине:

– Ты бы на моем месте тоже не отказался. Да и почему ты уверен, что избранный мною Путь воина противопоказан мне?

– Два года мы прошли с тобой бок о бок, парень, и ты избрал в конце концов другую дорогу... хотя реализовать замыслы нам не дали.

– Вот видишь. А советуешь мне идти в другую сторону. Какой же Путь ты мне советуешь пройти?

– Ненасилия.

Василий фыркнул.

– Это речь проповедника, а не воина.

– Потому что я знаю, что говорю. Тебе все же придется когда-нибудь выбирать, но лучше бы ты сделал это раньше.

– А ты выбрал?

Машина выехала на Волоколамское шоссе, Соборов прибавил скорость, помолчал, потом коротко бросил:

– Да.

Вася покосился на его безмятежное, удивительно спокойное лицо уверенного в себе и уравновешенного человека со светящимися голубизной глазами.

– И что это за Путь, если не секрет?

– Избегающего Опасности.

Вася открыл рот, чтобы пошутить, но еще раз глянул на профиль водителя и передумал. Ему вдруг на мгновение показалось, что они и в самом деле знакомы очень давно.

Глава 5

ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Очередное совещание «полного квадрата» «чистилища» происходило на квартире Дмитрия Васильевича Завьялова, занимавшего пост референта премьер-министра и одновременно кресло координатора «Стопкрима». Четверо комиссаров уже прибыли, ожидали пятого, Тараса Витальевича Горшина, получившего за глаза кличку Граф.

Скусающий комиссар-пять Владимир Эдуардович Боханов, он же президент Центра нетрадиционных технологий, бросил листать журнал, отечественный вариант «Плейбоя», и шумно вздохнул.

– Не начать ли нам, благородные доны? Если Граф задерживается, значит, существует веская причина задержки. А для наших обсуждений он в принципе и не нужен.

– Согласен, – проворчал потеющий Глеб Максимович Музыка, полковник милиции и комиссар-три по рангу «чистилища». – Что в повестке дня?

Горшина он недолюбливал и давно лелеял мечту заменить его своим зятем, главным военным экспертом Комитета по новым военным технологиям при Министерстве обороны.

– В настоящее время мы ведем двадцать четыре бандлика^[4], – начал Завьялов, включая компьютер. – Я поработал вчера и разбил все дела на три группы. В первую вошли текущие важняки по госучреждениям: милиция, суды, прокуратура, Госдума. Во вторую – бандитизм и терроризм. В третью – деятельность «Купола». Приоритетным, конечно, является направление на ликвидацию «Купола», но в каждой группе есть одно-два наиболее важных дела. В первую очередь рассматриваем столичные проблемы, потом областные и в последнюю очередь общероссийские.

– Я бы сделал исключение, – негромко сказал комиссар-два Герман Довлатович Рыков, занимавший пост начальника информационного бюро Управления «И» ФСБ. Тихий и незаметный,

он тем не менее обладал мощной убеждающей силой и настойчивостью, так что иногда казалось, что именно он руководит «Стопкримом», а не Завьялов.

– Герман, ты меня удивляешь, право слово, – хмыкнул Боханов. – Еще не было случая, чтобы у тебя не появилось особое мнение.

– Пусть говорит, – хладнокровно отнесся к реплике Завьялов.

– Я бы выделил в группу особо важных дел четыре, – продолжал Рыков. – В порядке очередности: «Журналист», «Палач», «Насильник» и «Грязный ствол».

Завьялов вывел на дисплей одно за другим перечисленные дела, и комиссары еще раз перечитали, о чем идет речь.

Дело «Журналист» было заведено на мэра Владивостока Кривошеина, имеющего не только поддержку губернатора края, но и мощное кремлевское прикрытие, не позволяющее довести до конца уголовные дела, связанные с расследованием криминальных деяний чиновников краевой администрации. Суть дела сводилась к следующему.

Молодой девятнадцатилетний журналист Алексей Судаков выступил на радио с критикой мэра, обвинив его в злоупотреблении служебным положением (фактов хватало: от строительства дач и бассейнов за государственный счет до прокручивания государственных же денег в коммерческих структурах). В тот же вечер глава города вызвал журналиста к себе в кабинет и, не выбирая выражений, смешал его с грязью, распорядившись лишить радиостанцию помещения, а Судакову приказав покинуть Владивосток в двадцать четыре часа.

Журналист оказался не робкого десятка, предупреждению не внял, рассказал все своим коллегам и был ночью похищен, как впоследствии оказалось, боевиками из банды Тихона Трюмо по заказу мэра.

Всю ночь парня пытали: поднимали на дыбе, подвешивали за ноги, тушили о тело окурки, загоняли под ногти иголки, паяльной лампой сожгли волосы под мышками и в паху. Требовали, чтобы журналист признал, что сделал передачу по просьбе кандидата в мэры Чуркова и получил за это кругленькую сумму в долларах. Парень признавать ничего не желал, и в конце концов его оставили в покое, сбросив в залив, где он едва не утонул.

Дело под названием «Палач» было заведено «чистильщиками» на сотрудников подмосковной ГАИ, застреливших двух армейских офицеров с их приятельницами. Трагедия произошла вечером в пятницу одиннадцатого мая. По словам полковника Белякова, командира войсковой части, где служили майор Кучков и капитан Мухин, он отмечал с этими офицерами и их подругами свой день рождения в одном из частных домов в Царицыне. В это время сын Белякова катался по улице на мопеде. Подростка задержали сотрудники ГАИ и отобрали ключи от мопеда. Сын пожаловался отцу. К гаишникам вышел полковник с друзьями-офицерами, естественно, все в штатских костюмах, представился по всей форме, но получил весьма невежливый отказ. Сдержался, хотя и пообещал разобраться с обидчиками сына «повыше». И тогда гаишник-капитан Арутюнов и два его помощника, лейтенант и сержант, начали избивать Белякова. Кучков и Мухин, конечно же, вмешались, драка получилась нешуточная, выбежали женщины, а потом раздались выстрелы. В результате – четверо убитых, двое раненых. Стрелял один человек, а именно капитан Арутюнов, мастер спорта по стрельбе из спортивного пистолета, бывший чемпион Москвы. Вина его следователями «чистилища» была доказана полностью, в то время как следствие, проведенное местным отделением милиции, посчитало действия Арутюнова правомерными.

Следующим делом «чистилища» было расследование действий старшего лейтенанта юстиции, следователя Тамбовского РОВД Бориса Екимова.

Вечером в субботу, двенадцатого мая, в центре Тамбова к трем девушкам подкатили желтые «Жигули». Два изрядно подвыпивших мужика втащили подруг в машину и увезли за город, на «хату». Двум заложницам чудом удалось бежать, что касается третьей... На следствии пятнадцатилетняя девочка рассказала о пытках, которым она подвергалась, но красноречивее звучит заключение судмедэкспертизы: «При осмотре потерпевшей установлены следующие повреждения: закрытая черепно-мозговая травма, ушиб мягких тканей нижней губы, кровоподтеки нижних конечностей, ссадины рук и коленных суставов, кровоподтеки шеи, спины, колото-резаная рана в области правой молочной железы, ссадины слизистой влагалища и ануса, девственная плева нарушена...» Колотую рану нанес девушке, когда ей удалось

вырваться, именно главный насильник Борис Екимов. Догнав несчастную, он пропорол ей грудь осколком стекла.

Но самое интересное началось потом. Казалось бы, улики неопровержимы, вина Екимова и его подельника Абалкина доказана, районный суд приговорил обоих по статье 117-3 (групповое изнасилование несовершеннолетней) к пяти годам лишения свободы (минимальный срок по этой статье), однако областной суд отменил решение районного и дал Екимову всего два года, а Григорий Абалкин и вовсе отделался условным наказанием. Свою потрясающую гуманность судьи объяснили симпатией, которую вызвали у них личности подсудимых. Екимов оказался ударником милицейского труда, а Абалкин – единственным сыном главы администрации области.

И четвертым делом, внесенным Рыковым в список особо важных, оказалось расследование деятельности подпольной мастерской по изготовлению, подгонке и «отмывке» оружия. На счету этой мастерской набралось не менее сотни стволов: пистолетов, винтовок, автоматов, – использованных киллерами для охоты на коммерсантов и строптивцев, отказавшихся сотрудничать с той или иной мафиозной структурой.

– Все это хорошо... – пробормотал Боханов, которого не очень-то впечатляли приведенные сведения ни масштабом, ни размахом, ни логическим обоснованием. – То есть я хотел сказать, случаи эти, в общем-то, рядовые...

– А я бы добавил в этот список еще и бандлик по делу Макаревича, – сказал Музыка, меняя платок. – Вообще дела по деткам высокопоставленных начальников следовало бы выделить в отдельную группу бандликов.

– Мне кажется, бандлик Макаревича – слишком мелкая акция, чтобы присоединять ее к важнякам, – осторожно возразил Завьялов.

Речь шла об уголовном процессе, недавно законченном в столице муниципальным судом Щукина. История началась еще в прошлом году с того, что компания великовозрастных школьников (шестнадцать-семнадцать лет, десятые-одиннадцатые классы), не принятых в местный детский спортклуб, принялась регулярно бить стекла помещений клуба, забрасывать проходящих туда камнями и грязью, ломать и воровать инвентарь. Руководитель клуба Макаревич,

не выдержав систематических издевательств, поймал двух подростков и надавал им оплеух. К его несчастью, один из хулиганов оказался внуком заместителя начальника УВД Щукина полковника Романовского. На Макаревича мгновенно завели уголовное дело и передали в муниципальную прокуратуру, где работал брат Романовского. Там оно немного застопорилось, потому что старший помощник прокурора не усмотрел в рукоприкладстве хулиганства, ибо для оплеух имелись серьезные причины. Но прокурор отобрал у него дело, и суд вместо статьи 109 УК – нанесение неопасного для жизни телесного повреждения – припаял Евгению Макаревичу статью 206, часть 2: злостное хулиганство, отличающееся исключительным цинизмом и особой дерзостью. В результате директор спортклуба загремел в колонию усиленного режима на три года, а суд дважды не отрегировал на кассационные жалобы подсудимого, жаждущего справедливости.

– Конечно, мы должны ответить этой судебной банде, – почесал затылок Боханов, – но не в первую же очередь. Есть дела и поважнее.

– Вы абсолютно правы, Владимир Эдуардович, – раздался вдруг негромкий насмешливый голос, и из угла комнаты шагнул к столу неизвестно как там оказавшийся человек. Тарас Витальевич Горшин собственной персоной.

– Граф! – пробормотал ошеломленный Музыка.

Завьялов тоже вздрогнул, внутренне сжимаясь. Горшин, с виду самый обыкновенный молодой человек, то ли студент, то ли учитель одной из провинциальных школ, всегда проникал на квартиру координатора или в его рабочий кабинет без труда, минуя все запоры и сигнализацию, совершенно незаметно, как бесплотный дух. Впрочем, этот человек много чего умел, что было неподвластно нормальному гражданину, и не впасть в мистику, узнав его возможности, было трудно. Завьялов, как и его коллеги, не считая Рыкова, относились к Горшину с уважением и изрядной долей если не страха, то опасения. Все уже признали его силу, проверили в деле и спорить с ним не пытались, он практически всегда был прав.

Лишь Герман Довлатович Рыков, не только комиссар «Стопкрима» и начальник информбюро ФСБ, но и кардинал Союза Девяти Неизвестных, не удивился бесшумному проникновению Графа в

запертое помещение, он з н а л, кто такой Горшин и что его подвигло к созданию «чистилища».

– Есть дела гораздо более важные, – продолжал Тарас Витальевич, – чем предлагаемые уважаемым Германом Довлатовичем к исполнению. Например, действия Чеченской армии свободы на территории России вообще и Москвы в частности. Или кража психотронного оружия из секретных военных лабораторий. Не может не тревожить нас, конечно, и растущая мощь «Купола», постепенно идущего к созданию СС, то есть Сверхсистемы, объединяющей государственные и мафиозные структуры. Вот почему важнейшими проблемами, на мой взгляд, которыми надо заниматься в первую очередь, являются три. Первая: ликвидация руководства ЧАС; вторая: поиск похищенного оружия и наказание похитителей; и третья: развал «Купола», начать который можно с уничтожения его главарей. Не так ли, Герман Довлатович?

Все посмотрели на забившегося по обыкновению в угол кресла Рыкова. Тот бледно улыбнулся, отлично понимая подтекст вопроса, но отрицать правоту Горшина не стал, тем более что и ему, как одному из кардиналов Союза Девяти, было выгодно устранение нынешнего босса «Купола», что способствовало выдвижению на это место еще одной теневой фигуры – Хейно Яновича Носового и сокращению влияния Монарха Тьмы на земную реальность.

– У нас не хватит сил, чтобы заниматься всеми перечисленными проблемами, – сказал Рыков. – Но для того, чтобы нас поддерживало население, необходимо все время возбуждать общественный резонанс, что как раз и делают предложенные мной бандлики. В конце концов, можно пойти на компромисс, заняться, скажем, поиском оружия и одновременно организовывать акции из моего списка.

Горшин сверкнул глазами, отвернулся и сел в пустующее кресло возле камина. Завьялов смотрел на него вопрошающе, потом опомнился и оглядел сосредоточенные лица остальных комиссаров.

– Что ж, господа, принимаем предложение за основу?

* * *

Босс «Купола» имел около двух десятков квартир, расположенных в разных районах города, не считая таковых по области, а также четыре дачи, три из которых были оформлены на подставных лиц. Обычно он собирал совещания в катране, которым был широко известный элитарный клуб «У Шварценеггера» – конспиративная нейтральная территория, где по неписаному закону все встречающиеся не ведут друг против друга никаких войн и хитрых игр – кроме карточных, – но на сей раз Генрих Герхардович пригласил своих директоров к себе на дачу в Подмосковье, расположенную в сорока километрах от столицы по Минскому шоссе.

Руководителей «Купола» было пятеро: один президент и четверо директоров. Лишь президент – Ельшин Генрих Герхардович, молодой, стройный, красивый, с гривой седых волос, сменивший на этом посту прежнего «крестного отца», – не имел клички, все звали его Георгием Георгиевичем (в тесном кругу – Жор Жорычем), остальные носили имена по принадлежности к кабинетам, которыми руководили в официальной жизни: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф.

Летчик, бывший заместитель главкома ВВС, работал в Генштабе Министерства обороны, был там вторым лицом и самым молодым генералом, получившим звание еще в возрасте двадцати девяти лет благодаря умению делать карьеру за счет сослуживцев. В «Куполе» он курировал работу военно-промышленного комплекса, а клан, которым он руководил, контролировал до пятидесяти процентов акций ВПК.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а также – чего никто из его коллег и членов правительства не знал – был главным хавмачманитором мафии, то есть объединял и координировал сеть ее банков.

Мэр, естественно, работал в мэрии столицы и одновременно был главным координатором «Купола» по связям с другими подобными организациями во всех регионах России, странах СНГ и во всем мире. Его клан контролировал всю торговлю в Москве и ряде крупных городов страны, кроме разве что торговли наркотиками, которую контролировала юго-западная группировка – чеченско-таджикско-узбекская мафия.

Шериф, будучи «шпилевым генералом», то есть куратором работы силовых министерств и ведомств, добрался до Генеральной прокуратуры, а посему имел особый статус дженерози – генерала

внутренней безопасности, то есть второго лица в «Куполе», хотя с недавних пор явно метил в первые. К тому же он опирался на такую мощную фигуру в официальных кругах, как начальник информационной службы президента Хейно Янович Носовой, также метивший в директора.

Все они были разными по возрасту, опыту, характеру, физическим силам и складу ума, но сходились в одном – в жажде власти.

– Пора, господа, заняться чисткой конюшен, – весело начал Георгий Георгиевич, одетый по-домашнему – в спортивный костюм; остальные никогда себе этого не позволяли, одеваясь в темные костюмы с галстуками, привыкшие к этой форме одежды и даже дома редко ее снимавшие. – Нам начинает активно мешать «чистилище», вознамерившееся пошерстить наши ряды, а также подняли головы некоторые депутаты Думы, ошибочно полагающие, что они бессмертны и неуязвимы. Кроме того, начинают раздражать и досаждают чеченцы со своими «акциями во имя Аллаха», в результате чего активизируются правоохранительные органы, а нам приходится лавировать и притормаживать свою деятельность. Надо охладить кое-какие горячие чеченские головы, а если получится – взять их сектор под свой контроль.

– Вряд ли получится, – проворчал Шериф, уже не раз сталкивающийся с хорошо организованной разведкой и системой безопасности чеченской группировки.

– Кое-что изменилось в лучшую сторону, – сверкнул зубами Георгий Георгиевич. – Контора, я имею в виду ФСБ, решила послать в Чечню группу перехвата для ликвидации боевиков, сделавших рейд по России и уничтоживших трех офицеров спецназа и известного писателя Кожемякина. Мы можем под этот шумок приговорить кое-кого из конкурентов как в «чистилище», так и в наркобизнесе.

– Кого именно? – любопытствовал Шериф.

– Все удачи «Стопкрима» – результат деятельности его секьюрити во главе с неким Тарасом Горшиным по кличке Граф. Его надо убрать в первую очередь. Ну а имена главных наших конкурентов из южной группировки вы и без меня знаете.

– И как же мы их достанем? – с иронией осведомился Мэр.

– Очень просто, – снова показал великолепные зубы президент «Купола». – Натравим на них «чистилище».

– Это несерьезно, – проворчал Банкир.

– Очень даже серьезно. Вот мой план. – И Георгий Георгиевич, он же Генрих Герхардович Ельшин, генерал ФСБ, развернул перед директорами план воздействия на мешающие структуры, подсказанный ему консультантом, о существовании которого знали лишь немногие люди на Земле.

* * *

Они редко собирались вместе, имея возможность установить друг с другом связь из любой точки земного шара, где бы кто из них ни находился. Однако все же случались ситуации, требующие общего обсуждения и принятия решения, и тогда координатор Союза Девяти Неизвестных собирал их в своей резиденции, в храме Гаутамы на Алтае, где он жил уже три сотни лет.

Люди, входящие в состав Союзов Неизвестных, при всех режимах и правительствах ухитрялись сохранять кресла советников президентов, помощников премьер-министров, приближенных царей и королей, экспертов людей власти разного калибра.

Эти люди являли собой реальные правительства стран, о существовании которых не догадывались даже такие специальные структуры, как федеральные агентства безопасности, внешняя разведка и контрразведка, имеющие высокопрофессиональные бюро анализа и сбора информации, если только в них не работали сами Неизвестные, что случалось частенько. Если же кто и начинал догадываться о теневой деятельности известных политических фигур, об ином порядке вещей, то в скором времени исчезал с властного горизонта, уходил в отставку, переводился на другую работу, а то и вообще «случайно» погибал в авто– или авиакатастрофе.

Кардиналы Союзов Неизвестных влияли на любые серьезные события в мире, хотя непосредственно в них и не участвовали. Они предпочитали управлять королями, царями и президентами, а не быть ими. Эти люди корректировали ход истории так, как считали нужным, и власть их была велика, хотя и ограничена в первую очередь – законами «запрещенной реальности», во вторую – иерархиями, выходами из этой самой реальности. И все же кардиналы Союзов

Неизвестных, Посвященные в тайны Внутреннего Круга человечества, так давно влияли на жизнь Земли, что стали считать себя едва ли не богами. Психика их изменилась (не без влияния просачиваний в наш мир «проекций» Монарха Тьмы, «отца» человечества, задумавшего новое Изменение), и вместо сохранения информации и контроля над опасными знаниями они стали контролировать бытие, социум, подгоняя его под свои вкусы и пристрастия. В результате войны на планете стали происходить все чаще, масштаб их вырос, а жестокость отдельных сражающихся сторон перешла все допустимые границы. Ибо все чаще начали сталкиваться интересы Союзов, вдруг почувствовавших тягу к абсолютной власти.

Не стал исключением среди них и Союз Девяти Неизвестных, допустивший распад империи СССР (тогда он был Союзом Семнадцати Неизвестных), а ныне правивший Россией. Входили в него уже упомянутый нами Рыков, координатор Союза Бабуу-Сэнгэ – настоятель храма Гаутамы, Головань – заместитель директора Международного института стратегических исследований, Мурашов – секретарь Совета безопасности, главный военный эксперт при правительстве, Юрьев – советник президента по национальной безопасности, Блохинцев – член-корреспондент Академии наук (проживал в Новосибирске), Носовой – начальник информслужбы президента, Грушин – директор Национального банка и отец Мефодий – помощник премьера по связям с религиозными конфессиями и Православной Церковью (жил в Ярославле).

Все они собрались в этот ясный майский вечер сначала во внутреннем дворе храма Гаутамы, олицетворявшем его третий уровень, недоступный даже монахам, а потом в келье настоятеля, оборудованной по последнему слову охранно-сигнализирующей техники.

Бабуу-Сэнгэ, удивительно похожий на будду, чьи скульптуры украшали все покои храма и сторожили четыре угла кельи, меднолицый, желтоглазый, бесстрастный, поднял руку с медальоном, на котором были выгравированы Конгокай и Тайдзокай-мандалы, сказал негромко, сразу переходя на метаязык:

– Начнем, братья. Собрал я вас по нескольким причинам, достаточно тревожным в отдельности. Начну с более мелких. Мне стало известно, что некие силы, заинтересованные в дестабилизации

социума, похитили из военной лаборатории образцы психотронного оружия под названиями «удав» и «пламя». Не стоило бы заострять на этом внимание, если бы не одно обстоятельство: в этом деле замешан кто-то из иерархов. Через посредника, естественно, коим является генерал Федеральной службы безопасности Ельшин. Вам что-нибудь известно об этом, Герман Довлатович? – Взгляд Бабуу-Сэнгэ нашел Рыкова.

– Известно, координатор, – склонил голову Рыков. – Я занимаюсь этим делом и готов предотвратить готовящуюся сделку. Являясь боссом «Купола», который давно следовало бы взять под свой полный контроль, Ельшин намерен продать зарубежным покупателям не только партию похищенного оружия, но и технологию его изготовления, что, по вполне понятным причинам, недопустимо.

– Хорошо, что вы это понимаете. Главная опасность при этом – возможность прямого зомбирования людей, особенно если «глушаки» и «болевики» попадут к вождям варварских режимов типа Чечни, Афганистана и некоторых африканских стран. Вторая причина созыва – поиск Знаний Бездн непосвященным по имени Матвей Соболев. Неизвестно каким образом он овладел трансовым перемещением сознания по мировой линии предков в прошлое и «колеблет» мироздание, и так не вполне устойчивое. Кто займется перевоспитанием непосвященного?

– Если позволите – я, координатор, – учтиво проговорил Рыков.

– У вас достаточно своих проблем, Герман Довлатович. Может быть, это сделаете вы, Юрий Венедиктович?

Советник президента коротко поклонился, бросив на Рыкова ничего не выражающий взгляд. Но Герман Довлатович понял настоятеля. Именно Юрьева готовил Бабуу-Сэнгэ себе в преемники, а этого допустить Рыков не мог.

– И третье, особенно тревожное. Братья, как авеша адепта, я посвящен в кое-какие дела «розы реальностей» и получил оттуда странный слух.

– Слух?! – недоуменно проговорил кто-то в тишине кельи.

– Иначе назвать эту информацию нельзя, потому что ее невозможно проверить. Там, наверху, растет недовольство деятельностью инфарха, якобы покровительствующего простому смертному из нашей реальности...

– Это мы знаем, – раздался тот же голос, принадлежащий самому нетерпеливому из кардиналов – Блохинцеву. – Это не слух, я имею в виду недовольство.

– Вы не дослушали, – мягко пожурил его настоятель. – Слух же заключается в том, что якобы произошло изменение.

В келье наступила полная тишина. Затем раздался шорох одежды присутствующих и снова – тишина.

– У них? – задал вопрос Головань. – Где произошло изменение?

– У нас!

Слово прозвучало как пощечина, и после него тишина длилась дольше.

– Чушь! – сердито сказал Блохинцев. – Мы бы почувствовали.

– И все же прошу вас проанализировать сказанное, – бесстрастно сказал Бабуу-Сэнгэ. – Что-то действительно произошло, какое-то значительное событие, не замеченное нашим сознанием, и есть основание полагать, что слух этот – данность! Ведь исчез же из часовни на территории Троице-Сергиевой лавры эйнсоф...

Взгляды восьми кардиналов красноречиво говорили об их изумлении и недоверии, и координатор Союза добавил задумчиво:

– Такое впечатление, что в нашей реальности появилась сила, с которой придется считаться...

После совещания Рыков отозвал во дворе храма в сторонку Юрьева и сказал без обиняков:

– Юрий Венедиктович, отдай мне Соболева. Я давно за ним наблюдаю, это ганфайтер из военной контрразведки, и он мне был нужен для замены одного комиссара в «чистилище». Я поработаю с ним и, если не склоню к сотрудничеству, верну обратно.

– Бабуу не одобрит эту передачу, – хмыкнул советник президента, плотно сбитый, с породистым крупным лицом, с длинными волосами. – А кого ты хочешь убрать, уж не Графа ли?

Рыков растянул в улыбке бледные губы, не удивляясь осведомленности Юрьева. Каждый из них имел свою систему разведки и сбора данных, и каждый защищал свои интересы, что не мешало кардиналам, в официальной жизни страны стоящим по разные стороны баррикад, делать общее дело.

– Ну так как?

– Действуй, – пожал плечами Юрьев. – Но в обмен сообщи, когда найдешь «глушаки», и отложи для меня парочку. Коль уж не повезло найти нечто подобное среди Великих Вещей Инсектов, пусть хоть эти штучки будут в нашем арсенале.

Рыков кивнул, не рискуя ничем. Он не собирался выполнять обещание, данное обреченному человеку.

Глава 6

НОВЫЕ «СТАРЫЕ» ВСТРЕЧИ

Не секрет, что акулы никогда не болеют. Не секрет – почему не болеют: потому что владеют эндогенным дыханием. Акула использует в основном кислород, вырабатываемый клетками ее же собственного тела.

Матвей давно научился «акульему дыханию», еще в студенческие годы приобретя для этого тренажер Фролова, в нынешнее же время каждое утро по полчаса дышал «как акула», что вошло в норму и заряжало тело энергией чуть ли не на весь день.

В девять ему позвонил сам начальник «Смерша» и велел явиться к обеду на «объект номер два», что означало конспиративную квартиру, снимаемую Ивакиным. Но до того, как отправиться на встречу с начальством, Матвею пришлось разбираться с соседкой, сына которой избili местные дворовые хулиганы.

Парню досталось крепко: сломали челюсть, пробили голову, наставили кровоподтеков по всему телу. И все из-за того, что не дал закурить. Знал он и тех, кто его бил, поэтому в милицию заявлять не стал, боялся, что убьют или напугают мать.

Матвей узнал эту историю случайно, от соседа по лестничной площадке, пенсионера, зашедшего за спичками. Сначала пропустил информацию мимо ушей, а потом, встретив заплаканную, тихую, как мышка, седенькую, хотя и молодую еще женщину, пожалел вдруг, разговорился, едва не испугав соседку, привыкшую переносить горе и лишения самостоятельно, без мужа, и решил помочь. Побеседовал с сыном, которого звали Алексеем, выяснил обстоятельства драки и твердо пообещал, что никто никогда его больше и пальцем не тронет.

Зачинщиков драки он вычислил легко: компания с утра тусовалась возле пивного бара напротив дома, где жили Соболев и мать с ее незадачливым сыном. Матвей подошел и вежливо проговорил, обращаясь сразу ко всем:

– Привет, фраера. Запомните твердо и на всю жизнь: пить – вредно! Буянить – некрасиво! Задирать прохожих, а тем более избивать их – особо опасно для жизни! Как поняли?

Обалдевшие «фраера» с пивными кружками в руках вытаращились на незнакомца, чьи глаза светились ледяной синью, как небо над Северным полюсом. Наконец главарь шайки, широкий, как комод, чуть пониже Соболева, но шире в талии, с мощным животом и руками-лопатами, прохрипел:

– Бля, кажись, крыша поехала у мудака! Чума, выясни, чо ему надо, да врежь по еб...у!

Мосластый Чума с гривой нечесаных волос шагнул к Матвею и остановился, споткнувшись, поймав его отрешенно-независимый, отталкивающий взгляд.

– Эй, тебе чего надо, сопля х...ва?

«Там, где начинается свобода слова, свобода мысли заканчивается», – вспомнил Матвей изречение Максимилиана Волошина.

– Я знаю, что это вы вчера избили парня из двенадцатой квартиры, Алексея. Знаю также, что брат этого косопузого мордоворота, твоего атамана, работает в милиции, оттого он и не боится ничего. А хочу я одного – чтобы вы уяснили закон: все, что вы сделаете, вернется вам вдвойне.

Чума нерешительно обернулся к битюгу-атаману, и тот наконец понял, что ему угрожают. Сделал вразвалочку два шага к Соболеву, замахнулся кружкой, облив своих приятелей, и Матвей дружески помог ему мягко сесть на бордюр тротуара с выражением тупого изумления на лице.

Прохожие, опасливо обходившие пивохлебов, не заметили ни удара, ни вообще какого-либо движения Матвея, как, впрочем, и вся компания. Однако соображали любители повеселиться быстро, тем более что Матвей одновременно с усыпляющим касанием передал атаману и всей его пятерке кодирующий раппорт, воспринятый ими на подсознательном уровне, не затуманенном алкоголем в отличие от сознания. С этого момента их должна была коробить, угнетать одна только мысль о нанесении вреда мирным гражданам.

Убедившись, что мыслепередача принята компанией вполне лапидарно, Матвей перестал ею интересоваться и исчез – для всех медленно приходящих в себя «адептов пива и зрелищ». Для них он как бы перестал существовать.

В двенадцать часов дня Соболев был на квартире у Ивакина, где его ждали руководители военной контрразведки, полковник и генерал. Оба не услышали, как он вошел, и теперь с одинаковым выражением недоверия на лицах взирали на возникшего в комнате ганфайтера. Первым опомнился Дикой:

– Это и есть ваш агент класса «абсолют», Борис Иванович? Впечатляет, надо признаться. Или вы отключили сигнализацию?

– Ничего я не отключал, – встал из-за стола Ивакин. – Просто он обучен таким трюкам – проникать в любое помещение с любой системой охраны.

Генерал хмыкнул, тоже встал, разглядывая худощавое, спокойное, исключительно уравновешенное лицо Соболева. Шагнул к нему с протянутой для пожатия рукой и вдруг без подготовки нанес серию резких, быстрых ударов в стиле пангай-нун: кулак левой руки – локоть – обратное движение – хлесткий удар тыльной стороной ладони – ребро правой руки – локоть. Такая серия обычно приводит противника в растерянность, и добить его можно любым силовым тычком в одну из уязвимых точек тела. Однако ни один удар Валентина Анатольевича не прошел, даже не коснулся контрразведчика, хотя он, как казалось со стороны, не двинулся с места.

– Эффектно, – снова проговорил Дикой, с улыбкой поднимая руки вверх. – Все, проверка окончена. Прошу извинить, капитан. Но когда мне говорят: агент класса «супер» или «абсолют», – я начинаю сомневаться даже в себе. Теперь вижу, что Борис Иванович прав. Но все же позволю вопрос: откуда у вас информация по «Щиту» и Ельшину?

– Если я скажу правду, – выдержал взгляд генерала Матвей, – вы не поверите. Проанализируйте данные и придете к выводу полной логичности предпосылок.

– Уже проанализировал, – вздохнул Дикой, жестом предлагая Матвею занять место за столом. – Но вы же понимаете, что, если мы пойдем дальше, нас просто сомнут. Первухин тоже замазан в этом дерьме?

– Начальник УСО – профессионал и делает то, что ему приказывают. Но с Ельшиным в паре он работает только по операции «Перехват».

– Гора с плеч! А Панов... э-э... знает о втором дне Генриха Герхардовича? О «Куполе»?

– Не знает. Он просто пытается быть над проблемой, однако приказы премьера сводят на нет все его благие намерения. В наше время почти каждый политик, депутат Госдумы, представляет собой систему, имеющую собственную базу, финансовую поддержку, «крышу», связи с мафией, что уж тогда говорить о таких мощных фигурах, как премьер-министр, президент, министры обороны, МВД, финансов. И тем не менее в стране образовались коалиции, конкурирующие сверхсистемы, претендующие на абсолютную власть.

– Ну-ну, – благожелательно кивнул Дикой, видя, что Матвей замолчал, в то время как тот думал, посвящать ли генерала в разборки, из которых он наверняка не выйдет живым. Однако, помня прошлые события, Матвей не мог не предупредить начальника ВКР об опасности, хотя и не верил в его возможности изменить ни события в стране, ни свою собственную судьбу.

– Недавно я сделал один статистический анализ, – сказал Матвей, – для своих нужд. Статистика становится опасной наукой, ибо действительно знает все.

Ивакин и Дикой переглянулись, не понимая, к чему клонит контрразведчик.

– И вот мои наблюдения, – продолжал Матвей, не обращая внимания на взгляды. – Ситуация у нас в стране и за рубежом складывается весьма неблагоприятная, начались явные дисбалансирующие социум процессы. Все больше производится оружия, причем появляются новые виды, более страшные, воздействующие на психику и подсознание человека, – «глушаки», «болевики», гипногенераторы «оборотень» в США. Сдерживающие рычаги этого процесса явно ослабли. Далее. Совершается все больше преступлений с особой жестокостью, и особенно – террористических актов. В мире все больше умирает людей, рост смертности особенно заметен у нас в России и в Китае, там цифры более впечатляющи из-за огромности населения. Все больше регистрируется голодных, умирающих от эпидемий, да и количество болезней увеличивается, особенно в области психопатологии. Стремительно растет число наркоманов, идет разработка новых видов наркотиков, в том числе и в системе видеопроката – так называемые «эйдетические клипы

виртуальной реальности». Вы должны знать о работе военных лабораторий в этом направлении. Как и о положительных результатах исследований по зомбированию людей.

Полковник и генерал снова переглянулись.

– А самое плохое, – закончил ровным голосом Матвей, – что, судя по результатам опросов МИСИ^[5], в мире все больше появляется людей равнодушных, готовых на все или отрицающих всякую добродетель, всякую мораль. Это лучший материал для зомбирования в массовом порядке, что можно использовать для достижения любого уровня власти.

– К чему вы клоните, капитан? – тихо спросил Дикой.

– Делайте выводы, – сочувственно глянул на него Матвей. – Я свои сделал. Чеченская армия свободы, с которой мы столкнулись, всего лишь результат прежних экспериментов по зомбированию людей, начатых еще во времена КГБ с «Белым братством», другими религиозными и общественными движениями. Наши вожди надеялись, что секретность разработок позволяет им действовать безнаказанно и только для своей пользы, но это заблуждение. Технологией психотронного воздействия на людей не может завладеть рядовой человек, но специально подготовленный и знающий – может. Что и происходит.

Матвей замолчал, и некоторое время в комнате стояла тишина. Ивакин помял подбородок, покосился на задумавшегося Валентина Анатольевича. Тот потрянул головой.

– И все же я пока не улавливаю...

– Хочу вас предупредить еще и вот о чем, – добавил Матвей. – Генерал Ельшин и сам игрок неслабый, но он опирается на гораздо более мощную фигуру, которую я назвал бы Монархом Тьмы.

– Кто же это? – поднял брови Дикой. – Министр обороны? Премьер? Сам президент?

– Нет, – качнул головой Матвей. – Эти фигуры организуют наш, земной, властный уровень, но существуют и другие уровни, возможности которых намного выше.

– Неземные, что ли? – с иронией пробурчал Ивакин, не ожидавший от подчиненного подобных философских речей и не знавший, как отнесется к ним генерал.

– Неземной, – серьезно посмотрел на него Матвей. – Я мог бы кое-что рассказать вам о том, с чем и с кем вы столкнетесь, но вы не подготовлены и не поверите, а мистиком и фантазером в ваших глазах я выглядеть не хочу.

– А вы попробуйте, капитан.

– Нет, – твердо сказал Матвей. – Не сегодня, во всяком случае. Я могу быть свободен?

Дикой кивнул, потом спохватился, когда Матвей вышел в прихожую, догнал его у двери.

– Вы заинтриговали меня, капитан... э-э... Соболев. Напустили мистического тумана, сделали совершенно двусмысленные намеки... Откуда у вас эти знания? В какие тайны вы посвящены и кем?

– Когда-нибудь узнаете, генерал, – улыбнулся Матвей и процитировал:

Как будто сам Бог у меня за спиною
(Треножник из бронзы украсила вязь),
Он водит моею дрожащей рукою,
Небес и земли повелитель и князь.

– Чье это? – сощурился Валентин Анатольевич.

– Мишель Нострадамус, Центурия I.

– Постойте еще секунду, капитан. Если мы... если я пойду дальше и возникнет необходимость перехвата высокопоставленных лиц...

– Я военный человек, – вспомнил Матвей слова Васи Балужева, – я выполняю приказ.

Оставив переполненных эмоциями начальников обсуждать услышанное, он поехал к Илье Шимуку по кличке Муромец. Приближался момент, когда к нему должны были заявиться рэкетеры Дадоева с требованием платы за «крышу». Илью надо было предупредить и уберечь. На том этапе жизни, который прошел Соболев, Муромца убили. В этой жизни Матвей поклялся его спасти.

Однако автомастерская Ильи оказалась закрытой. Предчувствуя недоброе, Матвей расспросил двух водителей, имевших поблизости гаражи, и выяснил, что на владельца мастерской «наехала» местная

«братва», в результате чего Илья оказался в больнице с простреленным плечом.

Задавив порыв сразу броситься в больницу к Муромцу, Матвей присел на ящик возле ворот гаража и задумался. Он отлично помнил все даты в прошлой жизни, когда происходили те или иные события. Дадоевцы не должны были появиться у Ильи так рано, а если это произошло, значит, сценарий нынешней событийной ветви развивается почему-то иными темпами, значит, процесс ускоряется и действовать надо быстрее, как и предупреждала Светлана в недавнем сне. Значит, его возврат в прошлое с помощью эйнсофа имеет и другую цену: начался процесс еще большего ослабления Закона возмездия, частного случая Закона обратной связи.

Анализ социума...

«Проанализируйте, – сказала Светлана, – и вы поймете...»

Нужны подтверждения независимых экспертов. Он сам слишком сильно влияет на события, заставляя их происходить быстрее и другим путем. Вселенная помнит свое будущее и как бы сопротивляется попыткам изменить его, кто бы этим ни занимался. Стоит ему задеть какой-то объект своим вниманием, и тот начинает эволюционировать в ускоренном темпе, как бы стремясь избавиться от опеки, повторить путь, уже пройденный им однажды, восстановить свою карму...

Или это не так, все проще? Скажем, время в «розе реальностей» течет по-другому, и живущие там почти независимы от тех, кто «шевелится» в «запрещенной реальности», даже если они изменяют течение бытия? Тогда иерархи могут знать, что произошло, и продолжают влиять на события земной жизни...

Матвей обошел гараж Ильи, всматриваясь в землю, кусты и траву, подобрал маленький черный с золотом значок – свастику с глазком по центру, спрятал в карман. Несомненно, значок потеряли впопыхах боевики Дадоева. Но два года назад – Матвей помнил это совершенно отчетливо – бандиты Дадоева не носили значки в виде свастики. Им хватало татуировки на руках.

Через полчаса Матвей навестил Илью, завез ему гору фруктов, кефир, молоко, кучу разнообразных йогуртов, зная его пристрастие, поговорил с другом, успокаивая и подбадривая, и уехал, немного успокоенный. По словам Муромца, все происходило так же, как и в первый раз, за исключением одной существенной детали: рэкетиры

пришли не предупреждать о своих намерениях брать дань с владельца мастерской, а совсем по другой причине. С неделю назад в «семерку» Илья на полном ходу врезался, будучи в сильном подпитии, лично Дадоев на своем «Фольксвагене». Угробил машины, конечно, начисто, и свою, и чужую. А когда Илья приехал в ГАИ как потерпевший, чтобы составить протокол и получить компенсацию от обидчика, там ему популярно объяснили, что искать правду не стоит, а если он полезет на уважаемого гражданина, то окажется виновником столкновения со всеми вытекающими последствиями.

Илья, естественно, не внял наглому предупреждению, сам нашел обидчика, вежливо предложил разойтись по-доброму, то есть заплатить за причиненный ущерб. Дадоев так же вежливо пообещал, а потом к Илье и заявились его крутые мальчишки-лакеи...

– Очень нехорошо все это пахнет, – сказал сам себе Матвей, вслух говоря Илье ободряющие слова.

И все же, пока Илья находился в больнице, у Соболева был некоторый запас времени на изменение предложенного ему сценария событий. Следовало срочно собирать команду Посвященных, еще не знавших, что ждет их впереди.

* * *

После обеда Матвей поехал к Казанскому вокзалу, на Ольховскую, 5 а, квартира 42, где проживала бабушка Мария Денисовна с внуком Стасом.

За два истекших года прежней жизни парень стал Соболеву почти сыном, и встречи этой он сам ждал с нетерпением и волнением, не зная, как воспримет мальчишка появление чужого дяди. Хотя легенду Матвей приготовил заранее: мол, знаком с отцом (кстати, отсидживающим срок в колонии за воровство).

Дверь открыла старушка, ничуть не изменившаяся с того момента, когда Матвей познакомился с ней впервые. Впрочем, она и не могла измениться, до этого момента Соболев для нее не существовал, и никаких крутых поворотов судьбы она не ждала. Чем-то она напоминала бабушку Кристины, такую же сухонькую, светленькую, с добрым морщинистым лицом и прозрачными мудрыми глазами.

– Вам кого, мил-человек?

– Вас, Мария Денисовна, – стесненно проговорил Матвей. – Я знаком с отцом Стаса и приехал вас навестить. Передачу вот принес. – Он вытянул вперед руку с пластиковой сумкой, набитой продуктами. – А Стас дома?

– Уроки делает. Да вы заходите, – засуетилась старушка, впуская гостя. – Снимайте обувь, вот тапки, и проходите. – Спыхватилась: – Ой, зовут-то вас как?

– Матвей Соболев... э-э... Матвей Никифорович.

Матвей прошел в чистую и светлую гостиную со старинной мебелью, стареньким телевизором «Горизонт» в углу на табурете. Стас сидел за столом у окна с карандашом в руке и исподлобья смотрел на вошедшего. Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга. У Матвея вдруг перехватило дыхание, сердце дало сбой, повлажнили глаза. Видимо, мальчик уловил его состояние, хотя и не понял, чем оно вызвано. Глаза его стали большими, вопрошающе-жадущими и одновременно испуганными. Матвею захотелось броситься к нему, прижать вихрастую голову к груди и заплакать. Проглотив ком в горле, он шагнул вперед, к столу, вбирая глазами лицо парня, чей образ снился ему чуть ли не каждую ночь после возвращения из той жизни.

– Стас... – Голос дрогнул, и Матвей повторил чуть тише и с улыбкой: – Стас, если бы ты знал, как я ждал этой встречи...

Мальчишка сполз со стула и стоял теперь, опираясь на здоровую ногу, недоверчиво глядя на незнакомого дядю, явно взволнованного встречей. И тогда Матвей добавил, продолжая улыбаться через силу:

– А ногу твою мы вылечим. Скоро. Веришь? Я знаю одного хирурга, замечательный мужик! Будешь бегать и прыгать.

– Правда?! – Глаза мальчишки распахнулись еще больше, и плавилась в них такая боль и надежда, что сердце Матвея снова дало сбой.

Он опустился перед ним на колени, поражаясь самому себе – такого с ним никогда не было! – и обнял вдруг подавленное к нему худенькое тело. Мария Денисовна появилась на пороге, блестя сухими глазами, и смотрела на гостя странно, с пониманием и верой, будто знала что-то, чего знать не могла.

Потом они пили чай на кухне, болтали о том о сем. Стас, придя в себя, развеселившись, отчего его худое, остренькое, серьезное лицо

совершенно преобразилось, рассказывал им разные школьные истории. Мария Денисовна поделилась с гостем своими житейскими проблемами, а Матвей слушал и ощущал себя как дома, почти как в прежние времена. Только грызла душу память о прошедшем да тревога за судьбу близких людей, которым соприкосновение с «волкодавом»-перехватчиком грозило непредсказуемыми последствиями.

Уходя, Матвей подарил Стасу складной нож, мечту каждого двенадцатилетнего мальчишки, чем окончательно завоевал его сердце, истосковавшееся по вниманию и мужской ласке.

В Рязань Матвей выехал в начале пятого дня, взяв с собой лишь комплект одежды для смены и переодевания. Проехал Бронницы, Никитское, а у Андреевки пришлось свернуть с трассы на объездную грунтовую дорогу из-за ремонта шоссе. И тут Матвею впервые пришлось столкнуться с так называемым «мостовым рэкетом».

Перед мостом через небольшую речку с двух сторон были установлены шлагбаумы, и рослые молодцы в темно-зеленом хэбэшном обмундировании пропускали машины через мост только после оплаты водителями строго отмеренной таксы: один человек в машине (невзирая на пол, возраст и профессию) – пять тысяч рублей.

Матвей сначала не понял, почему у моста выстроилась очередь автомашин, ситуацию прояснил водитель впереди стоящего грузового «ЗИЛа».

– Местный рэкет. Объявили мост частным владением и берут мзду с каждого проезжающего. А мосту сто лет в обед, еще коммунисты строили. Куда только милиция смотрит?

Матвей знал, куда смотрит милиция, получавшая от государства гроши и потому не только научившаяся брать недостающее у бандитов, но и отрабатывать свои тридцать сребреников.

– Представляешь, сколько здесь проезжает машин за день? – продолжал пожилой шофер, зло сплюнув в пыль.

Матвей представлял.

– И ремонт шоссе – тоже их придумка, наверно, – добавил шофер, чье темное худое лицо явно не говорило о семейном достатке. – А если приходится мотаться туда-сюда сорок раз на дню?

Матвей прикинул, во что мужику обходится езда по «частному» мосту, сел в кабину.

– Пропусти-ка меня вперед, может, и не придется платить.

Подъехав к пикету – трое здоровенных лбов, вооруженных дубинками, небрежно регулировали движение, то опуская, то поднимая полосатый шлагбаум, – Матвей вылез из машины и вместо того, чтобы отдать деньги в протянутую руку, легонько коснулся ладони подушечками пальцев. «Таможенник» с тяжелым, набрякшим лицом мгновенно окосел, и Матвей тихо спросил, глядя в его побелевшие глазки-буравчики:

– Кто здесь командует парадом?

– Секач, – просипел парень, кивая на мордovorота у шлагбаума, разговаривающего по мобильному телефону с видом босса всея округи.

Покрутив головой, – надо же, и сюда пришла цивилизация в виде сотовой связи! – Матвей подошел к здоровяку, коснулся его шеи пальцами и сказал, подхватывая под руку, чтобы тот не упал:

– Снимай свои наряды и кончай эту самодеятельность. С этого дня здесь устанавливается свободная неэкономическая зона. Понял?

Третий «таможенник», поигрывающий дубинкой, почувствовал что-то неладное, двинулся к Матвею, лапая рукой что-то под курткой слева, где у него, очевидно, был спрятан пистолет, и Соболеву пришлось напрячься, чтобы передать ему раппорт на расстоянии, внушая мысль бросить эту работу к чертовой матери и наняться в село трактористом.

– Мне босс голову открутит, – вяло пробубнил могучий телом Секач. – Кто приказал снять рогатку? Менты?

– «Чистилище», – сказал Матвей, загоняя в сознание бугая страх расплаты. – Объясни боссу популярно, что его здоровье под ба-альшим сомнением. Командуй. – Соболев похлопал сомлевшего окончательно «командира поста» по плечу и сказал знакомому шоферу «ЗИЛа», глядевшему на него вытаращенными глазами: – Таможня дает «добро». Можешь теперь ездить свободно.

Вскоре мост с его «охранниками» остался позади, и Матвей забыл об инциденте, сосредоточившись на будущих встречах с Посвященными. Сначала он решил было навестить Ивана Терентьевича Парамонова, по расчету, недавно прибывшего в Рязань, но потом вспомнил прощальный взгляд Ульяны, когда они прорывались с боем к надкладезной часовне Троице-Сергиевой лавры, сердце защемило, и Матвей свернул при въезде в Рязань не направо,

где жили родственники Парамонова, а налево, в новый микрорайон, где у тетки жила Ульяна Митина, студентка третьего курса медицинского института и она же – Посвященная I ступени Внутреннего Круга, еще не ведавшая, с кем ей придется познакомиться.

Глава 7

«ЛЕТУЧИЕ МЫШИ»

Их доставили в дагестанский городок Кизил-Юрт военным транспортником ночью, в обстановке полной секретности. Кого везет, не знал даже командир самолета, привыкший, впрочем, к подобного рода «черным полетам».

Здесь к ним присоединились двое: проводник-чеченец, отзывающийся только на слово «брат», и человек полковника Дерюгина, возглавлявшего местное отделение ФСБ. Человек был инструктором, хорошо знавшим условия работы и местные обычаи, и оказался женщиной. Семеро перехватчиков, подчинявшихся майору Ибрагимову, устроившихся в каком-то бараке на краю летного поля, молча смотрели на высокую брюнетку в камуфляж-комбинезоне, также молча разглядывающую их.

– Кажется, нам повезло, Кир, – ухмыльнулся его напарник по имени Тамерлан; с другой стороны, это могла быть и кличка, Василий этих своих спутников знал мало. – Будет с кем погреться ночью.

– Сопляк, – был негромкий ответ инструктора, – поживешь здесь с полгода, тогда и решим, стоит ли с тобой греться.

Смуглолицый, красивый, сильный Тамерлан растянул в улыбке губы, собираясь продолжать в том же духе, но встретил предупреждающий взгляд Ибрагимова и промолчал, хотя было видно, что он привык считать себя независимым и неуязвимым.

Эта пара – Кир и Тамерлан – нравилась Василию меньше всего, потому что они были из «Стикса», суперсекретного подразделения киллхантеров, «охотников за охотниками», которым командовал майор Ибрагимов. В принципе и сам майор был малосимпатичен Балуеву, и второй человек в отряде – майор Шмель по кличке Белый. Лишь приданные отряду генералом Первухиным парни из особой группы «летучих мышей», специалистов по ликвидации перебежчиков и первостепенной важности операциям за рубежом, не производили на Василия отталкивающего впечатления. Звали ребят, в меру накачанных, но жилистых, гибко-стремительных и бесшумных, Павел и Серый, то есть Сергей, но отзывались они и на клички – Шерхан и

Маугли. Рыжеватый Шерхан-Паша действительно чем-то походил на сытого тигра, а Маугли-Серый – на вечно голодного, черноволосого, остролицего сына джунглей Маугли, каким его описал Киплинг.

Когда инструктор закончила свой долгий часовой рассказ, ответила на вопросы и вышла, Ибрагимов наставил на скучающего Тамерлана палец и с тихим нажимом сказал:

– Она не женщина, парень! Понял? Никаких телодвижений и даже намеков. Она действительно прожила в Чечне три года, будучи разведчиком, перенесла гибель семьи и на шутки реагирует по-своему. Один такой шутник отделался как-то сотрясением мозга, но запросто мог потерять яйца.

– Не пугай, майор, – скривил губы Тамерлан. – Уж с бабой-то я справлюсь, какой бы крутой она ни была. Опыт имеется.

– Она – «барс», – усмехнулся Шмель. – И владеет всеми видами оружия, а особенно – колющим и режущим. Так что не увлекайся, сержант.

– Завязали разговоры, – поднял руку вверх Ибрагимов. – Через час вылетаем к месту назначения. Проверить еще раз экипировку и отдыхать.

В свое время Василия всегда перед заданием (он служил тогда в разведроте внутренних войск) смешила фраза командира роты «проверить экипировку», хотя все были людьми взрослыми и должны были собираться в рейд серьезно и основательно. Но когда один из разведчиков забыл о взведенном пистолете и во время выполнения задания неожиданно выстрелил, в результате чего был убит часовым, Вася перестал относиться к приказу «проверить» свысока. В данный момент он безропотно принялся осматривать снаряжение, оружие, одежду, отметив боковым зрением, что красавчик Тамерлан делать этого не стал.

Каждый из них был одет в отечественную «кольчугу» – современный спецкостюм из особого материала – тальпона, не пробиваемого ножом, с меняющимся рисунком темных пятен на зеленовато-буром фоне. В костюме были вшиты бронепластины из кевлара, защищавшие грудь и спину. Кроме того, в комплект костюма входили боевой жилет и шлем из прочного пластика, с инфракрасными очками, в который были вмонтированы микрофон и наушник рации, обеспечивающей постоянную связь с командиром. Боевой жилет в

среде военных профи боя носил название «лифчик» и был настолько удобен, что даже с довольно солидным грузом (до сорока пяти килограммов) не мешал солдату свободно двигаться, стрелять из всех видов оружия и драться врукопашную. В карманах жилета, на груди и на спине, размещались не только автоматные рожки с патронами, но и сигнальные ракеты, гранаты, комплект химзащиты, аптечка, НЗ, радиостанция «аварийной волны» – то есть маяк, химические грелки, толовая шашка, лопата, продукты питания, бритва, комплект выживания и личной гигиены, мазь от насекомых и мазь, сбивающая со следа собак.

Вася уже работал в подобных костюмах с жилетами, разработанными как российскими специалистами и носящими название «бармица-1» и «бармица-2», так и с иностранными «силзами», но в данный поход ничего иностранного брать было нельзя, в случае провала группы след должен был вести в Москву, в штаб «Стопкрима», поэтому снаряжение бойцов команды было, за редким исключением, сплошь российским, вплоть до оружия.

Вооружены все были пистолетами-пулеметами бесшумного боя «клин» и «кедр» с магазинами на тридцать патронов, очень удобными в ношении, пистолетами «волк», обладающими точностью боя и огромной пробивной способностью (пули «волка» пробивают кирпичные стены и стволы вековых дубов), с магазинами на двадцать четыре патрона и глушителями, а также кинжалами и ножами знаменитой американской фирмы «Бакмастер». Кроме того, двое из группы, майор Ибрагимов и Тамерлан, имели снайперские винтовки «маузер СР-86» калибра 7,62 миллиметра с магазином на девять патронов, майор Шмель нес «винторез» – бесшумный снайперский комплекс и гранатомет «РГ-6» револьверного типа, а у спутника смуглолицего Тамерлана – Кира был еще и пистолет-арбалет «умарекс».

Однако ни один из них, кроме Балужева, не пользовался метательными стрелками и звездами, сякэнами и сюрикэнами, и специальными когтистыми перчатками нэкодэ. Кроме того, Василий взял с собой еще и комплект Н-1 («ниндзя»), в который входили черный спецкостюм, закрывающий все тело и голову, наборы гладких и колючих шариков, ножей, игл, бечева и светозвуковые гранаты размером с грецкий орех.

Правда, Вася не знал, что Ибрагимов вооружен еще и секретными «глушаком» и «болевиком», получив задание испытать их в боевых условиях.

Тщательно проверив оружие и крепление всех деталей «кольчуги», свободу движений и удобство одежды, Василий сел в уголке помещения между шкафом и стеллажом с какими-то пакетами, закрыл глаза и сосредоточился на медленном дыхании, заставляя мысли лениво течь от ассоциации к ассоциации, не анализируя своего отношения к происходящему.

Предупреждение своего нового знакомого Матвея Соболева он принял к сведению, но не придавал ему особого значения. Не знал он и как относиться к рассказу ганфайтера из «Смерша», хотя и поверил ему почти во всем. Во всяком случае, пакет информации о приемах смертельного касания – космек и ТУК – туфтой не был, в этом Вася уже убедился. Но чтобы полностью овладеть этой техникой, нужно было время и особое отношение к жизни, основанное на философии Дао или на эзотерических принципах Внутреннего Круга. Все это остро интересовало Балуюева, и он дал себе слово после возвращения заняться эзотерикой всерьез.

Мысли свернули в другое русло. Задание...

Задание звучало просто: отыскать на территории Республики Ичкерия убийц и уничтожить, подбросив «неопровержимые» следы того, что здесь действовал российский отряд «чистилища». Но Вася знал, как трудно это будет сделать, даже зная координаты местонахождения каждого боевика и имея поддержку местного отделения ФСБ.

По сути, им предстояло провести три операции, так как семеро вычисленных военной контрразведкой и следователями УСО ФСБ террористов из Чеченской армии свободы проживали в разных местах: четверо на базе ЧАС под Гудермесом, двое в горах, в небольшом селении Кали-Юрт (афганский инструктор и наемник-советник из Эстонии), и один – сам командир отряда Амирбек Шароев – в собственном доме в Грозном. О перемещениях указанных лиц сразу становилось известно Ибрагимову, так как он держал связь с подразделением, обеспечивающим наведение команды на цель посредством специальной рации через военные спутники связи. Если бы что-то изменилось, их бы сразу предупредили. Но пока все шло по

плану, первой акцией «воздания справедливости» было нападение на базу ЧАС и ликвидация четверых убийц: Джамала Гапурова, Имрана Абдулмуслима, Романа Купчика и Николая Мухина, бандита-рецидивиста по кличке Муха, находившегося в общероссийском розыске еще с девяносто пятого года.

Во втором часу ночи послышался приближающийся стрекот вертолета, который сел где-то неподалеку. Через несколько минут послышались голоса, и в барак вошли двое: летчик в шлеме и черном комбинезоне без знаков различия и женщина-инструктор. Ибрагимов поднял группу. Один за другим они вышли в ночь, молча погрузились в вертолет, и тот взлетел, не зажигая опознавательных огней, держа курс на юг, к Чечне.

Через час выгрузились в ущелье, заросшем колючим кустарником, диким виноградом и черной ольхой. Вертолет сразу улетел, стало тихо, и все невольно обратились в слух, замерли, сжимая оружие в руках, пока проводники не напомнили о себе.

– Пошли, – скомандовал Ибрагимов, и отряд бесшумно зарысил за проводниками, вытягиваясь в цепочку: впереди командир, позади всех майор Шмель. До базы ЧАС от места высадки им предстояло преодолеть около двенадцати километров.

* * *

Добрались точно по расписанию – к половине четвертого ночи. Ночь была безлунная, но проводники хорошо ориентировались на местности, знали окрестности Гудермеса как свои пять пальцев и провели группу как по ниточке, не наткнувшись ни на человека, ни на зверя.

Описание базы ЧАС все перехватчики выучили назубок, поэтому не тратили времени на разведку и на изучение местности. База представляла собой старый глиняный карьер диаметром в два километра, поверху обнесенный колючей проволокой, имеющий всего один въезд, он же и выезд, охраняемый двумя вышками с пулеметами и прожекторами. В карьере были оборудованы тир, полоса препятствий, построены казармы, хозблок и столовая, а также клуб – нечто вроде офицерского казино, регулярно снабжавшегося

проститутками, в которые иногда попадали и женщины, похищенные боевиками в Дагестане, Ставрополье или в родной Ичкерии. Кроме этих одноэтажных строений лагерь имел два туалета и подземный винный склад. На вооружении же у «солдат армии свободы» имелись два танка, четыре БТРа, радиостанция и три десятка ручных зенитно-ракетных комплексов типа «гарпун», то ли украденных когда-то, то ли купленных боевиками во время войны у шустрых российских полководцев. Комплексы предназначались для уничтожения вертолетов и любой другой летающей техники, если таковая появлялась вблизи расположения базы.

Стрелковым же оружием ЧАС была обеспечена под завязку, в том числе и сверхсовременным западного и российского производства. Нормальному человеку в голову бы не пришло штурмовать лагерь, хорошо укрепленный и охраняемый не хуже других военных баз. Однако группе Ибрагимова не было нужды поднимать шум, задача стояла тихо и незаметно уничтожить только четверых наемников, участвовавших в «налете на Москву». Шум мог подняться лишь в результате неосторожных действий группы, а для прорыва она имела все необходимое, хотя это был крайне нежелательный вариант.

Все действия перехватчиков были оговорены, поэтому каждый знал свое место и что он должен делать.

Первыми к базе выдвинулись снайперы: майор Ибрагимов и Тамерлан. Они должны были снять часовых на вышках, господствующих над карьером и всей местностью без единого кустика или деревца, разве что с россыпями камней.

– Отсчет пошел! – раздался в наушниках голос майора, тихо хлопнули выстрелы, и часовые на вышках перестали шевелиться.

«Делу время, потехе ЧАС», – скаламбурил про себя Василий, в темпе преодолевая сто метров до ворот.

Тотчас же проводники бросились к вышкам и быстро заняли места часовых на случай огневого отступления. Они сознательно шли на риск, и Вася отдал должное женщине-инструктору, не боящейся смерти. Пережила она, наверное, столько, что жизнь стала ей недорога.

Группа же бесшумно скользнула к воротам, Шерхан и Маугли заскочили в будочку поста и через мгновение выскочили обратно, открыли ворота. Никаких лазерных или фотооптических отражателей охрана базы не применяла, боевики чувствовали себя здесь хозяевами,

и даже собак не пустили по кругу, как всегда это делали в других местах, поэтому первый рубеж перехватчики преодолели за считанные секунды и без шума. Их тут явно не ждали.

Второй заслон на спуске в карьер сняли все те же снайперы, выдвинувшись слева и справа от дороги. Часовых было трое, причем один из них спал в саманной развалюхе, приспособленной в качестве будки поста. Убрал его Кир.

Через две минуты карьер лег перед ними зеленовато мерцающей сквозь приборы ночного видения чашей. Нигде ни одного человека, ни малейшего движения, тишина. Уверенные в неуязвимости и недосыгаемости, «солдаты свободы» – уголовники, бандиты и террористы, наемники из всех стран СНГ и даже из-за рубежа – спали, не ожидая неотвратимой минуты возмездия.

– По местам, – прошелестел в наушнике голос майора, и отряд разделился.

Шерхан и Маугли скользнули к БТрам, предполагая вывести могучую технику из строя. Тамерлан и Кир обошли офицерское казино и столовую в поисках охраны, никого не обнаружили и подтянулись к одной из казарм – длинному деревянному барaku с рядом окон, где и располагались те, ради кого они сюда пришли. Внутри должны были войти майор Шмель, Кир и Василий. Только Шмель знал в лицо тех, кого предстояло убрать, и только Кир согласился всех их «погасить». В задачу Василия входила подстраховка группы на случай, если кто-либо из спящих в казарме проснется.

Дневального, спящего в обнимку с автоматом, снял Шмель. Внутри храпящей на разные голоса казармы царил мрак, однако перехватчики легко ориентировались в темноте с помощью своей ночной оптики. В носшибанули сложные и могучие запахи немытых человеческих тел и ног, табака, перегара, капусты и чеснока, сквозь которые Василий учуял и сладковатые ароматы наркоты. Пробормотал про себя: «Кто не курит анашу, я того не выношу...»

Роман Купчик, мощный детина с редкой белесой щетиной на красной роже, спал у окна на втором этаже нар, раздевшись до трусов. Умер он мгновенно от мастерского удара ножом в сердце. Его напарник Мухин спал рядом, опухший то ли от беспробудного пьянства, то ли по причине болезни. Он тоже не издал ни звука от укола кинжалом, только дернулся один раз, заскрипев досками нар.

Умер тихо в храпящей, вздыхающей, бормочущей, стонущей и свистящей темноте казармы и чеченский охотник за головами Джамал Гапуров, бородатый, усатый, похожий на типичного представителя своего дикого и варварски гордого народа. А вот его приятель Имран Абдулмуслим, такой же лохматый, но с бритым недавно, хотя уже и зарастающим щетиной лицом, от удара ножом умер не сразу, рванулся вверх, замычал, и его пришлось удерживать за руки и зажимать рот сразу двоим – Киру и Шмелю, пока он не затих.

Нашлась работа и для Балугева.

От резкого скрипа нижней кровати, на которой спал Абдулмуслим, проснулись сразу двое в углу казармы: рослый блондинистый молодец, вероятно, какой-то прибалт, и чеченец, несмотря на жару и духоту спящий в полном национальном обмундировании, разве что без сапог. Реакция у Василия была мгновенной, блондина он вырубил сразу ударом-выпадом (хитю) в горло, а чеченца мог и не успеть заставить замолчать, если бы тот не накурился гашиша. Пока тот таращился в темноту, покачиваясь, силясь разглядеть сквозь горячечные видения, что происходит, Василий добежал-таки до него на цыпочках, зажал рот ладонью и коснулся костяшками пальцев виска. Мужик уснул снова, так ничего и не сообразив.

Зато до Василия внезапно дошло, что он совершенно рефлекторно применил прием из арсенала ТУК – варианта системы смертельного касания, переданной ему для изучения Матвеем Соболевым. Причем применил не осознанно, а на уровне подсознания, будто всю жизнь знал эту систему и практиковал в течение длительного времени.

Открытие ошеломило, но анализировать его было недосуг, пришел момент отступления, и Балугев поспешил за Киrom и Шмелем, который, прежде чем уйти, бросил на тела убитых белые визитки с вытисненными на них золотым кинжальчиком и надписью: «Привет от «чистилища».

Через несколько минут они собрались у ворот, прислушиваясь к тишине и готовые к немедленным действиям. Но территория базы была пустынна, «солдаты свободы» продолжали мирно спать, для них утро еще не наступило.

Еще через час, когда уже начало светать, группу подобрал вертолет и перебросил в горы, под селение Кали-Юрт. Вторую часть

операции по ликвидации наемников из Афганистана и Эстонии предстояло выполнять днем, нагло, на виду у всех жителей деревни. Таков был план. А оставшуюся часть рейда предполагалось закончить уже следующей ночью, пока командир террористической группы Шароев, живущий в роскошном особняке в Грозном, не понял, что на него началась охота.

И все же первая акция перехвата прошла так просто и гладко, что у Василия появилось неудовлетворение собой и нехорошее предчувствие. Показалось, что он упустил из виду некую важную деталь, которая объяснила бы ему успех операции. Однако вспомнить эту деталь не удалось, и Василий не стал делиться своими сомнениями ни с кем.

Глава 8

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХ

Ульяне снился странный сон.

Будто она идет по железному лесу, лесу металлических ферм, мачт, труб, решеток и ажурных колонн, а навстречу тянется угрюмая процессия: гигантские существа, похожие на людей, львов и насекомых, закованные в сверкающие изумрудным огнем панцири и плащи из перламутровых пластин, несут клетку, в которой лежит, прикованный к полу, полуголый молодой человек с удивительным, ясным, бесконечно спокойным лицом и пронзительно-голубыми глазами провидца. Его глаза с непередаваемым выражением узнавания, понимания и самоиронии скользнули по замершей Ульяне, и девушка вздрогнула, как от физического прикосновения. Однако незнакомец отвернулся и снова стал смотреть в низкое серое небо с огненными прожилками, похожее на остывающее поле вулканического пепла и лавы.

Затем Ульяна заметила легкую фигурку босоногой женщины, одетой в полупрозрачный, изредка становящийся ослепительно белым сарафан или, скорее, плащ. Женщина скользила между «деревьями» жуткого техногенного леса, то и дело оглядываясь, и Ульяну поразила ее красота. В лице незнакомки в удивительных пропорциях сочетались ум и сила, кротость и гнев, любовь и ненависть, спокойствие и напряженное ожидание, мудрость и желание знать и узнавать. Ее огромные прекрасные глаза цвета ультрамарина, чем-то похожие на глаза пленника в клетке, встретились с глазами Ульяны, и ту снова пронзила молния энергетического разряда.

«Помоги ему!» – умоляли глаза незнакомки.

«Чем?» – выразила вопрос взглядом Ульяна.

«Ты можешь и знаешь, только проснись и действуй...»

«Кто он?»

«Ты знакома с ним уже два года... и вскоре познакомишься снова...»

«Не понимаю...»

«Проснись и вспоминай. Чем быстрее вспомнишь, тем больше будет шансов удержать мир на грани изменения...»

Незнакомка летящим шагом догнала процессию, с тихим звуком гонга картина исказилась – исчез металлический лес, на его месте образовалась ледяная твердь, исполосованная трещинами, и Ульяна проснулась.

Долго глядела в потолок, пытаюсь понять смысл удивительно четкого и подробного сна, потом встала, умылась и позвонила Парамонову, хотя шел еще только седьмой час утра.

Иван Терентьевич снял трубку тотчас же, будто ждал звонка.

– А я хотел звонить вам, Ульяна свет-Владимировна. Есть повод.

– У меня тоже. Мне снился весьма необычный сон...

– Какое совпадение! Странная процессия, молодой человек с голубыми глазами в клетке, такое впечатление, что я его давно знаю, хотя уверен, с другой стороны, что никогда в жизни не встречал...

Ульяна почувствовала учащающееся сердцебиение, заставила себя дышать часто и мелко, успокоилась.

– Иван Терентьевич, таких совпадений не бывает. Это наведенный трансовый сон, темная передача. Кто-то из адептов Круга нас предупреждает.

– Возможно, вы правы. Давайте встретимся вечером где-нибудь в уютном месте, обсудим все странности. Скажем, в кафе «Салтыков-Щедрин», часов в семь.

– Идет. В случае чего я вам перезвоню.

Ульяна закрыла трубку мобильного и задумчиво прошла по спальне, вспоминая пленника и женщину в одеждах ангела, потом решила выпить чаю, но задержалась в гостиной, у дивана. Тетка девушки, семидесятилетняя старушка Анна Павловна, вставала поздно, будучи «совой», ночью она всегда что-то читала, рассказывая после племяннице сюжеты книг, и Ульяна привыкла к такому распорядку дня и ночи. Она с любопытством взяла с дивана очередную книгу, удивленно хмыкнула. Анна Павловна читала «Алые паруса» Грина.

Раскрыв наугад страницу, Ульяна пробежала несколько строк глазами и невольно увлеклась магией отточенного гриновского стиля и его романтическим отношением к героям и ситуациям. Всплакнула даже, дочитав до конца, подумав при этом, что, сколько раз ни

перечитывает «Алые паруса», столько раз плачет. Нет, Грин определенно был магом, только вряд ли счастливым...

День пролетел незаметно. Ульяна побывала на занятиях в институте, зашла в книжный магазин, купила Шульгина, поболтала с подружками о кино, о моде и прочих премудрых вещах и начала дома собираться на встречу с Парамоновым. Однако все повернулось иначе. В начале седьмого Ульяна внезапно почувствовала толчок сердца, неясное давление на психику, будто в спину ей посмотрел колдун, владеющий техникой раппорта, и тотчас же запел на пять нот входной звонок.

Замерев, Ульяна ждала в своей комнате, прислушиваясь к тихому разговору в передней. Затем раздался певучий говорок Анны Павловны:

– Уля, это к тебе.

Ульяна вышла в прихожую и буквально споткнулась о светящийся ледяной голубизной взгляд молодого человека, того самого, что приснился ей в недавнем сне! Взгляд этот выразил многое, в том числе терпение, необидную иронию и взыскательную оценку, и Уля почему-то вспыхнула, вдруг сообразив, что оценка не столь положительна, сколько было ее мнение о себе. Матвей же, со своей стороны (это был он) ждущий встречи с понятным нетерпением и волнением, вдруг успокоился (что отразилось во взгляде и было воспринято девушкой). Перед ним стояла Уля Митина, Посвященная I ступени Внутреннего Круга, еще не ставшая авешей Светлены и не получившая от нее отпечатка внутреннего света, тех черт личности и магического влечения, которые были свойственны спутнице инфарха – его второму «я» по сути. Девушка была, бесспорно, красива, однако перестала волновать Соболева, как в прошлые времена.

– Добрый вечер, – поклонился Матвей, проницательно глядя в глаза Ульяны. – Я Матвей Соболев, де-факто – Посвященный II ступени Внутреннего Круга, де-юре – еще только ученик на Пути в Круг.

Изумление, проступившее в глазах девушки, было столь красноречивым и естественным, что Матвей невольно улыбнулся, отчего его лицо словно засветилось изнутри.

– Я знаю вас уже два года, а также ваших друзей: Ивана Терентьевича Парамонова и Вахида Тожиевича Самандара. Но об этом

мы еще поговорим, если вы меня, конечно, впустите. Или вы собрались куда-то? Уж не на встречу ли с Иваном Терентьевичем?

Ульяна, пораженная пронизательностью гостя, только кивнула.

– Отлично. Тогда я с вами. Позволите?

Ульяна снова кивнула, потом рассердилась на свою заторможенность, покраснела, оценив красноречивый взгляд Соболева, брошенный на ее ноги, – одета она была в стиле осе – в мини-юбку с цветами, с глубокими «сексуальными» разрезами по бокам, и в блузку с вышивкой, подчеркивающую форму высокой груди, – позвала хозяйку:

– Теть Ань, мы ушли.

– А с Богом, мои дорогие, – проговорила Анна Павловна, просеменив из кухни в прихожую. – Возвращайтесь в любое время, вкусным чаем напою, с чабрецом и шиповником.

Во дворе на молодую пару обратили внимание сидящие у детской площадки пожилые женщины и старушки, и Ульяна с улыбкой кивнула на них, вдруг приходя в хорошее настроение:

– Будет о чем посудачить. Ко мне часто однокурсники забегают, Иван Терентьевич заходит да Самандар изредка приезжает, а теперь вы появились.

– Меня они не запомнят, – серьезно ответил Матвей, усаживая спутницу в салон «Таврии». – Я умею отводить глаза.

Вскоре они вышли из машины у кафе «Салтыков-Щедрин» на улице Воропаева, где ждал Ульяну Иван Терентьевич Парамонов, известный психотерапевт и целитель, Посвященный I ступени Внутреннего Круга, проживший на свете больше девяноста лет, но выглядевший всего на сорок пять. Впрочем, Ульяна Митина тоже имела далеко не девичий возраст – тридцать четыре года, однако выглядела восемнадцатилетней студенткой.

Мужчины некоторое время рассматривали друг друга, представленные девушкой, затем Парамонов первым подал руку, как бы демонстрируя доверие и отсутствие дурных намерений. Он пробовал пробить пси-блок Соболева, прощупать его мысли и повлиять на настроение, но усилия его не увенчались успехом. К тому же ему внезапно показалось, что он действительно знает этого поджарого, высокого, голубоглазого, ощутимо сильного человека давно, еще до появления его во сне.

– Уля, вы рассказали ему сон?

– Не успела, – виновато оглянулась на Парамонова Ульяна.

– Прошлой ночью мы с ней одновременно видели один и тот же сон. – Иван Терентьевич пропустил девушку вперед, и они вошли в кафе. – Главным действующим лицом сна были вы. Вероятно, мы с Улей стали перцепиентами «темной передачи». Ваших рук дело?

– Нет, – покачал головой Матвей. – Но я, кажется, знаю, кто вас предупредил о моем появлении.

Они выбрали столик в углу зала, за фикусом в кадке, заказали ужин, и Матвей оглядел обращенные к нему серьезные лица Посвященных.

– Возможно, многое из того, что вы сейчас услышите, вам известно, многое покажется если и не бредом, то выдумкой, но постарайтесь отнестись ко всему с должным вниманием. А начну я издалека...

И Матвей принялся за пересказ истории со «Смершем-2», перехватчиком и разборками третьего уровня между силами, вполне способными развалить мир «запрещенной реальности», превратить ее в «реальность несуществующую».

Рассказ длился более двух часов, за это время они неторопливо поужинали и дважды заказывали кофе. По лицам собеседников трудно было судить об их переживаниях, однако Матвей понимал, что они чувствуют, и в глубине души сочувствовал обоим. Принять на веру его рассказ было действительно трудно.

– Такая вот философская сказочка, – закончил он, – не отменяющая, к сожалению, страшненького финала.

– Почему не отменяющая? – не согласился Парамонов, создавая вокруг столика, за которым они сидели, зону чистого воздуха; во всем зале не курили только они трое. – Вы же знаете, как будут развиваться события, и можете предотвратить многие беды.

– Да, я хочу это сделать, – кивнул Матвей. – Но вывод напрашивается неутешительный. Дав мне возможность начать все сначала, эйнсоф одновременно включил спусковой механизм ускорения событий, а также механизм ослабления Закона обратной связи. Буквально за две недели с небольшим, что я обретаюсь в Москве после вызова из Рязани, произошло множество изменений прошлого сценария, заставляющих меня спешить. К власти приходят

более властолюбивые и жестокие люди, меняется весь аппарат принятия решений, образуются мощные конкурирующие системы, поставившие целью добиться абсолютной власти.

– О да, – тихо проговорил Иван Терентьевич, – игра во Власть – самая увлекательная из игр человека: выборы, тайная закулисная борьба, перемещения, шантаж, подкуп, оговор, предательство, фабрикация ложных сведений, донос, внезапное исчезновение, убийство, наконец, – как это все увлекательно! И как это страшно, особенно если начинает работать «закон дьявола» – принцип переноса вины, при котором расплачиваются за злодеяния самые умные, самые сильные, честные и добрые. Я не сомневаюсь, что рассказ ваш правдив. – Парамонов накрыл ладонью руку Матвея, как бы прося прощения. – Вы привели по-настоящему ошеломляющие факты из моей... нашей жизни. Но позвольте задать несколько уточняющих вопросов.

– Я готов, – сказал Матвей, отвечая внутренней улыбкой на затуманенный взгляд Ульяны, еще не пришедшей в себя.

– Вы говорите о создании конкурирующих систем. Наверное, следует понимать, таких, как Союз Девяти Неизвестных, «Стопкрим», «Купол», перерастающий в СС – криминальную Сверхсистему, силовые структуры, Госдума... так? Ну еще и аппарат президента, реализующий свой подход к властному управлению. И все это – следствие ослабления общего Закона обратной связи, частным случаем которого является Закон возмездия, Закон адекватного ответа. Кстати, все они – частные варианты Закона регуляции социума, вмонтированного в нашу реальность Аморфом Конкере.

– Монархом Тьмы.

– Да, Монархом. Ну и что? Мир таков, каков он есть. Нам-то зачем вмешиваться во властные разборки? Мы – Посвященные Внутреннего Круга, призванные собирать и хранить знания для будущих поколений, а не воевать за восстановление попранной справедливости. Что вы хотите изменить, Матвей Фомич? Зачем вам решать глобальные задачи изменения социума? Пусть этим занимаются иерархи.

– Они заняты, – усмехнулся Матвей, – они заняты разборками между собой. Но если мы не объединимся и не дадим отпор, Монарх сделает новое изменение и просто-напросто сотрет человечество с

лица Земли. Кому тогда будет нужен Внутренний Круг? Да и уцелеет ли он?

– Круг уцелеет, – улыбнулся и Парамонов. – Идея создания Внутреннего Круга принадлежит не перволюдям и даже не Инсектам, были на Земле существа и до них.

– Аморфы?

– До Аморфов. Аморфы – эксперимент Безусловно Первого, его ошибка, можно сказать. Как и мы – ошибка Аморфа Конкере, то есть Монарха Тьмы. Безусловно Первый экспериментировал с «розой реальностей» не один раз, что, естественно, отразилось и на нашей, тогда еще не опустившейся до уровня «запрещенной».

– Этого я не знал, – задумчиво признался Матвей. – Недавно я ходил по астралу и наткнулся на заблокированные уровни. Кто-то не хочет, чтобы я узнал кое-какие тайны, над раскрытием которых начал размышлять.

– Над какими, если не секрет?

– В первую очередь меня волнуют Знания Бездн – прямые следы Безусловно Первого, во вторую – он сам. Сюань – как говорят китайцы, самая глубокая и наиболее непонятная из тайн.

Парамонов с новым интересом глянул на по-особому – изнутри – невозмутимое лицо Соболева.

– Однако вы и замахиваетесь, Матвей Фомич! Среди Посвященных утвердилось свое отношение к Безусловно Первому. Он выше любых описаний, концепций и названий, он – действительно Тайна, без которой ничто не пробуждается к жизни, мы же все живем в мире его иллюзий, в мире внешних проявлений его мысли.

– Возможно, я в каком-то смысле дилетант, но мы затронули вопросы дискуссионного плана. Я изучал Дао, так вот даосы утверждают, что никто не создавал ни пустоту, ни Дао, это первозданные реалии, существующие задолго до появления богов и человека. Даосы даже ввели в обиход символ или слово «сянь-ди» – образ, предшествующий Богу.

– За что учение Дао не признается большинством религий мира, – кивнул Парамонов, – ибо оно сомневается в существовании Единого. Как сказал один французский писатель: «Не знаю, существует ли Бог, но для Его репутации было бы лучше, если бы он не существовал».^[6]

Ульяна засмеялась. Улыбнулся и Матвей.

– И все же вы рискуете, – добавил Парамонов. – Даже не тем, что задаете вопросы о сущности Мироздания и Творца, а тем, что одновременно пытаетесь остаться человеком. Вступивший на Путь в Круг перестает быть обыкновенным человеком, он становится Собирателем и Хранителем знаний, в большинстве своем опасных для человечества в его нынешнем состоянии. Необходимо выбирать: либо вы там, либо вы тут. Как говорил еще один умный человек: «Очень многих я видел на своем веку, которые были доведены до совершенной тупости неумеренной жадой знания».

– Монтень, – усмехнулся Матвей, любуясь улыбкой Ульяны, на миг напомнившей ему Светлену. – Итак, вы мне отказываете в помощи?

Глаза Ивана Терентьевича стали грустными.

– Не спешите с выводами. Нам надо разобраться. Если мы станем помогать вам, сделаем ошибку, я в этом уверен. С другой стороны, будет, наверное, еще большей ошибкой не помогать. Я далеко не герой, особенно если предстоит сражаться с живыми людьми, а не с древними текстами. Но ведь вы утверждаете, что в прошлой жизни мы были вместе?

– Иначе я не пришел бы к вам.

– И чего вы хотите от нас? Чтобы мы встали на тропу войны?

– Это не я хочу – закон. Я оцениваю нынешнее состояние мира как пограничное. Монарху, чтобы начать изменение, необходимо обоснование, которое он получит в скором времени, если произойдет фазовая перестройка социума. Люди ему станут не нужны.

– А сами вы какой избрали Путь, пройдя свой Путь Воина до конца?

– Путь Ненасилия. Даосы его называют Путем Избегающего Опасности.

– А нам предлагаете Путь Воина, – засмеялась Ульяна. – Ничего себе альтернатива.

– Среди нас есть воины, ваш друг Самандар, к примеру, мой друг Вася Балувев. – Матвей встретил взгляд Ули и понял, что потерял в ее глазах большую часть своего обаяния, усмехнулся в душе. – Но вы меня неправильно поняли, идущие. Наша общая задача – формирование эгрегора Внутреннего Круга, способного

стабилизировать ситуацию, остановить распад общества и дальнейшее ослабление Закона адекватного ответа.

– Каким образом мы сможем повлиять на закон? – скептически поднял бровь Иван Терентьевич.

– Для этого я хочу выйти в «розу реальностей», – сказал Матвей легко, как о каком-то пустяке, – и договориться с Монархом, чтобы он поискал другой объект для экспериментирования. А если не удастся – объединить иерархов.

Матвей помолчал, не обращая внимания на то, что в глазах собеседников протаивает изумление и сменяется беспокойством. Их взгляды спрашивали: в своем ли он уме?

– Если же и с иерархами не удастся договориться, – продолжал он ровным голосом, – то я попытаюсь выйти на Безусловно Первого.

Ответом Соболеву было продолжительное молчание Посвященных. Потом Парамонов глянул на Ульяну, крикнул, сцепил и расцепил пальцы.

– Вы меня поразили, Матвей Фомич! Но мне действительно необходимо обдумать ваше предложение, я не люблю и не хочу ошибаться.

– Я тоже, – добавила девушка, в глазах которой снова вспыхнул интерес к Соболеву. – А кто такой Балуев? Вы уже дважды упоминали его имя.

– Вася Балуев – ганфайтер, перехватчик-«волкодав», как их называют профессионалы, мастер захвата. Сейчас он находится в Чечне с одной непростой миссией.

– А поподробней можно?

Матвей допил свой остывший кофе, но заказывать больше не стал. Сказал нехотя:

– Он вошел в состав отряда, которому поручено ликвидировать убийц из ЧАС, так называемой Чеченской армии свободы. Чеченцы начали отлавливать и уничтожать своих бывших врагов по всей территории России. Раньше они просто похищали людей с целью выкупа, сейчас что-то изменилось, они начали более жестокие действия. Их группа проникла в Москву и убила двух офицеров, героев войны в Чечне, а также писателя Кожемякина, приговоренного исламскими фундаменталистами к смерти за правдивое отображение фанатизма. ФСБ решила ответить адекватно.

Парамонов покачал головой.

– Я слышал об этом преступлении. Жуткое явление... я имею в виду терроризм, а тем более исламский. Но чтобы решиться искать убийц на территории Чечни... это же самоубийство! Как они их там найдут? А тем более уничтожат?

– Террор не анонимен. У него есть имя, фамилия, связи, банковский счет, исполнители, базы и так далее. Вычислить имена убийц для силовых контор будет несложно. А вот выполнить задание... тут вы правы. Я пробовал уговорить Васю не идти туда, но он человек военный и пока еще в самом начале Пути. О сущности бытия, о противостоянии добра и зла он по-настоящему не задумывался. Но человек он неординарный, неглупый, интересный, у него все впереди.

– Если только он вернется оттуда живым, – проворчал Иван Терентьевич. – Хорошо бы научиться натравливать зло на зло, вот только не всем дается эта наука. Да и не существует однозначной оценки добра.

– Добро – изнанка зла, – вставила Ульяна.

– Но не всегда можно определить и отделить их друг от друга. Вот недавно возник «Стопкрим», «чистилище», как говорят в народе. К какому разряду отнести это явление, к добру или злу? С одной стороны, «чистильщики» наказывают бандитов и негодяев, с другой – их путь не лежит в русле закона и противоречит самым элементарным нормам морали.

– Разработка Горшиным программы защиты и адекватного ответа, появление «Стопкрима» – это достаточно своевременная реакция социума на возникновение «Купола», то есть в данном случае просто сработал Закон регуляции социума. Кстати, организация банд, киллер-центров, все более частое появление маньяков-насильников и убийц – тоже следствие Закона регуляции, и этому росту зла необходим противовес.

– Но ведь этим должен заниматься Союз Девяти.

– Должен. Но и у них возникли внутренние проблемы как следствие волнений среди иерархов. Некоторые из кардиналов Союза возжелали власти абсолютной, равной власти Монарха.

– Кто? Мы их знаем?

– Вы их узнаете.

Иван Терентьевич покачал головой.

– Да-а, дела-а! И все же не обижайтесь на нас, Матвей Фомич, сегодня мы не можем дать ответ.

– Я и не надеялся. Еще не раз придется контактировать и решать. Ну что, по домам?

– А где вы остановились? Может, поедem ко мне?

– Вы забыли, что здесь у меня «схрон», своя квартира. Кого первого доставить в родные пенаты?

Они расселись в не слишком комфортабельном и удобном, но все же уютном салоне «Таврии».

– Пожалуй, первой доставим Улю, – оглянулся на девушку Парамонов. – Меня никто не ждет, ни жена, ни дети, а ей завтра вставать рано.

Машина выехала со стоянки, влилась в негустой поток автомобилей на улице Ленина.

– Да, Иван Терентьевич, – прижалась к локтю друга Ульяна, – все забываю спросить: почему вы не женитесь?

– Потому что моя жена еще не родилась, – отшутился явно смущенный Парамонов. – И вообще я боюсь семейной жизни, необходимости поддерживать какие-то обязательные отношения. Холостому спокойнее.

– Есть анекдот на эту тему, – сверкнул улыбкой Матвей. – У психолога спрашивают: когда бывают хорошие отношения между мужем и женой? Тот отвечает: когда муж не слышит, что говорит жена, а жена не видит, что делает муж.

Ульяна засмеялась, улыбнулся и Иван Терентьевич.

– Вполне может быть, не спору. Если серьезно, я действительно боюсь. На моем роду лежит некое заклятие... ради нейтрализации которого я и увлекся психологией, психическими аспектами и целительством. У моего отца была большая прекрасная семья – восемь человек: он, мама, трое дочерей и трое сыновей, я самый младший. Все умницы, без преувеличения, красивые добрые люди, но стоит кому выйти замуж или жениться – отпочковавшаяся семья начинает бедствовать. Болезни, кражи, пожары, стихийные бедствия начинают буквально сыпаться со всех сторон, пока не происходит гибель кого-то из близких.

Иван Терентьевич замолчал, глядя перед собой ничего не видящим взором.

– И что же? – тихонько потревожила его Ульяна.

– А ничего, – очнулся Парамонов. – Я похоронил двух братьев и двух сестер, пока не понял закономерности.

– Выяснили, в чем дело?

– Нет, – с видимым усилием ответил Иван Терентьевич. – То есть я имею предположение, но даже Посвящение во Внутренний Круг не позволило мне его уточнить. Мы были неразделимы – вот все, что я знаю.

– Кластер, – произнес Матвей. – Ваша семья представляла собой психомотивационный кластер, клубок свернутых мировых линий, замкнутых на определенного человека. Я даже рискну предположить на кого – на отца. Верно? Ваша семья была самодостаточна, а вы, очевидно, пытались как-то разорвать этот клубок, уйти из дома, причем еще в юношеском возрасте. Был конфликт. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – задумчиво проговорил Парамонов. – Отец очень не хотел, чтобы я учился в другом городе, но я все же уехал... со скандалом. О чем жалею до сих пор.

– Он жив?

– Нет, умер в восемьдесят восьмом. Мама годом позже, им было уже по сто двадцать с лишним лет. Все долгожители, особенно по бабкиной линии Волковых. Наверное, кто-нибудь из моих предков был и во Внутреннем Круге. А нас осталось двое: я и сестра Шура. Хотя родственников по всем линиям много, в том числе и в Рязани.

Машина остановилась напротив дома Ульяны. Девушка вышла, отказавшись от предложения проводить ее до подъезда.

– До встречи, ганфайтер, – помахала она рукой, обойдя машину и нарочно наклоняясь к окну со стороны водителя так, что в вырез блузки стала видна упругая сильная грудь. – Мы еще не все точки над «і» расставили, и у меня остался вопрос.

– Задавайте, – храбро сказал Матвей, понимая значение насмешливых искр в глазах девушки: реагировал он на нее совершенно естественно, как нормальный мужик, и последняя его мысль – поцеловать ее в грудь – была мгновенно воспринята девушкой.

– Я не поняла наших прошлых отношений. Что-то подсказывает мне, что простыми они не были. Расскажите?

Матвей смешался, но ответить не успел, Ульяна отошла, демонстрируя походку светской львицы. Хмыкнул в кабине сзади Иван Терентьевич.

– А ведь она видящая, Матвей Фомич. Неужели права? Тогда вам придется опасаться Вахида, он давно имеет виды на Ульяну и соперников не терпит.

– Все не так просто, – пробурчал Матвей, трогая машину с места. – Когда-нибудь я расскажу вам, как мы познакомились. Уля стала авешей Светлены... в общем, поговорим позже.

Молча они доехали до окраины города, где в собственном доме жили родственники Парамонова. Выходя, тот сказал с уважением:

– Вы действительно знаете, где я живу, что лишний раз подтверждает вашу историю. Однако я не уверен, что мы с Улей согласимся стать рекрутами вашей «армии спасения человечества». Жизнь слишком дорогая штука, чтобы тратить ее на какие-то там разборки с кем бы то ни было.

– Я вас понимаю, – кивнул Матвей. – Но совершенно точно знаю, что жизнь приобретает значение лишь в том случае, когда мы сталкиваемся лицом к лицу с конфликтом между желаниями и действительностью. Это не мои слова, а изречение Дао, и оно проверено много раз, в том числе и мной. До встречи, Иван Терентьевич. Просьба остается в силе – проанализировать все сообщенные мной факты и сделать вывод. Вот вам мои московский и здешний телефоны. Звоните, когда сочтете нужным. Запоминайте номера.

Матвей пожал руку Посвященному, протянул ему листок бумаги с номерами, подержал перед глазами, скомкал, и в следующее мгновение комок вспыхнул на его ладони, сторел без следа.

– Всего доброго.

Машина уехала, унося возмутителя спокойствия, а Иван Терентьевич остался стоять в глубокой задумчивости, глядя ей вслед.

Глава 9

КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ

Им не пришлось преодолевать двадцать километров пешком от точки высадки до Кали-Юрта.

Нацепив зеленые повязки, сняв шлемы и надвинув на головы «чеченки» – вязаные шапочки с прорезями для глаз, они вышли из распадка на дорогу, соединявшую Кали-Юрт и Ачхой-Мартан, и остановили первую попавшуюся машину, которой оказался старенький почтовый «газик», по сей день называемый в народе «козлом». Водитель-чеченец, привыкший, очевидно, каждый день встречаться с группами боевиков, то бишь «солдат свободы», поворчал, но препятствовать посадке девятерых «солдат» не стал, и группа, не без труда разместившаяся в провонявшем бензином, смолой и дымом «козле», спокойно доехала до селения, состоящего из двух десятков каменно-глинобитных разнокалиберных домиков, расположенных в три яруса на крутом склоне горы.

Пока ехали, водитель успел рассказать все местные новости, а также нарисовать схему охраны селения, в котором отдыхали некие высокопоставленные гости. Что за «гости», водитель не знал, зато знали перехватчики. Кали-Юрт использовался ЧАС как запасной командный пункт и одновременно «курорт» для особо отличившихся «солдат свободы», в первую очередь – иностранных наемников. По данным Ибрагимова, в настоящий момент здесь находилось человек десять «диких гусей», в том числе интересующие майора лица: эстонец Ильмар Кулдсепп и афганец-талиб Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад.

Поскольку сведения об использовании Кали-Юрта в качестве «санатория» считались секретными, а совсем недалеко отсюда, в пятнадцати километрах южнее, располагалась еще одна база ЧАС, охранялось селение слабо, всего лишь одним постом на въезде. Пост – кольцевая стена из камней и мешков с песком – занимал одну из скал, нависавших над дорогой, и мог перекрыть пулеметным огнем все

подходы к селению. Дежурили там трое бородатых парней в российском камуфляже, и чувствовали они себя вполне комфортно и спокойно, не ожидая появления опасных гостей. Один из них спал в тени стены (и виден снизу не был), второй курил, опираясь на станок крупнокалиберного пулемета, третий смотрел на приближавшийся «газон» в бинокль.

– Приготовились, – буркнул Ибрагимов.

Роли в предполагаемой операции были расписаны заранее, и вопросов не возникло. Каждый из членов отряда не раз участвовал в подобных операциях и не нуждался в советах.

Охранник все же остановил машину жестом, понятным всем, – палец на спусковой крючок автомата. Но так как до скалы с укрепленным гнездом было далеко для скоростной атаки – около сорока метров, Ибрагимов ткнул стволом винтовки водителя в спину и приказал тихо ехать дальше. «Козел» остановился лишь тогда, когда бородач развернул в их сторону ствол пулемета с дырчатым кожухом пламегасителя. Зато до скалы теперь оставалось всего метров пятнадцать, а селение скрылось из глаз за подъемом на перевал.

Первой из машины вылезла женщина-проводник, сняла шапочку, так что черные, с рыжеватым отливом волосы рассыпались по плечам, потянулась, помахала рукой охранникам, остолбеневшим от неожиданности, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы давно целившиеся сквозь щели брезентового верха кабины Шмель и Тамерлан выстрелили.

Негромкие хлопки выстрелов, слившиеся в один, падение тел, удары о камни, тишина.

– Порядок, – сказал Ибрагимов.

В тот же миг Василий, заметивший краем глаза движение на скале, рванул дверцу, выпрыгнул и в прыжке метнул вверх сангакуху^[7]. Высунувшийся из-за мешка с песком третий охранник успел нажать на курок автомата (новейший отечественный «никонов»!), но звезда сакэна вошла ему в бровь и навсегда отбила охоту сопротивляться. Вася сбил с ног женщину, вскочил, готовый стрелять или метнуть сюрикэн, замер, прислушиваясь к долетавшим из селения звукам. Застыли и остальные, ожидая развития событий. Однако ничего не произошло, только у охранника под скалой запищала рация.

Перехватчики переглянулись. Ибрагимов кивнул второму проводнику, тот метнулся к убитому, достал из кармана на груди рацию, выслушал, буркнул что-то по-чеченски, выключил, показал три пальца.

– У нас всего три минуты, пока они не опомнились, – сказал майор.

Вперед! Вася помог женщине подняться, перехватив ее благодарный взгляд. Они погрузились в машину, и, выбросив обалдевшего водителя, Ибрагимов сам повел «газик» в селение. После чего начался секундный отсчет операции, по наглости и внезапности равной операциям захвата дудаевцами Буденновска и Первомайского, а по скорости проведения превосходящей их.

В первый дом слева, у ворот которого стоял танк и где, по данным майора, располагалось подразделение охраны, с ходу заскочили Тамерлан и Кир. Шерхан и Маугли высадились в конце улочки, делавшей резкий поворот направо и ведущей на террасу, нависающую над крышами домов нижнего яруса селения.

Завывая мотором, поднимая полосу пыли, подскакивая на камнях, «ГАЗ» взлетел на террасу, простучал колесами по горбатому деревянному мостику над расщелиной, ведущему к «санаторию» – бывшему клубу, а теперь, после достройки и реконструкции, дому отдыха боевиков, и затормозил у низкой глинобитной стены с решеткой ворот, охраняемых худосочным бородачом в пиджаке и папахе с зеленой полоской материи. Он умер, не успев ни снять с плеча автомат, ни вообще что-либо понять, и Василий мимолетно подумал, что их «рейд мести» требует слишком много необязательных жертв, убийства, в общем-то, непричастных к злодеянию в Москве людей. Однако мысль мелькнула и исчезла, ситуация начала развиваться в темпе прорыва.

Женщина-проводник и второй ее коллега остались у ворот, они сделали свое дело и теперь должны были подстраховать группу на случай появления вражеского подкрепления. Шерхан и Маугли взяли под контроль территорию виллы, достроенной с размахом совсем недавно – судя по горам мусора, кирпичей, камней, песка, досок, по ямам и канавам с трубами, по технике вокруг здания: бульдозерам, автокранам и асфальтоукладчику фирмы «Катерпиллер». Было еще раннее утро, и рабочие, к их счастью, не торопились к своим машинам

и на площадку, однако «санаторий» уже был частично заселен и работал.

Ибрагимов, Шмель и Василий ворвались в двухэтажное здание, похожее на средневековый замок, застав врасплох дежурного и двух охранников, потягивающих пиво у стойки в холле. Они были так уверены в своей безопасности, что не могли даже мысли допустить о возможности атаки здания чьим-либо спецназом. Так же думали и строители «санатория», расположенного в горном районе Чечни, далеко от границы с Россией. Понадеявшись на кажущуюся неуязвимость здания, окруженного горами и базами ЧАС, они не предусмотрели ни спецтехники охраны – телекамер и электронных систем наблюдения и разведки, – ни замаскированных дотов и капониров, ни хотя бы патрульных зон. После завершения строительства подсобных помещений и хозблоков и уборки территории по ее периметру должны были гулять собаки, но в данный момент этот вид охраны отсутствовал. Спецгруппу перехвата здесь никто не ждал.

Шмель открыл огонь первым: очередь из «клина» перечеркнула спины охранников, они даже не успели повернуть головы на звук открываемой двери. Ибрагимов выстрелил тоже, но в телефон, к трубке которого потянулась рука дежурного, сильно смахивающего на известного бандита и террориста Радуева: та же борода, широкий нос, черные очки, на голове фуражка-конфедератка.

– Не шебуршись и останешься жить, – глухо проговорил Ибрагимов, подходя к дежурному скользящим шагом. – Нам нужны двое: Кулдсепп и Мухаммад.

– Не понимаю... – начал было «Радуев» по-чеченски, но майор его остановил. Легонько двинул прикладом винтовки по скуле, так что тот отлетел к стене, поднялся и стал навывтяжку.

– Один прибалт, светловолосый, шрам на губе, второй афганец, инструктор. Вакнешь, что не понимаешь, – найдем их сами, но уже в с е х и вместе с тобой.

– Вторая этаж, комнат тва и шест, – с акцентом по-русски прохрипел дежурный, и в тот же момент Шмель выстрелил в него из пистолета. С дырой во лбу «Радуев» отлетел к шкафу с ключами и сполз на пол, Василий не успел даже слова сказать. Повернул голову к майору.

– Зачем ты его? Связали бы...

– Некогда, – отмахнулся Шмель, в три прыжка поднимаясь вслед за Ибрагимовым по лестнице на второй этаж.

Апартаменты «санатория» под номером два оказались незапертыми. Наемник по имени Ильмар Кулдсепп спал в полной отключке с голой девицей, имеющей роскошные формы жрицы любви, и на тихий скрип открываемой двери не прореагировал. Зато проснулась девица и в ужасе отпрянула, увидев три страшные пятнистые фигуры с масками на лицах. Вася собрался было успокоить ее усыпляющим касанием, видя, что девица собирается кричать, но Шмель выстрелил, и ночная гостья Кулдсеппа завалилась поперек кровати, на ноги спящего ничком эстонца.

Вася, не сдержавшись, рванул майора за рукав, разворачивая к себе, вlepил отрезвляющую пощечину, удерживая руку Шмеля болевым приемом. Выдохнул глухо:

– Остынь, стрелок! У нас четкое задание...

– Не вмешивайся, капитан! – яростным шепотом произнес Ибрагимов, наводя на него необычной формы пистолет. – Не то останешься здесь!

– Сердобольный? – сверкнул глазами Шмель. – Мы не на прогулке, «волкодав». Позже поговорим об этом.

Вася отпустил его и отошел к окну, преодолевая желание дать майору по морде еще раз.

Ибрагимов потормошил Кулдсеппа, тот замычал, отмахиваясь, потом разлепил глаза, увидел пятнистый комбинезон над собой и потянулся к пистолету под подушкой, но майор ударил его прикладом винтовки по руке, достал пистолет и отбросил в сторону.

– Просыпайся, сука наемная. У меня к тебе всего два вопроса. Ответишь – будешь жить. Вопрос первый: ты вызвался добровольцем в поход на Москву или получил приказ?

– Да кто вы такие?! – возмутился Кулдсепп на вполне приличном русском языке, почти без акцента.

– Твои судьи, – усмехнулся Ибрагимов. – Ответать!

Приклад винтовки мелькнул в воздухе, нашел скулу эстонца, и тот слетел с кровати, потащив за собой тело убитой девицы. Только теперь он увидел труп, глаза его расширились, в них мелькнула догадка. Однако вел он себя по-мужски и сдаваться не собирался. Поднялся на

четвереньки, с вызовом уставился в глаза Ибрагимова, смотревшие на него сквозь прорезь маски.

– А если доброволец, то что?

– Вопрос второй. Кто убил писателя Кожемякина?

– Не я, – смелее ответил Кулдсепп, разогнулся. Развита он был неплохо, но уже имел заметное брюшко.

– А кто?

– Спроси у командира, – оскалил зубы эстонец.

– У Шароева, что ли? Спрошу в свое время. Идея была его или этого вашего инструктора из Афгана?

В глазах наемника мелькнула не то ненависть, не то страх, но думал он недолго и действовал быстро, хотя и недостаточно быстро по меркам профессионала. Он прыгнул к окну номера, собираясь нырнуть в него сквозь стекло, и нарвался на удар Василия, отбросивший его к трюмо в углу комнаты.

– Кончай, – сквозь зубы произнес Шмель. – Время.

Ибрагимов раздумывал несколько секунд, глядя на копошащегося на полу эстонца, потом навел на него ствол своего странного пистолета и спустил курок. Выстрела не последовало, однако Кулдсепп вздрогнул и замер, а Василию показалось, что ему по ушам кто-то хлестнул невидимой ладонью. И только спустя некоторое время он сообразил, что Ибрагимов разрядил в наемника пресловутый «глушак», гипноизлучатель «удав».

– Уберем Мухаммада, этого возьмем с собой. – Майор шагнул к эстонцу. – Встать! Исполнять все мои приказы! Кто убил Кожемякина?

– Афганец... он исполнитель воли исламского совета...

– Кто вам помогал в Москве?

– Я их не знаю... двое русских и кто-то из чеченской диаспоры...

– Кончай, – повторил Шмель, – выбиваемся из графика. Решил взять с собой – бери, потом допросишь.

– Я его не допросить хочу, – осклабился Ибрагимов, повернулся к безвольно сидящему Кулдсеппу. – Ждать здесь! Одеться! Молчать! – Не ожидая исполнения команды, майор исчез за дверью в коридор, за ним выскользнул Шмель. Последним вышел Василий, пораженный действием «глушака». Конечно, он слышал о возможностях психотронного излучателя, но сталкивался с его применением впервые.

Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад выглядел как родной брат дежурного «Радуева», даже очки у него были те же. Разве что был он повыше, жилистей, сильнее и чувствовал опасность не хуже волка. Брать его пришлось с шумом, потому что дверь номера, где он отдыхал, была заперта. Выбил ее Шмель ударом ноги, Ибрагимов дал в проем очередь из «клина», и полуодетый афганец, получив две пули в грудь, выстрелить в ответ не успел, хотя держал в руке «беретту». Шмель добил его из своего пистолета, выстрелив два раза в голову, не заботясь о чистоте простыней на кровати; пули снесли Мухаммаду полчерепа, и кровь забрызгала всю кровать и стену напротив.

Ибрагимов высыпал на грудь убитого полмешка мини-Коранов – точно таких же, что нашли на теле писателя Кожемякина в Москве, бросил сверху визитку «чистилища». Сплюнул.

– Жаль, что подход так просто. Очень мне хотелось испробовать на нем одну новинку. Ладно, уходим. – Он включил рацию. – Кир, Шерхан, что у вас?

Динамики в ухе каждого перехватчика донесли ответы вызванных: «Все в порядке, контролируем ситуацию», – и майор рванул в коридор, прекрасно понимая, что времени на отход у них мало, несмотря на дерзость и быстроту проведенной операции.

В коридоре им повстречался сонный абориген, судя по внешности – славянин, и реактивный Шмель присоединил его к жертвам атаки, хотя Василий мог вполне успокоить мужика без летального исхода. Забрав безвольного Кулдсеппа, они выскочили во двор, снова сели в «газик» и с визгом шин понеслись по серпантину улицы вниз, вон из Кали-Юрта, подхватив на выезде Кира и Тамерлана, перебивших гарнизон «комендатуры» селения.

Отмотав по дороге двадцать километров до распадка, куда должен был прилететь вызванный еще в селе вертолет, и встретив лишь пастуха с отарой овец и двух пацанов на велосипедах, они рассредоточились на гребне распадка и стали ждать прибытия «вертушки». Ибрагимов же и Шмель укрылись с пленным в кустах, приказав остальным не соваться к ним в течение получаса.

Вася лег на землю недалеко от женщины-проводника и стал смотреть в небо, ощутив вдруг усталость – не физическую, а психологическую. Операция начала его угнетать не только количеством жертв, но и отношением коллег к происходящему. Они

слишком легко убивали людей, мало или совсем не причастных к терактам в Москве, а главное, делали это с удовольствием.

Зашуршала трава. Вася повернул голову и увидел соседку. Шапочку она сняла, и теперь можно было разглядеть ее миловидное лицо с желтовато-кариими глазами, курносый носиком и прямыми бровями, придающими лицу мрачноватое выражение.

– Спасибо за часового, – проговорила она, присев рядом на корточки. – Как зовут?

– Василий, – ответил Балусев, приподнимаясь на локте.

– Меня Людмила. А что отцы-командиры там делают с ним?

– Допрашивают, наверно.

– Что он может знать?

– Спроси у него.

Помолчали. Из-за кустов послышался смешок, потом раздался голос Тамерлана:

– Эй, «волкодав», не теряйся. Или помочь?

Вася рывком сел, но женщина удержала его за рукав.

– Пусть веселятся, не обращай внимания. Это опасные люди.

– Да и я не бычок-первогодок.

– Я их уже знаю... – Людмила не договорила.

Из кустов, в которых скрылись внизу Ибрагимов и Шмель, раздался дикий крик. В нем было столько муки и боли, что все вскочили, хватаясь за оружие. Уже догадываясь, в чем дело, Вася метнулся на крик, продрался сквозь кустарник и увидел катавшегося по земле Кулдсеппа, а рядом, в нескольких шагах, спокойно стоящих майоров.

Эстонец уже не кричал – выл и хрипел, царапая себе живот и грудь ногтями, то зажимая глаза, то пытаясь их вырвать, пока кровь не залила лицо. Вася заметил в руке Ибрагимова пистолет, похожий на «глушак», но с толстым кольцом алого цвета на конце дула, и все понял. Это был генератор боли «пламя», в просторечии «болевик», о котором тоже ходили легенды в кругах военных профи. Он воздействовал на нервную систему человека таким образом, что тот чувствовал сильнейшие боли, снять которые ничем было нельзя.

Вася повернул дуло своего «клина» к земле, выстрелил, и Кулдсепп затих, перестал корчиться и вырывать себе глаза. Пуля попала ему в висок.

Ибрагимов и Шмель оглянулись.

– Какого дьявола! – нахмурился Ибрагимов, увидел за спиной Василия подходивших Людмилу, Тамерлана, Кира и Маугли, сунул «болевик» за пазуху. – В чем дело? Почему оставили охранение? «Духов» захотели пропустить? На место!

– А чем это ты его достал? – кивнул на окровавленное тело наемника Тамерлан. – Чего он так кричал?

– Не твоего ума дело. Быстро наверх!

Перехватчики молча полезли по склону распадка на гребень. Вася повернулся за ними, услышал тихий щелчок взводимого курка и мгновенно отпрыгнул в сторону, готовый стрелять сразу с двух рук в любую секунду.

Майоры стояли лицом к нему, похожие друг на друга хищным прищуром глаз. Ибрагимов держал руки в карманах, из руки Шмеля смотрел на Васю пистолет «волк». Несколько мгновений длилось красноречивое молчание, потом Шмель нехорошо ухмыльнулся, спрятал пистолет, а Ибрагимов проговорил ровным голосом:

– Еще раз вмешаешься в мои дела, «волкодав», пеняй на себя. Понял?

– Еще раз без нужды будете мучить людей, партнеры, – таким же ровным голосом ответил Василий, – положу обоих. А выберемся, доложу о ваших экспериментах кому следует.

– Ты сначала выберись, – сказал Шмель, продолжая улыбаться так, что от его улыбки у Балужева свело скулы.

– Займи свое место, – отвернулся Ибрагимов, нагибаясь к лежащему на спине наемнику.

Василий без шума растворился в кустах, поднялся на вершину холмистой гряды, снова лег на траву возле сидящей Людмилы. Женщина оценивающе посмотрела на его сосредоточенно-хмурое лицо, покачала головой.

– Зря ты с ними цапаешься. Зачем пристрелил пленного?

– Он бы все равно умер. – Вася помолчал. – К тому же я не палач, а «волкодав»-перехватчик, не люблю, когда пытаются людей, даже таких гнусных, как этот эст.

– Это их дело. Я тоже не люблю таких зрелищ, но они наших ребят пытали не в пример страшнее.

Вася не ответил, и женщина замолчала. Потом придвинулась ближе.

– Женат?

– Нет.

– Дикий ты какой-то, непохож на остальных. Я видела, как ты двигаешься. Рукопашкой у кого занимался?

Вася хотел отшутиться, но в это время послышался гул вертолетных винтов, и тотчас же из-за ближайшего холма вывернулась пятнистая «вертушка», мастерски прижалась к земле, села в распадке с первого захода.

Через минуту они уже летели низко над землей – в антирадарном режиме, – огибая холмы и скалы, ныряя в лощины и ущелья, на северо-восток, в сторону Грозного. Вертолет должен был высадить группу в тридцати километрах от столицы Чечни, где их ждала спецмашина.

Вася понимал, что нажил себе серьезных врагов, но думал об этом мало. Пока они шли в общей связке, отряду был нужен каждый человек. Ну а потом, после выполнения задания, можно будет и поговорить с обоими по-мужски. Главное в нынешнем положении – беречь спину.

Глава 10

ЗИГЗАГ ВЫСОКОЙ ПОЛИТИКИ

Премьер-министр вызвал Панова в «Белый дом» неожиданно, к тому же он прежде никогда не разговаривал с ним в раздраженном тоне, поэтому Иван Сергеевич ничего хорошего от аудиенции не ждал. Однако пока он собирался, решал неотложные дела, ехал в Дом правительства, произошли некие события, которые повлекли за собой весьма важные последствия.

Во-первых, премьера не оказалось на месте, а его секретарь, вышколенный молодой человек в очках, о причине отсутствия сказал только два слова, подняв очи горе:

– У Хозяина.

Это означало, что Краснорыжин срочно убыл в Кремль по вызову президента.

Размышляя об этом, Панов вышел из приемной руководителя правительства и нос к носу столкнулся с вице-премьером Сосковым, которого знал плохо и с которым прежде никогда не контактировал.

– А я за вами, Иван Сергеевич, – сказал, поздоровавшись, Сосков, плотный, большеголовый, смотрящий всегда исподлобья, почти никогда не улыбающийся, с ежиком коротких светлых волос. – Узнал, что вы здесь, и решил поговорить. Есть повод. Пойдемте в мои апартаменты.

– Но меня вызвал Михаил Сергеевич...

– Ему будет не до вас. – Сосков пропустил директора ФСБ вперед, дружески взял под локоть и повел по коридору, мягко ступая по ковровой дорожке. Открыл свой кабинет, усадил гостя в кресле напротив диванчика в «гостевом» углу огромной роскошной комнаты со множеством стеклянных шкафов, набитых призами и кубками всех размеров и цветов. Достал из бара бутылочку армянского коньяка, налил в стопочки по глотку, поднял свою стопку.

– Ваше здоровье, Иван Сергеевич.

Хмыкнув, Панов проглотил коньяк, сунул в рот по примеру хозяина дольку ананаса, и они некоторое время сосредоточенно

жевали, поглядывая друг на друга, словно оценивая то, что должны были услышать. Наконец Панов сдался первым:

– Итак, я вас слушаю, Юрий Степанович. Что тут у вас происходит?

– Да ничего особенного, Иван Сергеевич. Под Краснорыжиным зашаталось кресло, так что в ближайшее время следует ждать перемен.

– А вы, надо полагать, его сменщик? – догадался Панов.

– Ну не на сто процентов, – скромно потупился Сосков, – однако вероятность большая. Все будет зависеть даже не от президента, а от Думы. В связи с чем дружески советую прекратить все спецоперации на территории Чечни. Краем уха я слышал, там сейчас работает ваша опергруппа?

Панов похолодел, стараясь тем не менее выглядеть достойно. О засылке группы перехвата в Чечню должны были знать всего четыре человека: сам Иван Сергеевич, Ельшин, Первухин и Краснорыжин. Однако если и Сосков осведомлен, значит, где-то произошла серьезная утечка информации.

– Исламский терроризм шагнул на территорию... – начал директор ФСБ.

– Да какой, к черту, исламский терроризм! – криво улыбаясь, проговорил Сосков, налил еще по глотку коньяка. – Хорошо делают братья-армяне, не правда ли? Нам до исламских террористов нет никакого дела. А вот предстоящая встреча президента Ичкерии с нашим президентом имеет громадное значение. Через два дня состоится визит их премьера, а потом и сам Шароев пожалует, что весьма и весьма важно для развития отношений в... гм-гм... нужном для нас направлении. И если вдруг в этот момент случится что-то с его сыном... вы понимаете?

Панов понимал. Задумчиво повертел в пальцах хрустальную стопку с выпуклым двуглавым орлом на боку.

– Но команда Безумного... э-э... Амирбека Шароева уничтожила несколько офицеров, героев чеченской войны, а также писателя Кожемякина. Это доказано...

– Да забудьте вы о них, – поморщился Сосков. – Есть дела поважнее. Щенок перестарался... Пусть расчетами с чеченцами занимается «чистилище», что нам только на руку. В общем, я надеюсь,

вы хорошо представляете последствия. Необходимо обойти все острые углы перед визитом Шароева в Москву, а это означает, что его сын...

– Известный бандит и террорист...

– ... его сын должен находиться в полном здравии.

Панов поставил стопку с коньяком на столик, выдержал тяжелый взгляд вице-премьера, встал.

– Я все понял, Юрий Степанович. Попытаюсь сделать все, что в моих силах.

– Вот и ладненько, Иван Сергеевич. А я со своей стороны обещаю вам всестороннюю поддержку.

Они раскланялись, не подавая друг другу руки, и Панов вышел из кабинета. Вскоре он входил в свои служебные апартаменты, привычно не замечая смены телохранителей, сопровождавших его повсюду, кроме разве что территории «Белого дома». Постояв в глубокой протрации несколько минут у окна с видом на Лубянскую площадь, Иван Сергеевич вызвал Ельшина и Первухина и сел за компьютер. Ему захотелось поднять досье на вице-премьера Соскова, имеющего, по данным ФСБ, прямые связи с миром бизнеса и криминальным миром.

Начальники управлений «Т» и УСО явились аккуратно через десять минут, словно ждали вызова. Сесть их Иван Сергеевич не пригласил, проговорил, не поднимая головы от дисплея:

– Во-первых, кто-то из вас проговорился о проводимой нами операции «Перехват».

Генералы в замешательстве переглянулись.

– Не может быть! – твердо заявил Первухин.

– Тогда откуда о ней известно Соскову?

Начальники управлений снова обменялись взглядами. Первухин был озадачен, Ельшин же догадывался, в чем дело, но молчал. Сосков был связан с «Куполом», значит, в его руководстве кто-то проговорился о засылке группы в Чечню.

– Второе, – произнес Панов, не повышая голоса, все еще читая довольно объемное досье Соскова, выведенное на экран. – Вы предложили этот вариант – «мечь» исламским экстремистам, вы и расхлебывайте. Связь с группой есть? Где они там?

– Они уже ликвидировали шестерых, – сказал Первухин, – остался Безумный... э-э... Шароев. Он будет уничтожен сегодня ночью.

– Немедленно отмените операцию! – Иван Сергеевич наконец глянул на стоящих посреди кабинета генералов. – Обстоятельства изменились. Шароев должен остаться живым. Ясно?

– Но ведь мы учитывали... – начал было Первухин.

– Исполняйте. – Панов отвернулся, давая понять, что аудиенция закончена.

Начальники управлений поглядели друг на друга в третий раз и вышли. В приемной они закурили.

– Смена курса, – сказал авторитетно Ельшин. – Дует свежий ветер перемен. Краснорыжин, очевидно, полетит в скором времени, а его место займет или Сосков, или Лобанов.

– Да хрен с ними обоими, – затянулся Первухин. – Меня это мало волнует. А вот то, как мы теперь будем вытаскивать группу...

– Вытащим, – беззаботно махнул рукой Ельшин.

– Вот и вытаскивай. Ты предложил вариант «мести»... с дезой на «чистилище», ты и хлопочи.

– Не переживай, – хлопнул начальника УСО по плечу Генрих Герхардович. – Все будет тип-топ, гарантирую.

Глава 11

ОТСТУПНИК

На сей раз сознание Матвея вселилось не в тело разведчика-первопредка, путешествующего по запретной территории Инсектов, а в тело более древнего представителя рода – получеловека-полульва-полунасекомого, и этот человекообразный монстр (две ноги, четыре руки, вполне человеческая голова, хотя и с фасетчатыми глазами и без ушей, хитиновые наросты на лопатках, похожие на зачатки крыльев, и такие же пластины на груди и на животе, органично сочетающиеся с кожей) оказался тем самым родоначальником системы боя – смертельного касания, которую получил Матвей в дар от иерархов с помощью Тараса Горшина.

В принципе ничего особенного в этом трансовом сновоспоминании Матвей не увидел. Мастер тренировался один, записывал свои мысли острым когтем на тонких, как бумага, металлических листах (металл напоминал серебро, а вязь букв походила на арабскую письменность), затем отрабатывал приемы на учениках, а может быть, на рабах – трупы уносили молчаливые женщины-львицы в своеобразных балахонах, – и снова записывал соображения, изредка стирая проступающий на металле текст куском пемзы.

Матвей попытался воздействовать на сознание мастера и даже вывел его из дома, похожего на термитник, но, кроме десятка таких же трех-четырёхъярусных термитников, коричнево-красных, отблескивающих глазурью, геометрически безупречных, да леса за ними, над которым висел зоэрекс, ничего больше не увидел. Зоэрекс, летающий город Веспидов, показался ему необычным, однако времени на рассмотрение предок Матвею не дал, сердито вышвыривая сознание потомка из своего.

Проснувшись, Матвей проанализировал сон, понял, почему воздушный замок Веспидов показался ему необычным: он был совсем новенький, красивый, изящный, как игрушка, – и пришел к выводу, что прапредки человека вполне могли уживаться мирно с пережившими Изменение Инсектами.

Сон не показался Матвею интересным, и все же он остался доволен. В этот раз ему удалось опуститься по мировой линии своих предков гораздо глубже в прошлое, чем в предыдущих трансовых путешествиях-снах, а это вселяло надежду, что когда-нибудь ему удастся подобраться к Изменению вплотную, а может быть, и перешагнуть этот временной барьер, чтобы пересечь эпоху царствования Инсектов, пообщаться с Аморфами и встретиться с Безусловно Первым, Творцом «розы реальностей».

Встав, как обычно, в половине шестого, Матвей проделал комплекс обязательных упражнений и медитации, не выходя в астрал, затем начал тренировать свои растущие возможности. Летать он еще не научился, как и ходить по воде, но вес тела был способен уменьшить в три-четыре раза. Мог излечивать раны, нанесенные холодным или огнестрельным оружием, у себя или у других людей, чем пользовался не однажды, развил обоняние до такой степени, что мог конкурировать с любым животным, остротой зрения – с орлами, а слухом – с дельфинами и летучими мышами. Теперь его интересовали более высокие материи: способность создавать видимые копии, так называемые «астральные тела», или, по-научному, – динамические голографические призраки, возможность ощущать панорамы и перспективы других реальностей и весьма необходимая способность проникать сквозь стены, не говоря уже о способе мгновенного преодоления огромных расстояний, которым владели иерархи и Хранитель Матфей. Но тот был Посвященным III ступени Внутреннего Круга, а Соболев принадлежал к касте II ступени, что и кардиналы Союза Девяти, поэтому мог только мечтать о возможностях Хранителей, хотя в будущем рассчитывал на новое Посвящение.

Конечно, он не ждал милостей от природы, он тренировался упорно и настойчиво, и кое-что у него начало получаться.

Однажды Кристина застала его, упиравшегося в стену рукой (рука излучала нежное розоватое свечение), и даже засмеялась от неожиданности:

– Что это ты, Соболев, стену подпираешь?

– Пытаюсь пройти насквозь, – сказал истинную правду Матвей, что было воспринято сначала как шутка. Потом девушка заметила светящийся ореол вокруг руки и перестала улыбаться.

– Ты... серьезно?!

– Что ни на есть, – кивнул Матвей. – Понимаешь, всего-то и надо подогнать частоту вибраций тела под частоту вибраций стены, но у меня пока не получается.

Он убрал руку, и Кристина увидела на бетонной, покрытой обоями стене отпечаток ладони...

Вспомнив этот эпизод, Матвей улыбнулся. С тех пор он пытался тренироваться в одиночестве, ночью или когда Кристина отсутствовала, чтобы не травмировать ее психику.

Он заперся в ванной, коснулся двумя ладонями перегородки между ванной и туалетом, сосредоточился, и руки, засияв, как раскаленные бруски металла, вошли в перегородку на сантиметр.

Боль ударила по нервам кнутом. Матвей выдернул руки, подул на них, потряс, сунул под воду. Утихомирив боль, покачал головой. Чего-то он не учитывал при экспериментировании, и проникновению в материал стен мешала реакция нервной системы, вызывающая сильнейшую боль-ожог в нервных окончаниях погружаемых в твердые тела рук.

После душа с непременно сменой холодной и горячей воды Матвей вскипятил чайник и привычно обозрел «окрестности» астрала, входя в меоз^[8] без всякого усилия.

Как всегда, мерный «космический» шум первого информационного слоя Земли подействовал на него завораживающе, и он даже пропустил тихое прикосновение чьего-то мысленного потока. Опомнился, уплотняя пси-блок и одновременно расширяя диапазон гипервидения. Мыслепоток был незнакомым, и от контакта с ним у Матвея родилось ощущение прикосновения к холодной и скользкой шкуре болотной змеи. Кто-то пытался лоцировать его в астрале, ожидая появления, кто-то незнакомый, чужой, равнодушно-внимательный и оттого непредсказуемо опасный.

Страхнув с себя щупальца чужой воли, Матвей побрел было дальше, настраиваясь на прием нужной информации, но вынужден был прервать сеанс – на кухню выпорхнула Кристина, босоногая, как всегда, в наспех наброшенной мужской рубашке, розовая со сна, соблазнительная и милая.

– Я его ищу по всей квартире, а он здесь медитирует в одиночестве. О чем задумался, детина? – Она взобралась к нему на колени, шутливо потянула за нос, лизнула в ухо.

Матвей поцеловал ее в шею, потом не удержался и расцеловал обе груди, прижал к себе.

– О чем может думать молодой мужик в семь утра? О тебе, конечно. А еще о несовершенстве человека.

Кристина белозубо засмеялась.

– Еще твой любимый Омарчик Хайям задавался этим вопросом. Помнишь?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны – зачем умираем?
Если несовершенны, то кто бракодел?

– Помню, – улыбнулся Матвей. – Хотя в принципе, знаю, кто бракодел.

– Кто же?

– Аморф Конкере, Монарх Тьмы.

– Это еще кто такой, почему не знаю? Разве не Господь нас создал?

Матвей покачал головой, сказал серьезно:

– Разве мог Господь создать таких злобных, трусливых, агрессивных, лживых и порочных существ, как люди?

– Конечно, мог, – пожал плечами Кристина. – В противовес кому-то, например, или для ассортимента, так сказать, или вообще шутки ради. Ведь недаром говорят, что весь наш мир – майя, иллюзия... Е г о иллюзия, понимаешь? Мы всего-навсего мыслеформы Бога.

Матвей внимательно всмотрелся в лицо подруги. На миг ему показалось, что сквозь черты Кристины на нем проступили черты лица Светлены. Но он отогнал от себя это наваждение.

– Как я понял, ты уже кое-что прочитала из того, что я тебе давал. Интересно?

– Торчу и балдею. – Кристина освободилась из объятий, побежала в ванную, выглянула оттуда. – Даже на лекциях читаю. И вообще, ты действуешь нечестно.

– Это почему же? – вытаращил глаза Матвей.

– Я и так с тебя тащусь, как говорят подружки, минуту не могу прожить одна, а ты еще эту гипнотизирующую эзотерику подсунул, чтобы крепче меня к себе привязать.

Дверь закрылась, зашипела в кране вода.

Матвей улыбнулся, потом рассмеялся, по ассоциации вдруг припомнив рассказ Васи Балужева.

Два года назад... или вперед? Ведь те события как бы еще не происходили... и все же хранится в памяти история двух «володавов»-перехватчиков и трех Посвященных, и никуда от этого не деться! Все это было... или все-таки еще только будет?

«Не рефлексируй! – строго приказал сам себе Матвей. – Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе».

История же, поведанная Балужевым, была в самом деле уморительна. Вася тогда жил во Владимире с девушкой Наташей, перезнакомился с ее друзьями, ходил к ним в гости, вместе отдыхал. А однажды, отпраздновав чей-то день рождения, поздно ночью компания пошла прогуляться и, выйдя на берег Клязьмы, решила искупаться. Но так как все заранее не побеспокоились о купальных костюмах, один из самых юморных приятелей Наташи – Алексей, Леха – предложил купаться голыми, но лагерьями: женщины отдельно, мужчины отдельно. Провел черту на песке до реки, скомандовал: бабы налево, мужики направо. Разделись, залезли в теплую воду, а через минуту раздался вопль и визг на «левой» половине – Леха заплыл на женскую территорию. Оправдывался он потом тем, что «черту смыло водой»...

Матвей еще раз улыбнулся, потом внезапно сбросил с себя одежду и ворвался в ванную. Кристина, правда, визг поднимать не стала...

Потом они завтракали: рис, овощная поджарка, кофе. Кристина была настроена весело, болтала о том о сем, изредка бросая на Соболева странноватые взгляды, и Матвею снова показалось, что из нее выглядывает Светлана, спутница инфарха, его светлый ангел. Рассердился на себя, отодвинул чашку.

– Сколько тебе экзаменов осталось сдать?

– Два, – остановила свой рассказ Кристина. – А что?

– Прикидываю, когда и куда мы поедем потом.

– Куда захочешь. Можно ко мне в Рязань, можно к родственникам в деревню, они в Красноярском крае живут, в тайге, на берегу горной речушки. А куда ты ездил вчера?

– За кудыкины горы, – не моргнул глазом Матвей.

– Меня не мог взять с собой?

– Не мог, к сожалению.

– Не ври. Не захотел.

Матвей подумал, кивнул, соглашаясь, поднял вверх палец и назидательно проговорил:

– Если мужчина никогда не лжет женщине, значит, ему наплевать на ее чувства.

Кристина засмеялась, поперхнулась чаем, и Матвей легонько постучал ее по спине.

– В следующий раз обещаю взять тебя с собой. Но только после того, как сдашь экзамены, и только в том случае, если будешь слушаться.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин. – Кристина вдруг ойкнула, бросив взгляд на висевшие на стене в кухне часы. – Заговорил ты меня, перехватчик, я же на консультацию опоздаю! – Она подхватила и бросилась из кухни в спальню, откуда раздался ее голос: – Посуду не забудь помыть.

– Это называется статус-кво, – глубокомысленно пробормотал Матвей, вспомнил старый анекдот, добавил: – «А вот этого не надо, – сказал граф и пошел мыть посуду...» – Зашел в спальню, оценивающе разглядывая переодевающуюся Кристину. – Я тебя подвезу, успеешь.

– Выйди, нахал! – возмущенно отмахнулась блузкой Кристина.

В начале десятого он высадил ее на Манежной площади и направил машину по Охотному Ряду мимо Театральной и Лубянской площадей в сторону Новой Басманной. Тарас Горшин, отступник Внутреннего Круга, ныне – комиссар «чистилища», жил в собственном доме на окраине Москвы, в зеленой зоне Щелкова и, судя по «шевелению» астрала, находился в данный момент дома.

Дом Тараса был окружен сосновым лесом, а обрабатываемый участок с плодовыми деревьями: две яблони, несколько вишен, слива и груша, – и огородом не превышал шести соток. Зато участок был тщательно ухожен и содержался в идеальном порядке, что говорило о привязанности хозяина к земле. Дом недавней постройки, по сути, представлял собой финский коттедж с остроугольной крышей, под которой располагалась мансарда. Насколько помнил Матвей, в доме было пять комнат и кухня. В большой гостиной, выполненной в

готическом стиле и представлявшей собой каминный зал с коллекцией старинного холодного и огнестрельного оружия и лат, Соболев уже бывал однажды.

Оставив машину за два квартала до «поместья» Горшина, наглухо заблокировав себя в пси-диапазоне, он прошелся по улице, присматриваясь к дому, никого в саду не увидел и ловко перепрыгнул через полутораметровой высоты забор, памятуя, что калитка Тарасова двора снабжена хитроумной системой контроля и опознавания гостей.

Открыть входную дверь не составило бы особого труда, но тогда сработала бы сигнализация, и Матвей решил проникнуть в дом через окно, несмотря на то, что все они были заперты изнутри. Он зашел со стороны леса, все время лоцируя, вернее, пассивно контролируя передвижения хозяина по дому, прислушался к своим ощущениям, тревоги не почуял и положил руку на стекло. Через несколько минут в стекле образовалось отверстие по форме ладони, сквозь которое можно было просунуть руку. Матвей отодвинул шпингалет форточки, открыл ее, гибким, змеиным движением, с прыжка, втиснул в нее плечи и быстро пролез, буквально «стек» на пол струей воды.

Горшина он обнаружил в гостиной с камином. Бывший Посвященный II ступени, отвергнутый адептами Внутреннего Круга за упорную реализацию идеи мести (слуги Конкере убили его жену с неродившимся ребенком), рисовал на листе белого картона китайский иероглиф «цюань» – кулак внутри кулака, символизирующий тайный, скрытый от посторонних смысл какого-нибудь явления.

Он мгновенно повернулся к двери, почуяв чужое присутствие, и несколько секунд Посвященные смотрели друг на друга: один – с изумлением и недоверием, второй – с любопытством. Потом Горшин сорвался с места и оказался рядом – он владел темпом, то есть знал секрет сверхскоростного сокращения мышц. Но и Матвей мог работать в темпе, поэтому встретил хозяина адекватно.

Специалист, владеющий системой построения движения, своеобразной силовой паутиной возможных траекторий рук, ног, головы, других частей тела, способен, ничуть об этом не задумываясь, показать тысячи разнообразных приемов, не привязываясь к какой-то определенной схеме боя или комбинации базовых техник. Он просто действует исходя из принципа: хочешь быть непобедимым – не создавай ситуацию, в которой есть возможность тебя победить. И

Матвей давно научился пользоваться этим принципом. К тому же он в совершенстве владел техникой смертельного и усыпляющего касания. Поэтому ни одно движение Горшина не поставило его в тупик, ни один удар мастера, коим, безусловно, был Тарас, не достиг цели. В любой момент Матвей мог остановить схватку, обладая дацзешу – искусством пресечения боя, к которому можно было отнести и японское ниндзюцу, и монгольское бандзо, китайский дуаньда, маньчжурский чаньтун, индонезийский пенчак-силат и отечественный русбой; всеми этими стилями Матвей занимался в свое время, и все они вошли в его техническую базу.

Горшин отскочил, озадаченный, но не побежденный, не растерявшийся и по-прежнему опасный. Снова начал атаку, меняя стили и ритм проведения приемов, ломая траектории движений спонтанно и неожиданно. Матвею пришлось ответить, чтобы ослабить нажим, потому что он перестал снова между ударами и уклоняться, противник ему все-таки достался высшей категории, с которым вряд ли мог справиться даже мэйдзин – мастер ниндзюцу.

Затем Горшин применил «ядовитую руку» – искусство смертельного касания, культивируемое некоторыми японскими школами тайдзюцу, и хотя это был всего лишь отголосок «настоящей» космек (комбинаторики смертельного касания – по терминологии Васи Балугева), созданной перволюдьми миллионы лет назад, Матвею пришлось изрядно потрудиться, чтобы не получить серьезный энергетический укол самому и не покалечить противника.

Кончилась атака Горшина тем, что он получил «щелчок по паутине» – укол в стиле русбоя в середину лба и некоторое время «выплывал» из полубессознательного состояния, присев на корточки. Выпрямился, опуская руки, показывая, что не собирается продолжать, но сдаваться явно не хотел.

– Мо сйцумен ва аримасэн ка?^[9] – спросил Матвей по-японски.

– Кто тебя послал? – Голос Горшина был тихий, хрипловатый, обманчиво надломленный: он готовился к новой атаке.

– Не Конкере, – усмехнулся Матвей. – Я работаю на военную контрразведку, хотя пришел к тебе по собственной инициативе.

– Кто ты? Один из нас? Судя по тому, как ты вошел...

– Я Матвей Соболев, с одной стороны – Посвященный, с другой – нет. Если ты способен выслушать меня спокойно, без демонстрации

вибхути^[10], давай сядем и поговорим.

– А ты можешь?

Матвей прыгнул.

До стола было метров пять, и он пролетел над ним – уменьшив вес втрое, – точным движением снял с поверхности стола лежащий на нем нож и полоснул им по левой ладони. Брызнула кровь, тут же сворачиваясь, а через несколько мгновений, когда Матвей уже стоял у стены с оружием по ту сторону стола, шрам затянулся на глазах, побледнел, исчез совсем.

– Нормально, – хмыкнул Горшин. – Почему я вас не знаю? Такое способен проделывать только Посвященный II ступени Круга.

– Вы меня знаете, – сказал Матвей дружелюбно. – Точнее, з н а л и. Но об этом мы поговорим чуть позже. – Он снял со стены висящий обоюдоострый меч, по желобку которого вилась вязь старинных русских букв: «Не обнажаша напрасе». – Тринадцатый век. Меч русского князя Волеслава, не так ли?

– Откуда вы знаете?

– Ты мне сам сказал два года назад. Не хочешь попробовать? Ты ведь мастер кэндо? Однажды ты демонстрировал мне свое искусство.

Горшин без слов прыгнул через стол, красиво приземлился по другую сторону и снял другой меч – рыцарский, классического европейского типа, длиной около метра и шириной в пять сантиметров, с гардой, дужки которой слегка загибались вверх. Эфес его не был особенно удобным, но и витой эфес русского меча не слишком хорошо лежал в ладони.

Во время памятной Матвею встречи с Горшиным тот показал ему такое виртуозное владение мечом, что не восхититься и не позавидовать было нельзя. Но с тех пор прошло достаточно времени, чтобы Матвей приобрел мастерство воина, оттачивая владение мечом и другими видами холодного оружия, поэтому сегодня он дрался с Тарасом на равных.

О нет, этот бой не походил на всемирно известные киношные сражения горца Дункана Маклауда со своими многочисленными врагами. Каждый удар в этом бою мог оказаться смертельным, последним, ибо наносился не в одной плоскости, а по сложным кривым – «лопастями поражения», и не знающие защиты от таких ударов давно потеряли бы жизнь.

Горшин действительно был прекрасным кэндоистом, знающим все тактики и приемы боя на мечях, в том числе такие сложные, как японская «бозэй-когэй-хеки» и русская «сеча Радогора».

Противостоять ему было чрезвычайно трудно, особенно в моменты смены ритма, однако Матвей выдержал бой, лишь однажды получив царапину на плече и сам нанеся укол в ухо противнику.

Тарас бросил свой меч первым, сказал хладнокровно:

– Вы превзошли меня, сэнсэй. Проходите, я сейчас приготовлю напитки.

Матвей повесил меч на стену, сел в одно из старинных, из темного дерева кресел. Горшин принес на деревянном подносе чашки из тонкого китайского фарфора, кофейник, сахар, сыр ломтиками, разлил кофе по чашкам. Отпив по глотку, они оценивающе глянули друг на друга, похожие непоказным спокойствием и глубинной уверенностью в себе, основанной на опыте и знании.

– Итак?

И от этого вопроса Матвею показалось, что история повторяется даже в деталях. Два года назад он пил кофе с Тарасом точно так же, и впереди их ждала жестокая схватка с Монархом Тьмы.

– Я инициировал эйнсоф, – сказал Матвей. – Ты в курсе, что это такое.

– В курсе, – кивнул Горшин, в свою очередь переходя на «ты». – Только странно, что ты уцелел.

– Мне придется начать издалека... – Матвей вздохнул про себя, не чувствуя желания продолжать; свою историю он повторял уже в третий раз, это начинало надоедать.

В отличие от предыдущей встречи с Ульяной и Парамоновым сегодня ему удалось уложиться в сорок минут. Горшин все отлично понимал, ни разу ничего не переспросил, скепсис не выражал и лишь изредка вскидывал на рассказчика сосредоточенный взгляд. Молчал он, после того как Матвей закончил, недолго.

– Значит, произошел отстрел мягкой версии Закона возмездия...

– Нечто в этом роде, – улыбнулся Матвей на слово «отстрел».

– Ну и что? Я это в принципе знал, поэтому и создал «Стопкрим» в качестве регулятора Закона.

– Этот твой регулятор слаб, он не справится с проблемой стабилизации социума. Да и не может он быть полноценным

регулятором в принципе, как изначально патогенная система отношений.

– Допустим, это еще надо доказать.

– А исторический опыт порочных процессов регуляции социума тебе ничего не доказывает? Закон обратной связи подвержен волновым колебаниям, и как только он ослабевал, на Земле начинались войны, общие процессы разрушения культуры. На Ближнем Востоке окреп ислам – началась эпоха Крестовых походов. Взрывообразный процесс падения энтропии породил монголо-татарское иго. Такой же процесс в двадцатом веке инициировал поход Гитлера на Россию...

– Не стоит приводить примеры, – рассеянно сказал Горшин, – вряд ли ты докажешь мне то, в чем я сомневаюсь.

– Я ничего не хочу доказывать, только привожу факты. А в общем-то ты не прав, деятельность «чистилища» – не главная забота Посвященного такого ранга, как ты. Тем более что ситуацией все равно управляет более мощная организация.

– «Купол», что ли? Мы доберемся и до него.

– Нет, Союз Девяти Неизвестных. В твоей команде есть некто Рыков Герман Довлатович, начальник информбюро ФСБ, так вот он – один из кардиналов Союза. Неужели не почувствовал его силу? А в «Куполе» работает еще один кардинал – Хейно Янович Носовой. Так что именно они регулируют социальную и прочую среды страны, а не «чистилище», и масштаб их воздействия на жизнь мира гораздо выше. Не обижайся, но я не стал бы преувеличивать собственную значимость для «запрещенной реальности».

– Я не обижаюсь, – сверкнул глазами Горшин, сделав безуспешную попытку перехвата воли собеседника, – но и не преувеличиваю. Я отступник, и никто не смеет мне диктовать свои условия, ни Союз Девяти, ни адепты Круга. Ни ты. У нас разные способы реализации себя и разные дороги.

– Ошибаешься, – простодушно проговорил Матвей. – Я предлагаю нечто большее, чем месть убийцам твоей жены, а как говорят даосы: не взять то, что даровано Небом, – значит себя наказать.

– Что же ты предлагаешь?

– Совсем скоро начнутся разборки между иерархами за трон Мастера Мастерова, инфарх будет низложен – не без помощи Монарха,

кстати, разгорится великая битва за абсолютное владение «запрещенной реальностью»... – Матвей помолчал, – ибо это так увлекательно – властвовать над миром! А Монарх между тем потихоньку готовит новое изменение... если только оно уже не началось.

– Что ты предлагаешь конкретно?

– Перекрыть границы нашей реальности, дать цивилизации шанс развиваться самой, без толчков извне.

– Судя по твоему рассказу, однажды ты уже попробовал это сделать, и ничего не изменилось.

– Нет, я хочу перекрыть границы абсолютно, для чего необходимо выйти в «розу реальностей» и остановить Монарха. А заодно и образумить возомнивших себя богами иерархов.

Горшин с проснувшимся интересом и недоверием посмотрел на Соболева.

– Ты с ума сошел! Во-первых, для посещения других реальностей необходимо Посвящение III ступени, да и то это не всегда гарантирует доступ. А во-вторых, Монарх нам шагу ступить не даст, коли узнает о намерениях.

– Если узнает. Надеюсь, ты ему не расскажешь? – проговорил Матвей самым серьезным тоном.

Горшин, однако, шутки не принял.

– Парень, у тебя, по-моему, головокружение от успехов.

– Я не предлагаю дэваяну^[11], я предлагаю Путь Избегающего Опасности. Одному мне одолеть его не под силу, а вдвоем мы справимся. К тому же у нас есть помощники как среди профессиональных воинов, идущих к Дао, так и среди Посвященных.

Горшин скептически поджал губы.

– Неужели нашлись еще отступники? Поздравляю. А ты, значит, полководец армии отступников, ха-ха...

Матвей остался безмятежен.

– Ты хочешь изменить положение вещей?

– Одного желания мало. Как ты предполагаешь это сделать?

– Я до сих пор нахожусь в поле действия «саркофага» Инсектов, то есть «одушевленной детали» системы управления «Иглой Парабрахмы», которая находится в МИРе формикоидов под дачей

генерала Ельшина. Надо проникнуть туда и открыть вход в «розу реальностей».

– Так просто, – невольно улыбнулся Тарас. – Нас к даче на пушечный выстрел не подпустят.

– Я уже дважды посещал ее. К тому же нас там не ждут и ловушки не готовят, а у Ельшина стоит в отдельном бункере великолепный комп типа «Шайенн» с выходом на Монарха.

Тарас подобрался, хищно шевельнул пальцами рук.

– Это... интересно.

– Идешь?

Горшин выдержал холодно-ироничный взгляд Соболева, расслабился.

– Надо как следует подготовиться.

– Я не предлагаю идти туда прямо сейчас, ошибаться мы не имеем права. Но времени у нас мало, начался синусоидальный провал Закона, надо спешить.

– А как Путь Избегающего Опасности согласуется с походом на Конкере? Ты же убедился уже один раз, что война с Монархом – путь потерь.

– Путь Избегающего Опасности не запрещает мне играть роль винайки – устранителя препятствий, другое дело – каким способом я этого достигну.

– Каким?

– Не знаю, – простодушно ответил Матвей, вставая. – Пока не знаю. Но ведь мы профессионалы, разберемся. А еще я надеюсь, что нам помогут Учителя.

Горшин, задумчивый и явно заторможенный, проводил его до калитки, подал руку, помолчал, глядя исподлобья.

– Профессионалы, говоришь?

Матвей внимательно глянул в его непроницаемые черные глаза, не спеша отвечать на реплику. Тарас вдруг встрепенулся, показал свою удивительную улыбку – улыбку Будды и процитировал:

Да пребудут в целости,
Хмуры и усталы,
Делатели ценностей,

Профессионалы...[\[12\]](#)

Глава 12

ПРЕДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Вертолет выбросил их в условленном месте, в тридцати километрах от Грозного, и с двух часов дня до вечера они отсыпались, отдыхали и готовились к следующей, заключительной части операции.

«Домом отдыха» послужил взорванный еще в девяносто пятом году винзавод, на территории которого чудом сохранилось небольшое хозяйственное строение, использовавшееся когда-то в качестве бутылочной мойки. Ничего пригодного к жизни там, конечно, не сохранилось, даже пустых бутылок, но перехватчикам особые удобства и не требовались, им было достаточно того, что стены строения и самого винзавода охраняли их от любопытных взоров местных жителей, изредка появляющихся вблизи.

Здесь группу ждал и транспорт – сгоревший с виду, разбитый вдрабадан БТР, бывший тем не менее на ходу и способный доставить группу куда угодно со скоростью шестьдесят километров в час.

Осмотрев территорию завода, Ибрагимов с двух сторон поставил по часовому и уединился в бывшем моечном цеху, где к нему присоединился майор Шмель. Остальные укрылись кто где, не желая в жару сидеть в душном помещении. Все понимали, что в случае обнаружения их не спасет ни полковник Дерюгин со своими оперативниками, ни тем более генерал Ельшин, и поэтому не переживали за свою судьбу, доверившись стихийным процессам, относясь к проблеме жизни и смерти по-философски. Правда, философия у всех была своя, и если бы можно было ее сравнить, то оказалось бы, что интересы многих бойцов отряда, основанные на их философии, диаметрально противоположны.

Василию досталось первому стоять в охране, чему он был даже рад. Удобно устроился за двузубым участком каменной кладки – винзавод до уничтожения был обнесен высокой стеной – и стал наблюдать за местностью: холмы, поросшие кустарником, лесок в распадке, заброшенная железная дорога. Через полчаса к нему

присоединилась Людмила, и они перекинулись парой фраз, хотя Василию не особенно нравился интерес женщины к его особе. А спустя еще полчаса у него произошел конфликт с Тамерланом, скучающим от безделья и нацелившимся на более тесное знакомство с особой женского пола.

Людмила, поговорив с Васей и видя его нежелание вести отвлеченные разговоры, улеглась в низинке за стеной, скинув верхнюю часть комбинезона и подставив грудь солнцу. В этот момент к ней подсел Тамерлан, с ходу прижал к земле и принялся стаскивать комбинезон. Людмила, конечно, знала приемы рукопашного боя, но в пределах универсальной школы, Тамерлан же был киллхантером и мог справиться с любым «черным поясом». Сопротивление женщины только раззадорило его, принятое за игру, а ее молчание он принял за слегка завуалированное согласие. Вася услышал стон и вмешался в борьбу в тот момент, когда Тамерлан, обездвижив Людмилу болевым приемом, пытался раздвинуть ей ноги.

– Эй, – тихо позвал Василий, надеясь, что его присутствие подействует на Тамерлана отвлекающе. Но тот лишь оскалился, продолжая свое дело. Прорычал свирепо:

– Приходи позже, «волкодав», будешь вторым.

И тогда Василий от души врезал ему ногой в область ребер с поворотом пятки. Удар назывался по-японски «ики-о кирасэру» и переводился как «сбой дыхания». Умело примененный, он всегда заставлял противника отступить.

Тамерлан был отличным бойцом. Краем глаза заметив движение, он почти успел уйти влево и попытался парировать удар внешним блоком – ребром ладони, однако в этот момент носок стопы Балугева повернулся, и пятка впечаталась в бок киллхантера, сбрасывая его с женщины на метр в сторону. Он тут же вскочил, пригибаясь, растопырив руки, и вид его был так воинственно-смешон – с расстегнутым клапаном-ширинкой комбинезона и торчащим оттуда детородным органом, что Вася невольно засмеялся.

Он тут же пожалел об этом, потому что в глазах Тамерлана разгорелся огонек ненависти и нешуточной угрозы, а киллхантер был из тех людей, кто обид не прощает и вполне способен воткнуть нож в спину независимо от ситуации. Однако и спустить подлость привыкшему побеждать наглецу Вася не мог.

– Молись Богу, «волкодав»! – прошипел смуглолицый завоеватель и прыгнул к Балуюву. Когда у него в руке появился нож, Вася не заметил, но был готов к любому повороту событий.

Он мог бы в принципе тут же и пресечь бой, применив всплывшее в памяти само собой описание ТУК – техники усыпляющего касания, и все же прежде сработали навыки мэйдзина, владеющего багуа-чжан – техникой «восемнадцати форм ладони». Вася развернулся влево, уходя с линии атаки, пропустил руку Тамерлана с ножом под мышку, снова развернулся, надавливая на локоть, и Тамерлан вынужден был выпустить нож, чтобы противник не сломал ему руку. В то же мгновение Вася ударил его «клювом» – сжатыми вместе пальцами – в глаз, и Тамерлан отступил, прижав ладонь к лицу. Затем точным движением выхватил пистолет. Вася «качнул маятник», собираясь метнуть сюрикэн во второй глаз киллхантера, и едва успел удержать бросок, потому что сзади послышался лязг затвора и голос Ибрагимова:

– Отставить стрельбу! Что не поделили?

– Я тебе еще припомню этот день, сука! – глухо проговорил Тамерлан. Спрятал пистолет, развернулся и, все еще держась за глаз, исчез за полуразрушенной стеной.

– Не нравишься ты мне, «волкодав», – задумчиво поиграл затвором «кедра» майор, оглядел спокойно стоящего Балуюва, потом Людмилу, застегивающую комбинезон, с закушенной губой. – Все ты норовишь влезть в чужие дела.

– Он не виноват, – ровным голосом сказала женщина.

– Очень ты мне не нравишься, – не обратил на ее реплику внимания Ибрагимов. – Знаешь закон? Попал в стаю – лай не лай, а хвостом виляй.

– Что за шум, а драки нет? – появился из-за стены майор Шмель, оглядел Василия и Людмилу насмешливым взглядом, весьма схожим с прицеливающимся взглядом командира. – Я вижу, наш «супер» снова перебежал дорогу Тамерланчику? В чем дело, Хасан?

– Он не виноват! – зло глянула на него Людмила. – Следили бы лучше за своими бандитами. У вашего любимца слово не расходится с делом.

– Наше слово правое, наше дело левое, – хмыкнул Шмель, повернул голову к Василию. – Не боишься, «волкодав», что получишь

пулю в спину?

Вася молча подобрал нож Тамерлана и неуловимым движением кисти бросил. Нож просвистел в сантиметре от носа майора, вонзился в ствол скрюченного самшита, прищиплив свисающий с ветвей кусок веревки.

Ибрагимов снова оглядел молчавшего Балуюева с ног до головы, кивнул Шмелю, и они отошли, скрылись в глубине двора завода.

– Он тебе не простит, – тихо проговорила Людмила, имея в виду Тамерлана.

– Переживу, – буркнул Василий, вдруг почувствовав неуютное дуновение опасности. – Последним смеется тот, кто стреляет первым, как говорил один генерал.

Людмила подошла, тряхнула его руку, хлопнула по плечу и нырнула в заросли остролиста, как бы приглашая за собой. Вася сделал вид, что не понял, и снова занял позицию часового, выбрав место наблюдения таким образом, чтобы никто не мог зайти к нему в спину.

До вечера ничего больше не случилось.

А в начале девятого они заняли места в бронетранспортере, и севший на место водителя Маугли повел железную грохочущую коробку на север, в сторону столицы Чечни.

Проводники знали в округе такие дороги, на которых не стояли посты новоиспеченной ичкерийской ГАИ, поэтому до Грозного добрались без приключений. БТР оставили под мостом через Терек, Ибрагимов и Шмель переоделись в форму местной милиции и вышли на дорогу, где остановили джип «Мицубиси» с двумя пассажирами, пристрелив обоих, молодого и пожилого, сидевшего за рулем. В половине двенадцатого ночи въехали в город, опять же минуя посты ГАИ и милиции, и, попетляв по улицам почти полностью погруженного в темноту Грозного, остановились у ресторана «Великий Джихад», от которого до трехэтажного особняка на улице Дудаева, где жил сын президента Чечни Амирбек Шароев, известный в криминальных кругах под прозвищем Безумный, было рукой подать.

Подготовка операции заняла минуты, место и цель каждого перехватчика были определены заранее, действия согласованы и пути отступления оговорены. Однако Ибрагимов сделал кое-какие замены, и Василию вместо роли страхующего досталась роль главного

перехватчика. Он должен был проникнуть в дом Шароева вместе с Тамерланом, Киром и Шмелем, захватить Безумного и вынести из дома. В дальнейшем предполагалось перевезти террориста за город, дождаться вертолета и переправить его в Россию. Почему первоначальная схема операции изменилась, Ибрагимов объяснить не стал, но было ясно, что он получил приказ по рации, самолично менять до деталей разработанный план он бы не посмел.

Полчаса они наблюдали за особняком, пользуясь биноклями и приборами ночного видения. Дом, построенный в стиле псевдоренессанса лет пятьдесят назад (как ему удалось уцелеть после ракетных и пушечных обстрелов города – приходилось только гадать): цокольный этаж, высокие первый и второй этажи, балюстрада, аттиковый этаж, пилястры, вальмовая крыша, – охранялся не только боевиками Шароева, но и милицейским нарядом со стороны улицы, поэтому надо было рассчитать каждый свой шаг, нейтрализовать охрану периметра и лишь потом штурмовать резиденцию Безумного.

Первыми из джипа выскользнули Шерхан и Маугли. Они тенями перелетели улицу и скрылись из глаз за стеной декоративного, давно не стриженного кустарника, отгораживающего проезжую часть дороги от тротуара. Через несколько минут рации донесли остальным членам отряда тихий двойной щелчок, что означало: путь свободен, – и машину покинули Ибрагимов и Шмель. За ними ушли в ночь Тамерлан и Кир. Они должны были обезвредить внешнюю охрану здания, в качестве которой работали бывшие головорезы из отрядов Радуева, Басаева, Хасбулатова и других полевых командиров времен чеченской войны. Шароев, подобно всем его предшественникам, очень любил вооруженных до зубов людей и окружил себя целым батальоном хорошо обученных бойцов. Но – обученных стрелять, а не охранять особо важных персон или участвовать в специальных операциях. Поэтому численность охраны группы перехвата не была значительной помехой.

В кабине джипа осталась одна Людмила, получившая задание наблюдать за подъездами к дому и в случае опасности вовремя дать сигнал тревоги. Второй проводник – чеченец, имя которого осталось неизвестным даже Ибрагимову, высадился еще до въезда в город, свою задачу он выполнил.

Дом со стороны фасада охраняли шестеро молодцов в стандартной пятнистой форме российского спецназа, и всех их Шмель, Ибрагимов и Тамерлан убрали в течение трех секунд из бесшумных винтовок и «винтореза». Еще двоих они же сняли с крыши, и четверых, охранявших здание со двора, ликвидировали Шерхан и Маугли. Лишь один из часовых, засевших на крыше, умер не сразу, свалившись вниз и произведя небольшой шум, остальные уснули навсегда в тех позах, в которых их застали пули снайперов и ножи киллхантеров.

Охраняли дом и собаки – иранские палевые овчарки, которых тоже пришлось пристрелить, так как они стали рваться с поводков убитых у ограды охранников.

Последним к дому метнулся Василий, прекрасно разбиравшийся в хаосе теней и пятен света, видимых сквозь инфракрасные очки. Его уже ждали у малой колонны на углу здания Ибрагимов и Шмель. Дверь особняка была заперта изнутри, и через нее решили не ломиться, не зная, какие силы ждут гостей в холле.

Майор показал пальцем на окна второго этажа. Василий молча полез вверх, цепляясь, как паук, за выступы колонны и рельефные плитки стены. Здание как нарочно было приспособлено для использования его в качестве тренажера для лазутчиков, и взобраться на любой его этаж тренированному человеку не составляло особого труда. Достигнув карниза, Вася уцепился за его край, подтянулся и бесшумно перевалился через каменное обрамление балюстрады на пол балкончика, где лежал убитый часовой. За Васей так же ловко взобрался Шмель, шепнул едва слышно:

– Он во второй комнате от угла, это бильярдная, играет, наверное, с кем-нибудь. Идешь первым, мы прикрываем.

– Где остальные?

– Уже на этаже, зашли с другой стороны.

Вася снял прибор ночного видения, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и распахнул стеклянную дверь, выходящую на балкон. Узкая комната с диваном и столиком у стены, батарея бутылок под столиком и на нем, запахи вина и чеснока. То ли комната отдыха охранников, то ли дежурка обслуживающего персонала. Из-под двери в коридор пробивается полоска света. Тишина.

Оглянувшись – Шмель не спешил идти следом, – Василий приоткрыл входную дверь и оглядел в щель коридор.

Бра по стенам, горящие через один, лепнина на потолке, малиновый ковер во всю ширину коридора, портреты Дудаева, Масхадова и Шароева на стенах между тремя белыми дверями. Охранник один, могучего сложения абориген с густой щетиной на щеках, в камуфляже, с «калашниковым» под мышкой. Постояв перед портретами, он неспешно удалился в другой конец коридора к столику в тупике с горящей настольной лампой и тремя початыми бутылками. Звуки долетали из коридора самые мирные: стук бильярдных шаров, женский смех, тихие мужские голоса. И все же Вася снова на мгновение ощутил мерзкое чувство опасности, заставившее его напрячься и удвоить внимание. Он собрался было выскочить из комнаты, догнать охранника и усыпить его, но опоздал.

За спиной верзилы открылась дверь, в коридоре появилась пятнистая фигура (Кир!), вонзила охраннику нож в шею, зажав рот рукой, и опустила выгнувшееся дугой тело на пол. Махнула рукой, приглашая Василия. Тот выскользнул за дверь.

Кир ткнул кулаком в одну из дверей с нарисованным на ней кием, показал два пальца и отступил в сторону, затем скрылся за той же дверью, откуда только что выпрыгнул. Вася немного удивился, ожидая, что Кир последует за ним, но отсчет времени операции продолжался и медлить было нельзя. Ударом ноги он распахнул дверь в бильярдную, ворвался внутрь и остановился, одним взглядом схватывая обстановку комнаты, расположение мебели и все ее детали. Ощущение беды охватило его с новой силой.

Здесь действительно играли в бильярд двое молодых мужчин, но ни один из них не был похож на Безумного, спутать которого было трудно с кем бы то ни было: парню исполнилось двадцать четыре года, но был он уже лыс, одутловат, с глазами навывкате, в которых вечно тлел огонек легкого безумия, и вечно сутулился. Эти же парни явно были спортсменами, носили майки с черепами и спортивные брюки, на чеченцев они походили мало. Скорее всего это были гости Шароева, наемники из какой-нибудь нацгруппировки стран СНГ.

Они переглянулись, застыв с киями в руках, уставились на человека в камуфляж-комбинезоне с «чеченкой» на голове. Вася тоже смотрел на них, уже понимая, что произошел некий сбой в операции,

но еще не веря в худший вариант, и в это время в ухе свистнула рация, раздался задыхающийся голос Людмилы:

– Вася, беги! Это зас... – Голос женщины прервался, затем долетел чей-то смешок:

– Пока, «волкодав»... – И все стихло.

И Вася понял, что Ибрагимов и Шмель ловко подставили его в завершающей фазе операции, начав ее так, что у него не возникло ни капли подозрения. Очевидно, смерть Шароева стала невыгодна – там, наверху, сменился ветер политических расчетов, – и отцы-командиры жертвовали пешкой, чтобы сохранить фигуры покрупней.

– Зря я тебя не послушался, Соболев! – сквозь зубы проговорил Вася. – Ну ничего, майорчики-субчики, держитесь!

Понимая, что шансов уйти живым и невредимым у него почти нет, он начал отступление, так как сдаваться не привык и в безнадежных ситуациях. А еще он знал, что самый лучший способ сохранить свою жизнь – это пренебречь ею.

Путь отступления через коридор и внешние комнаты был отрезан, в этом Вася убедился, выглянув из бильярдной: с обоих концов коридора к двери игровой комнаты приближались рослые боевики Шароева с зелеными повязками на лбах – пятеро с одной стороны и столько же с другой. Вася мгновенно отпрянул, захлопнул дверь и припер ее кием; все это в течение двух секунд, так что обалдевшие игроки не успели ничего предпринять. А когда они спохватились и кинулись к оружию (автоматы лежали на свободном бильярдном столе), Вася выключил их одного за другим, применив наконец приемы из арсенала ТУК, словно знал их всю жизнь. Удивился он этому открытию гораздо позже.

Ему не нужно было прикидывать варианты действий, обдумывать и колебаться, взвешивать все «за» и «против». Искусство ниндзюу за многие годы занятий впиталось в его плоть и кровь и диктовало свои решения спонтанно. Для проникновения в запретную зону, равно как и для выхода оттуда, ниндзя пользовались разными тактическими приемами, среди которых важнейшими считались следующие: выбор самого слабого звена в системе охраны, выбор наиболее благоприятного момента, отвлечение внимания стражи. Считалось, что лучшее время для операций – безлунная, туманная, ветреная и дождливая ночь. Внимание охраны часто отвлекали партнеры по

команде, устраивая поджог, взрыв, просто шум в другом месте. Если же помощников не было, воину-одиночке приходилось самому заботиться об отвлекающем маневре. Что Вася и сделал.

В течение нескольких мгновений он приладил к ручке двери гранату с толовой шашкой, для острастки пальнул пару раз в дверь, чтобы молодчики в коридоре не сразу ринулись в атаку. Затем погасил свет в бильярдной и выбросил тела спящих игроков в окна, выбив ими стекла. И нырнул в окно следом.

Он уже катился по земле во дворе дома, когда на втором этаже прогремел взрыв. Охранники, оцепившие особняк за то время, пока Вася был внутри, невольно отвлеклись грохотом и вспышкой – от взрыва вылетели все стекла в доме, – и этого мгновения хватило Василию, чтобы метнуть в боевика напротив колючий шар и выскользнуть в образовавшуюся в цепи охраны брешь. Холодная ярость помогала держать темп, и действовал Вася намного быстрее не обученных таким хитростям боевиков.

У металлической решетки забора он задержался, чтобы метнуть назад две светобарические гранаты, которые создавали звуковую волну мощностью до шестидесяти децибел и ярчайшую вспышку света, надолго выводящую из строя зрение. После этого он, уже не слишком торопясь, перелез через забор и... упал, не сразу сообразив, в чем дело: в плечо вдруг воткнулся с силой раскаленный гвоздь, отбросив его назад. Потом пришла догадка – пуля! В него стреляли! Причем не боевики в спину, со стороны дома, а с улицы! И судя по удару и точности – попали в него, когда он прыгал, – стрелял снайпер.

Тамерлан!

– Прощай, «волкодав», – донесла рация чьи-то слова как бы в ответ на Васины мысли, и он на несколько секунд потерял сознание. Но и в этом состоянии им продолжала руководить подсознательная программа выживания, заставившая тело отползти в сторону, за кусты, и не дать снайперу выстрелить еще раз. Опомнившиеся охранники начали стрельбу, но так как лазутчика не видели, то и стреляли в белый свет как в копеечку, едва не перебив друг друга.

Очнулся Вася у дороги, в сточной канавке, метрах в тридцати от особняка Шароева. Мгновенно оценил ситуацию и, преодолевая боль в плече – правая рука уже начала неметь, – пополз к ресторану «Великий Джихад», пока не наткнулся на тело человека. Машинально ощупал

лицо, волосы и глухо застонал – это была Людмила. Но джипа с командой Ибрагимова здесь уже не было. Они и так рисковали, ожидая, чем закончится прорыв Балужева и стреляя в него во время отступления.

Стрельба вылилась на улицу, несколько пуль вжикнули мимо, рикошета от асфальта или тяжело ударяясь о стволы деревьев. Тогда Вася встал на колени и ответил длинной очередью из своего «клина», целя в мелькавшие у дома Безумного фигуры. Выдохнул: «Прости, Люда!» – устроил в ее руках пистолет-пулемет таким образом, чтобы тот стрелял одиночными, и грузно побежал по дороге, пригибаясь и слыша свист пуль над собой, пока не добрался до автостоянки у ресторана. Дважды падал от попаданий в спину, хотя бронежилет выдержал, но все же одна из пуль нашла незащищенное место и пропахала бок.

Разбив боковое стекло ближайшей «девятки», Вася ввалился в кабину, ножом вскрыл рулевую колонку слева, выдернул провода зажигания, зубами оголил, соединил – все это на одном дыхании, автоматически, – и погнал машину прочь от места сражения мертвой женщины-проводника с охраной Шароева. Надежды на то, что его не перехватят по пути из города, было мало, поэтому Вася сделал то, что на его месте не сообразил бы сделать ни один нормальный человек. Он погнал «девятку» не к окраине Грозного, а в центр, где на площади Свободы стоял недавно отстроенный десятиэтажный дворец президента. Только здесь у беглеца сохранялся шанс остаться в живых.

Он хорошо знал город, хотя ни разу в нем не был, и мог проехать по нему буквально с закрытыми глазами. Перехватили его гаишники и бойцы ОМОНа уже у выезда на площадь, перегородив улицу милицейским «рафиком» и двумя «Волгами», однако Вася не раз преодолевал подобные заграждения, как на тренировках, так и в реальной жизни, поэтому прорвался легко. Проговорив сквозь зубы: «Больше скорость – меньше ям», – он утопил педаль газа до упора, сбил одну из «Волг» и, протиснувшись в щель между ней и стеной четырехэтажного жилого дома, выскочил на площадь.

Здесь его тоже ждали, но вовсе не там, где надо было, никто из поднятых по тревоге сотрудников спецподразделений не ожидал от беглеца настолько нестандартного хода, как атака президентского дворца, и Василию удалось промчаться мимо БТРа охраны дворца,

взобраться по ступенькам центральной лестницы наверх и вонзить свою «девятку» в парадную дверь.

Брызнувшие во все стороны полицейские из охраны резиденции главы государства открыли было огонь, но тут же прекратили: водитель не шевелился.

Но Василий был еще жив, хотя и получил два новых ранения – в левую руку и в голову. Сквозь кровавый туман в глазах он разглядел приближающихся солдат службы безопасности в белых касках и белых портупях поверх серых мундиров, прохрипел:

– Привет, ребята, босс принимает? Я тут записывался к нему на прием... – И окончательно потерял сознание.

Глава 13

ДАЙ ПОНЯТЬ, ЧТО ДЕЛАЮ

В ментале его стерегли.

С тех пор как старейшины Круга, отвечающие за Посвящение, нарекли Тараса отступником, он перестал черпать информацию из многослойного информационного поля Земли. Если путь в астрал еще подчинялся ему, то выходы в следующие слои-уровни поля – ментал, логос и универсум были перекрыты наглухо. Кто и как это сделал, Тарас не знал, однако каждый раз, когда он пытался выйти в необозримое поле вселенской информации, его жестоко останавливали. Называлось воздействие «зверем астральной атаки». «Зверем» же была запущенная кем-то целевая программа, вызывающая деструкцию определенной личности и деформирующая ее витальную (эмоциональную) и ментальную (интеллектуальную) оболочки. В задачу программы входила качественная ориентация отрицательного заряда на деформацию тонких, «эфирных» (энергетических) оболочек человека, что вызывало падение тонуса, порчу настроения, появление раздражительности, подавленного состояния, нежелания что-то делать и даже болезнь и смерть.

Иногда эта программа действовала иначе, она включала лавинообразный каскад воображения Тараса, в результате чего на него обрушивалась его же собственная сила, и ему для нейтрализации «эффекта зеркала» приходилось уклоняться от собственного психического удара, переходить на другую частоту психического состояния, пока не затухал резонанс. Правда, при этом случались казусы, ибо переход сопровождался внедрением сознания Тараса в чью-то личность или в коллективные поля духовно ориентированных групп. Так, однажды он подстроился к эгрегору Медитационного клуба Пентагона и стал свидетелем попытки ученых-психоэнергетиков заставить заговорить замолчавший военный спутник.

В этот раз никакого подключения не состоялось. Как только воля Тараса обозначила попытку выхода в ментал, «зверь» прыгнул на него и нанес мощный пси-удар, бросивший Горшина в беспамятство на всех уровнях сознания. Пришел в себя он уже в своем теле, напоминавшем

сосуд, полный боли всех видов и оттенков. С полчаса приводил себя в порядок, потом все же сосредоточился, собрал волю в кулак и вышел в астрал. Ему необходимы были сведения, подтверждающие слова Матвея Соболева. Не то чтобы Тарас не поверил ему, он оценил информацию Соболева сразу как правдивую, но кое-что все-таки нужно было уточнить.

Свой полет по объемным многомерным панорамам астрала он закончил через несколько минут и, как всегда в конце сеанса, почувствовал чей-то внимательный, проникающий в душу взгляд. Это не был взгляд человека или какого-то живого существа. Впечатление складывалось такое, будто на него смотрела Вселенная со всеми заключенными в ней объектами, существами и рассеянной материей. Но у Тараса уже сложился образ «разглядывающего» его исполина, поэтому он низко поклонился ему и медленно проговорил в гулкую пропасть под ногами:

– Прости, что беспокою... исполни просьбу... сними ненависть мою, не святая она... так мало людей нравится мне, что я начинаю сомневаться в себе... а главное – дай понять, что делаю...

Исполин безмолвно высился над склонившимся – в психическом плане человеком, и Тарас с тоской подумал, что это его молчание и есть Ответ... который он не в силах понять...

Сеанс медитации закончился.

Тарас ощутил себя сидящим в кресле в каминном зале своего жилища. Шел первый час ночи, свет в зале не горел, в камине завораживающе тлели угли, пахло сосновыми поленьями, дымком, смолой и сушеной малиной. По электрическим жилам дома бежал ток, охраняя покой владельца, но из углов зала почти неощутимо, на пределе чувственного восприятия, текли холодные струйки недоброго внимания. Монарх Тьмы знал, где прячется его недруг, и, даже не находясь в земной реальности, влиял на нее, давая понять, что стережет каждый шаг отступника.

– Сгинь! – негромко сказал Тарас.

Холодные струйки растаяли. В своем доме он все же оставался хозяином. Настроение слегка улучшилось. Но потом вспомнилось появление Соболева, и настроение снова ушло. Нигде нельзя было расслабиться, даже в собственном, хорошо защищенном владении.

В памяти всплыло лицо Соболева, непостижимым образом пережившего личное изменение, сильное, с глазами провидца и воина, лицо человека, проникшего в глубины Дао, избравшего Путь Избегающего Опасности. Путь, предполагающий ненасилие. Не парадокс ли это? Как согласуется путь ненасилия с тем, что он задумал? С проникновением в «розу реальностей» ради прекращения войны иерархов? Понимает ли этот мальчик, волей случая ставший Посвященным, что абсолютные реальности имеют совершенно иные законы, законы магии и взаимопереходов энергии, построенные на иных гармониях, которые люди просто не в состоянии воспринимать?..

Тарас тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он не был готов ответить Соболеву определенным образом, но и тот, судя по всему, не был готов к походу в «розу реальностей».

Сварив кофе, Тарас включил в рабочем кабинете компьютер и несколько часов подряд работал с поступившей по сети Интернет-класс информацией, составлял план координации сил «чистилища» по намеченным бандликам, не ощущая бывшего возбуждения и нетерпения, изучал дело, которым занимался лично; спал он мало, организму хватало четырех-пяти часов в сутки.

Дело под названием «Передел» он держал под личным контролем потому, что в него оказалась замешана сестра жены Наталья Звонная, весьма одаренный модельер, волей коллектива ставшая директором ООО (общества с ограниченной ответственностью) «Центр-Мода», одного из крупнейших столичных магазинов одежды, расположенного на Красной Пресне. Началась история просто.

Накануне перевыборов директора в магазин пришел человек и сказал: «Я хочу стать вашим инвестором». – «Зачем нам инвестор? – искренне удивилась директор. – Мы и так неплохо живем». Молодой человек вежливо откланялся и ушел. На другой день пришел еще один мужчина с таким же предложением. Звонная отказала и ему, еще не понимая, что попала под волну давления. В этот день она торопилась домой: дочка рожала ребенка. Трое молодых людей встретили ее в подъезде. Удара по голове она не почувствовала, просто вдруг потеряла сознание. Очнулась в больнице: ей отбили почки, сломали два ребра и переломали все пальцы на правой руке, так что модельером работать она уже не могла. Впрочем, директором тоже. Заявление об отказе от должности и предложение выбрать директором

неизвестного гражданина она писала в больнице, после того как ее навестили все те же молодые люди и посоветовали не рисковать здоровьем и жизнью дочки и только что родившейся внучки. Женщина сдалась. Но потом к ней пришел Горшин, выяснил обстоятельства нападения, пообещал помочь и внушил Наталье Никитичне мысль, что дело надо продолжать. Она дезавуировала собственное заявление, вышла на работу и вновь была переизбрана директором, вернее, теперь уже президентом компании.

Буквально на следующий день к ней подошел знакомый молодой человек, который предлагал услуги инвестора, представился брокером фирмы «Мода-плюс» Фурыгиным и предложил «слиться» с их универмагом. «Нет, спасибо, – ответила Звонная, понимая, что начался новый виток борьбы за ее компанию. – Мы уж как-нибудь обойдемся без вас». – «За нами известные силовые структуры», – намекнул «брокер» Фурыгин. «А за нами – мы сами...» – пошутила Наталья Никитична. Тогда она еще надеялась, что все утрясется, и свояка (Тараса) предупреждать не стала.

Однако события стали развиваться стремительно и непредсказуемо. ЗАО «Мода-плюс» начало наступление на конкурентов по всем фронтам, не брезгуя подкупом учредителей, устраивая лотереи с немислимыми призами и премиями для работников магазина, скупая их доли, оформляя доверенности на право участия в деятельности ООО «Центр-Мода». Затем снова начались угрозы физической расправы над несговорчивым директором магазина и ее коллегами.

Не желая все-таки впутывать в эти разборки Горшина, Наталья Никитична обратилась за помощью в УВД, в налоговую полицию и в прокуратуру. Налоговая полиция сработала быстро, ответив, что «фактов перечисления денежных средств на приобретение акций ООО «Центр-Мода» не установлено», и умыла руки. «Брокера» Фурыгина, оказавшегося вице-президентом фирмы «Мода-плюс», и его подельников, избивших когда-то Звонную, вызвали в отделение милиции и заставили написать объяснительные, в которых они представили себя ангелами, спустившимися с небес для благодетельствования коллектива магазина «Центр-Мода». Никому они не угрожали, никаких недобрых помыслов не вынашивали.

Получив эти объяснения, сотрудники УВД развели руками, отпустили «брокеров» и уныло сообщили Звонной, что оснований для возбуждения уголовного дела нет.

В прокуратуре же один высокопоставленный чиновник цинично пошутил: «Вот убьют, тогда и приходите».

Наталья Никитична продолжала работать. А в середине мая, спустя два месяца после начала атаки на ее компанию, Звонную вновь встретили в подъезде дома трое крепких молодых людей. Правда, сделать они ничего не успели, потому что именно в этот момент в подъезд вошел Тарас Горшин. Что он сделал, обмершая Наталья Никитична не поняла, только троица вдруг перестала интересоваться жизнью и улеглась отдыхать прямо на ступеньках лестницы напротив лифта. Тарас проводил женщину домой, успокоил и оставил в состоянии, близком к шоку. Она поняла, что защитник у нее серьезный. Но сам Горшин прекрасно понимал, что так просто от Натальи не отстанут, пока она не согласится отдать магазин или пока не сменится руководство ЗАО «Мода-плюс».

Именно этой «сменой» он сейчас и занимался, привыкнув не уповать на расторопность правоохранительных органов.

Под утро ему позвонил Завьялов и сказал всего три слова:

– Тень отца Гамлета...

Это означало, что совещание «полного квадрата» «чистилища» назначено на девять утра на явке, расположенной у театра «Современник». В свое время Горшин смеялся над «эзоповым языком» переговоров, предложенным Бохановым для связи комиссаров, но остальные руководители «Стопкрима» поддержали Владимира Эдуардовича, и теперь приходилось выслушивать всякую белиберду и вспоминать шифр.

– Тень отца пришла к Гамлету и спросила: «Отгадай, в каком ухе у меня яд?» – вспомнил Тарас извлечение из школьного сочинения. Фыркнул, глянул на часы. На отдых ему оставалось всего три с половиной часа.

«Выплюсь», – подумал он, бросаясь на кровать и мгновенно проваливаясь в сон.

Поначалу заседание комиссаров «чистилища» не носило сенсационного характера. Решались обычные дела, обсуждались очередные бандлики, начался и закончился спор, какую из намеченных операций считать первоочередной; затевал такие споры обычно Боханов. Затем неожиданно спор развязал Музыка. Темой обсуждения была деятельность Чеченской армии свободы на территории России, и Глеб Максимович резко отрицательно отозвался о переносе действий «чистилища» на территорию Чечни.

Горшин не участвовал в обсуждении проблем родной конторы, уйдя мыслями в себя, на это его загадочное молчание наконец обратил внимание Завьялов:

– Что это вы притихли, Граф? Что-нибудь случилось? Или вам тоже не хочется связываться с исламскими экстремистами?

– Ими уже занимается ФСБ, – безучастно отозвался Тарас. – К тому же, уничтожив лидеров ЧАС, мы не решим проблемы. Она глубже, в корнях ислама, который является патогенной системой верований не из-за вложенной в нее программы подавления воли, а из-за использования ее низшей кастой, не имеющей высокоинтеллектуального или высокодуховного выхода.

Озадаченные комиссары «Стопкрима» переглянулись. Рыков, наверное, лучше других понимал Графа, но по обыкновению промолчал. Зато не удержался от восклицания Владимир Эдуардович:

– Вы, Граф, сегодня философ. Что это на вас нашло?

– Я сворачиваю свою деятельность в «чистилище», – ровным тоном сказал Тарас. – Закончу дела, которые контролирую лично, и уйду. Вы вольны принять в «квадрат» нового комиссара.

Наступило изумленное молчание, которое спустя минуту нарушил Завьялов:

– Вы это... серьезно, Граф?!

– Более чем, – лаконично ответил Тарас.

– Чтоб мне провалиться! – крикнул Боханов. – Вы меня сразили, комиссар! Ведь это же была ваша идея – создать «Стопкрим». Или вы решили организовать новую контору, где будете лидером?

– Чтобы решать там свои интересы, – добавил Музыка, будучи не всегда в ладах с русским языком, – вроде того дела с магазином «Центр-Мода». Или вы скажете, что не заинтересованы в этом деле?

– Заинтересован, – спокойно пожал плечами Тарас, – но это мое личное дело. Все мы грешны, и, если покопаться, у каждого можно найти...

– Не надо копаться, – мрачно сказал Боханов. – В принципе каждый из нас имеет право на решение каких-то сугубо личных моментов. И все же это нечестно... я имею в виду ваше желание уйти.

– Не согласен, – впервые заговорил Рыков, утонувший в своем кожаном кресле. – В этом мире нет ни честности, ни справедливости, ни сочувствия. Мы имеем дело лишь с человеческими умозаключениями, существующими в узком кругу идей и понятий. Все остальное – тщета и суета.

– У вас слишком математический подход к делу, Герман Довлатович, – проворчал Боханов. – Слишком рациональный, скулы сводит. Ну и что мы теперь будем делать, господа комиссары? Граф, вы действительно собираетесь уволиться из «чистилища» или блефуете? А последствия этого шага вы просчитали?

– Не слишком ли много вы знаете, чтобы вот так запросто встать и хлопнуть дверью? – хмыкнул Глеб Максимович.

Тарас посмотрел на него рассеянно, однако промолчал.

– Давайте не будем опускаться до угроз, – вздохнул расстроенный Завьялов. – Появилась проблема, ее надо решать по взаимному удовлетворению, а не путем внутренних разборок. Предлагаю каждому обдумать возникшую ситуацию и собраться еще раз.

– Разумно, – кивнул Боханов. – Ибо, как говорил какой-то умник: «Всякая проблема имеет решение – простое, удобное и ошибочное»^[13]. Не стоит нашему комиссариату ошибаться в таком интимном деле. Ваше мнение, Герман Довлатович?

– Я считаю, Граф вправе решать, с кем ему быть, – растянул в недоброй улыбке бледные губы Рыков. – Другое дело, будет ли нести угрозу нам та компания, к какой он прибьется.

Тарас с любопытством и насмешкой посмотрел на комиссара-пять.

– Герман Довлатович, ведь вы, по сути, свингер^[14], а смеете угрожать. Нехорошо. Мы оба прекрасно знаем, в каких компаниях работаем, и лучше нам обходить острые углы.

Рыков снова улыбнулся, хотя глаза его блеснули остро и предупреждающе. Вступать в дискуссию с Тарасом он не стал.

– Э-э, но ведь свингер... – пробормотал сбитый с толку Боханов, – это, кажется, двойной агент?

– Скорее «друг семьи», – сдержал улыбку Завьялов, знающий точное значение слова «свингер». – Итак, что мы решаем?

– Отложим, – встал хмурый Музыка. – У меня много дел, прошу извинить. Предлагаю не решать с кондачка, встретимся завтра.

Он ушел. За ним, помявшись, удалился Боханов. Завьялов, всегда уходивший последним, вопросительно глянул на оставшихся комиссаров.

– Мы тут кое-что обсудим, – меланхолически обронил Рыков. – Не беспокойтесь, Дмитрий Васильевич, все будет нормально.

Завьялов надел пиджак, поправил галстук, дал распоряжение команде сопровождения и вышел. Горшин и Рыков остались сидеть, словно не замечая друг друга. Потом Герман Довлатович проговорил бесцветным голосом:

– Тарас Витальевич, давайте наконец расставим точки над «i». Я знаю, кто вы...

– И я знаю, кто вы, – спокойно кивнул Тарас.

– Но если до этих пор мы могли контролировать вас, то после вашего ухода из конторы контроль становится проблематичным. А это, сами понимаете, несет угрозу нашему делу. Я имею в виду...

– Союз Девяти.

– Совершенно верно. Вы начинаете мешать нам.

– Это следует понимать как угрозу?

– Я просто констатирую факт. Состояние земной реальности квазиустойчиво, и если вы развернете бурную деятельность по ее дестабилизации...

– Отчитываться вам я не намерен, Герман Довлатович.

– Это нас удручает, Тарас Витальевич. Вы можете случайно нарушить наши планы, и тогда нам придется...

Тарас с иронией посмотрел на собеседника, от которого вдруг повеяло холодом и ощутимой угрозой.

– Договаривайте, кардинал.

– Вы все прекрасно понимаете, Тарас Витальевич. Но насколько я знаю вашу историю, махавидья^[15] вам недоступна, не так ли? Вряд ли вы сможете противостоять Союзу долго.

– Во-первых, я не собираюсь воевать с вашим Союзом. Во-вторых, кардинал, насколько мне известно, вам тоже доступен лишь Сатариаал, но никак не Цафкиель^[16], не так ли?

Они скрестили взгляды и несколько мгновений обменивались психофизическими ударами, пытаясь прощупать оборону друг друга, потом осторожный Рыков отступил:

– Я не хотел угрожать вам, Тарас Витальевич, но в конце концов вам необходимо будет определиться, с кем вы. От этого будет зависеть ваша судьба, а возможно, и судьба реальности.

– Я рискну пойти своим путем, – равнодушно ответил Тарас.

– Карма риска – не лучшая дорога во Внутренний Круг. А вы ведь хотели бы вернуться, не правда ли?

Тарас встал.

– Прошу извинить, но мне надо идти.

Рыков не ответил, продолжая изучать лицо Горшина, обманчиво тихий, серый, слабый, как мышка. Голос его догнал Тараса уже у порога:

– Вы случайно не знакомы с человеком по имени Матвей Соболев?

– Незнаком, – небрежно ответил Тарас с некоторой заминкой, и эта заминка не ускользнула от внимания кардинала Союза Девяти Неизвестных.

* * *

В кафе «Лакомка» на Страстном бульваре Рыков появился в начале девятого в сопровождении своего мейдера охраны. «В свет» он выходил редко, имея возможность оттянуться или приятно отдохнуть в менее доступных простому смертному заведениях типа хелс-клаба «У Шварценеггера». Но сегодня Герман Довлатович наконец-то вычислил траекторию движения Матвея Соболева, о котором говорил Бабуу-Сэнгэ на последнем совещании кардиналов Союза Девяти, и решил войти с ним в прямой контакт. Лучшее же место для встречи, нежели кафе, найти было трудно, тем более что Соболев появился там не один, а с девушкой, что заведомо ограничивало его маневр.

Герман Довлатович занял двухместный столик недалеко от буфетной стойки, заказал мусс, кофе, ореховое желе и круассаны и стал наблюдать за парой в углу зала, не обращавшей никакого внимания ни на кого.

Девушка, безусловно, красива, хотя одета была достаточно просто, в узкое серое платье с блестками, с большим вырезом на спине. А вот ее друг явно носил одежду от Бриони. На нем был светло-бежевый костюм: однобортный пиджак с высокой застежкой, рукав чуть-чуть, на полтора сантиметра, приоткрывает манжеты кремовой рубашки, брюки прямые, классических линий, и великолепный сизый галстук с жемчужным отливом и рисунком, напоминающим китайский иероглиф «тайцзи».

Сам Рыков предпочитал галстуки с картинами эпохи Возрождения, но толк в них понимал и оценил вкус парня по достоинству. Оценил он и туалетную воду («Аква ди гио» фирмы «Армани»), которой пользовался Соболев; расстояние в полтора десятка метров, множество посетителей и запахи кафе нисколько не мешали Герману Довлатовичу видеть, слышать и обонять то, что он хотел. Правда, в данном случае он почему-то не мог расслышать ни одного слова из разговора интересующей его пары, и это говорило уже о возможностях того, за кем наблюдал Посвященный.

Один раз Герману Довлатовичу даже показалось, что Соболев ему подмигнул, но сидел он в этот момент спиной к Рыкову, и он решил, что принимает нежелаемое за действительное.

Кафе постепенно заполнялось, пока не образовалась очередь к столикам, однако к Герману Довлатовичу никто не подсаживался – он контролировал обстановку, отводя глаза жаждущих вкусить мороженого. К сожалению, он отвлекся, и в тот же момент к столику подошли крутые молодые люди с равнодушными взглядами повелителей жизни.

– Подвинься, – сказал один из них, подзывая официанта щелчком пальцев. – И вообще, засиделся ты тут, старичок, шел бы домой, а?

Рыков досадливо поморщился, ощущая дискомфорт на уровне психофизического воздействия: Соболев заметил его присутствие – и сказал едва слышно:

– Идите отсюда, мальчики, столик занят!

– Чего?! – вытаращился на него коренастый вожак компании, с бриллиантовой застежкой в галстук и двумя золотыми перстнями на пальцах. – Пошел ты... – Договорить он не успел.

С трех сторон к столику приблизилась четверка спортивного вида молодых людей в безукоризненных темных костюмах, профессионально выкрутила руки троим «повелителям» и мгновенно вывела из зала, так что отдыхающий народ не успел толком ничего разобрать. Это сработал мейдер сопровождения Рыкова, способный справиться и с более серьезным противником.

– Извините за беспокойство, – поклонился оставшийся молодой человек с бородкой и в очках, руководитель мейдера, и исчез, занял свое место где-то за другим столиком.

Рыков покосился в сторону Соболева с его подругой и буквально наткнулся на его веселый, откровенно скептический взгляд. Этот взгляд словно говорил: а я вас знаю, господин кардинал! А также догадываюсь, чего вы хотите. Но лучше бы нам не встречаться... Герман Довлатович даже открыл рот, чтобы ответить. Опомившись, отвернулся, взял себя в руки, а когда снова глянул на молодую пару, никого не увидел. Ни Соболева, ни его подруги в кафе уже не было. Куда он делся, не могли ответить ни наблюдатели мейдера, подстраховывающие шефа, ни сам Рыков. И тогда он испугался, как никогда прежде! Только что ему показали с и л у, которой владели только Посвященные II ступени Внутреннего Круга, и сделал это человек, о котором Бабуу-Сэнгэ с пренебрежением сказал: «Обыкновенный ученик»...

– Простите, – возник рядом официант с подносом, – это велено передать вам. – Он положил на столик перед Рыковым сложенный вчетверо листок бумаги.

Герман Довлатович развернул листок и увидел небрежно нарисованный иероглиф – кулак внутри кулака. Смысл этого иероглифа можно было толковать двояко, но кардинал Союза Девяти воспринял послание как предупреждение: не трогайте меня!

Глава 14

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА ТАНДЕМА

Тарас не смог определить местонахождение Соболева через астрал. Этот человек, обладающий колоссальным запасом психофизических сил, свободно разгуливающий почти по всем уровням общего континуального поля информации, способный опускаться в прошлое по мировой линии памяти предков, «не светился» ни в одном из диапазонов пси-поля. В принципе Горшин тоже умел блокировать свои биологические излучения, «сворачивая» их в своеобразный «кокон короткого замыкания», но контролировать себя мог лишь до порога астрала. Те же, кто видел дальше и мог черпать информацию из ментала и логоса, скорее всего могли лоцировать его ауру, где бы он ни находился. Однако с этим приходилось мириться, пока он шел Путем мести, «путем потерь», как сказал адепт Круга, объявлявший его отступником. И путь этот Тарас до конца еще не прошел.

После нескольких безуспешных попыток поймать ауру Соболева в зыбком мареве астрала Тарас вышел оттуда, стряхнул вцепившегося в «эфирный хвост» злобного «пса» – оставленную Монархом проекцию сторожа состояния, и позвонил контрразведчику по телефону, который тот ему оставил. Шел одиннадцатый час вечера, Матвей был дома, и через минуту Тарас ехал на своем черном «Порше» к Варшавскому шоссе, где недалеко от станции метро «Тульская» жил Соболев.

Открыл ему сам хозяин, посторонился, пропуская. В прихожую выглянула юная дама, очень красивая, одетая в алый халатик с черной оторочкой, с любопытством глянула на гостя, и Матвей представил ее:

– Кристина, моя жена.

Девушка бросила на Матвея косой взгляд, многое сказавший Тарасу, подала руку, и Горшин почтительно поцеловал ей пальцы, мимолетно подумав, что его Елинава была так же молода и прекрасна.

В прихожую вслед за хозяйкой выскочил взъерошенный мальчишка, слегка припадавший на левую ногу.

– А это Стас, – усмехнулся Матвей. – Сбежал от бабки, напросился ночевать.

Стас кивнул серьезно и умчался обратно, занятый важным делом: он учился метать в гостиной сюрикэны, используя в качестве мишени деревянную доску.

Кристина ушла на кухню готовить кофе. Гость и хозяин уединились в его рабочем кабинете.

– Мощный аппарат, – кивнул Тарас на компьютер. – Небось имеешь выходы на все сети? В том числе и секретные?

– Не без того, – кивнул Соболев. – Положение обязывает. Прежде чем мы приступим к делу, хотелось бы услышать ответы на кое-какие вопросы.

– Мне тоже.

– Валяй ты первый.

– Лучше ты – по праву хозяина.

– Как далеко распространяются твои знания по реальной истории?

– Ты имеешь в виду истории людей или Инсектов? До порога Изменения темный лес, разве что отрывки сведений. По истории перволюдей информации больше. Что тебя интересует конкретно?

– Я не могу вырваться за «точку сингулярности» – собственно Изменение, как будто у меня не было предка Инсекта.

– Зачем тебе это? Зачем ты вообще ходишь в прошлое? Что хочешь выяснить?

– Хочу отыскать следы Безусловно Первого, – улыбнулся Матвей, усаживая гостя на стул, а сам устраиваясь в черное кожаное вертящееся кресло. – Или, как говорят, Знания Бездн.

Тарас пристально посмотрел на Соболева, проговорил медленно:

– О тайной мудрости Знаний Бездн ходят легенды. Но я подозреваю, что тайная она потому, что невыразима словами и непостижима разумом.

– Может быть, и так, но мне хочется убедиться самому. Если не смогу добыть Знания сам, попрошу у Хранителей открыть к ним доступ, есть у меня один знакомый, Мастер касты Хранителей, почти тезка – Матфей. Одно время мне казалось, что он мой Учитель.

Тарас покачал головой.

– Плохо верится. Внутренний Круг недаром называется Кругом Великого Молчания, а уж каста Хранителей тем более не заинтересована в утечке опасной информации и никому никогда ничего не говорит, не имеет права, иначе нарушит Закон молчания.

Что, сам понимаешь, чревато отречением. Значит, ты, по сути, ищешь то, что найти практически невозможно, а если и найдешь – вряд ли поймешь, что это оно и есть. А я, грешным делом, думал, что ты пытаешься найти Великие Вещи Инсектов, о которых тоже сложено немало легенд. Но ведь ты говорил, что две из них тебе подчинились? Я имею в виду «Иглу Парабрахмы» и саркофаг – «компьютер» Инсектов.

Матвей кивнул. Вошла Кристина, принесла вкусно пахнущий кофе. Отпив глоток, Тарас зажмурился, посмаковал напиток.

– Класс! Давно не пил настоящий зерновой кофе, все больше растворимый. Еще вопрос. Ты не нашел входы в МИР под церковью Спаса?

Матвей отрицательно мотнул головой.

– Понять не могу, в чем дело. Вход заблокирован, но не мной. То есть я еще как бы не нахожусь в контуре «Иглы» и не могу влиять на реальность, и в то же время эйнсоф мне подчинился, вернув сознание по личной линии в прошлое. Парадокс. Единственное, что приходит на ум, – вмешательство иерархов. Или Хранителей. Надо выяснять.

– А эйнсоф в лавре сохранился?

– К сожалению, нет. Но я знаю, где можно отыскать еще пару: в Австралии и в Египте. Когда-нибудь я попробую их вычислить. Если бы я мог с помощью эйнсофа выйти на Безусловно Первого...

– Лучше не мечтай, – окинул Тарас скептическим взором отрешенное лицо Соболева. – Во-первых, Он – выше любых ожиданий, просьб, оценок и представлений. Кто-то сказал: Бог – это непроявленность. Так вот в нашем мире Безусловно Первый непроявлен, и даже следы его – Знания Бездн – утеряны всеми. Кроме, конечно, Хранителей Круга. Во-вторых, его появление в нашей реальности будет схоже со вселенской катастрофой. Уж если его дети – Аморфы, тот же Монарх Конкере, способны преобразовать наш мир до неузнаваемости, представляешь, что может сделать Безусловно Первый?

Матвей подумал.

– Не представляю.

– И я тоже. Думаю, что иерархи в массе своей не способны подняться вровень даже с Аморфами, не говоря уже о Безусловно Первом, а ты – в самом начале Пути.

– Я подожду, – спокойно и уверенно сказал Матвей, – я терпеливый. Мне бы только определить, куда он ушел из нашей реальности после эксперимента с Аморфами. Может, ты знаешь?

– Говорят, существует некая Материнская реальность. – Горшин с видимым удовольствием допил кофе, цокнул языком. – Хорошая у тебя жена, раз умеет варить такой божественный напиток. Что тебя интересует еще?

– Ты не пошутил – насчет Материнской реальности?

– Исток существует, и ты это знаешь. Ученые называли его Большим Взрывом, породившим нашу Вселенную, то есть «розу реальностей» со множеством измерений, Хранители же несут истинное знание об акте зачатия, в результате которого появился Безусловно Первый. Именно в Материнской реальности. Может быть, это просто символ, абсолют. Может, реально существующий объект, так сказать, «центральное ядро» «розы реальностей», Кэтер, как говорит Каббала. Не знаю. Зато знаю другое: существуют и другие «запрещенные реальности», кроме нашей, где так же смело экспериментировали абсолютно аморальные дети Безусловно Первого, у которых потом тоже были дети – Аморфы.

Матвей задумчиво погладил стол пальцем, допил свой кофе, кивнул, отвечая своим мыслям.

– Нечто в этом роде я и предполагал. Даже Безусловно Первый не был первым в Большой Вселенной, давшей жизнь многим сложнейшим образованиям типа «розы реальностей», что уж говорить об Инсектах и их потомках. До нас по миру прокатилась добрая дюжина волн разума, мы далеко не первые и явно не последние.

Помолчали. Потом в глазах Матвея зажегся огонек интереса и смущения.

– А ты случайно не знаешь, Инсекты выходили в космос?

– Выходили и оставили следы практически на всех планетах Солнечной системы. Но до звезд, по-моему, не добрались. Или не захотели добираться. Этап освоения ими пространства Галактики был недолг, они увлеклись другими проблемами, в частности – преобразованием физических метрик и борьбой за власть.

– Это я знаю. К сожалению, и в начале двадцать первого века мы так же далеки от звезд, как в середине двадцатого, когда начинали, несмотря на попытки полетов вокруг Земли и на Луну, посылку

автоматов к Марсу, Юпитеру... Вселенная все так же недоступна и загадочна. А как хотелось бы хоть одним глазком глянуть на следы Инсектов на других планетах!..

Тарас поднял брови, не понимая интереса собеседника к деятельности Инсектов в космосе, но шутить не стал.

– Итак, вы удовлетворены, сэр?

– Почти. А вы, сэр?

– Обоюдно. Приступим к делу? Только пусть твоя Кристина сделает еще кофе.

Матвей вышел, забрав чашки, вернулся через минуту, достал два листа бумаги и стал набрасывать план дачи Ельшина, куда собрался проникнуть тихо и незаметно.

Ушел Горшин через час, уверенный в том, что оба они сошли с ума.

* * *

Полковник Ивакин заявился к Соболеву под утро, без предупреждения и звонка. Матвей провел его в кабинет, прикрыл за собой дверь, и проницательный Ивакин кивнул на стену:

– Кто там у тебя? Неужели женщина?

– Еще нет, – сострил Матвей. – Сын плюс жена. Спят.

– Вчера ты был еще не женат. Когда успел?

– Так получилось.

– Непорядок, «волкодав». Главконтра узнает, будет скандал.

– Авось не узнает.

Они оценивающе глянули друг на друга, обозначили почти одинаковые понимающие полуулыбки.

– Что произошло, Борис Иванович? На контору начали давить? Или генерал, наоборот, решил не связываться с Ельшиным и свернул дело по «Щиту»?

– Мы затеяли проверку... ты уж извини, но без этого не обошлись. И сразу все подозреваемые прекратили свою деятельность, ошетинились ежами, будто их кто предупредил. А потом Валентину позвонили из Минобороны и предложили не цеплять эту структуру.

– Странно, в деле похищения «глушаков» больше замешана ФСБ, чем Минобороны. Панов знает о деятельности Ельшина?

– Знает, но ведет себя странно, будто боится чего или ждет.

Матвей кивнул, вышел из кабинета, обнаружив вдруг, что стоит в одних плавках, и вернулся уже в спортивном костюме.

– Скорее всего в верхах начались перемены, все ждут, кто придет на смену Краснорыжину. От этого будет зависеть и расклад в эшелонах власти уровнем пониже. А Ельшин как реагирует на происходящее?

– У Валентина состоялся с ним конфиденциальный разговор, но о чем они беседовали, я не в курсе. Думаю, Генрих угрожал шефу, но тот молчит, работает до одурения. Так что задачку ты задал нам гнусную, я уже и не рад, что вызвал тебя из Рязани. А разбудил я тебя вот по какому поводу. Из Чечни вернулась группа перехвата...

– Очень рад. Как прошла операция?

– Шестеро террористов, причастных к акциям в Москве, уничтожены, седьмой – Шароев, командир группы, остался жив. Но... – Борис Иванович пригладил свою густую шевелюру. – Не вернулся один «волкодав», может, ты его знаешь.

Сердце Матвея дало сбой.

– Кто?

– Василий Балугев, спец из бригады Первухина. И пришел я по его просьбе – проверить, что там произошло. Он считает, что-то здесь нечисто, парня подставили.

– Он жив?

– По тем сведениям, которыми мы располагаем, Балугев жив, но ранен и находится в плену, причем не у младшего Шароева, а у старшего.

– Президента?!

– Да.

– Каким образом он оказался у президента?

– Не знаю.

– А что говорят те, кто ходил с Васей? Кстати, кто именно? Вы не знаете?

– Майор Хасан Ибрагимов, командир спецподразделения «Стикс», майор Шмель, командир «Щита», между прочим, – криво улыбнулся Ивакин. – И перехватчики из когорты «летучих мышей»: Тамерлан, Кир, Шерхан, Маугли. Клички, естественно, имен не знаю.

– Ибрагимов! – Матвей сел на стол, не спуская посветлевших до ледяного свечения глаз с лица полковника. – Шмель-Белый... Тамерлан... киллхантеры... Боже мой!

– В чем дело? Ты их знаешь?

Матвей не ответил, раскачиваясь, как от зубной боли. Перед глазами всплыли картины схваток с Ибрагимовым, Шмелем, Тамерланом и Киром. История повторялась, но с некоторыми отступлениями от старого сценария. Своим возвращением в прошлое он изменил баланс сил, и под удар попал другой человек... Вася Балуюев.

– Как же я не догадался спросить, с кем он идет!

– Что-то изменилось бы?

Матвей очнулся, глубоко вздохнул.

– Конечно, изменилось бы. Я не пустил бы его в этот рейд, а тем более под началом Ибрагимова. Слишком хорошо я знаю эту нелюдь в человеческом облике. Да и остальных тоже. Я берусь за проверку, Борис Иванович. Но еще раз предупреждаю: будьте осторожны! Вы не представляете, с кем связались. Ельшин сделает все возможное... и невозможное, чтобы убрать вас с дороги.

– Пусть попробует, – мрачно буркнул Ивакин. – Мы тоже не лаптем щи хлебаем. Ну, будь, капитан. Помощь в экипировке нужна? Нет? Тогда я пошел.

Матвей проводил полковника до выхода из подъезда, отметил вполне профессиональное передвижение его телохранителей и вернулся домой. Там он выпил холодного крепкого чая, посидел немного на кухне, обдумывая план действий, и позвонил Горшину.

– Сделаем, – ответил ему Тарас, выслушав и не задав ни одного вопроса. – Жду.

Матвей собрался, оставил на столе записку Кристине и вышел из квартиры. Шел пятый час утра, светало...

* * *

Шмеля они нашли быстро. Командир спецбатальона правительственных учреждений «Щит» жил на даче в Серебряном Бору, недалеко от мэра столицы Братенина. Вычислил его Матвей,

выглянув в ментал и отыскав наиболее темное облако пси-поглощения. Правда, таких облаков на территории Москвы было много, однако Соболев помнил характерные особенности Шмеля-Белого, которого он однажды уже убил, и вскоре вышел на его личную «пси-дыру», способную высосать душу любого человека, рискнувшего заглянуть в нее.

Окончательно рассвело, когда они оставили горшинский «Порше» в сотне метров от дачи майора, окруженной глухим и высоким деревянным забором. Никто не встретился им на пути, обитатели дачного поселка, одного из самых красивых в округе, расположенного в сосновом бору на берегу Москвы-реки, в такое время еще спали.

– Прямо-таки прайм-тайм^[17], – вполголоса пошутил Горшин.

– Самое время, – согласился с ним Матвей.

Одеты они были по-летнему, в джинсы и футболки: белую – Тарас, голубую – Соболев. Оружия не брали, кроме нескольких метательных звездочек. Медленно прошлись вдоль зеленого забора, вслушиваясь в тишину поселка, вглядываясь в глубины строений и леса: оба перешли в состояние самадхи или, как больше привык называть это состояние Матвей, в меоз. У ворот с резным верхом, двумя закрытыми амбразурами, открывающимися изнутри исполнительным механизмом по радиокоманде, остановились.

Дача Шмеля охранялась, но охранников было всего четверо – все молодые женщины! – и трое из них спали сладким сном в летнем домике, приспособленном под сторожку. Бодрствовала лишь одна супергерл, одна из тех, с кем Соболев уже встречался в прошлой жизни. Она распевала и расхаживала по территории дачи (четыре сотки всего, двухэтажный коттедж, несколько сосен и берез, ни одного плодового дерева, ухоженные, посыпанные мелким гравием дорожки, молочно-белые шары фонарей вдоль них, сторожка, веранда с камином).

Шмель располагался на втором этаже дома, в одной из трех спален, причем был там не один – еще с одной герл, но, судя по звукам, долетавшим из коттеджа, не спал.

– Любвеобилен майор, – покачал головой Горшин. – И неосторожен. Пошли?

Матвей предупредительно поднял палец.

Охранница во дворе прекратила напевать, достала рацию, сказала: «Иду», – и бегом направилась к зданию. Перехватчики переглянулись.

– Вот теперь пора!

Горшин подошел к воротам, сосредоточился и включил дверной механизм. Ворота дрогнули, приоткрылись. Один за другим молодые люди проскользнули на территорию дачи, контролируя каждое движение находящихся здесь людей, и в темпе ворвались в коттедж.

Коридор с рядом дверей, слева кухня, за ней туалет и ванная комната, лестница наверх, справа игровая комната, спальня, большой каминный зал с выходом на веранду. Апартаменты майора явно были скромнее, чем у генерала Ельшина.

Тарас ткнул пальцем в лестницу, но Матвей и сам почувствовал приближение чужого: по лестнице спускалась рослая девушка в наспех накинутом полупрозрачном халатике, та самая, что ублажала майора. Вряд ли она успела понять, в чем дело, когда перед ней возникла стремительная тень и лба коснулся чей-то горячий палец. Уснула она мгновенно. Матвей подхватил сожительницу Шмеля, уложил в коридоре на ковер, метнулся следом за Горшиным, который успел подняться на второй этаж.

Из спальни доносились хриплые стоны, хозяин уже занимался любовью с вызванной охранницей, и гости снова обменялись взглядами.

– Силен майор! – кивнул на дверь спальни Горшин. – Всю ночь развлекался, еще и на утро силы остались.

Матвей рывком открыл дверь, шагнул в комнату, почти полностью занятую огромной кроватью, и остановился. За ним вошел Горшин.

Девушка сидела на майоре верхом, работая, как машина, и тот заметил гостей сразу, только не сразу сообразил, кто они такие и как здесь оказались. Затем масляная пелена удовольствия сползла с его глаз, он рывком сбросил с себя неутомимую герл и метнулся к тумбочке, на которой лежали пистолет «волк» и хищно-красивый, необычных очертаний, гипногенератор «удав», называемый в просторечии «глушаком». До тумбочки, однако, Шмель не добрался, остановленный мощным ударом Горшина, от которого он перелетел кровать и врезался спиной в батарею отопления.

– Таких ботинок отрезвляет лучше, – хладнокровно сказал Тарас в ответ на взгляд Матвея, и тот с ним согласился, одним движением

успокаивая метнувшуюся к нему девицу, такую же рослую, мускулистую, с крутыми бедрами, умеющую драться не хуже тренированного мужика, но не имеющую понятия о технике усыпляющего касания.

– Кто вы такие? – Шмель попытался проскользнуть мимо Матвея к подушке, под которой лежал тонкий пенальчик рации, – Тарас достал его, – не смог и сел на полу у стены, держась за скулу, куда угодил носок туфли Горшина.

– Вопросы будем задавать мы, – вежливо сказал Соболев. – Если вы не возражаете. Мы знаем, кто вы, на кого работаете и откуда вернулись, поэтому наши интересы лежат в другой плоскости. Согласны отвечать добровольно?

– А если откажусь? – хмыкнул Шмель, пытавшийся сообразить, что надо утренним гостям. По всей видимости, он их не боялся, пребывая в полной уверенности, что контора за его спиной столь серьезна, что может достать кого угодно и где угодно. Впрочем, так оно и было, с небольшой разницей: утренние визитеры не были обычными людьми.

Матвей, просчитавший все движения души майора, повел глазами в сторону «глушака» на тумбочке.

– Это гарант того, что вы не откажетесь. А не поможет, найдем что-нибудь помощней, «болевик», например.

Физиономию Шмеля перекосило в другую сторону, но, надо отдать ему должное, держаться он умел.

– Похоже, мы работаем на одну и ту же фирму. Не бойтесь, что я вас найду... потом?

Глаза человека напротив обдали майора такой ледяной синевой, что он поежился.

– Шучу. Что вам надо?

– Как получилось, что седьмой член вашей группы Василий Балув не вернулся вместе с вами?

– Он погиб, – быстро ответил Шмель.

В то же мгновение комнату пронзила тихая молния, и рядом с головой майора в стену сочно воткнулся четырехугольный сакэн. От неожиданности он дернул головой, и вторая метательная звезда, брошенная Горшиным, приколола к стене прядь волос на виске.

– Б...дь! – сказал Шмель. – Ты же мне прическу испортил!

– Повторяю вопрос, – невозмутимо, не повышая голоса, произнес Матвей. – Почему не вернулся...

– Сам виноват, – буркнул Юрий Степанович, внезапно осознавая, что гости не шутят и способны на все. – Увлёкся, ушел в отрыв от группы...

– Балуев профессионал не тебе чета, – покачал головой Матвей. – Он никогда не увлекается во время работы. Чья была идея оставить его там во время захвата Шароева?

Шмель хотел было поведать заведомо согласованную с Ибрагимовым легенду, но снова наткнулся на пронизывающий синий взгляд молодого человека и понял, что делать этого не следует. Проворчал нехотя:

– Командира группы.

– Ибрагимова то есть?

Шмель дернулся.

– Точно, мы из одной конторы! Откуда вы знаете такие подробности? – Майор заторопился, увидев слегка сдвинутые брови гостя. – Его, Ибрагимова. Он получил по радиации приказ свернуть операцию, но все уже было подготовлено, и мы решили...

– Подставить Балуюева, чтобы уйти самим.

Шмель покосился на Горшина, застывшего у окна спиной к нему.

– Он начал своевольничать, поцапался с Тамерланом из-за бабы... от такого всего можно ожидать. Пожертвовав им, мы сохранили команду.

– Как он оказался в плену у президентской охраны?

– Не знаю...

Снова тусклый блик пересек комнату, и сакэн пробороzдил плечо майора, заставив его вскрикнуть.

– Повторить вопрос?

В глазах майора зажглась ненависть.

– Он... отбился, сел в машину, но поехал не на окраину города, а в центр, вломился прямо во дворец президента... Так нам передали оттуда. Это все, что я знаю.

– Похоже, он действительно больше ничего не знает, – обернулся Тарас.

– Он должен знать главное – зачем Ибрагимову, а точнее, Ельшину понадобилось подставлять Балуюева. – Матвей опустил на

корточки перед голым человеком на полу, по коже которого внезапно побежали мурашки, проговорил медленно и четко: – Майор, у тебя нет выбора. Или ты живешь, или...

Юрий Степанович проглотил ком в горле, силясь отвернуться от пронзительно-сверлящих глаз парня, не смог и промычал:

– Мы оставили там визитки «чистилища»... Балуюв должен был сыграть роль «чистильщика» и дезориентировать чеченцев... мертвый. Но Тамерлан промазал...

Некоторое время Матвей не снимал тяжести своего окончательно заledenевшего взгляда с начавшего потеть майора, встал, отвернулся, кивнул Горшину.

– Я услышал все, что хотел. Пошли.

– А он?

– Пусть живет. В скором времени за ним и так придет «Смерш».

Горшин послушно шагнул вслед за Соболевым, и тут же раздался ликующий вопль Шмеля:

– Стоять, суки! Руки за голову! Повернуться лицом!

Перехватчики повернулись. Шмель держал в руках пистолет-пулемет «клин», вынутый из тайника за батареей, и, оскалясь по-волчьи, поводил стволом из стороны в сторону.

– Ну, каратисты ё...е, с кого начинать?

– Может, попробуем пси? – задумчиво сказал Горшин.

Матвей кивнул, и оба они, усилием воли уходя в самад-хи-меоз, одновременно нанесли мощные парализующие удары по психике Шмеля. Открыть огонь майор не успел, потерял сознание от рапорта, нейтрализовавшего его волю. Выронив оружие, он осел на пол, глядя на своих врагов пустыми глазами.

– Такие, как он, убили мою жену, – тихо сказал Горшин.

Матвей не ответил, вспоминая памятный бой с майором в его кабинете на базе «Щита». История действительно повторялась – с некоторыми вариациями, но Закон обратной связи падал все быстрее, и соответственно ускорялись все события, прожитые Соболевым в прошлой жизни.

По лестнице застучали шаги: охранницы, проснувшись от крика шефа, спешили на помощь.

Тарас, вопросительно посмотрев на Матвея, вернулся в спальню и взял «глушак».

Глава 15

РЭНДЗОКУ-ГЭРИ

Президентский совет Исламской Республики Ичкерия, образованный по типу российского, заседал два раза в месяц. Решались на нем не самые важные государственные дела. Самое главное обсуждалось, когда президент Везирхан Шароев отпускал всех советников и оставлял двух человек: министра национальной безопасности Махмуда Солтанова и министра иностранных дел Салмана Борза. К этому ритуалу привыкли и чиновники, и журналисты, считая остающихся друзьями президента, но никто из них не знал, что трое самых главных людей государства представляют собой не только официальное правительство, но и неофициальное – Союз Трех Неизвестных, до момента выборов остававшихся в тени одиозных лиц, пришедших к власти в результате событий девяносто четвертого – девяносто седьмого годов. Да, они могли бы и дальше незаметно управлять своей небольшой державой, заняв должности экспертов или советников при крупных политических фигурах, которыми стали бывшие полевые командиры и особенно «непримиримые» – сторонники национального обособления. Однако после раскола Союза Девятнадцати в тысяча девятьсот девяносто первом году, происшедшего по причине кризиса власти среди Посвященных, повлекшего распад СССР и образование множества мелких Союзов, кардиналами – представителями чеченской нации овладела не только жажда власти, но и жажда признания их как лидеров. А обладая колоссальными денежными средствами, связями, поддержкой чиновников высшего эшелона власти в Москве, заинтересованных в получении сверхприбылей, и сторонников в Чечне, они легко выиграли выборы, став таким образом легитимными повелителями Чечни. Облаченные в Союзе Девятнадцати далеко не высшей степенью ответственности, стремились выйти на уровень мастеров координации, а когда это не удалось, добились абсолютной власти в своей маленькой республике, что возвышало их в собственных глазах и позволяло считать, что им доступно все.

Впрочем, они и в самом деле могли многое, став Посвященными II ступени Внутреннего Круга за довольно сомнительные заслуги объединения чеченской нации. И все же они были слишком самонадеянны и верили в свою исключительность.

– Ваха^[18], соратники, – оглядел смуглые, бородатые, бесстрастные лица кардиналов президент, носивший усики а-ля Дудаев. – Сегодня у нас одна важная проблема: выполнение воли иерархов. Все подготовлено к реализации их проекта «Кодирование Посвященного», осталось только ждать появления объекта.

– Он не придет, – угрюмо сказал седовласый Солтанов.

– Придет, – возразил Шароев. – Благородство, рыцарство и верность нынче не в чести, это правда, но Соболев – Воин Закона справедливости, он придет за своим другом.

– Будет обидно, если мы ошибаемся, – проворчал лысый и чернобровый Салман Борз, показав крепкие белые зубы. – Слишком много сил мы потратили на эту операцию.

Президент потрогал свои усики привычным жестом, кивнул, соглашаясь. Министр безопасности знал, что говорил. Вся операция с походом на Москву, убийством офицеров и писателя Кожемякина, ответный ход ФСБ, уничтожение почти всей группы боевиков, захват члена команды ФСБ России – все это было просчитано таким образом и только лишь для того, чтобы спровоцировать приезд в Чечню Матвея Соболева. «Заказали» его иерархи, в частности – пентарх Удди, с которым был связан Везирхан Шароев, и они же подсказали путь, коим можно воздействовать на человека, получившего знания Посвященного, но еще не ставшего им. И расчет иерархов пока оправдывался, вся операция была сработана чисто, без единого прокола. Группа Шароева-младшего проникла в Москву, выполнила задание и вернулась. Генерал Ельшин, контактирующий с Конкере – проекцией Монарха Тьмы, предложил план мести, который был принят. Команда «мстителей» просочилась на территорию Чечни и, не встретив сопротивления (пропустили ее специально), уничтожила исполнителей из группы Шароева. А потом Ибрагимов, самый жестокий из шакалов (слуг Ельшина) по совету генерала «сдал» Балуева, и теперь перехватчик-«волкодав», друг Соболева, по сведениям пентарха, находился в руках Шароева-старшего. Оставалось только ждать прибытия Соболева.

– И все-таки не ошибаемся ли мы в оценке возможностей этого человека? – высказал опасение осторожный Солтанов. – Если уж друг Соболева едва не ушел от наших людей – а ведь он обыкновенный человек, хотя и профессионал, – то на что тогда способен сам объект воздействия?

– Махмуд, ты стареешь, – усмехнулся Салман Борз, вытирая блестящую бугристую лысину платком. – Он один, нас трое. И вряд ли ему подчиняется весь спектр сил.

– По большому счету ты прав, – сдержанно проговорил президент. – По моим данным, Соболев владеет первой Силой Эхейх^[19] и второй сферой света Цафкиель.

Министр безопасности пренебрежительно поморщился.

– Мы близки к Иегове, перешли в четвертую сферу – Ханиэль иерархии Голаб^[20]. Нам ли бояться Идущего?

– Но координатор Союза Девяти почему-то отказался от предложения пентарха, – рассеянно сказал Шароев.

– Бабуу-Сэнгэ отказался?! Почему? Впрочем, неудивительно, он всегда был слишком осторожен и щепетилен в таких вопросах. А зачем Соболев понадобился пентарху?

– Видимо, он чем-то ценен иерархам, а может быть... опасен. Поэтому они и хотят закодировать его, привлечь на свою сторону. Как только мы захватим Соболева, пентарх лично посетит нашу реальность для контакта с ним.

– Несмотря на запрет инфарха пересекать границу нашей реальности?

– Инфархом недовольны почти все иерархи, вскоре у него возникнут трудности с координацией всех пяти уровней Круга. А главное, что им недовольны Аморфы.

– Это пахнет отречением.

– Вот именно, братья. В случае передела власти там, в «розе», у нас появится шанс потеснить Хранителей и изменить наш статус здесь. Вполне возможно, нам удастся даже открыть доступ к Знаниям Бездн. Поэтому я предлагаю не торопиться приглашать пентарха. Сначала мы попробуем договориться с Соболевым сами. Если он тот, кого инфарх наметил себе в преемники – а такие слухи ходят, – то парень нам очень может пригодиться.

– А если он не согласится? – поинтересовался Солтанов.

Шароев поднял на него похолодевший взгляд.

– Тогда мы поступим с ним по обстоятельствам. В крайнем случае вызовем пентарха. А теперь давайте еще раз пройдемся по нашим более мелким проблемам. Первая из них – переговоры с Россией...

Кардиналы как по команде налили себе из стоящих на столе бутылок минеральной воды и принялись за обсуждение «мелких» проблем.

* * *

Откуда-то из глубин подсознания поднимались вверх, как пузыри воздуха сквозь толщу воды, странные ощущения и видения, которым в человеческом языке не было и не могло быть соответствующих определений. Но действовали они на психику и тело раненого благотворно, укрощали боль и уносили с собой – в пустоту – тревоги, страхи, беспокойство и угнетающие чувства беды и ошибки. В какой-то момент эти «пузыри» подсознательных движений души вырвались на океанский простор сознания, превратились в «воздушные шары» ассоциаций, связанных мысленных цепочек, и Василий осознал себя лежащим на твердом топчане в тесной камере с железной дверью и единственным зарешеченным окном.

Полежал не двигаясь, присматриваясь к обстановке камеры и прислушиваясь к звукам, долетавшим из глубин здания, и окончательно понял, что находится в камере тюрьмы. Закрыв глаза, обессиленный даже этими простыми движениями глазных яблок, вспомнил свой прорыв к президентскому дворцу, но сердце дало сбой, и Вася вынужден был усилием воли отключить память. Судя по запахам йода и эфира, а также повязкам на голове и теле, его лечили, значит, убивать сразу не собирались. Это вселяло надежду. Тогда он устроился на топчане поудобней, отмечая очаги боли – вполне терпимой, кстати, и сконцентрировал внимание на мыслеобразах «земли», «воды», «огня», «воздуха» и «неба»: эти ступени медитации помогали восстанавливать силы и лечить израненное тело.

Сначала Вася сосредоточился на первоэлементе «земля», которому по канонам медитативных техник соответствовали красный цвет и звуковая мантра «лаум». Он представил землю, мысленно

ощутил ее тяжесть и сам стал неподвижным, твердым и тяжелым. Через некоторое время его поза стала поистине непоколебимой, вес постепенно увеличился, пока не достиг нескольких десятков тонн, так что его не могла сдвинуть с места никакая сила, и наконец Вася превратился в массивную и неподвижную скалу, только живую. Дышал он животом – вдох через нос, выдох – через рот, на выдохе долго тянул мантру «ла-а-а-у-у-м-м-м»...

Затем через четверть часа пришла очередь «воды».

Вася сосредоточился на воде и ее качествах, представил, что сидит на чистой водной поверхности в позе лотоса, легкий как пушинка. Вокруг вода, вода до горизонта, ровная и блестящая, без единой морщинки. Потом появляются волны, начинают носить «цветок лотоса» по воде, толкать его, бить, обрушиваться сверху, но, не в силах причинить ущерба, стихают...

За «водой» шел первоэлемент «огонь», пытающийся сжечь медитирующего, за «огнем» – «воздух», ветер, гоняющий его, будто легкий воздушный шар, из края в край безбрежного воздушного океана, и закончился сеанс медитации «небом»: Вася парил в кристально чистом голубом небе, глядя на пелену облаков под собой, его поза была тверда, тело наполнялось энергией, голубизна неба одухотворяла и радовала его, и хотелось до бесконечности продлить этот волшебный полет...

Звук мантры «аум», произнесенной непроизвольно, автоматически, заставил его очнуться и ощутить себя в физическом теле. Сеанс медитации вызвал чувство уверенности в себе и оптимизма, уменьшил боль в ранах, создал образ несокрушимого внутреннего «я», разбудил силу и решимость воина. Вася почти созрел для действия. Но, во-первых, надо было поточнее выяснить, где он находится, во-вторых, не мешало подкрепиться, в-третьих, следовало и дальше играть роль раненого, вот-вот готового откинуть копыта. А поскольку лучший способ времяпровождения в данном положении – сон, Вася приказал себе спать.

Проснулся он через пять часов, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Не меняя позы, не выдавая себя ни одним движением, мысленно пошарил вокруг «руками» и наткнулся на двух человек, разглядывающих его неподвижное тело. Затем один из них что-то сказал по-чеченски, второй ответил, и они снова замолчали.

Один явно был надзирателем или же одним из начальников тюрьмы, а вот второй казался очень спокойным и опасным, вызывая впечатление нависшей над головой стены.

Вася незаметно приоткрыл один глаз, чтобы рассмотреть в щелку визитеров, и буквально укололся о сверкнувший взгляд человека, одетого в черную кожаную куртку, белую рубашку с галстуком и смушковую папаху. Тяжелое лицо человека, гладко выбритое, с небольшими усиками, казалось высеченным из камня, и веяло от него холодной стальной волей и жестокостью, не знающей колебаний.

– Очнулись, Василий Никифорович? – улыбнулся гость.

Вася медленно открыл глаза, стараясь сжаться, не пустить под череп протянувшиеся к нему призрачные мысленные руки человека в папаше. Видимо, это ему удалось, потому что во взгляде гостя мелькнуло удивление.

– Кто... вы?

– Везирхан Хамидович Шароев, если вам будет угодно, – ответил гость. – Президент Исламской Республики Ичкерия. А вы соответственно ганфайтер, перехватчик-«волкодав» из особого подразделения Федеральной службы безопасности России и находитесь в данный момент у меня в резиденции.

– Где? – прошептал Вася, сраженный услышанным до такой степени, что ему не надо было особенно притворяться слабым и жалким. Президент з н а л, кто он такой, что говорило о прямой утечке информации.

– Где находится резиденция? – шевельнул густой черной бровью Везирхан Шароев. – Или где находится помещение, где вы содержитесь? В цокольном этаже моего дворца. – Президент пожал плечами. – Приходится, знаете ли, содержать вот такие «царские» покои... для подобных вам людей и некоторых моих нерасторопных подчиненных. Как вы себя чувствуете?

– Пить...

Президент обернулся к спутнику, среднего возраста чеченцу в черной форме с зелеными нашивками, сказал что-то на своем языке, глянул на недвижно лежащего узника:

– Вас покормят. Скоро ваше положение изменится, крепитесь, хотя сдается мне, чувствуете вы себя лучше, нежели пытаетесь внушить. До встречи со своим другом.

Кивнув, Шароев скрылся за дверью камеры, за ним тенью выскользнул начальник президентского СИЗО. Вася остался один. Расслабился, все еще помня угрожающе-насмешливый взгляд президента Чечни, потом улыбнулся в ответ. Что бы тот ни говорил, в особые возможности пленника он не верил. «А напрасно, – подумал Вася с веселой злостью, – придется тебя разочаровать, папаша, кем бы ты ни был... Вот только что за намек ты сделал, говоря о свидании с другом? О каком друге шла речь?..»

Через полчаса принесли еду: рисовая похлебка, кусок хлеба, сыр, зелень, чай. Недурно! Стараясь все так же выглядеть немощным и больным, Вася съел все, что полагалось по тюремному рациону, почувствовал прилив сил и повеселел. Теперь можно было подумать и об освобождении, благо никто не ждал от него активных действий сразу после захвата и ранения. По любым понятиям человек, сидящий в камере-одиночке личной президентской тюрьмы, не мог рассчитывать на побег, но только не Балуюев. Его специально учили уходить из таких вот мощных укрепленных цитаделей, сначала учителя ниндзюцу, потом мастера спецопераций ФСБ, поэтому Васе не надо было ломать голову – что и как делать. Он уже знал, что будет делать в каждую последующую секунду. А еще он, к своему удивлению, вдруг снова вспомнил советы Соболева, его пакет приемов космек и ТУК, и к нему пришло удивительное ощущение знания будущего. Он вспомнил встречи с Матвеем, с его друзьями – Парамоновым, Самандаром, Ульяной Митиной, вспомнил прекрасные подземные замки Инсектов, прапредков людей, вспомнил жестокие схватки с Монархом Тьмы и его слугами. И хотя длилось это воспоминание недолго, несколько мгновений – словно в сознании открылось некое окошко в другой мир и тут же захлопнулось, – Вася не чувствовал себя разочарованным или встревоженным «бунтом психики». Становилось ясно: каким-то образом ему тоже была сохранена часть памяти о прошлой жизни и теперь она постепенно всплывала из глубин подсознания, напоминая об ином порядке вещей и о возможности изменить свою судьбу.

Поев, Вася якобы нечаянно сбросил посуду на пол, лег животом вниз на топчан и расслабился, ожидая надзирателя. Тот появился не скоро – молодой парень явно некавказской наружности, в черном комбинезоне, с пистолетом в кобуре. Собрал с пола посуду,

покосившись на пленника и не ожидая от него каких-либо опасных действий, повернулся к нему спиной, и в этот момент Василий, мысленно произнеся фразу: «В моей смерти прошу винить мою жизнь», – бесшумно поднялся с ложа и коснулся шеи парня приемом ТУК. Прислушался: снаружи не доносилось ни звука. Опустил надзирателя на пол, быстро снял с него черный комбинезон и переоделся; комбинезон пришелся впору. Снял с головы повязку, так как кровь уже давно не сочилась из раны, а вот повязки на боку и на плече оставил. Сложил посуду в бачок, вышел из камеры и спокойно закрыл дверь за собой. Огляделся.

Короткий коридор с четырьмя дверями без окошек, но с телеэкранами. Вот дрянь! Вася облился холодным потом, внезапно осознав, что не обратил внимания на оборудование камеры – где-то там скрывался зрачок телеглаза! Неужели приплыл? Если передачи с телекамер передаются на общий монитор охраны, сейчас должна начаться тревога. А если тревоги нет, значит, за президентским СИЗО никто не наблюдает. Причин может быть две: здесь находится всего один пленник – сам Балуюев, и привезли его в таком состоянии, которое исключает надобность в теленаблюдении. Что ж, альтернативы нет, надо идти вперед до конца.

Посвистывая, Василий направился к входной двери с окном из толстого стекла. За ней шел небольшой тамбур, по сути, представлявший собой дежурку с телемонитором, где сидел еще один охранник в черном, и тут Вася понял, почему не поднялась тревога, когда он усыпил первого надзирателя. Охранник у монитора смотрел не на ряд экранчиков, показывающих внутренности камер, а увлеченно играл на компьютере в тетрис-эротик: каждый сложенный ряд «кирпичей», исчезая, открывал «волшебную» картину полового акта с участием сразу четырех действующих лиц...

Покрутив головой, Вася вошел в тамбур и постучал по плечу игрока-сластолюбца:

– Привет, мужичок. У меня к тебе пара вопросов.

Черномундирный «мужичок» оторвался от дисплея, ошалело глянул на Балуюева снизу вверх, потянулся было к пистолету на поясе, и Вася резко хлопнул его по ушам. Вскрикнув, смуглый молодой чеченец с усиками «под президента» схватился за уши. В глазах его

отразилась напряженная и очень тяжелая работа мысли, сменившаяся растерянностью и страхом.

– Дошло? – усмехнулся Василий, отбирая у него пистолет. – Как блокируется система?

Охранник что-то промямлил по-чеченски. Вася сделал замах, и парень, бледнея, торопливо повторил по-русски:

– Не знаю... не понимаю...

Вася оглядел клавиатуру компьютера, нажал клавишу «escape», затем выключил компьютер. Четыре светящихся экранчика монитора и дисплей собственно компьютера погасли.

– Так, отлично. А теперь ты расскажешь мне, как выйти отсюда.

– Не выйдешь, – буркнул охранник, взбадриваясь. – Везде люди, сто человек охрана... вооружен автомат-пулемет...

– Это моя забота, – зевнул Вася. – Рисуй схему коридоров и где находятся посты, да побыстрей, а то я на самолет опоздаю.

– Я не знаю...

Вася пнул охранника так, что тот слетел со стула и врезался головой в экраны. Держась за поясницу, с трудом встал, по-волчьи сверкнул глазами – достойный сын своего непокорного и слепого в ненависти к иноверцам народа. Пинок – это тот же подзатыльник, только этажом ниже, вспомнил Вася чей-то афоризм. Участливо сказал:

– Что, больно? А ты не ерзай, и копчик будет цел. Давай не шали, рассказывай.

Запинаясь, охранник обрисовал внутреннюю архитектуру цокольного и первого этажей дворца, схему коридоров, расположение постов охраны, как пройти мимо, не задевая никого, и как выйти из дворца. Затем Вася дружески потрепал парня по щеке, и тот уснул, не успев сообразить, в чем дело. Натянув на лоб квадратную черную фуражку с шестиконечной зеленой звездой над околышем, Вася переждал небольшой приступ слабости – все-таки он был далеко не в нужной кондиции для таких дел – и выбрался из тамбура по ступенькам в коридор цокольного этажа.

Первый пост у поворота коридора не обратил внимания на человека в черном с алюминиевым бачком в руке: двое молодых парней в пятнистой униформе азартно играли в нарды.

Прямо казино, а не дворец, подумал Вася, спокойно проходя мимо. Дурдом!

Следующий поворот коридора вывел Балуюева в холл, а точнее, на круглую площадку с тремя выходами и винтовой лестницей, ведущей в холл первого этажа дворца. Здесь тоже располагался пост охраны, но уже посолонней: трое молодцевато подтянутых парней в серой форме национальных гвардейцев мерили шагами помещение с мраморными стенами и гранитным полом, со светильниками на потолке в форме полумесяца, четвертый сидел за столом напротив четырех экранчиков телемонитора, показывающих периметр цокольного этажа — все четыре его коридора.

На Васю обратили внимание сразу, как только он вышел на площадку с лестницей.

— Эй, турма, — окликнул его один из охранников, широкоплечий, узкий в талии, горбоносый; Васю он, естественно, знать не мог, но обратился на русском, потому что увидел незагорелое славянское лицо. — Зачём сюда ходил? Кухня другой сторона.

Вася понял, что мирно пройти не удастся, замедлил движение, но продолжал идти, до предела уменьшая дистанцию атаки, сказал миролюбиво:

— Да я тут вам принес кое-что перекусить.

Охранник вытаращился на него, сиюсь сообразить, чего хочет тюремный служитель, положил руку на кобуру, и в этот момент Вася перешел на темп, чувствуя, как неохотно подчиняется тело нагрузкам боя, заставляя это тело слушаться и выключая сознание из процесса. Мастер-воин не думает во время боя, не опускается до сознательного контроля за своими действиями, он позволяет движению увлечь его и сам становится движением, он в такие моменты не просто боец — сама битва!

Эти ребята из серой президентской гвардии, как и все чеченцы-боевики, умели прилично стрелять, но не более того. О системах рукопашного боя они имели самое отдаленное понятие, хотя некоторые из них и занимались спецподготовкой. Поэтому пройти пост Василию удалось без особого труда.

Он ткнул пальцем в зрительный нерв между глазами, в верхней части носа, того охранника, который оказался ближе всех, прыгнул к другому, вбивая ему кадык в горло ребром ладони, и тут же достал

ногой лицо третьего (миги кин гэри), пытавшегося выцарапать пистолет из кобуры трясущейся рукой. Четвертый охранник, сидящий у стола, успел только оглянуться и вытаращить глаза, на большее не хватило реакции, нога Васи нашла его челюсть и снесла парня со стула, как клюшка шайбу.

На лестнице появился пожилой мужчина в костюме, но без галстука, с кипой бумаг в руке. Не понимая, что происходит, спросил с любопытством по-чеченски:

– Что это вы тут делаете?

Однако Вася его понял, лучезарно улыбнулся, спеша навстречу с распростертыми объятиями:

– Все в порядке, папаша, тренируемся.

– А почему... – Договорить местный чиновник не успел, Вася дотронулся до его руки и послал в сон, вспомнив усыпляющий прием. Из коридора донеслись чьи-то голоса, шла целая группа людей, и Вася поспешил наверх, прыгая через две-три ступеньки, времени у него оставалось в обрез.

Вышел в холл, оглядывая огромный зал с колоннами, зеркалами, бронзовыми светильниками, с десятком статуй чеченских вождей всех времен, одернул мундир и быстро зашагал через зал, по которому прогуливались важные гости президента, спешили по своим делам служащие в сером, вышагивала бдительная охрана с кортиками, пистолетами и автоматами дулами вниз. Тревога началась, когда Вася прошел половину зала. Тогда он снова перешел на темп, хотя далось это ему с громадным трудом, и начал прорыв, уже понимая, что не успевает.

Трех охранников у гигантской резной двери, бросившихся навстречу, он смел ураганом, не заботясь о целостности их лиц, рук, ног и ребер. Сбил с ног вошедшего толстяка в сопровождении двух женщин, выскочил на крыльцо с дюжиной ступенек, на которое он недавно взлетел на чужом автомобиле, и в глазах зарябило от серых фуражек и стволов разного рода и калибра. Здесь его ждала целая рота гвардейцев, оцепившая главный вход во дворец.

И все же Вася рискнул бы броситься в атаку, имея в козырях внезапность, скорость движений и психологическое преимущество человека, стрелять по которому охрана первой не начнет, убежденная в безнадежности положения беглеца. Но из-за спин солдат вперед вышел

незнакомый чернобородый, чернобровый, но совершенно лысый чеченец в кожанке и поднял руку:

– Не стрелять!

Взгляд Васи встретился с угрюмым взглядом лысого, и он вздрогнул, вдруг ощутив внутреннюю силу этого человека, с которой бороться не мог. Момент атаки был упущен, и Вася остался на месте.

– Вернитесь! – сделал резкий жест незнакомец. – Сопротивление бесполезно.

– А если я не подчинюсь? – хрипло попытствовал Василий.

– Здесь вам не пройти даже с вашей подготовкой... – Лысый запнулся, и Вася отреагировал на это шагом влево, уходя от атаки.

Один из охранников, догонявших его сзади, подкрался и нанес удар в спину... промазав, конечно, из-за движения беглеца. Вася хладнокровно ударил его в живот (хидари гедан маэ гэри), шагнул вправо, отключил второго высунувшегося охранника боковым ударом в щеку (миги джодан маваши гэри) и тут же, сделав поворот, достал третьего, взлетевшего по ступенькам на крыльцо, ударом ноги в грудь (хидари гедан уширо гэри кааге). Охранники еще падали, а два автомата, сорванные Васей с первых двух, уже смотрели прямо в лицо лысому начальнику.

– Не стрелять! – снова лязгнул он голосом, от которого у Васи заныли зубы, оглядел ряды солдат, начавшую собираться толпу перед дворцом, повернулся к неподвижному Балуюеву. – Браво, мастер! Рэндзоку-гэри^[21] в таком совершенном исполнении я не видел давно. Однако это ничего не решает, и вы это понимаете. Меня вы не убьете, не тот случай, а тем более не испугаете, зато испортите свой отпуск окончательно. – Говорил лысый по-русски чисто, почти без акцента, и каждое его слово сопровождалось всплеском боли в голове Василия, словно в нее вколачивали гвозди.

– Кто вы? – спросил он бесстрастно.

– Министр безопасности Ичкерии Салман Усман Борз. Но давайте войдем в дом, на нас смотрят.

Вася подумал, опустил автоматы, бросил их на плиты крыльца.

– Хорошо, давайте войдем.

– Разумно, – кивнул Борз. – Похоже, вы постигли не только у-цзи, но и тайцзи^[22]. Далеко пойдете, мастер... если уцелеете.

– Да и вы, похоже, не простой министр, – пробормотал Вася, борясь с обессиливающей пустотой в груди. – Идущий по меньшей мере... а может быть, Посвященный?

Высверк черных глаз лысого был столь грозен и зловещ, что Васю шатнуло. Однако он не упал, хотя в голове зашумело, как от удара. Впрочем, он и получил мощный удар, энергетический, на уровне психической атаки, только не знал этого, защищая мозг совершенно инстинктивно и тем самым ослабляя атаку.

– Занятно, – бросил Борз, разглядывая Балую с подозрением и хищным интересом. – Вы, оказывается, не простой исполнитель, молодой человек... Уведите его.

Васю взяли под руки, он хотел сказать: я сам, – но язык не повиновался, ноги отказывались идти, и Василий милостиво разрешил себе потерять сознание.

Глава 16

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

В последнюю декаду мая грянула серия громких политических скандалов, связанная с разоблачением «Стопкримом» незаконной деятельности чиновников высшего эшелона власти.

Двадцать первого мая подал в отставку премьер-министр. За ним с разрывом в один день ушли с постов министры обороны и внутренних дел. Затем посыпались из кресел вице-премьеры, не устоял даже Сосков, казавшийся непоколебимым, как монумент. Последним из этой разношерстной компании сдался мэр столицы Братенин. В стране разразился очередной политический кризис, умело инспирированный кардиналами Союза Девяти Неизвестных, заинтересованными в смене курса правительства, а точнее, в ужесточении Закона обратной связи. Настала пора расставлять на важные посты своих людей вместо не оправдавших доверие.

Неожиданно для всех вперед выдвинулись малозаметные до сих пор фигуры: секретарь Совета безопасности Мурашов, советник президента по национальной безопасности Юрьев и начальник информационной службы президента Носовой. Именно их кандидатуры – кардиналов Союза Девяти предложил президент на рассмотрение Думе для замещения вакантных должностей премьера и руководителей силовых министерств. Начался новый этап деятельности Союза – гласный, нуждающийся в поддержке и признании не только народа, но и адептов Внутреннего Круга, которые никогда ранее не поддерживали подобные начинания. Но если путь, избранный Союзом Трех Неизвестных Чечни, старейшины Круга еще могли считать исключением из правил, пытаясь как-то влиять на процесс со стороны, то решение Союза Девяти России явилось ощутимым ударом по всей стройной системе деятельности и политики Круга. Создавался прецедент самовольного выхода Посвященных из Круга Великого Молчания, что было чревато не только утечками опасной информации, но и распадом Круга, вело к дестабилизации всего социума «запрещенной реальности», и без того колеблемого непрекращающейся борьбой за власть.

Встревоженные создавшейся ситуацией Хранители решили обсудить положение дел и впервые за последние три тысячи лет организовали общий Собор Внутреннего Круга, который прошел в самом крупном из скальных дворцов в Национальном парке Меса Верде – Клиф пэлэсе.^[23]

На Собор были приглашены координаторы Союзов Неизвестных всех стран, однако прибыли далеко не все. Так, не явился координатор Ичкерии Везирхан Шароев, первым преступивший закон «тихой регуляции» Круга, что говорило о его явном отказе от избранного Кругом пути. Координатор Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ все же появился на Соборе, был выслушан и предупрежден, что, впрочем, не изменило ход его мыслей, однако все понимали, что делу Круга нанесен ощутимый удар, способный поколебать его устои. Как будут развиваться события после этого, предсказать не взялся никто, несмотря на владение Посвященными II ступени ясновидением и прогностикой. К тому же весьма сильно мешали Хранителям действия иерархов, затеявших выяснение своих прав и полномочий между собой. Последствия этих разборок не могли не сказаться на слоях-мирах «розы реальностей», в том числе и на колыбели человечества – «запрещенной реальности». Но даже Хранители не все понимали, к чему это может привести, полагая, что все в конце концов успокоится и придет в норму, как уже было много раз на протяжении человеческой истории. Один лишь Матфей, координатор мистерий Посвящения, проживший на Земле более четырех тысяч лет, видел, кем направляется процесс распада Круга, и предпринял кое-какие шаги, могущие в случае удачи изменить соотношение сил добра и зла и предотвратить попытку Монарха Тьмы начать новый эксперимент с биосферой «запрещенной реальности». Потомки Инсектов – люди Монарху перестали быть интересными, их путь – технологический, рациональный, убивающий полет фантазии и духовные поиски – вел в тупик. В настоящее время Аморфу Конкере больше нравилась идея трансформации флоры, скрещения ее с одним из видов фауны, а именно – с рептилиями. После нового Изменения, по расчетам Конкере, в «запрещенной реальности» должна была возникнуть новая форма жизни, более перспективная, устойчивая к непредсказуемым колебаниям «божественной» воли иерархов, отрицающая всякую мораль, свободно меняющая законы жизни.

После всех властных подвижек зашаталось кресло и под главой Федеральной службы безопасности, которого когда-то пригласил в свою команду Краснорыжин. Прикинув свои возможности и вероятные последствия, Панов решил не злить судьбу и подал прошение об отставке. А уже через два дня на его место был назначен президентом Владимир Алексеевич Бондарь, пятидесятилетний генерал-майор, начальник Управления «К» ФСБ, то есть собственно службы контрразведки. Это явилось неприятным ударом по самолюбию начальника Управления «Т» генерала Ельшина, который считал себя преемником Панова и сделал все от него зависящее, чтобы назначили на пост директора его. Однако этого не случилось. А узнай Генрих Герхардович, что помешал ему ближайший помощник Рыков Герман Довлатович, он был бы взбешен еще больше. Пребывая в таком состоянии весь день двадцать седьмого мая, генерал отказался от встречи с Первухиным, продолжавшим настаивать на расследовании факта невозвращения из Чечни его подчиненного, вызвал Ибрагимова и дал ему задание убрать всех свидетелей похода группы перехвата в Чечню.

– Шмеля тоже? – не удивился приказу майор.

– А чем он лучше других? – вызверился генерал. – К тому же у меня возникли подозрения, что он примкнул к враждебной коалиции.

– С чего вы взяли?

– Недавно у него на даче побывали кое-какие гости, а он об этом не сказал ни слова.

– Все равно на основании этого выносить приговор неразумно.

– Что такое, Хасан?! – удивился Ельшин. – Ты не заболел, часом? Из твоих уст слышать подобные речи по меньшей мере странно. Ты Шмеля пожалел? Он что, твой брат, сват, шурин, свояк?

– Нет, – отвел глаза Ибрагимов.

– Вот и выполняй. – Генерал отвернулся (разговор происходил в его рабочем кабинете, только не на Лубянке, а на семнадцатом этаже высотного здания на Сенной площади, принадлежащего «Куполу»). – Заодно подумай, как убрать руководство «Смерша».

– Всех? – лаконично спросил командир «Стикса».

– Ивакина и Дикого в первую очередь, их помощников потом. Кстати, учти, что по твоему следу Первухин запустил какую-то свою особую команду. Она может копнуть и в Чечне, так что готовь своих

оперов на акцию. И вот еще что: последи-ка ты за Рыковым. Не нравится мне его активность в последнее время, зачастил он к Бондарю зачем-то.

– Сделаем.

– Иди.

Ибрагимов четко повернулся и вышел.

Ельшин же нарисовал на листе бумаги кружок, написал в центре фамилию «Рыков» и стал пририсовывать к окружности стрелки.

В это время сам Герман Довлатович делал почти то же самое, только на экране компьютера: рисовал квадратики и кружочки со стрелками – схему взаимодействия «Купола» во главе с боссом – Ельшиным со всеми властными структурами. Оторвал его от этого занятия телефонный звонок по сотовой связи. Звонил Бабуу-Сэнгэ:

– Доброе утро, Герман Довлатович. Возникли некоторые обстоятельства, помешавшие мне собрать совет. Но все равно поработали вы там хорошо, за что примите благодарность. Новый директор вашей ФСБ знает о той роли, которую сыграли вы в его назначении?

– Не знает, но работать с нами будет. Он человек Системы, только тем и интересен нам. Играет по правилам, отменный служака, способный предвидеть волю вождя и исполнить ее. Что касается других его заслуг, то это и не суть важно.

– Подобную характеристику можно дать всей правящей элите. Прекрасно. Юрий Венедиктович все еще оказывает влияние на президента, что весьма увеличивает наши возможности. Петр Адамович и Виктор Викторович нашли способ усилить давление на Думу, что также немного усиливает возможности регуляции соцсреды. Все идет нормально.

– Вы не сказали, чем должен заниматься я.

– Разве? – удивился координатор Союза Девяти. – Я думал, вы поняли. Разве вы не согласовали с Юрьевым вопрос влияния на непосвященного Соболева? Вот и занимайтесь им. По моим сведениям, он собрался в Чечню, чтобы вызволить из неволи своего приятеля. Воспользуйтесь случаем.

Со струнным аккордом кодирующего устройства связь оборвалась.

Рыков некоторое время слушал гудение фона в трубке, потом набрал номер секретного канала Носового:

– Хейно Яанович? Рыков говорит. Как здоровье?

– Говори по делу, – кисло отозвался будущий босс «Купола».

– Я и говорю. Как идет формирование СС? – Герман Довлатович имел в виду Сверхсистему, в которую постепенно превращался «Купол».

– Нормально, – ответил Носовой. – А как себя чувствует СК? – Хейно Яанович имел в виду «Стопкрим». – Говорят, от вас ушел очень ценный работник.

Рыков не удивился осведомленности кардинала, но пережил неприятную минуту проглатывания горькой пилюли.

– Мы чистим ряды, – ответил он наконец. – Хейно, у тебя есть связь с Шароевым?

– Везирханом или Безумным?

– Старшим.

– Зачем тебе это знать?

– Мне надо поговорить с ним.

– О чем?

Рыков помолчал, переживая острое желание выругаться.

– В Чечню направляется объект «волны исключения», надо предупредить Шароева.

– Если речь идет о Соболеве, то Везирхан знает. Кстати, операция по вызову Соболева в Чечню – его рук дело. Этот человек нужен Везирхану.

– Мне тоже.

– Моей помощи не жди. Могу разве дать канал связи с Шароевым, а дальше сам.

– И за это спасибо. В долгу не останусь.

Носовой продиктовал восемь цифр и отключился. Рыков посидел немного с трубкой в руке, глядя на нее, как на змею, потом пожал плечами и выключил телефон. Он знал, что ему еще предстоит убирать Носового со своего пути, только не видел пока способа.

Самандар приехал в Рязань на следующий день после звонка Парамонова, благо появился повод повидаться с Ульяной.

Посвященные встретились в доме родственников Ивана Терентьевича, сначала вдвоем, потом к ним присоединилась Ульяна Митина, позвонившая Парамонову сразу после появления Самандара: она обладала тонкой чувствительностью к изменениям ориентированных на нее энергий.

Майский день располагал к отдыху, температура к одиннадцати часам дня поднялась до двадцати двух градусов, и Ульяна предложила даже пойти на речку позагорать и искупаться, но мужчины отказались, снисходительно переглянувшись: что возьмешь с девчонки? Хотя оба знали, что их подруга только выглядит на восемнадцать.

Сели пить чай в горнице, подвинув стол поближе к открытым окнам, через которые в просторную залу проникали запахи цветущей сирени, свежей зелени, близкого леса и реки. Дом хозяина, Харлампия Игнатовича Преснякова, троюродного дяди Ивана Терентьевича, был, как и все дома здешнего частного сектора, деревянный, старый, без особых архитектурных излишеств – мансард, фронтонов, башен, застекленных веранд и террас. Строили его век назад, но строили добротно, и внутри он был просторен, светел и чист. Зимой в нем было тепло, летом прохладно.

– Так я и не понял, кто такой Матвей Соболев, – сказал бесстрастный, как всегда, Самандар, одетый в строгий светло-серый костюм с однотонным галстуком.

– Ангел необъяснимого, – усмехнулся Иван Терентьевич, в отличие от Вахида Тожиевича одетый по-домашнему в холщовые штаны и старую, выцветшую футболку. Ульяна летом предпочитала носить джинсовую юбочку и майку, смотреть на нее было приятно.

– А может быть, демон необъяснимого? – усмехнулся в ответ Самандар, ревниво относившийся ко всем новым знакомствам Ульяны. – Что, если он работает на Конкере?

– Нет, – убежденно не согласилась Ульяна. – Он светлый идущий, и я уверена, что он говорил правду. Зло деятельно и энергично, ему надо давать отпор на всех уровнях, в том числе и на нашем, и нам просто надо определиться, какие методы противления злу мы выберем. Но Матвей прав: высидеть в своей «экологической нише», только лишь наблюдая за падением Закона возмездия, мы не сможем.

Мужчины переглянулись.

– Девочке хочется кусаться, – констатировал Самандар.

– Девочке хочется жить, не краснея за свое ничегонеделание, даже если это будет связано с тревогами и опасностью. В жизни каждого человека должны быть хотя бы маленькие радости и удовольствия, иначе она теряет смысл. Вот и давайте доставим себе радость – поможем хорошему человеку.

– Не убежден, что он хороший человек, – пробурчал Вахид Тожиевич. – Мы еще как следует не постигли иерархию Сил Круга, а уже пытаемся вмешаться в деятельность Посвященных II ступени, не говоря о мастерах высших планов. Если мы влезем в их разборки, костей не соберем. Да и вообще, какое нам дело до проблем этого вашего Соболева? Пусть сам их решает. За мной в молодые годы никто не ухаживал.

– А хочется? – прищурился Парамонов.

Самандар поймал веселый взгляд Ульяны, проворчал тоном ниже:

– А кому не хочется?

– Это явный признак старения, – огорчился Иван Терентьевич, – когда хочется, чтобы за тобой ухаживали.

Ульяна прыснула.

– Я не знала, что Вахид так стар. А кстати, мужчины, я никогда не интересовалась, сколько вам лет.

– Мне сорок пять, – не моргнув глазом ответил Парамонов, которому пошел на самом деле семьдесят второй. – А ему за сто перевалило, пора и о пенсии подумать.

Ульяна снова прыснула.

– Не нравится мне, когда ты шутишь, – мрачно проговорил Самандар. – Обязательно потом что-нибудь случается нехорошее.

Внезапно всем троим показалось, что на них кто-то посмотрел, внимательно и с надеждой. Посвященные замолчали, переглядываясь, в это время в сенях стукнула дверь – хозяин кого-то впустил. Несколько секунд был слышен разговор Харлампия Игнатовича с гостем, вернее, с гостьей, потом он открыл дверь в горницу и сказал дребезжащим баском:

– А тут к вам пришли, Иван. – Отступил в сторону. – Проходи, милая, здесь они.

В дом вошла очень красивая девушка с каким-то светлым, чуть ли не светящимся лицом, одетая в кофточку-паутинку и белую короткую юбку, открывающую стройные, точеные ноги. Она поклонилась разглядывающим ее Посвященным, бросив короткие взгляды на Самандара и Парамонова, потом выпрямилась и глянула на Ульяну. Некоторое время девушки смотрели друг на друга с любопытством и ожиданием, оценивая, и вдруг Ульяна с изумлением узнала в гостье ту женщину в белых одеждах, которую видела во сне. Не совсем ту, были и отличия – в овале лица, рисунке губ, цвете глаз, но что-то роднило их столь сильно, что не оставалось сомнений: женщина из сна, идущая за процессией с прикованным к помосту Соболевым, и эта юная леди имели родство.

– Меня зовут Кристина, – улыбнулась гостья, уловив перемену в душевном состоянии Ульяны. – Я друг Матвея Соболева.

– Вы... не Посвященная, – задумчиво проговорила Ульяна. – И между тем вы нас знаете... откуда? От Матвея? Или... от другого лица?

– От другого, – кивнула Кристина. – Вы ее видели... во сне... она зовется Светленой.

– Спутница инфарха?! Но если вы похожи на нее, значит...

Гостья снова кивнула.

– Для меня было огромным потрясением, когда это произошло. Да, вы правильно догадались, я авеша Светлены. Но Матвей этого еще не знает. И пришла я к вам из-за него.

– Садитесь, пожалуйста, – спохватился Иван Терентьевич, вскакивая и предлагая девушке стул. – Присоединяйтесь к чаепитию и рассказывайте.

– Да, в общем-то, рассказывать нечего. – Кристина села за стол, благодарно глянула на Парамонова, подвинувшего ей чашку и налившего чаю. – Соболев сейчас летит в Чечню, а там его ждут кардиналы чеченского Союза Неизвестных. Если ему не помочь, он погибнет.

– А почему вы считаете, что мы должны ему помочь? – без выражения спросил Самандар. – Мы не бойцы спецназа, девушка, мы Посвященные.

– Вахид, – сдвинула брови Ульяна.

– У каждого человека всего три цели в жизни: выживание, общение, удовольствие, – продолжал бесстрастно директор МИЦБИ, – и каждый должен добиваться этих целей сам. Почему мы обязаны лезть в петлю ради вашего... друга?

– Вахид! – сердито повторила Ульяна.

– Что Вахид? – посмотрел на нее Самандар. – Разве я не прав? Если Соболев выбрал Путь Избегающего Опасности, как вы говорите, то почему он полез в пасть волку, то бишь этому волчьему чеченскому Союзу во главе с Шароевым? Выручать друга? Не верю! Скорее всего ради того, чтобы доказать – он тоже сильная личность.

– Ты не прав, Вахид, – мягко сказал Парамонов, глядя на Кристину, не поднимавшую глаз от стола. – Насколько я успел его почувствовать, Соболев не из тех, кто рискует ради показухи или стандартных карьерных замыслов. И он очень сильный человек, сильнее любого из нас.

– Ну и пусть выкарабкивается сам. – Вахид Тожиевич встал и отошел к окну.

– Не обращайтесь на него внимания, – положила свою руку на руку гостя Ульяна. – Он всегда так: сначала отрицает все, шумит, возражает, а потом делает, как мы решим сообща. Но мы еще не решили, понимаете?

Кристина подняла на нее полные слез глаза. Свет, исходящий от нее, как бы потускнел на какое-то время: на Ульяну сейчас смотрела земная женщина, любившая Соболева.

– Я все понимаю... но, кроме вас, помочь ему некому. Чечня – жуткая страна, где узаконено право силы и не существует силы права. Может быть, вы не знаете, но на рынках до сих пор продаются видеокассеты со сценами казни наших солдат, я видела!.. Конечно, я полечу туда... взяла билет на самолет... однако даже сил и знаний Светлены, ее проекции на меня не хватит, чтобы справиться с теми, кто его ждет. – Она торопливо вытерла глаза, виновато улыбнулась. – Извините за слабость. Слезы – сильный аргумент, но я не хотела им пользоваться. Извините. Посижу еще минутку и уйду, у меня мало времени.

– Почему вы уверены, что Соболев не справится? – задал вопрос Самандар, стоя спиной к беседующим.

– Потому что в его гибели заинтересованы очень мощные организации и личности, – тихо ответила Кристина. – Зомби Монарха, кардиналы Союза Девяти и даже иерархи. Один из них готов посетить нашу реальность, чтобы склонить Матвея на свою сторону.

– Кто?

– Пентарх.

– Зачем ему простой смертный, даже если он Посвящен в начала Круга?

– Матвей не простой смертный, – покачала головой Кристина, – он – аватара, только незавершенный.

Самандар обернулся в изумлении, в комнате наступила тишина. Посвященные молча смотрели на гостью, лицо которой разгладилось, наполнилось внутренним светом и силой. Это «вернулась» Светлана...

Глава 17

«ВОЛКИ»

Никто не узнал бы в этой пожилой чеченской паре Соболева и Горшина. Матвей играл роль старика: морщинистое задубелое лицо, седая борода, на голове папах, одет в полосатый костюм, брюки, ботинки с калошами, рубашку без воротника. Горшин великолепно справлялся с ролью старухи, закутанной в просторный цветастый балахон и платок. Владея даром внушения, он легко отводил глаза всем, кто проявлял любопытство к «старухе». Поэтому и контролеры в аэропорту Быково, и омовцы в аэропорту Грозного видели морщинистое, цвета дубовой коры лицо старой женщины с бородавкой под носом и редкой щетиной на подбородке.

С собой они практически ничего не взяли, кроме тонких стилетов и метательных звезд, спрятанных в рукавах. Горшин при прохождении контроля послал мощный раппорт работникам таможни и пропускного пункта, и звонок контрольного устройства, реагирующего на металл, они не услышали.

Через два с лишним часа «Ту-134» произвел посадку в аэропорту Грозного, и «пожилая пара» засемила к автобусной остановке, где и села благополучно через полчаса в потрепанный, грязный, с потрескавшимися стеклами «Икарус», который довез гостей до автовокзала на улице Удугова. Ни одна из спецслужб Ичкерии не обратила внимания на стариков, никто не увязался за ними ни в аэропорту, ни на автовокзале, и все же и у Горшина, и у Соболева сложилось впечатление, что об их прибытии здесь знают.

Они отошли в тень платана на краю площади возле автовокзала, разложили на лавочке нехитрую снедь, привезенную с собой в целях маскировки, и сосредоточились на своих ощущениях, делая вид, что неторопливо обедают. Через несколько минут Матвей вышел из ментала и проговорил:

– Похоже, наше появление здесь действительно не секрет для кардиналов Союза Трех, но есть одно интересное обстоятельство: они не ждут двоих. Они ждут меня.

– Это существенно увеличивает свободу маневра, – кивнул Тарас. – Но тогда получается, что твой приезд рассчитан заранее? Кому-то было нужно, чтобы ты появился в Грозном?

– Все выяснится, – прошамкал «старик» с улыбкой, обнажавшей десны. – Кто-то приложил немало усилий, чтобы я сюда попал, и я искренне ему сочувствую.

– Только не переоценивай свои возможности, а то, я гляжу, у тебя эйфория от успехов.

– Не беспокойся, я знаю свои возможности. С этого момента разделяемся. Я иду прямо в резиденцию Шароева, как и договаривались, ты наблюдаешь за мной издалека. Когда выпустят Василия, подстрахуй его.

– Ты уверен, что его выпустят?

– Конечно. Но только – из тюрьмы, до выезда из Грозного. Потом попытаются ликвидировать.

– Хорошо, прослежу. План отступления не меняем?

– Пока нет.

– Тогда ни пуха ни пера.

– К черту!

И «пожилая пара», оставив остатки снеди на лавке, разошлась в разные стороны: «старуха» засемила к остановке городского автобуса, «старик» шаркающей походкой направился по улице к центру Грозного. Он должен был появиться на площади Свободы у президентского дворца к тому моменту, когда «его половина» уже обоснуется там в качестве наблюдателя.

Матвей достиг своей цели за час, контролируя всех пешеходов и проезжающий транспорт. Впрямую за ним никто не следил, таких стариков по Грозному передвигалось достаточно, так что эффект переодевания сработал отменно, и все же ощущение висящей над головой грозовой тучи не проходило. Владыка Чечни ждал его и был уверен в том, что он рано или поздно объявится.

Матвей и объявился. В четыре часа пополудни, когда майская жара достигла апогея – тридцати градусов по Цельсию, он поднялся по ступенькам парадной лестницы и вошел под своды президентского дворца. Гвардейцы внешней охраны пропустили его без единого вопроса, словно не видели. Так же просто он прошел и вторую цепь охраны – в холле, спокойно сев в лифт вместе с десятком посетителей

и работников резиденции главы правительства. Вышел на третьем этаже, постоял у сверкающей каррарским белым мрамором стены, держась за поясницу, пока к нему не подошел рослый, выбритый до синевы гвардеец в белом мундире и белых перчатках. Сказал что-то по-чеченски, наверное, справился о самочувствии или же спросил, что ему здесь надо. Пришлось послать раппорт подчинения и держать парня под контролем, пока тот вел уважаемого тейпа в приемную президента.

Везирхан Шароев никогда демократом не был, поэтому в его приемной народ не толпился, и попасть туда можно было лишь по вызову или спецпропускам, которыми пользовались служащие из администрации дворца. Когда беломундирный страж порядка ввел Матвея в приемную, напоминавшую холл приличной гостиницы, там находились всего пять человек: трое охранников из особой «серой сотни» — личной гвардии президента, секретарь-референт, располагавшийся за исполинским дубовым столом с компьютерной системой вызова и связи и терминалом контроля помещений дворца, а также единственный посетитель — низкорослый чеченец в кожаной куртке, из-под которой была видна белая рубашка и галстук в горошек. Чеченец, чернобородый, чернобровый, но лысый, шагал по ковровой дорожке мимо стола секретаря и время от времени посматривал на роскошную резную дверь в покои президента, украшенную затейливым орнаментом с элементами чеченской символики: звезды, полумесяцы, сабли, фигурки волков и орлов. Он глянул на вошедших только раз, и внутри Матвея зазвенел звоночек тревоги. Этот человек явно не был случайным гостем президента, он вообще вел себя не как гость, а как хозяин, и на Матвея вдруг пахнуло холодным ветром зловещей угрозы.

Сопровождавший Соболева гвардеец что-то проговорил по-чеченски, бледнея на глазах. Лысый посетитель перестал расхаживать по залу приемной, снова глянул на «старика», и Матвей понял, что пора действовать. Лысый знал, кто вошел в приемную, и готов был отдать приказ охране задержать гостя.

Мгновение спустя «старик» исчез.

То есть он, конечно, никуда не делся, просто перешел в другое состояние, увеличив «темп» жизни, поэтому увидеть его было трудно даже специально тренированному человеку.

В течение двух секунд Матвей обошел приемную, усыпил всех, кто в ней находился, и наконец остался один на один с лысым, который так же, как и он, перешел на сверхскоростное манипулирование телом. Однако в отличие от Соболева он не владел боевым искусством, во-вторых, двигался все же не столь быстро, в-третьих, о противнике он был не очень высокого мнения, а в-четвертых, понадеялся на свою силу.

Поэтому Матвей не стал разыгрывать красочный спектакль под названием «бой Посвященных». Выдержав атаку-рапорт на психофизическом уровне, он стремительно обошел лысого, заставляя его зрение «соскальзывать» с объекта, вынудил его воспользоваться оружием: противник достал из-под мышки пистолет (девятимиллиметровый «штейер») и выстрелил, – среагировал на выстрел (он увидел летящую пулю со светящимися в инфракрасном диапазоне вихриками воздуха в кильватере) и достал стрелка в момент, когда тот перестал стрелять, будучи уверенным, что попал.

То, что лысый не был обыкновенным человеком, было ясно еще до боя, но то, что он владеет Эхейх, то есть первой из Сил Бога – энергией структурного восстановления, Матвей понял, применив прием усыпляющего касания. Лысый не уснул! Он только замедлил движения, но продолжал оставаться в сознании (сознании измененного состояния) и держать темп. Тогда Матвей обезоружил его и, не желая убивать – он мог бы применить космек – прием смертельного касания, вряд ли противник выдержал бы десинхронизацию чакр, – нанес мощный оглушающий удар кулаком в темя.

Бой закончился. Длился он всего полминуты.

Матвей одернул пиджак, бросил взгляд на значок телекамеры, стерегущей обстановку в приемной – охрана у телемонитора вот-вот должна была поднять тревогу, – и вошел в кабинет президента.

Он ожидал увидеть огромное роскошное помещение – под стать амбициям государей всех маленьких княжеств, – со стенами из розового гранита, с мраморным полом, лепниной по потолку и стенам, золотыми светильниками и люстрами, мебелью под французский ренессанс или готику Италии, но увидел довольно скромный по размерам деловой кабинет с ультрасовременным убранством. Кабинет был обит деревом, правда, не дешевым – карельской березой, имел зеркальный потолок, паркет, несколько шкафов со стеклянными

дверцами, где на прозрачных полках лежали образцы холодного оружия, и мебель дизайна французской компании Ligne Roset: элегантный стол с непременной вставкой компьютера, кресло с пневматическими подлокотниками, меняющее положение спинки и сиденья в зависимости от позы седока, стулья из алькантары с мягкой спинкой, наборенной, как шкура бегемота, телесистема «Шарп» в углу размерами метр на полтора, светильники, вырастающие из стен и стола, как бутоны цветов.

– Сделано по заказу в Бриоре, под Лионом, – раздался голос человека, стоящего со сложенными на груди руками перед столом лицом к двери и наблюдающего за вошедшим. – Нравится?

Человек был одет в отлично сшитый костюм в крупную фиолетово-зеленую полоску, ослепительно белую рубашку с зеленым галстуком, лаковые штиблеты, носил аккуратные усики, имел блестящие черные волосы и был «закрыт», как сейф, но в черных глазах его проскальзывали искры иронии, ума, снисходительности, силы и враждебности. Это был президент и он же координатор Союза Неизвестных Ичкерии Везирхан Шароев.

Матвей перешел на гипервидение, отметил замаскированные дубовыми панелями секретные выходы из кабинета, один из которых вел на крышу дворца (лифт, две короткие лестницы), второй уходил вниз, в подвал, вернее, в бункер, укрепленный так, что мог, наверное, выдержать прямой ядерный удар, в столе президента обнаружил целый арсенал, причем оружие было встроено не только в тумбы стола (два пулемета с автоматической подачей патронов), но и в стены (баллоны с усыпляющим газом), однако сам Шароев оружия не имел, и Матвей спокойно повернулся к нему спиной, закрывая дверь на ключ. Шароев наблюдал за ним, склонив голову на плечо, и выжидательно молчал.

– Отмените тревогу, – негромко сказал Матвей.

– Вы великолепны, Соболев, – серьезно сказал Шароев. – Я наблюдал за вами во время вашего... м-м... разговора с моим министром. Честно признаюсь, не ожидал такой прыти. Кстати, и не сразу узнал. Очень хорошая маскировка, мастерская. Вот почему мои следопыты не взяли вас в аэропорту. Впрочем, удивляться нечему, вы ведь профессиональный контрразведчик, не так ли?

– Отмените тревогу, – повторил Матвей, чувствуя неприятное давление на мозг. Шароев пытался пробить его блок и подчинить

волю.

– А никакой тревоги не будет, – улыбнулся Шароев. – Мы вас ждали, о возможностях наслышаны, так что все варианты просчитали. Шансов уйти отсюда у вас нет. Вернее, есть, но только в том случае, если мы договоримся.

– Я могу уйти в любой момент, – равнодушно сказал Матвей. – Несмотря на ваши пулеметы и газовые пакеты. У вас два замаскированных выхода, один ведет на крышу, где всегда стоит вертолет, второй – в бункер под зданием дворца, откуда можно по тоннелю добраться до спецгаража с бронированным автомобилем.

Улыбка президента несколько потускнела. Он снял руку с груди, опустил ее к столу, и в тот же момент Матвей метнул стилет. Тонкое лезвие молнией пересекло кабинет, пригвоздило рукав пиджака Шароева к столу и одновременно пронзило скрытую кнопку, включающую неизвестную электрическую систему. Шароев, не успев отклониться, посмотрел на рукав, потом на Соболева, укоризненно покачал головой. Выдернул стилет, повертел в пальцах.

– Красивая иголка. Что это вы такой нервный, Соболев? Я только хотел приказать секретарю сварить кофе. Присядьте, расслабьтесь. Ваше умение воина впечатляет, но не более того. Мы люди серьезные и можем поговорить без подобного рода эффектов.

– Разговора не получится, пока вы не отпустите заложника.

– Василия Балуюева? Он государственный преступник. Проник на территорию суверенного государства с целью...

– Оставьте, – перебил президента Матвей, прислушиваясь к тишине за дверью и понимая, что они с Тарасом чего-то не учли. – Вы прекрасно знаете, что весь этот дикий поход был заранее спланирован. Балуюев – только исполнитель, заложник генеральских и ваших расчетов. Отпустите его, иначе...

– Что иначе? – с любопытством склонил голову к плечу Шароев. – Вы же в патовом положении, ганфайтер. Убьете меня – в чем я сомневаюсь, – погибнете сами, да и вашего друга не выручите.

Матвей вышел в меоз и без предупреждения нанес мощный оглушающий пси-удар по сознанию президента, смявший внешнюю витальную оболочку его защитного пси-блока. Координатора Союза Трех шатнуло. Он побледнел, вцепился руками в стол, в глазах на

мгновение мелькнула растерянность, сменившаяся хищным блеском. «Волк», – пришло на ум сравнение.

– Выпустите Балуюева, – отдельно повторил Матвей, не спуская с его лица ледяных глаз. – Немедленно!

Президент Чечни потер лоб, мимолетно подумав, что они переоценили свои силы и не просчитали складывающуюся ситуацию. Отвернулся, обошел стол и сел в податливо просевшее кресло. Нажал клавишу селектора:

– Ходжаибар? Выпусти пленника.

– Минуту, – поднял руку Матвей. – Пусть Балуюеву дадут трубку, я хочу сказать ему пару слов.

– Дайте ему телефон, – распорядился Шароев.

Через несколько минут динамик селектора донес флегматичный голос Василия:

– Кому я там еще понадобился?

– Привет, Баловень, – сказал Матвей. – Жив, здоров?

– Это кто? Соболев?! Какого хрена ты здесь делаешь?!

– По голосу слышу, что ты в порядке, – улыбнулся Матвей. – Не скажешь, зачем тебя сюда занесло?

– Они меня купили, – после недолгого молчания мрачно ответил Василий, имея в виду, очевидно, Первухина и Ельшина, передразнил кого-то из них: – «Это не наказание и не месть, капитан, это восстановление справедливости...» В общем, ты был прав.

– Хорошо, что ты это понял.

– Поздно понял.

– Лучше поздно, чем никогда. Сейчас тебя выпустят, довезут до аэропорта и посадят в самолет. Понял?

Пауза.

– Понял.

– Го-ёдзин. Понял?

Еще пауза.

– А ты как?

– Я тут задержусь на некоторое время. Встретимся в Москве.

– Может, я тебя подожду?

– Выполняй. – Матвей отошел от стола, сел в одно из кожаных кресел у стены, глянул на следившего за ним Шароева. – Посидим

немного. Как только Балуев выедет за пределы Грозного и я услышу его голос, мы продолжим переговоры.

– А что это вы ему сказали по-японски?

– Ничего особенного, намекнул об осторожности. Вопрос у меня один: зачем я понадобился Союзу Трех? Точнее, зачем вы использовали для моего вызова столь экзотический способ?

– Какая разница? В конце концов расчет наш оправдался, вы здесь, остальное не важно. Вы знакомы с господином Рыковым?

– Так это по его заказу вы работали? – удивился Матвей.

Густые брови Шароева сдвинулись, ноздри раздулись, придав лицу грозно-хищное выражение. Координатор Союза Неизвестных Чечни не терпел ничего диктата и не любил намеков, что от кого-то зависит.

– Рыков просто позвонил нам незадолго до вашего появления и предупредил об опасности. Видимо, вы его чем-то сильно огорчили, если он готов организовать вашу «волну исключения».

– Пока ничем. – Матвей снова подумал об ускорении событий, прожитых им в прошлом временном отрезке длиной в два года. – Но я его еще огорчу.

– Вы такой оптимист? Вы действительно верите, что спокойно уйдете отсюда когда захотите?

Матвей выдержал очередной волчий высверк глаз Шароева, ответил ему «щелчком по паутине» – чувствительным выпадом пси-поля, адекватным отрезвляющему щелчку пальцем по лбу. Координатор Союза Трех вздрогнул, стиснул руки в кулаки, но принять крутые меры до появления того, кого ждал, не решился. Сказал, сдерживаясь:

– Да, вы, безусловно, сильный человек, Соболев, тут мы прокололись. Но ведь я не один, нас трое. И придет еще четвертый... – Он замолчал, с трудом останавливая язык. – А как случилось, что вы до сих пор не Посвящены?

– Долго объяснять. Дайте, пожалуйста, связь с вашими тюремщиками, они, наверно, уже на пути к аэропорту.

Шароев щелкнул селектором, отрывисто произнес фразу на чеченском языке, выслушал такую же трескучую тарабарщину в ответ, выключил аппарат.

– Они еще на окраине Грозного, в аэропорту будут через полчаса, оттуда сообщат. Кофе хотите?

Матвей подумал.

– Пожалуй, выпью чашечку.

– Хамид хаважи, – сказал Шароев, нажимая и отпуская клавишу селектора. Встал из-за стола, подошел к двери и повернул ключ, сел на место. Через минуту в кабинет вошел давешний противник Соболева, лысый чеченец, мрачный и бледный, взглядом смахивающий на президента.

– Знакомьтесь, – дернул уголок губ Шароев. – Салман Борз, министр безопасности Ичкерии. Матвей Соболев, ганфайтер российской военной контрразведки.

– Мы уже познакомились, – угрюмо бросил Борз, обернулся в сторону оставшейся открытой двери. – Заходи, Солтан.

В кабинет вошел крупнотелый чеченец, чернобородый, но седовласый, одетый в черкеску с газырями, сапоги, с кинжалом на поясе. Кроме того, он был вооружен и огнестрельным оружием, спрятанным под одеждой, однако Матвей не стал говорить об этом.

– Министр иностранных дел Махмуд Солтанов, – проговорил Шароев. – Прошу любить и жаловать, как говорится.

– Союз Трех Неизвестных в полном составе, – невозмутимо отозвался Матвей. – Что ж, знакомство не из самых приятных, да еще и вынужденное к тому же, но ведь выбирать не приходится.

Кардиналы Союза Трех переглянулись, одновременно посмотрели на гостя, и тот почувствовал тяжкий удар по психике, едва не отключивший сознание. Но, во-первых, Матвей ждал нападения и был готов к нему, во-вторых, умел мгновенно переходить на другие частоты психического состояния и продолжал контролировать свое поведение. Однако в то же время он понимал, что сопротивляться эгрегору чеченского Союза без поддержки долго не сможет. Пора было вызывать на помощь Горшина.

Но кардиналы дали ему передышку, пораженные реакцией объекта воздействия, и атаку не повторили. Это дало возможность Соболеву перестроить энергопотоки организма и отдохнуть.

– Присаживайтесь, господа министры, поговорим. Итак, вопрос один: зачем я вам понадобился?

Министры сели в кресла по обеим сторонам стола и стали разглядывать Соболева как диковинного зверя. Матвей стер с лица краску, разгладил морщины, и теперь перед кардиналами сидел не старик, а гибкий и сильный молодой человек с непробиваемо-спокойным лицом, в глазах которого сквозила легкая ирония и задумчивость.

— Вы понадобились не нам, — проговорил Шароев, внезапно приходя в хорошее настроение, взмахом руки отослал секретаря, принесшего поднос с чашками кофе. — Но, с другой стороны, нам тоже хотелось бы выяснить, почему в вас столь сильно заинтересован один наш общий друг, что он готов даже посетить нашу грешную обитель.

Звякнул селектор. Шароев включил связь, и в кабинете раздался голос Балужева:

— Соболев, я в аэропорту. Ты уверен, что моя помощь не понадобится? Может, мне все-таки остаться?

— Лети, — сказал Матвей. — Иншалла...

Шароев выключил селектор, выражение глаз его изменилось, в них появилась угроза и сила, но сила иного плана и другого уровня. И Матвей наконец понял, в чем состоит их с Тарасом упущение: его здесь ждали не только кардиналы Союза Трех, но и кто-то рангом повыше. Иерарх!

— Совершенно верно, идущий, — изменившимся рокочушим голосом сказал Шароев. — Ты хорошо оцениваешь ситуацию. Перед тобой пентарх Удди.

Матвей шевельнулся.

— Сидеть! — вскочил Солтанов, доставая из-под кафтана пистолет, в котором Матвей без удивления узнал гипногенератор «удав».

— Не психуй, Махмуд, — повернул голову к министру иностранных дел президент; впрочем, он уже не был только президентом, он стал авешей пентарха. — Соболев никуда не денется и ничего не сможет сделать, даже если владеет сферами света. Или вы, — Шароев повернулся к Матвею, — предпочитаете воевать?

— Я готов выслушать вас, — хладнокровно ответил Матвей, подумав, что идти Путем Избегающего Опасности он еще не готов.

Глава 18

БИТОМУ НЕЙМЕТСЯ

В аэропорт Васю везли на президентском «Мерседесе» с зеленым флажком на капоте, так что задержек в пути не было, а он наконец-то смог оценить комфорт и скоростные качества автомобиля в полной мере.

Кроме него и водителя в просторном салоне «мерса» располагались еще трое человек: двое в сером по бокам Балуюева (мощные мужички из «серой сотни») и один в черном – на переднем сиденье. Он имел какие-то нашивки и звезды на плечах и рукавах комбинезона, но Вася в чеченской военной символике не разбирался и мог только догадываться о звании своего тюремщика.

Наручники Василию надели уже при выезде из города, но это было в порядке вещей, а вот два пистолетных ствола под ребрами мешали чувствовать себя свободным. Предостережение Соболева на японском языке явно имело смысл. С этими ребятами надо было держать ухо востро. Вася попытался было их разговорить или рассмешить, рассказав пару анекдотов, но четверка конвоиров ни разу не заговорила в дороге, и Вася с грустью признал истину, вычитанную им в какой-то газете: труднее всего контролировать того, кто диктует правила игры.

К аэропорту прибыли к шести часам вечера и сразу проехали на летное поле, якобы для посадки в самолет на Москву, который был уже готов к вылету. И Василий понял, что пришел момент пустоты^[24]. Он вытянул руки вперед.

– Снимите наручники, ребята.

– Сиди тихо, – оглянулся тот, что сидел впереди, протянул Балуюеву рацию. – Говори.

– Соболев, я в аэропорту, – сказал Вася. – Ты уверен, что моя помощь тебе не понадобится? Может, мне все-таки остаться?

– Лети, – донесся тихий голос Матвея. – Иншалла...

Тюремщик отнял рацию, щелкнул кнопкой переключения диапазонов, бросил в микрофон какую-то фразу, выслушал ответ,

оглянулся и кивнул, как бы давая команду конвоирам. Но Вася начал свою комбинацию раньше.

Он резко рванулся вперед, к спинкам передних сидений, благо расстояние позволяло ему это сделать, так что стволы пистолетов с обоих боков соскользнули, так же резко вернул тело назад, придавливая спиной руки с пистолетами, и с ходу врезал правому здоровяку удар локтем в подбородок (миги аге эмпи учи – песня, а не прием!), одновременно выплевывая куриную косточку, которую держал во рту еще с момента выхода из камеры (в последний раз кормили его холодной курицей), в глаз молодцу слева. От неожиданности и боли тот выстрелил и попал своему напарнику в бок. Теперь можно было не опасаться нападения справа. Не дожидаясь второго выстрела, Вася нанес стрелку еще один удар – наручниками в лицо, раздробил нос и надолго вывел из строя. Только теперь охранник в черном сообразил, что его сценарий неожиданно нарушен, и начал доставать пистолет из кобуры на поясе. Но ему следовало держать его на коленях готовым к стрельбе, тогда он, наверное, успел бы выстрелить, а так удар Васи обеими руками в затылок бросил его на стекло и отключил сознание.

Оставался еще водитель, крепкий белобрысый малый с глазами альбиноса, вооруженный автоматом, однако ему, чтобы обезвредить пленника, тоже надо было сделать много движений: остановить машину, снять руки с руля, повернуть автомат стволом назад, спустить предохранитель и нажать курок. На все это ему потребовалось бы около секунды в самом лучшем случае, Василию же хватило половину этого огромного временного запаса, чтобы выхватить пистолет из руки раненого конвоира справа и направить его в висок водителю.

– Стоп-кадр! Не стоит состязаться в скорости с пулей, парень. Брось пушку!

Водитель повиновался.

– Руки на руль. Выезжай с поля.

– Далеко все равно не уйдешь, – проговорил водитель по-русски. – Первый же пост остановит, и тебе крышка.

– Ага, русский, значит, – прищурился Вася. – Надо же, как мне повезло. Давно водишь эту колымагу?

– Слёта, – хладнокровно ответил водитель, шевельнув каменными желваками. Его лицо пошло пятнами, но держался он хорошо.

Вася присвистнул. Слово «слёта», означавшее – с лета, то есть давно, принадлежало профжаргону спецслужб.

– Это как же тебя угораздило на службу к этому «волку» – Шароеву? Ты же «гусь», насколько я соображаю.

– Где хочу, там и служу, – огрызнулся водитель. – Будешь платить больше, я и у тебя покантуюсь.

– Ну, у меня вряд ли, – покачал головой Вася. – А если бы они меня сейчас прихлопнули, ты и ухом не повел бы?

– Встретился бы ты мне в Первомайском... – процедил сквозь зубы водитель. – Я там ваших много положил.

Вася потемнел.

– Что ж, долг платежом красен. Прощай тогда. – Одним движением Василий воткнул палец в шею белобрысому, пронзив ее, и мгновенно убил. Посидел немного, оглядывая поле, снующие там и тут желтенькие кары и разного рода машины технических служб, потом поблагодарил Бога за то, что у «Мерседеса» темные стекла, перевалил тело водителя назад, нащупал в кармане старшего ключи, расстегнул наручники, пересел за руль и тихо выехал за ворота, готовый врубить газ, если случится задержка.

Но охрана пропустила президентский автомобиль беспрепятственно, взяв под козырек, и принимать экстренные меры не понадобилось.

Зато внезапно случилось то, чего меньше всего ожидал Василий: при повороте с площади перед зданием аэропорта на улицу, ведущую на шоссе Ходжаева, которое соединяло аэропорт с Грозным, мотор «Мерседеса» заглох. Не поверив своим глазам, Вася глянул на панель управления, где мигали сразу три красных окошечка, сигнализируя о прекращении подачи топлива и отключении аккумулятора, а когда чувство опасности заставило его поднять голову, рядом с машиной он увидел старуху-чеченку, которая с усмешкой смотрела на него умными, стальными, отнюдь не старушечьими глазами.

– Не подвезете бабушку, Василий Никифорович? – прочитал Вася по губам старухи, не слыша ее голоса сквозь стекла. Быстро оглядел улицу с шеренгой пыльных тополей и платанов, с редким потоком пешеходов, оглянулся на площадь с двухэтажным зданием аэропорта, не безлюдную, но и не кишашую пассажирами, угрозы не обнаружил: на роскошный автомобиль заглядывались многие, но скорее с

благоговением и любопытством, не видя, что творится внутри, – и открыл дверцу слева.

Старуха с неожиданным проворством и сноровкой шмыгнула в салон, легко сдвинув тело спецназовца-конвоира, будто делала это всегда, и тотчас же ожил мотор «Мерседеса». Вася, помянув сквозь зубы нечистую силу, тронул машину с места.

Миновали базар, пост ГАИ у выезда на шоссе, работники которого вытянулись в струнку и отдали честь сидящим внутри, и Вася направил «мерс» к городу, раздумывая, что делать дальше. Однако старуха, угадав его колебания, дала дельный совет, и голос ее был голосом молодого мужчины:

– За поворотом на СМУ есть тут балочка, там мы сбросим балласт и оглядимся. А лихо вы их, надо признаться, скрутили, Василий Никифорович. Я уже хотел вмешаться, да вы меня опередили. Хорошая подготовка.

– Кто вы? – спросил Василий, пропуская колонну грузовиков в сопровождении БТРа и сворачивая с шоссе на узкую грунтовку, ведущую в заросшую кустарником балку.

– Приятель Соболева, Тарас Горшин. Может, слышали?

Из рассказа Матвея Вася помнил, кто такой Горшин, но промолчал. Остановил машину так, чтобы ее не было видно с дороги, и они вытащили из кабины незадачливых исполнителей воли неведомого начальника, приговорившего Балуюева к смерти после того, как ему было разрешено покинуть Чечню. А это, в свою очередь, означало, что Матвей Соболев в данный момент не может проконтролировать соглашение и сам скорее всего является заложником.

– А один таки холодный, – кивнула «старуха» на белобрысого водителя. – Перестраховался или?..

– Или, – хмуро ответил Василий. – Наемник, сучий потрох, отца родного продаст ради денег и убьет любого, кто станет на пути. – Оглядел согбенную фигуру «старухи», хмыкнул. – А вы случайно актерских факультетов не кончали, Граф? Очень натурально держитесь.

– Жизнь – лучшая актерская школа, капитан, – философски ответил Горшин. – Как вы думаете, как скоро т а м хватятся команды?

– Часа полтора в нашем распоряжении имеется, если только их не вызовут по рации, чтобы узнать о результатах моих похорон. А их обязательно вызовут.

– Тогда у нас не больше сорока минут. Что ж, едем в город, там что-нибудь придумаем. Но для начала переоденьтесь в гвардейскую форму, а то ваш пятнистый наряд несовременен. Я, кстати, сделаю то же самое.

– По-моему, наряд старухи вам больше к лицу.

– Спасибо за комплимент, но старуха в кабине «Мерседеса» выглядит, что дворник в царских палатах. А два серых гвардейца подозрений не вызовут.

– У вас есть план?

– У меня нет плана. Соболев сейчас в гостях у президента, поэтому вряд ли его жизнь находится под угрозой. Но если они не договорятся, его не выпустят. Живым.

– Тогда нам нельзя терять времени. А может, предложим обмен?

– Кого на кого? Вас обратно на Соболева? Или нас обоих?

– Нет, есть более выгодный вариант. Захватить родственника президента, сына к примеру, и обменять.

– Этот вариант был бы хорош, если бы президент был обыкновенным человеком. Но он Посвященный, кардинал Союза Неизвестных Чечни, если вам это что-нибудь говорит, и для достижения поставленной цели способен пожертвовать кем угодно. В том числе и сыном.

– Что ты предлагаешь? – перешел на «ты» Василий.

– Поехали в Грозный. Там разберемся.

Они быстро сняли мундиры с находящихся в бессознательном состоянии гвардейцев президентской «серой сотни», переоделись, и Вася вывел «Мерседес» из балки. А у выезда на шоссе дорогу им перегородила желтая, с зеленой полосой «Волга» – местный вариант такси, внутри которой сидели трое: смуглолицый мужчина с черными как смоль волосами, таджик или туркмен, еще один мужчина, средних лет, с неброской внешностью, но пронизательными глазами профессионального психолога, и женщина, вернее, девушка с летящим – из-за бровей взлет – лицом, очень интересная и дразняще красивая. Она вышла из «Волги», подняла руку, останавливая «Мерседес», и Вася, вопреки собственной воле и возгласу Тараса, остановил машину.

– Что с тобой? – посмотрел на него Тарас, но потом вдруг напрягся, сдвинул брови, внимательно взгляделся в лица мужчин. Что-то в них показалось ему необычным. К тому же он слышал несколько тихих музыкальных нот, раздавшихся прямо в голове.

Балуев же вдруг побледнел, глухо проговорил: «Не может быть!» – и как сомнамбула вылез из кабины.

Несколько долгих секунд Вася и незнакомка смотрели друг на друга, потом девушка улыбнулась и проговорила низким грудным голосом:

– А вот и сам Балуев.

– Я вас где-то видел, – хрипло сказал Вася. – Вы... Уля... Ульяна Митина.

– Как утверждает один наш общий знакомый, мы с вами знакомы уже два года... и в то же время видим друг друга в первый раз.

– Нет, – мотнул головой Василий, – у меня хорошая память на лица, я вас определенно где-то видел.

– Уля! – скрипучим голосом окликнул девушку черноволосый и смуглолицый водитель «Волги». – У нас мало времени.

– А это, кажется... Вахид... Самандар. Нет?

Глаза Ульяны раскрылись шире.

– Так вы в самом деле... помните?!

– Садитесь в машину! – снова резко сказал смуглолицый.

Вася внимательно посмотрел на него, но второй мужчина, сидевший на заднем сиденье, мягко сказал, наклонившись вперед:

– Не стоит, в самом деле, торчать на виду у всех. Пересаживайтесь в нашу машину и приятеля прихватите. Мне кажется, от «Мерседеса» надо избавиться – слишком заметный аппарат.

– А вы свой где достали?

– Позаимствовали в аэропорту. Мы прилетели всего час назад.

Вася обернулся к Горшину, но тот уже вылезал из президентского автомобиля.

– Он прав. Отгони ее обратно в овраг. Поедем на такси. – Тарас подошел к желтой «Волге». – Вы Парамонов?

Мужчина в светло-сером костюме кивнул.

– Рядом с вами Самандар, а вы Ульяна Митина.

Девушка насмешливо оглядела Горшина.

– А вы, наверное, Граф, то есть Горшин Тарас Витальевич. Матвей описал вас, но узнать в гвардейце Посвященного трудно, особенно если он этого не хочет.

– Что он еще говорил обо мне?

– Что вы отступник.

Тарас поклонился.

– Информация исчерпывающая.

Вася дал газ и дальнейшего разговора Посвященных не услышал. Развернул «Мерседес» и погнал его в балку, где лежали спящие до сих пор его конвоиры и тюремщик. Когда он вернулся, Горшин уже сидел в кабине такси. Вася сел рядом с Ульяной, одетой в брючный костюм, и машина покатила по разбитому танковыми гусеницами, заплатанному кое-как шоссе с негустыми потоками транспорта в сторону Грозного.

* * *

Выхода Соболева из президентского дворца они не дождались.

Посвященные по каким-то своим каналам выяснили, что он все еще здесь, однако связаться с ним не смогли и, в каком положении он находится, не знали.

Расположились все пятеро в одной из двухкомнатных квартир пятиэтажного жилого дома, выходящего фасадом на площадь Свободы почти напротив дворца. Как удалось уговорить хозяев, Вася не понял, только их впустили без вопросов и разговоров, а потом пожилая чеченская пара удалилась в свою спальню и больше не выходила. Вася подозревал, что старики легли спать – не без помощи его новых знакомых, понятное дело.

До этого момента они с час колесили по Грозному, уклоняясь от встреч с постами ГАИ, купили кое-что из одежды на рынке, а также кое-какие продукты: рис, хлеб, овощи, фрукты, – и определили стратегию поведения на случай задержания машины. Потом нашли этот дом и поднялись на пятый этаж. Дом недавно отремонтировали, поэтому он представлял собой своеобразное сочетание темных и светлых пятен, гладких кирпичных заплат и щербатых от пуль и снарядов стен.

В квартире, где их таким образом приняли, Вася и Горшин переоделись в неновые джинсовые костюмы, оставив рубашки гвардейцев, и некоторое время напоминали американских ковбоев в бегах, пока не навели марафет. Тарас сделал себе чеченское лицо сам, за Васей ухаживала Ульяна, что было приятно и от чего замирало сердце. Вскоре их славянские лица преобразились в «лица кавказской национальности», так что узнать их не смогли бы и родители. Горшина преобразили усы, высокие скулы и всклокоченные волосы, Василия – борода, усы и шрамы на лбу.

– Типичный абрек, – констатировал он, оглядев себя в зеркале. – Только сабли и ружья не хватает. Итак, господа Посвященные, долго мы будем тут сидеть? Раз Соболев не вышел оттуда, значит, он в плену. А как говорит пословица: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

– Существует другой вариант этой пословицы, – серьезно сказал Парамонов. – Если гора не идет к Магомету, он объявляет ей джихад.

Вася и Ульяна обменялись улыбками, и это не ускользнуло от внимания Самандара, кружившего по комнате, как тигр в клетке.

– Не нравится мне астральное шевеление, – сказал он отрывисто, ни к кому особенно не обращаясь. – Это явно след иерарха. Торчит здесь, как заноза.

– Скорее, это его взгляд, а не след, – покачал головой Иван Терентьевич. – Хотя, может быть, наших возможностей не хватает, чтобы идентифицировать динамику воздействия.

– О чем речь? – осведомился Василий. – Хорошо, если бы вы делились со мной своими наблюдениями.

Самандар не обратил на реплику внимания, и Парамонов пояснил:

– В данном земном районе потревожен психофизический фон. Складывается впечатление, что здесь кто-то побывал из adeптов Внутреннего Круга, причем очень сильный мастер, не пожелавший даже скрыть свои следы.

– Кто-нибудь из нашего родного Союза Девяти?

– Нет, кардиналы не обладают столь мощной аурой, оставляющей отпечатки на полевых структурах астрала. Вполне возможно, что здесь таки побывал иерарх. Но что ему понадобилось в «запрещенной реальности»?

– Не что, а кто, – задумчиво обронила Ульяна. – Ему был нужен Соболев.

Самандар одарил ее скептическим взглядом.

– Вряд ли фигура вашего супермена способна заинтересовать иерарха, даже если он идущий.

– Ты забываешь, что Соболев вернулся. Он знает, что произойдет в последующие два года, а знание будущего – колоссальная сила! К тому же он и сам мастер, прошедший неординарное Посвящение Хранителей, сумевший выжить после включения в контур «Иглы».

– Это еще надо доказать.

– Вахид, ты всегда был пессимистом.

– Я всегда был реалистом, хотя наш паршивый социум, руководимый агонизирующим Союзом Девяти, из любого оптимиста сделает не только пессимиста, но и предателя.

Василий, вспомнивший историю с предательством Самандара по рассказу Соболева, промолчал. Этот честолюбивый человек был явно ущемлен своим положением в среде Посвященных и жаждал это положение изменить. С другой стороны, ситуация, в которой он однажды оказался, могла и не повториться. И все же Вася чувствовал к нему антипатию, хотя и признавался в душе, что главной причиной его ощущений была Ульяна. Вахид Тожиевич был к ней равнодушен. Сам же Вася в ее присутствии был способен на любые подвиги и о сопернике думал мало.

– Да, это иерарх, – очнулся наконец от долгих размышлений Горшин, уже с полчаса сидевший на диване с полужакрытыми глазами. – Не ниже гептарха. И он еще здесь.

Посвященные посмотрели на него с одинаковым выражением недоверия и вопроса.

– С чего вы взяли? – сухо осведомился Самандар.

– То, что мы все ощущаем, – не просто след иерарха, это след боя иерарха с Матвеем. Потому что «пахнет» он в диапазоне иерархии Голаб. А эта Сила используется лишь в конфликтных ситуациях, не на благое дело.

По комнате разлилось неуютное молчание. Потом Василий медленно проговорил:

– Мы что же, опоздали?

– Не спешите его хоронить, – мягко произнес Парамонов. – Посвященного убить не так-то просто, да и не для того вызывали Соболева сюда, в Ичкерию, чтобы уничтожить. Он зачем-то нужен кардиналам Союза Трех, а может быть, и иерархам. Знать бы, чего от него хотят.

– Вы предлагаете атаковать дворец?

– Я предлагаю думать.

– Но нам всем равно придется идти туда.

– Прежде надо определить путь отступления. В любом случае, с Соболевым или без него, нам необходимо выбираться из Грозного и из Чечни.

– Ну, это просто, – небрежно сказал Вася, ловя на себе удивленно-скептические взгляды остальных. – На крыше дворца дежурит вертолет президента. Идем во дворец, забираем Соболева, садимся и летим в Дагестан. Там Шароев нас уже не достанет.

Красноречивая тишина была ему ответом. Потом Самандар растянул в улыбке губы.

– Безумству храбрых поем мы песню... но это, вероятнее всего, лучший вариант.

– А если Соболев нетранспортабелен?

– Тогда применим шактипат.

Ульяна и Парамонов переглянулись. Горшин кивнул, воспринимая слова Вахида Тожиевича как нечто само собой разумеющееся.

– Тогда нам осталось определить время выхода, взаимодействие и линии подстраховки. Василий, ты хорошо ориентируешься во дворце?

– Выше первого этажа не поднимался.

– Тогда пойдешь в арьергарде.

– Пистолета будет маловато для защиты тыла.

– Попытаемся вообще обойтись без стрельбы.

– Как скажете. – Вася пожал плечами, отошел к Ульяне, спросил тихо: – А что такое шактипат?

– Целевая передача своей Силы для восстановления сил и желаний реципиента, в данном случае – Соболева.

– Пора выступать, – буркнул Самандар, покосившись на Балуюева.

Все замолчали, невольно глянув в окно, через которое был виден сияющий огнями президентский дворец; шел уже десятый час вечера,

стемнело, однако небо на западе еще хранило малиновую полосу вечерней зари.

– Может быть, не стоит рисковать жизнью женщины? – проговорил Вася, тут же сообразив, что сказал глупость. Будучи Посвященной и обладая недюжинной силой психофизического воздействия, Ульяна в отряде была, наверное, полезней, чем он сам.

– Спасибо, рыцарь, – улыбнулась девушка.

Горшин, встав с дивана, молча похлопал его по плечу, прошел на кухню, позвал оттуда:

– Приглашаю подкрепиться, господа диверсанты, каша готова.

Через полчаса они выступили в поход.

Впереди шли Горшин и Самандар, за ними Парамонов и Ульяна, замыкал группу Василий, интуитивно ощущавший мощь идущей впереди четверки. Эта мощь успешно прошла испытание уже при пересечении площади Свободы: их не остановили ни милицейский, ни омовский патрули, ни внешняя охрана дворца. Солдаты просто не видели идущих, будто их не существовало вовсе.

Точно так же отреагировала и внутренняя гвардейская сотня, не заметив поздних посетителей. Как Посвященным удалось нейтрализовать телекамеры, Василию узнать не довелось, но и дежурившие возле телемонитора охранники тревогу не подняли. Пятерка «диверсантов» спокойно поднялась по лестнице на третий этаж, усыпила полицейских в коридоре и охранников в серо-зеленой ночной форме в приемной президента и стремительно ворвалась в кабинет главы государства.

Вася остался в приемной прикрывать тылы группы, хотя очень хотел попасть в кабинет и поучаствовать в действии. Главные события должны были развернуться там.

Но и ему не пришлось отдыхать.

Не успел он освоиться в огромном пространстве приемной, как в нее вошел чеченец в черном комбинезоне – один из тюремщиков, стерегших Василия в президентском СИЗО. Он был явно озабочен или, скорее, испуган, и Вася понял, в чем дело: тюремщик спешил доложить начальству, что пленник сбежал и не найден. Не замечая лежащих на полу охранников, он прошагал до стола секретаря и только потом сообразил, что обстановка в приемной несколько отличается от стандартной. Круто остановился, ошалело глянул на тела у стены и

рядом со столом, перевел взгляд налево и увидел за входной дверью Балуюева.

– Ты кто?! – спросил он по-чеченски.

– Нихт ферштейн, – ответил Вася, приятно улыбаясь. – Помнишь меня, крыса тюремная?

Глаза тюремщика – плотно сбитого мужика средних лет – сузились. Узнать в «земляке» пленника он не мог, но соображал быстро.

– К-кто... ты?! Б-балуев?! Здесь?!

– А битому неймется, – еще шире улыбнулся Балуюев, одним ухом прислушиваясь к звукам в коридоре, а вторым к шуму в кабинете.

Тюремщик цапнул с пояса пистолет и получил в лоб каменный окатыш, прихваченный Балуюевым еще в балке за городом. Рухнул на пол, ударившись затылком о край стола.

– А ты не хватайся за пукалку, – философски посоветовал ему Василий.

И в этот момент толстая дубовая, с резным орнаментом дверь в кабинет президента слетела с петель, перелетела по воздуху приемную и с грохотом врезалась в зеркальную стену...

Глава 19

«СТИКС» В ДЕЙСТВИИ

Они встретились в лесу, на дороге между Захарьином и Кожуховом, в пятнадцати километрах от Московской кольцевой автодороги: командир батальона охраны «Щит» майор Шмель Юрий Степанович и командир спецотряда «Стикс» Управления «Т» ФСБ майор Ибрагимов Хасан Халидович. Шмель в сопровождении трех телохранителей, двое из которых были из «женской роты», приехал по вызову Ибрагимова на внедорожнике «Шевроле-Блейзер» красного цвета, сам же Хасан прибыл на спортивном «Бугатти EB 110 Суперспорт» серебристого цвета, в котором, кроме него, никого не было.

Шмель не понял, зачем Ибрагимов назначил ему свидание не на базе в Балашихе, а в лесу, возле какого-то дачного кооператива, но приехал, привыкнув к манере общения личного телохранителя, а также исполнителя самых конфиденциальных приказов генерала Ельшина. Обнаружив стоящую на обочине красавицу «Бугатти», Шмель остановился сзади в двадцати шагах, подождал немного, пока его команда обозрит окрестности с помощью новейшей поисковой аппаратуры, затем выбросил сигарету и вышел из машины, оставив телохранителей скучать. Сел рядом с Ибрагимовым, проворчал:

– Всем хороша твоя ракета, только уж очень в ней тесно. Какого х... погнал меня сюда, х... знает куда? Повые...ся захотелось? Или предстоит секретный бандаж?^[25]

– Не надоело материться? – флегматично спросил Ибрагимов.

– Речь без мата – что щи без томата, – ухмыльнулся майор. – Можно подумать, ты у нас институтка и не материшься никогда.

– И алкоголем от тебя воняет.

– Потому что я не пью только во сне. Кончай бодягу, колись, зачем я тебе понадобился.

– Юра, кто у тебя был на даче? – Хасан окинул профиль собеседника безразличным взглядом.

– Чего? – удивился майор. – Эт-то еще что за дела?

– По слухам, тебя навестили какие-то крутые парни... с целью выяснить кое-какие подробности нашего рейда по Чечне.

Шмель не очень естественно расхохотался, потом нахмурился.

– От кого ты узнал?

– Так были они или нет?

– Ну были, – пожал плечами Юрий Степанович.

– И что ты им рассказал?

– Да ничего! – резко бросил командир «Щита». – Какого х... ты меня допра... – Он не договорил.

Ибрагимов выстрелил.

На майоре был бронежилет под пятнистой формой, но пуля «волка» вошла в незащищенный бок Шмеля и пробила его почти насквозь. В изумлении Юрий Степанович дернулся, раскрыл глаза, выговорил три слова: «Ах ты, ссу...» – и умер. В тот же момент пули снайперской винтовки нашли головы телохранителей Шмеля, и все кончилось в считанные секунды. Лишь одна из амазонок-воительниц Шмеля успела схватиться за пистолет, и стрелку пришлось потратить на нее еще одну пулю. Стреляли из «винтореза», и выстрелов из леса слышно не было. Потом из зарослей слева от машины на дорогу вышел насвистывающий Тамерлан со снайперским комплексом в руке, помахал Ибрагимову, подошел к его машине.

– Ну как я их?

– Лихо, – ответил Ибрагимов, всаживая в грудь и в лицо киллхантера три пули. Его пистолет тоже был с глушителем, и звуки выстрелов из кабины напоминали падение еловых шишек на землю. Майор вылез из машины, забрал у убитого оружие, снова залез в кабину и тихо покати́л в сторону дачного поселка за шеренгой сосен. У поворота на Кожухово его ждал в новой «десятке» приятель Тамерлана – Кир.

– А где снайпер? – спросил он, не очень беспокоясь.

– Пересаживайся ко мне, – приказал Ибрагимов. – Есть еще одно задание. Возьми свою пукалку. Машину оставь здесь, потом заберешь, к вечеру.

Кир пожал плечами, достал из-под сиденья пистолет-пулемет «кипарис», прицелкнул магазин, обошел машину майора, открыл дверцу, занося ногу, чтобы сесть, и увидел несколько капель крови на сиденье, не замеченных Ибрагимовым. Он был очень опытным

профессионалом и не стал тратить драгоценные доли секунды на вопросы и выяснение обстоятельств, а сразу рванулся назад и поднял ствол «кипариса». Но ему потребовалось на это движение полсекунды, а палец майора уже лежал на курке пистолета, и тот выстрелил первым. Пуля вошла Киру снизу вверх в горло и вышла из затылка с частью черепа.

– Извини, сержант, приказ, – равнодушно проговорил Ибрагимов, оглядывая дорогу и близлежащие кусты – не заметил ли кто его разборки? Забрал пистолет-пулемет киллхантера, сел на место и достал рацию:

– Иваниченко, забирайте всех – и в наш морг. Подготовьте улики и бумагу: была перестрелка с целью выяснения отношений между военнослужащими... ну и так далее.

– Понял, – донесся тенорок штатного следователя «Стикса» капитана Иваниченко.

Ибрагимов убрал рацию, дал газ, направляясь к Москве. Двигатель «Бугатти» мощностью в пятьсот тридцать три лошадиных силы, с шестьюдесятью клапанами квадро-турбо, взревел, и машина прыгнула вперед, как ракета, мгновенно набирая скорость до ста пятидесяти километров в час. Майор спешил: у него было еще одно задание, которое надлежало выполнить до темноты.

* * *

Следствие по делу Ельшина стало пробуксовывать.

Самому генералу еще не было предъявлено никаких обвинений, однако «Смерш» вышел на его помощников, исполнителей, друзей и продолжал углубляться в расследование, толчком к которому послужила информация, собранная Матвеем Соболевым. Все, о чем он говорил в докладе, постепенно подтверждалось, сбывалось и выводило на такие открытия, от которых впору было рвать волосы на голове или подавать в отставку. Что и сделал один из следователей по особо важным делам, полковник Чуйков. А потом кто-то словно стал «рубить концы» – связи, каналы взаимодействий, контактные схемы, убирать свидетелей, уничтожать следы, и следствие забуксовало.

«Главконтра» созвал совещание начальников служб, выслушал все предложения, сводящиеся к одному: сообщить о развитии событий директору ФСБ, – и, оставшись наедине с Ивакиным, сказал с виноватой полуулыбкой:

– Кажется, мы взвалили на себя непосильную ношу, полковник. Если дальше провалы пойдут такими темпами, мы окажемся у разбитого корыта. Похоже, Соболев был прав: против нас работает нечистая сила!

– Монарх Тьмы.

– Ну Монарх не Монарх, но объяснить происходящее случайными совпадениями или некомпетентностью наших оперов нельзя. «Купол» работает оперативнее нас, хотя мы и ведем расследование по четырём нулям. Складывается впечатление, что Генрих Герхардович знает о каждом нашем шаге. Вам не кажется, что имеет место прямая утечка информации?

– Я думал об этом, – нехотя признался Ивакин, – и даже предпринял кое-какие хитрые контрмеры.

– Ну и?..

– Они не сработали. Наши люди чисты.

– Но в таком случае придется учитывать вариант Соболева: дьявол или Монарх Тьмы, не суть важно, имеет мистический доступ к нашим документам и сообщает об этом Ельшину. Так?

Ивакин флегматично пожевал кончик ручки и не ответил.

Дикой понимающе покивал головой, помял бледное, усталое лицо ладонью.

– Что будем делать, Борис Иванович? Доклад директору я подготовил, передам вечером, однако это не изменит положения вещей. Мы уперлись в скалу, а точнее, подскакали к обрыву: надо либо прыгать вниз, в пропасть, то есть продолжать расследование, либо поворачивать коней.

Полковник глянул вопросительно, и Дикой добавил:

– У Высоцкого есть стихотворение про нас:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю,
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю.

Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю.

Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!..

Ивакин хмыкнул.

– В точку. Надо посоветоваться с кем-нибудь.

– С кем?

– С тестем... с Пановым. Он мужик разумный, потому и ушел в отставку, но посоветовать что-нибудь дельное может.

– Попробуйте, Борис Иванович, только вряд ли Иван Сергеевич даст хороший совет. Как только мы приняли к производству дело Ельшина, он автоматически стал подследственным, так что едва ли это его вдохновит. Может быть, посоветоваться с вашим «абсолютом»? Он заварил кашу – кстати, я так и не понял, откуда у него сведения по деятельности Генриха, – он пусть и предлагает выход.

Ивакин подумал, наклонил массивную голову.

– Я поговорю с ним.

– Что ж, тогда продолжаем... мчаться к обрыву?

– Бог не выдаст, свинья не съест, – уверенно бросил Ивакин, поднимаясь. Но на этот раз его уверенная речь и сильная фигура не произвели на Валентина Анатольевича бывшего впечатления, не успокоили. Он получил уже два телефонных предупреждения: одно – от неизвестного лица, предложившего «во избежание несчастного случая прекратить копать под «Щит», второе от генерального прокурора, встревоженного «раздуванием слухов и формированием нездоровой обстановки в рядах спецслужб». Но сам генерал Ельшин, наверняка получивший от своих подчиненных сведения об интересе к нему военных контрразведчиков, молчал.

Дикой вывел на экран компьютера дело генерала под названием «Т-конструкция «Купола» и стал пролистывать самые скандальные разоблачения Соболева, получившие подтверждение.

– С ума сойти! Мистика! – вздохнул Валентин Анатольевич, ощущая суеверный страх перед возможностями ганфайтера, раскрывшего стройную систему взаимодействия криминальных структур и спецслужб, которая была известна правоохранительным органам под названием «Купол». – Кто ты такой, Соболев? Откуда у тебя эти сногшибательные сведения? Если Ельшин – наместник

дьявола, то кто в таком случае ты? Ангел или демон, одержимый идеей свергнуть противника и занять его место?

Дикой вспомнил невозмутимое лицо Соболева, его исключительно спокойный взгляд и покачал головой. Нет, у дьявола не могло быть такого лица... хотя, с другой стороны, кто знает его возможности?..

Зазвонил телефон «красной» линии связи – прямой канал с директором. Но голос, раздавшийся в трубке, не принадлежал Владимиру Алексеевичу Бондарю:

– Генерал, даю тебе последний шанс уцелеть. Если не успокоишься, мы тебя успокоим!

– Кто говорит? – сухо осведомился Валентин Анатольевич.

В трубке раздался полухрип-полусмех, от которого спину Дикого охватил ледяной озноб.

– Даже если бы я сказал тебе, кто я такой, ты бы все равно не поверил.

– Монарх Тьмы, может быть?

Смех стих. Голос в трубке изменился, стал зловещим, враждебным, страшным:

– Ах вот даже как? Кажется, я тебя недооценил, раз у тебя тоже есть информатор Круга... Что ж, ты сам подписал себе приговор. Жди гостей. А информатора твоего я вычислю в скором времени.

– Как бы он вас не вычислил раньше, – безгласно заметил Валентин Анатольевич, не чувствуя в своем голосе уверенности, и положил мокрую от пота трубку на рычаг. Посидел, бездумно глядя на экран монитора, потом в голове сформировалась мысль: «Меня убьют!»

Но следом пришла тихая холодная ярость, и генерал сказал вслух с веселой злостью:

– Пень топорщика не боится, гнусняк! Еще посмотрим, чья возьмет!

* * *

Иван Сергеевич Панов проживал с женой – дочь вышла замуж за Ивакина и жила отдельно – в трехкомнатной квартире в девятиэтажке

недалеко от станции метро «Проспект Мира». Когда Ивакин в девять утра позвонил ему домой, трубку сняла жена генерала и сообщила, что муж в ванной. Тогда Борис Иванович сказал теще, что приедет через час, и вызвал служебную машину.

Преследователей он обнаружил при повороте с Театральной аллеи на Нижнюю Масловку: в полусотне метров сзади шла фиолетовая «Мазда», не отставая и не приближаясь.

– Володя, видишь? – кивнул назад Ивакин.

Телохранитель полковника лейтенант Свирский, поглядывающий в зеркало заднего вида, кивнул.

– Я замечаю эту машину второй раз. Вчера она стояла возле конторы. Сейчас выясним, чья она. – Лейтенант нажал кнопку рации на передней панели машины и продиктовал дежурному по управлению номер преследующей их «Мазды». Через несколько минут дежурный сообщил:

– Машина частная, зарегистрирована на имя Макса Райхмана, сотрудника института Курчатова, но вполне возможно, что это просто «крыша». Прислать помощь?

– Пока не надо. – Свирский достал пистолет, проверил обойму, вставил в подмышечный захват. – Кто бы это ни был, он не посмеет действовать активно днем. Попробуем оторваться, Борис Иванович?

Ивакин не ответил, и шофер служебной «Волги» увеличил скорость. «Мазда» отстала. К дому Панова они подъехали в одиночестве, поставили машину во дворе рядом с красавицей «Бугатти» серебристого цвета.

– Хватает же средств у народа на такие аппараты, – кивнул Свирский на серебристое авто, не забывая глядеть и по сторонам.

– Не у народа, – усмехнулся Ивакин, – у «новых русских». Где-то я видел такую машину, причем недавно. Или у страха глаза велики? Везде начинают мерещиться «хвосты», слежки...

Дверь открыл сам Панов, в халате, свежий после ванны как огурчик. Свирский остался на лестничной площадке, Ивакин вошел в квартиру бывшего директора ФСБ. Иван Сергеевич проводил гостя в свой кабинет-спальню с книжными полками, столом, диваном и креслом, принес кофейный набор.

– Что случилось, Борис?

– Да ничего особенного, Иван Сергеевич, – ответил Ивакин. – Влезли мы с шефом в болото и не знаем теперь, как вылезти. Но сомнений, что Генрих связан с «Куполом» напрямую, нет.

Панов нахмурился, отхлебнул из фарфоровой чашки ароматного «Моккона», пристально глянул на зятя.

– Я тоже фигурирую... в вашем досье?

– Нет, материалов на вас нет, – честно сказал Ивакин, – но рикошетом следствие зацепит... хотя черт его знает, с какой стороны.

Панов кивнул, сморщился, чихнул, с угрюмой улыбкой почесал нос.

– Пословица права: хороший нос за две недели кулак чувствует. Я знал, что вы меня зацепите, и готов отвечать. Зачем я тебе понадобился?

– Нужен совет, – помедлив, проговорил Ивакин. – «Купол» начинает рубить концы, уничтожать свидетелей, а в кабинеты главных действующих лиц нам просто нет доступа. Надо идти по верхам, а это означает объявление войны «Куполу»... и Генриху.

Панов кивнул.

– Этого следовало ожидать. Вы затронули осиное гнездо, и, естественно, «осы» вам этого не простят. – Иван Сергеевич допил кофе, мрачно пошутил: – А вы обратитесь в «Стопкрим». Эти ребята не боятся расследовать такие дела и не зависят от закона.

– Такая мысль уже приходила мне в голову, – признался Ивакин. – На всякий случай я даже подготовил специальный файл для передачи... – Он замолчал, услышав какой-то стук в прихожей, вопросительно посмотрел на хозяина. Тот прислушался тоже, окликнул:

– Маша, что там у тебя упало?

Никто не ответил. Иван Сергеевич нахмурился, покосился на полковника, доставшего из кармана штатный «макаров», запахнул халат и встал.

– Пойду посмотрю. Твой телохранитель надежный?

– Не жаловался, профессионал. А что?

Ответить Панов не успел.

Дверь в кабинет распахнулась от сильного толчка, в проеме появился телохранитель Ивакина, похожий на привидение, бледный, с

вытаращенными глазами, с пистолетом в руке. Направил ствол на Панова.

– Володя! – вскочил Ивакин. – В чем дело?!

Свирский выстрелил.

Пуля попала Панову в плечо, развернула и бросила на шкаф с книгами. Второй раз лейтенант выстрелить не успел, Ивакин выстрелил в ответ навскидку, попал телохранителю в руку. Пистолет Свирского выпал. Но это было еще не все.

За спиной лейтенанта возникла фигура человека в камуфляже, выстрелила в спину Свирскому, а когда Ивакин метнулся на пол и оттуда дважды выстрелил по ногам стрелка, его и Панова накрыл залп суггестора «удав».

Все поплыло перед глазами Бориса Ивановича, зрение его расфокусировалось, тело ослабело, стало студенистым и рыхлым, в голове зашумело, как от удара. Однако последним усилием воли он зажал в кулаке пистолет и выстрелил.

Он уже не видел, как пуля попала в голову раненому предыдущими выстрелами в ногу гостю, как тот упал, забрызгивая ковер и паркет кровью, как в кабинете возникла еще одна фигура, расстреляла лежащих генерала и полковника, затем склонилась над человеком в пятнистом комбинезоне, убитым Ивакиным. Выругалась, забрала из его руки «глушак» и в темпе покинула квартиру.

Ибрагимов торопился: поднятая Ивакиным стрельба всполошила соседей, те вызвали милицию, и наблюдатель команды «Стикс» по рации предупредил своего командира о появлении машины ОМОНа. В квартире бывшего директора ФСБ остались лежать пять тел. Панов, его жена Мария Александровна, лейтенант Свирский, убийца в камуфляже были мертвы, полковник Ивакин был еще жив. Пули Ибрагимова, выпущенные с близкого расстояния, попали ему в грудь, но встретили бронежилет, а пуля в голову (контрольный выстрел) лишь пропахала борозду на черепе, не пробив его.

Очнулся Ивакин уже в больнице спустя двое суток.

Глава 20

ОСА В БУТЫЛКЕ ПЕПСИ-КОЛЫ

Тела он не чувствовал совсем, будто его не было. Голова существовала отдельно, как голова профессора Доуэля из романа Беляева, распухшая до пределов гигантской пещеры, в углу которой он лежал без движения целую вечность. И мысли в этой голове текли бесплотные, неосяземо легкие, как струйки дыма, не задерживаясь ни на одном конкретном воспоминании.

Очень долго он не мог сосредоточиться и понять значение тусклого стеклянного блика перед глазами, пока гигантским усилием воли не сфокусировал-таки наконец зрение и не понял, что перед ним на полу пещеры стоит бутылка пепси-колы. Но и после этого открытия мозг долго сопротивлялся попыткам сознания собрать воедино тело, голову и душу, отделенные друг от друга неизвестным палачом. Память заработала в пробуждающемся ритме, когда бутылка с напитком упала, сбитая неловким движением руки, жидкость из нее вылилась на пол и внутрь бутылки заползла невесть как попавшая в пещеру оса...

Он вспомнил пси-атаку пентарха, падение в черный тоннель беспомощности, удар и жуткое ощущение рассыпающегося на стеклянные осколки тела. Голова откололась и нырнула в другой черный тоннель, как в колодезь, с плеском погрузившись в зыбкое бездонное болото боли...

Только теперь Матвей обзрел это зыбкое бездонное «болото» фрустрированной психики, в которое его загнала пси-атака пентарха, слез с островка последнего эмоционального убежища, где отсиживалась едва не распавшаяся окончательно воля, преодолел «болото» вброд и с трудом выбрался на твердый берег сознания...

Язык, сухой и растрескавшийся, как пласт такыра, не повиновался, но Матвей все же выговорил странно звучащую фразу: «Га-эл-лха-ман», – мантру подкачки энергии в сердечную чакру, и уже через полминуты почувствовал себя значительно лучше. Сел, опираясь спиной о стену «пещеры», которая вовсе пещерой не была. Гарбхагриха – пришел на ум эзотерический термин, означающий

святая святых индуистского храма – небольшое квадратное темное помещение, над которым возвышается основное тело храма – вимана, понимаемая как мировая ось. Обычно гарбхагриха совершенно закрыта и недоступна даже монахам (кроме настоятеля) и символизирует этим абсолютную божественную ценность, не воспринимаемую простыми смертными. Неужели Шароев соорудил себе под дворцом такую камеру? И теперь Матвей замурован в ней?!

Но нет, чувствуется ток свежего воздуха, слабенький, правда, однако говорящий о присутствии здесь вентиляционного колодца или двери.

– Га-эл-лха-ман, – проговорил Матвей нараспев, чувствуя нарастающий приток сил. Усмехнулся в душе: пентарх ошибся, посчитав, что сломил его, убил волю, внедрил в психику закон подчинения, то есть закодировал. Да, его пси-атака разрушила динамическую пространственно-волновую структуру энергетической оболочки Соболева, деформировала силовой каркас, фрустрировала сознание, десинхронизировала личность, но изменить глубинное состояние психики – душу Матвея не смогла. И все же Матвей вынужден был констатировать, что пентарх оказался сильнее. Правда, ему помогли кардиналы Союза Трех, опиравшиеся на чеченский эгрегор, а сам Матвей не учел этой возможности, пребывая в слепой уверенности, что справится один. Он ошибся. Самоуверенность, пренебрежение, недооценка соперника... неужели он становится похожим на кардиналов Союза Неизвестных, чья кровь разбавлена высокомерием и крайним самомнением? Или это вообще порок всех Посвященных?..

В памяти всплыла сцена в кабинете президента Ичкерии...

– Я мог бы и не появляться здесь, – сказал пентарх, вернее, авеша пентарха – его проекция на личность Везирхана Шароева, – потому что ты стандартен, как и все люди, потомки Инсектов, раз удалось рассчитать твоё поведение вплоть до появления в моих владениях. Однако стало любопытно: так ли ты опасен, как утверждают слухи. Вот я и решил поглядеть.

– И каковы ваши впечатления? – вежливо спросил Матвей, ощущая, как переливается и бурлит сила сидящего перед ним человека.

– Кое-что ты умеешь, судя по контактам с моими коллегами. – Шароев бросил взгляд на угрюмо-злобную физиономию лысого министра безопасности. – Но на роль Мастера Мастеров не тянешь. Теперь я хотел бы выяснить, что нашел в тебе инфарх, якобы избравший тебя своим преемником.

– Я не знаю планов инфарха, он меня в них не посвящал, – равнодушно сказал Матвей. – В принципе я готов стать реализатором закона невмешательства иерархов в дела людей, в бытие «запрещенной реальности», что провоцирует Монарха Тьмы на новые эксперименты. Но вы продолжаете вмешиваться в нашу жизнь, поэтому приходится отвечать адекватно.

Шароев начал «гудеть и светиться», то есть излучать в инфра- и радиодиапазонах. Проекция пентарха перестроила пространственно-волновые оболочки и связи кардинала и наполнила его тело энергией. Первый его «фехтовальный» выпад в пси-диапазоне был прощупывающим, легким, касательным, но и от этого «легкого» удара завибрировал весь защитный силовой каркас Матвея, так что он почувствовал на короткое время дурноту и слабость. Но и тогда у него оставалась уверенность в своих силах и надежда на мирное решение конфликта.

Пентарх почувствовал ответ Соболева, отступил, разглядывая его засветившееся изнутри лицо. Матвею показалось, что Шароев зарычал, показывая волчий оскал, но это было просто физическое отражение реакции пентарха.

– Похвально, ганфайтер. Что еще ты умеешь из вибхути? Летать? Превращаться в большое и малое? Преодолевать пространство? Впрочем, если бы ты умел это делать, давно сбежал бы, не так ли?

– Чего вы хотите? – Матвей напрягся, понимая, что наступает кульминационный момент разговора.

– Да, в общем, ничего, – небрежно ответил пентарх, и в этой его небрежности и быстроте ответа Матвей уловил колебание и недосказанность. Что бы пентарх ни говорил, он побаивался его, только не хотел признаваться в этом ни себе, ни кому-нибудь другому. – Разве что пустяк... Учитывая твои возможности... не слишком большие, так что не обольщайся... могу предложить тебе роль винайка в «запрещенной реальности». Нам иногда требуется корректировка законов социума... некоторые другие поручения...

– Роль агента по особым поручениям мне не годится, – покачал головой Матвей. – Предлагаю другое решение. Вы открываете мне границу «розы», я помогаю вам разобраться с конфликтной ситуацией между иерархами.

– Никакой такой конфликтной ситуации между нами не существует.

– Неправда. Уже одно ваше «вытаивание» здесь говорит о неблагоприятных отношениях иерархов, о нейтрализации стража границы – декарха. Или он на вашей стороне?

Снова пентарх Шароев показал «волчий оскал» своих психофизических «клыков». Поведение Матвея начинало его раздражать.

– Не много на себя берешь, незавершенный?

Матвей сузил посветлевшие, сверкнувшие нестерпимым ледяным блеском глаза. Пентарх проговорился! Он знал о предназначении Соболева как «зародыша» аватары, хотя и делал вид, что торгуется ради того, чтобы развеять скуку и облагодетельствовать мальчика, замахнувшегося на иерархию Круга.

– Итак, мое предложение тебе не подходит, – констатировал пентарх Шароев, с трудом сдерживаясь.

Матвей с сожалением развел руками.

– Кажется, вам мое тоже. Придется идти другим путем. Я сам открою границы «розы» и разберусь с вами. А может быть, просто наглухо заблокирую границы нашей реальности законом «абсолютного замка».

Шароев расхохотался, откидываясь на спинку кресла. Махнул рукой, с пальцев которой сорвались крохотные голубые молнии.

– Парень, ты еще котенок, а не тигр, и вряд ли им станешь. Чтобы закрыть границы реальности, надо быть Конкере или на крайний случай владеть «Иглой Парабрахмы», что для непосвященного абсолютно нереально. – Шароев глянул на своих молчавших до сих пор министров-кардиналов. – Берите его, коллеги, он ваш.

Неизвестно, чего хотел добиться пентарх, «отдавая» Соболева соратникам президента. Скорее всего он решил еще раз оценить его возможности. Если бы Матвей смекнул это, он смог бы отделаться более легко, сделав вид, что уступает силе кардиналов. Однако он

принял чужие невыгодные условия и начал бой, слишком поздно осознав свою ошибку.

Сдвоенный рапорт обоих министров обрушился на него, как удар дубиной. Потемнело в глазах, дыхание перехватило, остановилось сердце, в ушах поплыл комариный звон, тело потеряло плотность, превратилось в глыбу снега... Однако деформация энергетических оболочек Матвея не была фатальной, уже через доли секунды психика его перешла на другую частоту – в измененное состояние меоза, уплотнила индивидуальные поля и ответила контрударом, заставив кардиналов уйти в «глухую защиту» и на время прекратить собственные атаки. Но им не повезло изначально, потому что их противником был не просто Посвященный, а Воин Пути, спонтанность реакций которого и знание универсальных боевых техник позволяли ему применять тактику, максимально выгодную в каждом конкретном случае. Матвей, не дожидаясь повторных психофизических нападений, атаковал министров в физическом плане, сразу изменив ситуацию в свою пользу.

Махмуд Солтанов никогда не занимался воинскими искусствами, хотя оружием владел профессионально, как и всякий чеченец. Он и теперь реагировал на атаку Соболева как боевик, выхватывая из-под полы черкески пистолет. Матвей поэтому достал его первым, передавая смертельный импульс космек ударом в шею. Этим ударом убить Посвященного, владеющего приемами лечения и очищения организма от любых ядов и воздействий, было невозможно, однако на восстановление требовалось время, и министр иностранных дел перестал быть опасен.

Иное дело – Борз. Министр безопасности тоже не особенно хорошо знал искусство боя, но все же когда-то изучал всякие системы и реагировал быстрее. Матвею понадобилось исполнить сложный танец текучих переходов и отклонений – Борз успел достать «беретту» и начал стрельбу, – пока он не вышел на дистанцию максимальной действенности приема и не вбил в висок кардинала «гвоздь» – удар из русбоя костяшкой указательного пальца, и тоже – с выплеском энергии космек.

А потом ему показалось, что на него упала гора и расплющила в тонкий кровавый блин... Пентарх Шароев не стал демонстрировать свое воинское умение, обрушив на психику Матвея мощнейший

фрустрирующий раппорт силы Голаб с ориентацией заряда на медленную смерть соперника. Матвею удалось отбить раппорт «поворотом психического зеркала защиты» и даже поупираться в пространстве астрала, куда вылетела его душа, посопротивляться лавине внешнего воздействия, но к личному излучению пси-поля пентарх добавил разряд «глушака» – чтобы уж наверняка добить сопротивляющегося, и сознание Матвея вылетело из тела, как теннисный мяч от удара ракетки, тихо улеглось на «островке» защитных психических структур организма, который пентарх не разглядел...

Матвей не знал, что его атаки окончились для соратников Шароева плачевно. Махмуд Солтанов вынужден был лечить разорванную шею и сломанную ключицу, что далось ему с трудом. Салману Борзу досталось больше. Импульс «смертельного касания» был так силен, что едва не привел к летальному исходу. Спасло министра только вмешательство Шароева, озадаченного столь очевидным проявлением силы человеком, из-за которого земную реальность вынужден был посетить сам пентарх Удди, замыкающий пятерку архонтов – иерархов высшего уровня. Поэтому Шароев не стал добивать Соболева, а велел отнести его в свой личный бункер под дворцом, имеющий специальную камеру-одиночку «для особо почетных гостей»...

Оса в бутылке из-под пепси-колы зажужжала, пытаясь выбраться, но попала в остатки жидкости и замолкла. Матвей, видевший ее попытки инфразрением, снова усмехнулся. Он сейчас тоже напоминал осу в бутылке, но в отличие от нее почти не имел свободы маневра. Ей, чтобы освободиться, достаточно было добраться до горлышка бутылки, ему предстоял гораздо более трудный путь.

Тонкая струйка свежего воздуха коснулась ноги. Матвей сосредоточился на восприятии окружающего мира.

Сначала он осмотрел камеру инфразрением и нашел дверь – стальной прямоугольник высотой в два, шириной в один метр и толщиной в двадцать сантиметров. Такую дверь трудно пробить даже из пушки, не то что перочинным ножиком. Дверь не была герметичной: струйка воздуха сочилась в тонкую щель под ней. Кроме входной, обнаружилась еще одна дверь – потайная, замаскированная

под стену. Стены камеры были сложены из отесанных каменных глыб и не давали сомневаться в их прочности.

Тогда Матвей перешел на ультрафиолетовый диапазон зрения, почти ничего не давший исследователю места заключения, потом на радиоволны и восприятие электромагнитных полей. Мрак помещения сменился на причудливое призрачное свечение стен, плавно меняющее оттенки, искажающее очертания предметов. Потайная дверь при этом светилась сильнее входной, но изнутри камеры открыть ее было нельзя, ручной и механический приводы были установлены за ней в узком коридорчике с клетью лифта; перейдя на гиперзрение, Матвей отчетливо разглядел и коридорчик, и трубу лифта, и механизмы, управляющие приводами.

На мгновение все померкло перед глазами узника: организм, еще не восстановившийся полностью, сопротивлялся активному энергопотреблению. Пришлось дать телу и мозгу отдых, уходя в медитационный транс и сократив до минимума потребление кровью кислорода. Если бы кто-нибудь сейчас вошел в камеру и осмотрел пленника, он решил бы, что тот умер: температура тела упала до тридцати градусов, пульс не прощупывался, сердце работало в ритме пяти-шести ударов в минуту, легкие не дышали.

Вышел из транса Матвей через два часа, сразу почувствовав себя бодрым и полным сил. Но для определения своего положения ему был нужен выход в астрал, а этого он как раз сделать не мог из-за риска обнаружения кардиналами Союза Трех, наверняка контролирующими всплески пси-полей на своей территории. Тогда он пошел другим путем – сосредоточился на меозе, открывая душу экстатическому восприятию информации и энергии ментала, и стал пробовать открыть двери. Обнаружить себя при этом он не боялся, его мозг в данном случае служил лишь приемной антенной, настроенной на определенный «личный» диапазон вибраций ментала. Однако состояние меоза ему удалось поддерживать всего несколько минут, на большее не хватило сил. Все-таки он был еще очень слаб и не «собрал всего себя» в одно целое, в личность. Слишком сильной оказалась «темная передача» – кодирующая программа пентарха, с одной стороны, дезорганизующая волю, с другой – в случае попыток неподчинения приказывающая Соболеву умереть. Ему удалось

отстроиться от приказа умереть, но еще долго предстояло очищать глубины психики от «шлаков» влияния этой злобной программы.

И все же сдаваться Матвей не собирался. Даже в положении осы в бутылке он мог сопротивляться, просто надо было сконцентрировать постоянно расплывающуюся волю, разбудить резерв сил и начать действовать. Пентарх долго ждать не станет, спустится вниз, чтобы убедиться в смерти соперника... или в его воскрешении. А еще одной кодоновой атаки Матвей выдержать уже не сможет.

В девять часов вечера – по своим внутренним часам – он начал второй этап борьбы за жизнь. Механизмы, управляющие дверями, не были заблокированы, можно было попробовать их включить дистанционно. Дверь, ведущую к лифту, а оттуда скорее всего в покои президента, Матвей оставил на потом, ее включение наверняка контролировалось из кабинета Шароева, а преждевременно привлекать его внимание не хотелось. Поэтому пленник занялся металлической дверью, имеющей с той стороны кнопку включения. В принципе он, наверное, смог бы на пределе желаний и возможностей просунуть руку сквозь металл в районе расположения кнопки, но не знал, как воспользоваться оказавшейся снаружи кистью. В «бесплотном» состоянии, то есть в состоянии резонанса колебаний атомов и молекул руки с атомами металла, палец должен был пройти сквозь кнопку, не вдавив ее, а как сделать его плотным отдельно от всей кисти, Матвей не имел понятия.

Проанализировав эту возможность, он решил действовать иначе и сосредоточился на электрическом контуре кнопки включения. Очень сильно мешало то обстоятельство, что дверь была из стали, она экранировала электромагнитные поля и гасила электростатические заряды. Лишь спустя полчаса Матвей обошел это препятствие, создав участок, свободный от блуждающих электронов, и образовав ложную цепь включения.

Привод двери загудел, дверь медленно сдвинулась с места, образовала десятисантиметровую щель и остановилась. В лицо Матвею брызнул показавшийся нестерпимо ярким свет. А в щель на него глянул охранник с отвисшей челюстью, на которого включение двери произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Не получив подтверждения команды, дверь начала закрываться, и Матвей едва успел передать охраннику рапорт подчинения и

приказать ему открыть дверь. Охранник, превратившийся на время в зомби, подчинился. Матвей оказался в тесной каморке с единственным стулом и столом, на котором лежала кipa журналов. Дверь из каморки в коридор тоже была заперта, но она уже не могла быть для пленника непроходимым препятствием.

– Везет всегда тем, кто подготовлен, – назидательно сказал Матвей тупо застывшему верзиле в черном комбинезоне. – Снимай мундир.

Через несколько минут он переоделся, затолкал охранника на свое место, напялив на него свой костюм, придал лицу сходство с лицом парня и открыл дверь в коридор. Он не собирался идти выяснять отношения с кардиналами чеченского Союза Неизвестных, а тем более с пентархом, он хотел просто уйти по-английски из дворца и так же тихо убраться из Чечни.

Уже закрывая за собой дверь, Матвей вспомнил о бутылке с пепси-колой, вернулся, выпустил осу, еще раз подивившись, как она умудрилась проникнуть в подземный бункер. И в этот момент словно гигантская пушистая лапа мягко придавила его к полу камеры. Матвей напрягся, сбрасывая с себя эту «лапу», и понял, что пентарх разгадал намерения пленника.

* * *

Дьявол «оскалил клыки», то есть пентарх почуял их, когда Посвященные вошли в помпезную приемную президента, выключая сознание всех, кто там находился. Затем открылась дверь кабинета и на пороге возник Везирхан Шароев, сверкающий взгляд которого, казалось, способен прожигать тела людей насквозь. Пентарх понял все мгновенно и не стал ждать, пока четверка врагов возьмет инициативу в свои руки, он решил атаковать первым и «поставить наглецов на место». На Василия он внимания не обратил и сделал большую ошибку, потому что Балуюев, инстинктивно прикрывшись «щитом» – пси-блоком, которым владел, не осознавая этого, тоже не стал ждать развития событий, а сразу ответил броском каменного окатыша. И это простое движение, пропущенное пентархом именно в силу его

простоты и безобидности, по сути, сыграло решающую роль в развернувшейся пси-битве.

Камень попал Шароеву точно в переносицу, в точку инь-тан или трикутта, вызывающую болевой шок и смерть. Удар, конечно, не причинил вреда пентарху, но плоть Шароева получила шоковый всплеск боли, пентарх на мгновение отвлекся, чтобы задавить эмоции своего тела-носителя, и этого оказалось достаточно, чтобы соединенные потоки пси-энергии Посвященных раздробили «И» – «разум-волю» пентарха на несколько отдельных сознаний, вынужденных обороняться каждое на своем уровне.

К счастью сражающихся, против них действовал все-таки не сам пентарх, а всего лишь авеша – его проекция на психику человека, поэтому в данной реальности она не имела всей силы матрицы пентарха как личности. Но и она обладала мощным потенциалом психоэнергетических возможностей вплоть до «пятой силы Бога» Элохим Гибор (Бог Всемогуший) и третьей «сферы света» Самаэль, что для земной реальности и составляло уровень Голаб – Дьявольской Жестокости. Посвященным пришлось очень тяжело, только с помощью гигантской концентрации воли им удалось нейтрализовать «раздробленную» волю пентарха и подавить его активность.

Первым со своей задачей справился Горшин. Он тут же пришел на помощь Ульяне, они вдвоем помогли Парамонову, а потом и Самандару. Бой закончился.

Ошеломленный Василий – ему досталась немалая толика пси-оплеух, породивших довольно реальные, с его точки зрения, видения, – отступил к двери в коридор, глядя на усталых и бледных приятелей, на застывшее, скорчившееся у порога в кабинет тело Шароева, потом опомнился, выглянул в коридор, никого не увидел и прикрыл дверь.

– Силен, боров! Я уж думал – кранты!

Ульяна, покачнувшись, провела по лбу рукой, благодарно глянула на подставившего ей локоть Горшина, потом подошла к Балуюеву и чмокнула его в щеку.

– Вы были неподражаемы, воин.

– Что я такого сделал? – удивился смущенный, несколько осоловевший от поступка девушки Василий. – Задавили-то его вы.

– Ты сбил ему дыхание, – усмехнулся Горшин. – В результате мы успели прорвать его оборону и расчленить сознание, иначе нам пришлось бы туго. Действительно, очень сильный боров.

– Он еще... жив?

– Пентарх изгнан, и хотя мозгу Посвященного досталось крепко, он выживет.

– И все же он был слишком самонадеян, – задумчиво проговорил Парамонов, – коль пошел в лобовую атаку. Он запросто мог нейтрализовать каждого из нас по очереди. Если бы не Василий...

– Как он ему врезал! – засмеялась Ульяна.

Внезапно словно холодная тень накрыла всех, кто находился в приемной. Посвященные примолкли, переглядываясь. Горшин отреагировал первым:

– Мы забыли о других кардиналах Союза Трех, они где-то в здании и пеленгуют нас. Если они поднимут тревогу...

– Надо было выяснить, где Соболев, – нахмурился Василий.

– Я знаю. – Горшин стремительно прошагал в кабинет президента Ичкерии, позвал оттуда: – Идите за мной.

Когда Вася вошел вслед за остальными в апартаменты Шароева, Горшин стоял перед проходом в стене, замаскированным отодвинутой в сторону секцией стеклянного шкафа.

– Это ход в лифт. Соболев содержится в бункере под дворцом. Едем туда, забираем и поднимаемся наверх, на крышу. Остальное дело техники.

Они забрались в кабину лифта, еле уместившись в ней впятером, опустились на пять этажей ниже (метров двадцать пять, по прикидке Тараса), вышли в узкий каменный коридорчик, освещенный единственным плафоном, и включили механизм отпирания двери. С тихим шелестом массивный участок стены камеры выдвинулся в коридорчик, повернулся на оси, открывая проход в «комнату для особо важных гостей». На полу лежал ничком человек в мятом костюме и армейских ботинках со шнуровкой. Василий бросился к нему, перевернул на спину и отступил. Это был не Матвей Соболев.

– Ты же говорил...

– Он ушел. – Горшин прислушался к чему-то, поднял с пола пустую бутылку из-под пепси-колы. – Совсем недавно. А это означает, что пентарх его недооценил. Либо отпустил намеренно.

– Думай, о чем говоришь! Если Соболев ушел недавно, можно его догнать...

Парамонов покачал головой.

– Если Соболев смог выйти из камеры, он в неплохой форме. Мы его просто не узнаем и не догоним. Надо возвращаться.

– И что же, мы вот так вот запросто и уйдем? Без него? Положив столько сил?

– Он жив, а это главное, – проговорила Ульяна. – Идемте, у нас очень мало времени.

Самандар, не проронивший ни одного слова, безмолвно повернул к лифту. Остальные потянулись следом. Вася, порывающийся броситься на поиски Соболева, с трудом уговорив себя не суетиться, вошел в кабину лифта последним.

Они поднялись на крышу президентского дворца, походя усыпив охрану, сели в вертолет, и Горшин повел машину над спящим темным городом на восток, в сторону Дагестана. Тревога во дворце началась, когда они были в километре от Грозного. Это Посвященные почувствовали по всплеску пси-поля чеченского эгрегора. Впечатление было такое, будто включился пронизывающий металл прожектор и осветил сидящих внутри вертолета людей.

Никто из них не сомневался в победе, и все же у Парамонова осталось ощущение, что они чего-то недоучли.

Где в этот момент находился Соболев, не представлял никто, но все были уверены, что он в безопасности. Один Василий не был убежден в этом и хмуро сидел рядом с Ульяной, виня себя во всех грехах. Девушка видела его состояние, но думала в этот момент не о нем и даже не о Соболеве, а о Кристине, ждущей друга в Москве с надеждой и страхом. Они тогда в Рязани еле уговорили ее остаться и оказались правы. В Чечне Кристине делать было нечего. Светлана сделала свое дело, появившись сначала во сне и сделав трансное предупреждение, а потом избрав Кристину своей авешей. Она заставила-таки Посвященных свернуть с избранного ими Пути, стать на Путь Воина со своей специфичной кармой риска и спасти будущего аватару. То, что Матвей пришел в себя и освободился сам, еще не говорило о его безопасности. Не вмешайся они – пентарх мог вычислить его путь и догнать. Они вмешались вовремя...

– Лучше бы меня убили тогда, – пробормотал Василий.

– Не говори глупостей, – очнулась девушка, накрывая своей ладонью руку Балуюева.

– Мы не подумали о последствиях, – сказал вдруг Самандар с прорвавшейся враждебностью. – Патриархи Круга узнают о наших похождениях и сделают нас отступниками, вот как его. – Кивок на Горшина. – С этого момента наши пути расходятся. Я не желаю становиться отступником не по своей воле.

Тарас, глянув на холодно-невозмутимое лицо Вахида Тожиевича, еле заметно усмехнулся. Остальные смотрели на него по-разному, каждый со своими чувствами: Ульяна озадаченно и вопросительно, Иван Терентьевич печально, Василий с любопытством и насмешкой. И снова к Парамонову пришло чувство, что они что-то упустили из виду.

Глава 21

СПУСК ПРОГРАММЫ

Настоятель храма Гаутамы на Алтае Бабуу-Сэнгэ возносил молитву Будде, то есть медитировал в трансовом состоянии с выходом в ментал, в своей личной монашеской келье, располагавшейся под центральным залом храма, когда почувствовал присутствие иной реальности. Его душа всегда была открыта иерарху, для которого он становился авешей, поэтому Бабуу-Сэнгэ, координатор Союза Девяти Неизвестных России, не встревожился особенно, хотя и прислушался к себе, готовый немедленно дать отпор в случае преднамеренной астральной атаки. Но атаки не последовало. В земную реальность «просочилась» проекция экзарха Квестора и «осела» на психику настоятеля, превращая его в существо с двойным сознанием и мощным энергетическим потенциалом.

Их диалог был непереволим ни на один земной язык и длился буквально секунды, после чего экзарх ушел, освободил тело Бабуу-Сэнгэ, как бы втянул щупальце канала связи в реальность, где он обитал. Но координатор Союза Девяти получил все, что хотел: ответы на многие вопросы, информацию о состоянии «розы реальностей», о деятельности иерархов и о той задаче, которую они поставили перед ним. Смысл беседы Посвященного II ступени с иерархом сводился к лаконичному и в то же время богатейшему по смысловым гармоникам диалогу.

Экзарх: «Почему ты отказался помочь Удди (пентарху) закодировать непосвященного?»

Бабуу-Сэнгэ: «Удди по натуре источник агрессии и революционной ломки социума. В результате его деятельности Россия уже четырежды переживала падения: когда меняла веру, воевала с монголами, строила коммунизм и в конце двадцатого века воевала сама с собой».

Экзарх: «Он – лишь правая рука Монарха».

Бабуу-Сэнгэ: «Это не меняет существа дела. Как ему и вам удастся миновать декарха^[26]?»

Экзарх: «Декарх кодирован и не может контролировать весь диапазон частот границы. Мы используем интервал «разрешенной неизвестности».

Бабуу-Сэнгэ: «Мы называем этот интервал «вероятностной прецессией закона границы». Не бойтесь, что кто-то сможет повторить ваш путь в обратном направлении?»

Экзарх: «Чего может бояться иерарх пятого уровня? Но такая опасность существует, ты прав. Из-за этого я и нарушаю закон границы».

Бабуу-Сэнгэ: «Соболев? Из-за него?»

Экзарх: «Он аватара, хотя еще идущий, незавершенный. Существует шанс, что он выйдет в «розу» и соединится с инфархом. Что грозит Изменением не только вашей реальности, но и Круга. Допустить этого мы не можем».

Бабуу-Сэнгэ: «Разве его так трудно уничтожить?»

Экзарх: «Неизвестным нам образом он стал задатчиком программ одной из Великих Вещей Мира – «Иглы Парабрахмы».

Бабуу-Сэнгэ: «Не может быть!»

Экзарх: «Это произошло. В будущем. В вашем будущем. Для нас же это факт свершенный. Но это еще можно было бы простить. Самое плохое в этой ситуации, что ему помогает Конкере».

Бабуу-Сэнгэ: «Если для нашей реальности деяние Соболева еще не произошло, его можно предотвратить».

Экзарх: «Если факт включения хранится в коллективной памяти нашего эгрегора, значит, изменить вы ничего не сможете».

Бабуу-Сэнгэ: «Печально. Однако есть и другая сторона медали. Людьми изобретена формула: в свое время, рано или поздно, демон разрушит того, кто его вызвал. Известно, что Монарх уничтожает любого, кто ему становится не нужен».

Экзарх: «Мы не можем ждать. Удди предпринял попытку, весьма удачную на наш взгляд, но вам предстоит продолжить начатое».

Бабуу-Сэнгэ: «Что я должен делать?»

Экзарх: «Нейтрализовать помощников Соболева. В первую очередь отступника, лишённого доступа ко второму уровню континуального поля сознания, но тем не менее не ставшего от этого менее опасным».

Бабуу-Сэнгэ: «Речь идет о Горшине? Мы контролируем его деятельность».

Экзарх: «Горшин начал работать в паре с Соболевым, а это уже иной уровень. Речь идет также о трех Посвященных I ступени: Иване Парамонове, Вахиде Самандаре и Ульяне Митиной. Срочно организуйте «волну исключения» всех троих».

Бабуу-Сэнгэ: «Без уведомления патриархов Круга?»

Экзарх: «Сейчас не до соблюдения традиций, под угрозой существование Круга, его надо сохранить любой ценой, даже ценой сокрытия правды. В данном случае цель оправдывает любые средства».

Бабуу-Сэнгэ: «А кто займется Соболевым? Я уже дал задание Юрьеву и Рыкову нейтрализовать его...»

Экзарх: «Пусть занимаются им в меру своих возможностей. Им вряд ли удастся остановить его, но они заставят его торопиться, а это уже на руку нам».

Бабуу-Сэнгэ: «Не понимаю».

Экзарх: «Удди применил кодон».

Чувства координатора Союза Девяти после этих «слов» можно было бы передать только изумленным присвистом. Потому что кодон, чье происхождение и тайна воздействия на мир тщательно оберегались Хранителями, по легенде являлся, наравне с «Иглой Парабрахмы», еще одной Великой Вещью Мира, оставленной Инсектами потомкам. По другой легенде кодон представлял собой одну из Сил Бога, воплощенную в материале, и возможности его были велики.

Бабуу-Сэнгэ: «Каким образом Удди удалось завладеть кодоном?»

Экзарх: «Не суть важно. Главное, что с его помощью можно реализовать любую «темную передачу».

Бабуу-Сэнгэ: «Удди удалось закодировать Соболева?»

Экзарх: «Мы надеемся. Удди пожертвовал ради этого своим авешей Шароевым. Пока Соболев не добрался до Знаний Бездн, он уязвим. Пусть идет как наметил. Мы будем контролировать его шаги. Но его надо поторопить».

Бабуу-Сэнгэ: «Я его совсем не знаю, но мне он почему-то симпатичен».

Экзарх: «Существуют косвенные доказательства того, что он осуществил инициацию эйнсофа. Вероятно, отсюда и ваши эмоции,

базирующиеся на «ложной памяти». Самое плохое, что ему симпатизирует инфарх».

Бабуу-Сэнгэ: «Пущен слух, что инфарх в изоляции и не покидает свою реальность».

Экзарх: «Зато активно действует его второе «я» – Светлана. А она практически неуязвима. Итак, ты знаешь, что делать. Прощай. С нами Сатариал!»

И экзарх Квестор исчез.

Бабуу-Сэнгэ с минуту сидел в той позе, в какой его застало «проявление» личности экзарха, потом поднялся из кельи в свой рабочий кабинет этажом выше, но все равно располагавшийся под землей, под фундаментом храма. Со своими кардиналами он мог бы связаться без техники, по астральному каналу пси-связи, однако не хотел лишний раз «колебать» болото астрала, контролируемое иерархами. Поэтому просто набрал код и позвонил. Тарелка спутниковой радиосвязи на крыше храма позволяла ему контактировать с любым человеком на Земле, имеющим сотовый телефон с кодовой защитой.

Советник президента по национальной безопасности Юрий Венедиктович Юрьев отозвался через десять минут:

– В эфире.

– Соболев ушел из Чечни.

– Знаю. Ему помогли Посвященные.

– Их надо «погасить».

– Один я не справлюсь.

– Вдвоем с Германом Довлатовичем. Если понадобится, привлечите Виктора Викторовича. Используйте все средства.

– Понял.

– Может вмешаться Ельшин, он контактирует с Конкере. Переориентируйте его или уничтожьте канал выхода Монарха в нашу реальность.

– Попробуем.

– И последнее: разблокируйте один из МИРов.

– Зачем?

– И пусть Соболев узнает об этом.

– Понял, – ответил Юрьев после паузы.

Бабуу-Сэнгэ выключил связь. Он обеспечил «спуск программы» до исполнителей, оставалось лишь контролировать этот процесс.

* * *

Мало кому известно из простых людей, регулярно любующихся по телевизору спектаклями, называемыми «работой правительства, президента и Государственной Думы», что каждый чиновник высшего эшелона власти – это, по сути, контора, то есть глубоко эшелонированная система исполнения решений и защиты, имеющая собственные базы, финансовые и технические связи, интересы и цели. Интересы и цели этих контор иногда совпадают, но нередко пересекаются и расходятся, после чего начинается борьба систем, первым этапом которой является лоббирование, то есть поиск и вербовка союзников, а последним – устранение непокорных, в том числе и физическое.

По той же отработанной схеме властвования, только в более крупных масштабах, действовали и кардиналы Союза Десяти, владеющие колоссальными состояниями, собственными спецподразделениями защиты интересов – «манипулами» и гораздо более мощными рычагами и методами давления на умы и государственные структуры. Примером их теневой деятельности, отражающейся на жизни всего государства, может послужить образование таких систем, как «Стопкрим» и «Купол», являющихся всего-навсего регуляторами социума и управляемых кардиналами «на пользу» Союза. Впрочем, ими же контролировались и такие мощные силовые структуры, как Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Федеральное агентство правительственной связи и информации, а также Государственная Дума, состоящая в большинстве своем из людей беспринципных и подлых, заботящихся только о своем благе, то есть наиболее поддающихся кодированию и подкупу.

Получив задание от Бабуу-Сэнгэ, советник президента Юрьев передал разговор с координатором Рыкову и продолжил «спуск программы» еще ниже, конкретным исполнителям, среди которых был и Артур Емельянович Дятлов, новый министр внутренних дел, только

что пришедший на смену старому; президент доверял своему советнику и по его рекомендации предложил кандидатуру Дятлова Госдуме, которая почти единогласно его и утвердила, тем более что он уже к тому времени стал очередным вице-премьером.

Министр думать не любил, проводя в жизнь принцип: сначала стреляй, потом смотри, в кого попал, – к тому же он всегда был человеком системы, играющим по ее правилам. Про таких чиновников говорят – «пластилиновый». После встречи с Юрием Венедиктовичем он вызвал к себе начальника Московского уголовного розыска генерала Давидского и приказал собрать материал на некоторых гражданских лиц, подозреваемых в противозаконных деяниях. А коли таковых деяний не отыщется, следовало их сфабриковать.

Генерал Давидский не понял интересов нового министра, однако отказаться от выполнения задания не посмел и, в свою очередь, вызвал начальника оперативно-розыскной бригады полковника Синельникова.

Синельников, известный в узком кругу под прозвищем Скелет, слыл фигурой одиозной и не боялся ни Бога, ни черта. Это был громадный мужчина с двухметровыми плечами и руками толщиной с ляжку обыкновенного человека, способный ударом кулака разбить дубовый стол. С виду он казался простодушным, крутым и прямым, как ствол ружья, на самом же деле полковник славился отменным и хватким умом, ироничностью и начитанностью, поражающей сотрудников МУРа от рядовых и сержантов до высших офицеров. На шутки коллег он не только не обижался, а даже поощрял остроумие подчиненных, считая, что оно разряжает атмосферу и способствует психологической разрядке.

– Полковник, – сказал Давидский, не привыкший звать коллег по имени и отчеству, – разыщите вот этих людей, установите за ними наблюдение, выясните о них все, вплоть до мельчайших подробностей интимной жизни. Если найдете компромат – задержите, если такового не существует... – начальник МУРа нахмурился, сделал паузу, – компромат надо обеспечить.

Синельников взял листок бумаги с фамилиями, прочитал вслух:

– Василий Балугев, Ульяна Митина, Иван Парамонов, Вахид Самандар, Кристина Сумарокова, – поднял голову. – Некоторые фамилии мне знакомы. Это не тот Самандар, что президент Международного исследовательского центра боевых искусств?

– Возможно, – буркнул Давидский.

– А Иван Парамонов – не тот ли известный психолог и целитель, попасть к которому на прием мечтает каждый больной?

– Выясните, – сказал Давидский.

– А чем они провинились перед законом? – Синельников подчеркнул последнее слово.

– А вот это вы и должны установить, – уже с раздражением произнес начальник МУРа. – Задача понятна?

– Стреляй в куст, пуля виноватого найдет...

– Что?!

– Мы сыщики, товарищ генерал, – расправил плечи Синельников, – а не сборщики компромата. Людей этих мы найдем, конечно, и попасем немного, но в пределах инструкции. К тому же мы сейчас занимаемся «чистилищем», не хотелось бы распылять силы.

– Идите работайте, – тяжело проговорил Давидский, настроение которого резко упало. Он понимал, что в глазах полковника выглядит странно, однако сказать больше, чем было сказано, не мог.

– Есть идти работать. – Синельников повернулся и вышел из кабинета генерала, остановился посередине приемной, столкнувшись со своим замом майором Агаповым.

– Ну что он там еще придумал? – кивнул на обитую черным дерматином дверь кабинета болезненный с виду, худой Агапов, смотревшийся рядом с шефом, как шлюпка рядом с дредноутом.

– Как тебе сказать, – философски ответил Синельников, – по моему, он сам ничего придумать не может, зато явно получил задание сверху и спихнул нам. «Со мной не надо разговаривать, меня надо слушать».

– Понятно. Чье задание?

– Я же говорю – сверху. Не все равно?

– А что за задание?

– Найти вот этих мужиков и девиц, – полковник сунул Агапову листок с именами, – и при наличии криминала арестовать.

– А если криминала нет? – спросил все понимающий Агапов.

– Я его тоже спросил об этом.

– А он?

– А он, как в одном стихотворении говорится: «Петров мне ничего не отвечает, висит и только ботами качает».

Агапов хмыкнул, хотел в ответ пошутить, но глянул на мрачное лицо начальника и передумал.

* * *

В отличие от Юрьева Рыков действовал иначе. Он не питал больших надежд на то, что органам правопорядка удастся задержать Посвященных или напугать их до такой степени, что те ударятся в бег и перестанут помогать Соболеву. Их надо было «пугать» по-другому. Зная, что все они пользуются астралом, Герман Довлатович решил запустить в это «информационное болото» ядовитых «змей» – особого рода программы сканирования интеллектуального пространства, настроенные на «присасывание» к определенным личностям. При появлении Посвященных в астрале «змей» должны были вцепиться в них и мешать поиску и поглощению нужной информации, резко сужая тем самым паранормальные возможности пользователей астралом. Если программы сработают, это оттолкнет друзей от Соболева лучше их прямого предательства, потому что ему нужны помощники, а не приятели, с которыми приятно потрепаться о высоких материях.

Для претворения решения в жизнь Рыкову нужны были мощные компьютерные комплексы. Один из таких комплексов имел Центр нетрадиционных технологий, которым руководил комиссар-пять «чистилища» Владимир Эдуардович Боханов.

Герман Довлатович позвонил ему, предупредил о необходимости проделать цикл расчетов и вскоре подъехал к площади Курчатова, где располагался компьютерный зал Центра. В течение четырех часов он насиловал бохановский «Шайенн-2000», до предела нагрузив его расчетами программ, затем записал их на компакт и уехал, не сказав Владимиру Эдуардовичу ни слова о том, чем занимался. Запускать программы он мог и со своего домашнего компьютера. Вечером «змей» были внедрены в астрал и начали свою работу.

Боханов же из любопытства восстановил расчеты Рыкова. Тот, конечно, стер их из памяти компьютера, но «Шайенн» имел кэш-память, и знающему его особенности Владимиру Эдуардовичу ничего не стоило по следам выйти на расчеты. А поскольку программы, составленные Рыковым, были, по сути, кодирующими, Боханов, даже

не поняв их сути, получил такой заряд отрицательной психической энергии, что не смог выйти из транса и сошел с ума.

Его нашли на следующий день сотрудники Центра в туалете, где он прятался от «злых тварей», и поместили в клинику с диагнозом: психическая травма, приведшая к маниакально-депрессивному состоянию, мания преследования...

Таким образом, комиссар «Стопкрима» оказался первой жертвой «спуска программы» координатором Союза Девяти Неизвестных, а Рыков допустил первую ошибку, ведущую к тяжелым для него последствиям.

Глава 22

МОЖЕТ, ЛУЧШЕ ИХ НЕ ТРОГАТЬ?

В Москву Матвей вернулся спустя двое с половиной суток после своего бегства из дворца президента Ичкерии. Несмотря на поднятую тревогу – он к тому времени уже пересек площадь Свободы, – ему удалось остановить машину какого-то фанатика-таксиста, усыпить его, сесть на место водителя и спокойно выехать за город, минуя посты ГАИ. Четкого плана, как действовать дальше, не было, и Матвей положился на интуицию, направившую его в Ханкалу, на место базирования «авиаотряда» Чечни, состоящего из трех самолетов и четырех вертолетов.

Здесь он «уговорил» пилота готовившейся к полету «вертушки» срочно вылететь в Ингушетию «по заданию министра безопасности», а оттуда Матвей спокойно доехал до столицы на поезде Махачкала – Москва.

Каково же было его удивление, когда на перроне Казанского вокзала он увидел среди встречающих Кристину и Стаса. Не поверил глазам. Но когда глянул на сияющее внутренним светом лицо девушки, с тугим толчком сердца и перехватом дыхания вдруг понял, что перед ним другой человек! То есть это была, конечно, Кристина Сумарокова, студентка первого курса филфака МГУ, но в чертах ее лица ясно просматривались черточки лица другой женщины – Светлены, и этим объяснялось таинственное знание Кристиной времени и места прибытия Соболева в город.

Он остановился, обтекаемый встречающими и пассажирами со всех сторон, не зная, что сказать и что делать, но Кристина бросилась к нему, обняла, прижалась изо всех сил, и у Матвея снова перехватило дыхание – от нежности, волнения и других, более глубоких чувств, к которым примешивались страх за девушку и сладкое чувство собственности: Кристина обладала редким типом красоты, подкрепленной красотой внутренней, а он обладал ею.

Словно в ответ на его последнюю мысль девушка вздрогнула и отодвинулась от него, с испугом взглянув на застывшее лицо Матвея. Но он снова привлек ее к себе одной рукой, преодолевая

сопротивление, а второй прижал к боку голову Стаса, стеснявшегося выражать свои чувства.

– Что у нас дома?

– Все хорошо, – прошептала Кристина, пряча свой испуг. – Я сдала все зачеты, Стас тоже сдал экзамен, по русскому языку. Занимается физкультурой. Отец к нему приехал.

– Кто?! – Матвей отодвинул девушку и мальчишку, посмотрел на него озабоченно. – Отец?

Стас исподлобья глянул на Соболева, кивнул.

– Он у бабули остановился. Но я не хочу с ним встречаться. Он... он... злой. И пьет. Можно я у вас жить буду?

– Та-ак. – Матвей расстегнул пуговицу на рубашке, которую приобрел еще в Махачкале. – Сюрприз не из приятных. Ладно, поехали домой, там разберемся.

Они взяли такси и вскоре вышли у метро «Тульская», недалеко от дома, где находилась квартира-схрон Соболева, принадлежащая военной контрразведке. Кристина молчала, держась за локоть Матвея, Стас, наоборот, разговорился, делясь своими мальчишескими заботами (бросил коллекционировать марки, «баловство это», начал собирать литературу по воинским искусствам, заниматься спортом, разрабатывать колено), и тут выяснилось, что нога его вылечена!

Матвей с изумлением смотрел, как покрасневшийся парень почти бежит вприпрыжку впереди, еще не очень ловко владея ногой, забывая иногда, что хромать не надо.

– Ты? – кивнул Матвей на Стаса.

– Я, – опустила ресницы Кристина-Светлена. – Хирург там, в общем-то, не требовался.

Матвей вспомнил, как в прошлой жизни искал в Рязани хирурга, чтобы тот прооперировал мальчишку, и промолчал.

Всю вторую половину дня они провели вместе, по-семейному, соскучившись друг по другу и по атмосфере уютной домашней близости. Матвей искупался, Кристина накормила мужчин обедом, потом Стас показал свою «библиотеку» из десятка книг и двух десятков журналов и потребовал позаниматься с ним русбоем, что Матвей и сделал с удовольствием, обнаружив у себя вдруг талант учителя. Кристина наблюдала за ними с улыбкой в глазах, возня мужчин ей тоже доставляла удовольствие, и эта общность

эмоциональных полей связывала всех троих больше, чем родственные узы. Потом Стас уgomонился, искупался и, попив чаю, убежал на улицу, а они остались одни, по-новому приглядываясь друг к другу, стесняясь чего-то и словно ожидая ухода еще одного незримого свидетеля. Однако Кристина оказалась мудрей, не стала комплексовать по поводу приобретения своих новых знаний и качеств, подошла к Матвею, сидящему в кресле в халате, наклонилась над ним и заглянула в глаза. Лицо ее медленно приблизилось, заполнило собой все пространство, губы маняще раскрылись... Мгновение Матвей вглядывался в ее глаза, впитывая, как губка воду, поля желаний и открытости, вдыхая запахи радостного предчувствия, полной отдачи, любви и доверия, затем лавина собственных желаний и чувств прорвала плотину сдержанности и воли, хлынула в голову, вырвалась на свободу и встретила ответную лавину переживаний девушки...

Время застыло... а может быть, понеслось вскачь...

Он не помнил, что происходило дальше, растворяясь в любви и страсти, лишь отдельные моменты вспыхивали и гасли, как будто время разорвалось пунктиром, а промежутки между осознанием действительности заполнил жар крови, мучительное желание обладать и восторг обладания и больше ничего...

В конце концов он умер... и воскрес снова, чтобы продолжать падение в бездну тела Кристины, ласкать ее и получать такие же ласки в ответ... и опять умер, ощущая необыкновенный покой и умиротворение, понимая вдруг, что такого с ним никогда не было, что он ощутил и познал любовь не одной женщины, а двух, составляющих удивительным образом одну личность...

Кристина чувствовала то же самое, только острее, и готова была отдать себя всю без остатка, лишь бы любимому человеку было хорошо, душа ее излучала счастье и понимание, заботу и доброту, которую можно было пить, как воду из родника. Лишь однажды она вздрогнула, когда почувствовала в ауре партнера холодное шевеление чужой эмоции, не свойственной Матвею: «она лучше всех, кого я встречал...» Длилось это переживание ничтожную долю секунды, Кристина пропустила бы его и забыла в экстазе, но не пропустила и не забыла Светлана, отлично понявшая значение того, что произошло. Но говорить ему она ничего не стала.

Поднялась тихонько, принесла влажное полотенце и осторожно протерла его блестящее от пота тело, потом сварила кофе и села с подносом на кровать. Матвей открыл глаза, в которых мелькнул пронзительный ледяной огонек, улыбнулся.

– Надо же, я отключился!

– Ничего удивительного, – улыбнулась в ответ Кристина. – Пей кофе.

– А где Стас?

– У него друзья появились, тоже спортом интересуются, в подвале у них нечто вроде спортклуба. К ужину придет. Надеюсь, ты сегодня никуда не уйдешь... по делам?

Матвей выдержал ее испытующий взгляд, покачал головой.

– Сегодня нет.

– Как слетал?

– Нормально.

– Друга выручил?

– Его освободили, а Тарас должен был подстраховать. Постой, откуда ты знаешь о моей... командировке?

– Разве тебя не встретили... там, в Чечне?

– Кто?

– Твои друзья.

Матвей привстал на локтях, внимательно посмотрел на светящееся лицо девушки, снова отмечая в ней признаки присутствия Светлены.

– Ты была... в Рязани?

Кристина кивнула.

– Я просила твоих друзей помочь тебе... и они помогли.

– Они там были?!

– Ну конечно. Они вернулись вчера, звонил Вася. Иван Терентьевич и Уля уехали в Рязань, Вахид Тожиевич тоже здесь. Хотя он, кажется, решил больше не ввязываться в разборки с иерархами.

– Когда же они там появились? Почему я не почувствовал?

– Они все-таки Посвященные. Проникли во дворец, когда ты начал отступление сам, и отвлекли внимание пентарха.

– Они с ним?..

– Дрались и победили.

– Так вот почему меня никто не ловил по-настоящему... – Матвей откинулся на подушки, окинул покрасневшую Кристину отсутствующим взглядом. – Ты добила того, чего не смог добиться я... поздравляю. – Он спохватился. – Прости, я, кажется, не о том. Спасибо за помощь. Выходит, ты моя спасительница?

Кристина опустила глаза, поводила пальцем по глади подноса с кофейным прибором.

– Может быть, лучше их не трогать, Соболев?

– Кого? – усмехнулся Матвей.

– Иерархов, Монарха... кардиналов... всех.

– Ты же сама советовала мне действовать, пока Закон возмездия не ослаб совсем. – Матвей напоминал Кристине слова Светлены, уже не разделяя их обеих.

– Но, может быть, они оставят нас в покое, если мы откажемся от притязаний на трон Мастера Мастеров?

– Я никогда и не стремился к этому. Но они не оставят нас в покое, и ты это знаешь.

Глаза Кристины вспыхнули, когда она подняла их, полные слез, нежности, любви и теплоты, и Матвей невольно потянулся к ней, сбрасывая поднос с чашками на пол, но успевая подхватить каждую и не пролить при этом ни капли кофе...

* * *

Тарас Горшин отделился от группы раньше всех, сразу после посадки самолета в аэропорту Внуково. За ним, коротко попрощавшись со всеми, удалился в здание аэропорта Самандар, коему обстоятельству больше всех обрадовался Василий, хотя и не показал этого. Ему представилась возможность побыть с Ульяной и расспросить ее поподробней о задачах и целях Внутреннего Круга. Всю дорогу от аэропорта до Казанского вокзала Москвы, от которого отходили электрички и поезда на Рязань, они проговорили, не обращая внимания на корректно-молчаливого Парамонова, и в конце концов Василию начало казаться, что он и в самом деле знает Ульяну давно. Ему хотелось говорить с ней еще и еще, душа рвалась ехать с ней в

Рязань, но воля справилась с желанием, и Вася, проводив Посвященных, отправился домой.

Два часа он нежился в ванной, купался, грезил и дремал, держа в объятиях призрак Ульяны. Пообещал себе, что бы ни случилось, наведаться к ней в ближайшие дни, взять литературу, которую она пообещала дать почитать, и серьезно поговорить о Пути в Круг. Но сначала надо было завершить кое-какие дела здесь, в Москве, и Василий, от полного расслабления через медитацию и тренинг подойдя к нужной психофизической кондиции, позвонил генералу Первухину по кодовой сети.

Шел девятый час вечера, но генерал находился у себя в кабинете и ответил мгновенно:

– Балуев?! Живой?!

– Вашими молитвами, начальник, – насмешливо ответил Вася. – Не ждали?

– Да я уже комиссию создал для расследования инцидента в Грозном, несмотря на сопротивление Генриха, сам собирался туда лететь. Генрих обмолвился, что ты жив...

– Генрих – это Ельшин?

– К сожалению, группой командовал его человек.

– Ничего, я найду этого человека.

– Упаси тебя Бог! Если хочешь жить – не связывайся. Генрих начал заметать следы, и его пес уже ликвидировал трех членов группы.

Вася присвистнул.

– Быстро ориентируются ребята! Кого же майор Ибрагимов успел отправить на тот свет?

– Шмеля, Тамерлана и Кира.

– Лихо! Ну что ж, тем интереснее будет игра.

– Отставить, капитан! Я понимаю, что ты не боишься умереть, но они опаснее, чем ты себе представляешь, и если хочешь уцелеть – не трогай их.

– Как сказал один умный человек: «Я не боюсь умереть. Я просто не хочу при этом присутствовать». Не беспокойтесь, генерал, я поберегусь. А что, господин Шароев еще не послал ноту нашему президенту за вторжение в его суверенную Ичкерия, не воззвал к справедливости? Не испросил наши головы на заклятие?

– Президент Ичкерии болен, – сказал Первухин после недолгого молчания. – По слухам, у него были какие-то весьма непростые гости. Кстати, интересно было бы узнать, что за гости.

– Они ушли, судя по вашему тону?

– Не знаю. Все это непроверенные слухи. Давайте встретимся и обговорим наши проблемы не по телефону, капитан. Скажем, через час.

– Где обычно?

– Нет, почтовый ящик номер два.

– Буду. – Вася повесил трубку.

«Почтовым ящиком номер два» служила личная явочная квартира Первухина, располагавшаяся в шестнадцатиэтажном доме на углу Ленинградского и Головинского шоссе, недалеко от метро «Водный стадион».

Машины у Балужева своей не было, поэтому он тормознул частника и ровно в девять часов вечера вышел у дома номер пятьдесят шесть по Ленинградскому шоссе, за два дома до первухинского «ящика». Вычисление потенциального наблюдателя вошло уже в привычку, поэтому Вася не торопясь прошелся вдоль забора, за которым возводилось зеркальное здание какого-то банка, свернул на Головинское шоссе, остановился возле фруктово-овощной палатки и сделал вид, что приценивается к товару. Продавец, молодой мордатый верзила с небритой физиономией, на вопрос Васи: «Сколько стоит килограмм лимонов?» – буркнул нехотя: «Отвали, служивый, не килограммами же ты их ешь», – и Вася сразу насторожился. Только очень наметанный глаз мог определить в нем «служивого» – человека армии, только очень уверенный в себе профессионал мог так спокойно отгонять мешающего ему незнакомца, и только не заинтересованное в продаже товара лицо могло это себе позволить.

– А чо грубишь? – укоризненно покачал головой Василий, мгновенно прокачивая обстановку и замечая кое-какие детали, говорящие о нездоровом интересе продавца и еще некоторых граждан к дому номер три по Головинскому шоссе и к подъезжающим по этому адресу автомобилям.

– Может, у меня кислотная недостаточность, – продолжал валять ваньку Балужев, – и мне нужно съедать в день по килограмму лимонов.

А может, я ими торговать собираюсь. Так почему твои желтенькие, говоришь? Ценника не вижу.

— Да отвали ты, козел! — сдавленным шепотом проговорил продавец, впившись взглядом в подъехавшую черную «Волгу» и заметно напрягаясь. Впрочем, он тут же расслабился, потому что из машины вышла толстая мадам и поплыла к первому подъезду.

— Сам козел, — философски зевнул Василий, понимая, что мордатый, трое ругавшихся шоферюг у «девятки» с раскрытым капотом и двое «пожилых алкашей», разливающих водку под грибком на детской площадке в глубине двора, явно кого-то ждут. — Щас позову корешей, они из твоей поганой палатки бесплатный туалет сделают.

Продавец сунул было руку за отворот рабочего халата, прикрывающего наплечную кобуру, но опомнился и прошипел, чтобы не услышали редкие прохожие:

— Кровью умоешься, студент, если не сгинешь!

— Батюшки-светы, — покачал сочувственно головой Василий, — это что же они с тобой сделали?

— Кто, что? — опешил продавец.

— Что-что, «опустили», наверно. Я же вижу, человек не в себе: такой молодой, красивый, а уже использованный.

Верзила побелел, буквально испепеляя наглого покупателя бешеным взглядом, и Вася вынужден был ласково хлопнуть его по плечу.

— Да успокойся ты, дохляк, я уже ухожу. — Добавил, понизив голос, когда продавец, икнув, сел на подогнувшихся ногах на перевернутый ящик: — Кого пасете, «федепасы»? Не генерала случайно?

Глаза мордатого готовы были вылезти из орбит, но сказать он ничего не мог, касание Васи не усыпило его сквозь одежду, но привело в состояние нокдауна.

В это время к дому подъехала еще одна «Волга», из которой вышел Первухин, и Вася понял, что засеченная им спецгруппа действительно ждет генерала. Во всяком случае, все ее члены сразу начали вести себя по-другому. Василий набрал в грудь воздуха, собираясь брать темп и начать контрдвижение, когда на плечо ему легла твердая и сильная ладонь.

— Не спеши, капитан!

Вася змеиным движением вывернулся, в повороте наметил удар локтем и... едва успел остановить удар, узрев перед собой невозмутимое лицо Тараса Горшина.

– Мать твою!.. Я же мог тебя...

– Спокойно, улыбайся, на нас смотрят... не мог ты ничего. Пошли в машину.

– Эти пришли за генералом, надо помочь...

– Эти пришли за тобой, просто я здесь обосновался раньше и сбиваю их внимание. Поэтому они тебя как бы не видят, но место здесь грязное, кто-то наблюдает за двором издали, очень неприятный человек и не совсем обычный, так что нам лучше побыстрее убраться отсюда.

Вася думал мгновение, оглянулся на неторопливо идущего к подъезду генерала Первухина в сопровождении двух телохранителей, посмотрел на «продавца» с вытаращенными глазами, сделал ему ручкой и сел рядом с Тарасом в стоящую неподалеку бежевую «Ниву».

– Откуда ты узнал, что я буду здесь?

– От верблюда, – хмыкнул Тарас.

– Понятно. – Вася помолчал, пока машина сворачивала с Головинского шоссе на улицу Адмирала Макарова. – А откуда коллеги узнали о моем предполагаемом появлении?

– Оттуда же. Телефоны Первухина прослушиваются, Ельшин знает почти о каждом его шаге.

– Кто меня хотел взять и зачем?

– Зачем – понятно даже и ежу, ты свидетель, как были свидетелями Шмель, Тамерлан и Кир, а кто – мог бы и сам догадаться.

– Ибрагимов.

Горшин увеличил скорость, глянул в зеркальце заднего обзора.

– Будь очень осторожен с непосредственными контактами, ганфайтер, особенно со своим начальством. На тебя началась охота, а Первухин вряд ли сможет защитить, даже если захочет.

– Не сможет – научим, не захочет – заставим, – пробормотал Вася, несколько перефразировав поговорку.

– Ты такой крутой? – иронически посмотрел на пассажира Горшин. – Или просто злой?

– Злым я бываю очень редко, – вздохнул Василий. – Впрочем, добрым тоже. Столько всего во мне намешано, что самому иногда

разобраться трудно. А как с этим у Посвященных?

– Примерно так же. Это просто мне повезло меньше, я человек твердых принципов и правил и коней на переправе не меняю вот уже две сотни лет.

– Это что же, – изумленно глянул на соседа Вася, – ты так долго живешь?!

– Не только я, все Посвященные. Чем выше степень Посвящения, тем дольше может сохранять свой биологический возраст человек Круга. Мне двести двенадцать лет.

– Еще один Горец! – фыркнул Василий, с удовольствием когда-то в детстве смотревший известный телесериал. – Дункан Маклауд. Чтобы убить вас – тоже надо голову сечь?

Горшин улыбнулся.

– Много будешь знать, скоро состаришься. Сколько, на твой взгляд, лет Парамонову?

– Ивану Терентьевичу? Лет пятьдесят.

– Сто с лишним. А Ульяне, между прочим, за тридцать.

– Чего?! – Вася ошеломленно глянул на профиль Тараса. – Шутишь?

– Не веришь? – Горшин с насмешливым сочувствием похлопал по колену Балуюева. – Если сможешь избрать верный Путь в Круг, станешь таким же, а задатки у тебя есть.

– Спасибо, – пробормотал не сразу пришедший в себя Василий, считавший, что Ульяне лет двадцать, не больше. – А сколько же тогда Соболеву?

– А вот с ним дело обстоит сложнее, он твой ровесник, – сказал Тарас. – Возраст в данном случае ничего не значит, так как он – потенциальный аватара.

– Если бы Соболев был аватарой, он не ошибся бы с оценкой мощи пентарха и чеченских кардиналов. Зачем он вообще полез меня спасать? Чтобы показать, насколько я слаб, а он силен?

– Возможно, когда он завершит цикл необходимости аватары, то перестанет ошибаться. А насчет оценок «сильный – слабый» ты ошибаешься. Сильный должен помогать не слабому, а сильному! Слабые уже давно научились объединяться... в стаи... и способны не только защищаться, но и успешно навязывать свою волю.

– Это ты говоришь не о слабых, а об умных.

– Пусть будет по-твоему, спорщик. Сам-то ты к какой категории относишься?

– Умных, – подумав, ответил Василий, – и сильных.

Тарас засмеялся.

– Да уж, ты не человек стаи. Интересно даже, кто был твоим предком, явно не таракан.

– Я и забыл, что мы потомки насекомых. Формулу про сильных и слабых ты сам придумал?

– А что?

– Мысль оригинальная, я под таким углом нашу действительность не рассматривал. Куда мы едем?

– Уже приехали. – Горшин свернул с Варшавского шоссе в Нагорный проезд, остановился у аптеки. – Здесь живет Соболев.

– А если его нет дома?

Тарас не ответил, вылезая, и Вася понял, что сморозил глупость. Посвященные уровня Горшина и Соболева вполне могли общаться телепатически... или как-нибудь еще.

– Или как-нибудь еще, – покосился на пассажира Горшин, прочитав его мысль. Закрыв машину, пошел вперед.

Вася задумчиво посмотрел ему вслед и дал себе клятву, что уж этот-то фокус с чтением мыслей он освоит во что бы то ни стало. В крайнем случае научится наглухо блокировать свои.

Глава 23

СОН – ЯВЬ

Его настигли у Великой Белой Стены – границы владений Гриллотальпидов, «сверчков разумных», два десятка всадников на шестиногах, отряд второй ветви гоминидов, полулюдей-полугиен, охотившихся на людей-львов с бессмысленной жестокостью, неспособных понять, что они – братья по рождению. Предок Матвея, в чьем теле он оказался в этом сне-путешествии в прошлое, уже встречался, очевидно, с «инсектогиенами», поэтому готовился к бою основательно, Матвей же видел их впервые и с интересом разглядывал волосатые торсы, едва прикрытые какими-то фартуками, вытянутые вперед хищные морды с горящими красными глазами, мощные медвежьи когтистые лапы, с трудом управляющие поводьями. Вооружены «гиенолюди» были знакомыми копьями со сверкающими наконечниками и какими-то хитрыми устройствами в виде арбалетов, только металы эти «арбалеты» не стрелы, а изогнутые в форме полумесяца пластины. Один из «гиенолюдей» еще в ста шагах от Матвея выстрелил из своего «арбалета», и вращающаяся, как пропеллер, пластина, выписав ломаную траекторию, прожужжала в метре от предка Соболева и врезалась в Белую Стену, проделав в ней глубокий шрам.

Пока предок готовился к бою, Матвей осмотрел Стену, сложенную из белых шестигранных кирпичей, прикинул ее высоту – около двадцати метров, если не больше, и понял, что предку-разведчику придется туго. Перепрыгнуть Стену на шестиноге или перелезть ее – гладкую, без выступов – не представлялось возможным. Но поскольку появление Матвея Соболева на свет миллионы лет спустя состоялось, значит, предок его убит не был, и Матвей с любопытством ждал, что произойдет.

Ожидание длилось недолго. «Гиенолюди» – небольшая популяция измененных мокриц, попавших под удар-трансформацию Монарха случайно, начали атаку, и в это время в полусотне шагов от Матвея с грохотом рухнул участок Стены и в образовавшуюся брешь вылезло кошмарное существо, сочетавшее в себе черты сверчка, медведки и

современных Соболеву военных машин. Он никогда прежде не видел представителя Гриллотальпидов разумных, но сразу узнал в десятиметровом панцирно-членистотелом, отсвечивающем металлом и золотистым шелком чудовище Гриллотальпида.

«Гиенолюди» замерли, прекратив атаку, один из них было метнул в нового врага копье, но Гриллотальпид, казавшийся неповоротливым бронеходом, внезапно прыгнул вперед, выпустил струю бурлящего сизого дыма, накрывшую половину отряда «гиенолюдей», и остальные с воем помчались прочь. Когда дым растаял, взору Матвея предстали те же неподвижно застывшие «гиенолюди» на шестиногих «конях», но потерявшие цвет, ставшие серыми, одноцветными, будто изваянными из цемента. Вполне могло быть, что они действительно окаменели.

Гриллотальпид неуклюже развернулся и уставился на предка Соболева двумя черными выпуклыми полушариями глаз, венчавшими бугор головы. Предок уже готов был атаковать его из арбалета стрелой со светящимся голубым наконечником, но Матвей его остановил, завладев сознанием.

«Спасибо», – мысленно произнес он.

«Не за что», – раздался в его голове свистящий шепот.

Матвей не удивился ответу, он уже привык встречать в своих снах «проекции» тех или иных многомерных существ, иерархов или адептов Круга, и ждал новых контактов.

«Кто вы?»

«Если я скажу – пентарх, ты согласишься?»

«Почему бы и нет? – сказал Матвей равнодушно, хотя у него засосало под ложечкой. Наткнуться в прошлом на авешу пентарха Удди он хотел меньше всего. – Зачем я понадобился вам снова? Разве мы не до конца выяснили отношения – там, в резиденции Шароева?»

«Тебе не стоило менять Путь ИО на Путь ИНО, – прошептал Гриллотальпид, причем понятия ИО и ИНО Матвей воспринял не как мыслеобразы, а как речевые, вернее, буквенные изображения: алые буквы на черном фоне. – Даже твой двойной покровитель-инфарх Светлена не всегда способна дать добрый совет».

Матвей понял: его собеседник имел в виду Пути Избегающего Опасности и Идущего Навстречу Опасности.

«Вы ошибаетесь, Удди. Путь ИНО – Путь Воина я закончил. Просто пытаюсь реализовать закон невмешательства, что возможно

только на базе физического действия. А действие предполагает известную долю насилия, особенно если это касается борьбы со злом».

«Ты все еще веришь в победу добра над злом? В вашей «запрещенной реальности»?»

«Как в категорию этики глобального масштаба».

«Ответ идеалиста. Исход борьбы добра со злом часто зависит от позиций судьи. Хочешь стать судьей?»

«Нет».

«Тогда прощай. Я не ожидал, что ты будешь столь неосторожен и рискнешь еще на одно транспутешествие, но все-таки ждал тебя во всех узлах пересечения мировых линий твоих предков с моими. Правда, я подстраховал себя и на случай, если ты больше не пойдешь «вниз» по своей родовой линии. А теперь...»

Мысль пентарха, воспринимаемая сознанием Матвея, вдруг исчезла. Гриллотальпид резко приподнял верхнюю часть бронированного туловища, глядя в небо, и в то же мгновение в него вонзилась ярчайшая зеленая молния неведомого разряда, буквально расплескавшая тело «разумной медведки» на жидкие брызги.

Предок Матвея натянул поводья, удерживая заплясавшего под ним шестиного, глянул вверх, и Матвей увидел над Белой Стеной золотом просиявшую точку. Высоко в небе кружил еще один уцелевший Инсект, колеоптер – жук разумный.

«Возвращайся, безумец, – раздался в ушах Матвея гулкий, хрипящий бас. – Разве тебя не предупреждали, что путешествовать в прошлое без сопровождающих опасно?»

«Предупреждали», – признался Матвей.

«Так что же ты здесь ищешь? Хочешь остаться в прошлом навсегда?»

«Нет».

«Тогда я тебя не понимаю, идущий».

«Кто вы?»

«Разве это так важно? Идешь – иди, но не задерживайся на выяснении ложных истин. Знания Бездн тебе не помогут стать тем, кем ты можешь стать. Не ищи их ни в прошлом, ни в будущем, ищи в себе. Преодолеешь ощущение отдельности своего «я» от Вселенной, станешь единым с ней – получишь Знания Бездн без всякого напряжения».

«Я не ищу Знания Бездн».

«Тогда зачем ты колеблешь свою мировую линию, а заодно и реальность? Что хочешь узнать, открыть, изменить?»

«Я ищу следы Безусловно Первого и хочу с ним пообщаться».

Обладатель гулкого хриплого баса засмеялся.

«А он захочет с тобой пообщаться? Кто ты для него? Человеческая пылинка, пытающаяся ценой проб и ошибок осознать предельную реальность Мироздания. Он же – Творец, от голоса которого, образно говоря, гаснут слои-миры «розы реальностей». Что ты можешь ему предложить? Что хочешь получить взамен?»

«Тхабс».[\[27\]](#)

«Ищи его сам. Ты однажды уже изменил реальность, но над тобой все равно довлеет карма риска, ниен лас[\[28\]](#) – так говорят ламаисты Тибета. Ты хорошо обдумал свое решение пройти в другие слои «розы»? Правильно оценил свои силы?»

«Не знаю. Но если я не смогу прекратить вмешательство иерархов и первосуществ в нашу реальность, я все равно буду искать Безусловно Первого. Не подскажете, где его можно найти?»

«Я свободен, однако не настолько, чтобы разглашать Тайны, мне не принадлежащие. Ищи Материнскую реальность. Там определишь, стоит ли идти дальше».

«Вы проговорились о какой-то предельной реальности Мироздания... это она и есть – Материнская реальность?»

«Предельная реальность Мира – небытие. Прощай, нерожденный, и берегись!»

Шепот в ушах Матвея прекратился, и он вдруг, холодея, понял, что разговаривал с Конкере, Монархом Тьмы!

Золотистая точка в небе над головой сделала круг, спикировала на Великую Белую Стену государства Гриллотальпидов, так что конь под всадником-предком Матвея снова затанцевал, блеснули отливающие изумрудной шелковой зеленью надкрылки, фасетчатые глаза, металлические на вид многогранные пластины и сегменты брюха coleoptera, и разумный жук исчез за Стеной. Удалось и смолкло басовитое жужжание, наступила тишина. Потом всадник тронул «коня», а Матвей нырнул в «лифт» трансперсонального скольжения в будущее и вскоре выплыл в своем теле, раскинувшемся на кровати во сне, может быть, более глубоком, чем смерть. Открыл глаза и

наткнулся на взгляд Кристины, сидящей у его ног в позе лотоса в одном пеньюаре.

Мгновение они вглядывались друг в друга, словно ожидая взаимных упреков, потом девушка улыбнулась и тихо спросила:

– Снова был там?

– В последний раз! – поклялся Матвей, не уверенный в правдивости своих слов.

– Тебя же предупреждала Светлана: туда ходить опасно...

– Ты сегодня одна?

Кристина перестала улыбаться.

– А ты хотел бы, чтобы она во мне присутствовала все время?

– Только если этого хочешь ты. – Он привлек ее к себе, девушка не сопротивлялась, ответила на поцелуй и закончилось это взрывом страсти, в котором растворились оба, получая ни с чем не сравнимое удовольствие и блаженство.

– Который час? – расслабленно поинтересовался Матвей, зная время и без часов; ему показалось, что в момент наивысшего наслаждения он снова владеет двумя женщинами сразу, причем Светлана пытается проникнуть в его подсознание, но миг понимания происходящего промелькнул слишком быстро, а ласки Кристины были слишком горячи и желанны, чтобы думать о чем-либо другом.

– Шесть, – ответила девушка, исчезая в ванной; этой ночью они были одни, Стас ночевал у бабушки.

– С кем ты встречался сегодня? – прилетел ее голос сквозь плеск водяных струй душа.

– С двумя врагами, – ответил Матвей. – Один хотел меня убить, другой спас.

Кристина вышла из ванной голая и мокрая, но застеснялась и спряталась обратно, появилась уже в халате. Глаза ее были строгими и прятали тень страха.

– Кто хотел убить?

– Удди.

– Пентарх?! Как он тебя нашел?

– Оказывается, наши с ним мировые линии пересекаются довольно часто в прошлом. Я так подозреваю, что один из его предков не был прямым потомком Блаттоптера, то есть мои предки воевали с его.

– Это вполне допустимо. А кто же тогда тебя спас?

– Монарх.

– Конкере?! – Глаза девушки распахнулись шире, полные изумления и недоверия.

– Я и сам в это не верю, – улыбнулся Матвей. – Но это был он, мой заклятый непредсказуемый друг. Ты уже искупалась?

– Не успела, ты меня шокировал.

– Тогда идем вместе.

Купание вдвоем закончилось на полчаса позже, чем если бы они купались поодиночке, но все же в семь утра они уже завтракали: овсянка, фрукты – киви и дольки ананаса, чай с вареньем из фейхоа.

– Каков план на день? – спросила Кристина.

– План прост... – начал Матвей и не договорил, в дверь позвонили. Вызвав состояние меоза, он ощупал лестничную площадку, лифт, лестницу, весь дом, опасного шевеления не обнаружил, открыл дверь и впустил запыхавшегося, взъерошенного, хмурого Стаса.

– Что случилось? От кого бежал?

– Стасик?! – появилась в прихожей Кристина. – Ты что, через всю Москву бегом бежал?

Мальчишка бросил на нее свой «фирменный» – исподлобья – взгляд, серьезно посмотрел на Матвея и сказал:

– Можно я у вас буду жить? Я не буду мешать, честное слово!

– Что произошло? – мягко спросил Матвей.

– Отец снова пьяный пришел... под утро, – нехотя сказал Стас, отвернулся, в глазах его набухли слезы, но он все же сдержал их. – Бабулю ударил, денег требовал...

Матвей заметил на шее мальчика лиловые полосы, переглянулся с Кристиной, подтолкнул его к ванной.

– Умойся, позавтракаешь с нами, потом поговорим.

За завтраком Стас отошел, повеселел, разговорился и в комнату, которую занимал до этого, считая ее своей, убежал уже в хорошем настроении.

– Ну и что будем делать? – тихо спросила Кристина.

– Пусть поживет пока с нами, – пожал плечами Матвей. – Позже я схожу к ним и поговорю с отцом. Думаю, пить он бросит.

Кристина улыбнулась и вздрогнула от телефонного звонка.

– Кто это в такую рань? Что-то сегодня утро началось слишком бурно, ты не находишь?

Матвей снял трубку. Звонил генерал Дикой:

– Капитан, вам надлежит явиться по вопросу прописки. Как поняли?

Фраза означала: «Пора менять «крышу» по варианту один».

– Когда?

– Срочно. Встретимся во втором жэке.

А эта условная фраза переводилась как: «Встретимся на явке по варианту два».

– Что произошло, Валентин Анатольевич?

– Убит Панов, полковник Ивакин в реанимации. Жду.

В трубке запиликали гудки отбоя, а у Матвея сердце сжалось в предчувствии непоправимой беды.

– Что? – подошла к нему Кристина, кладя руку на плечо. – Ты в лице изменился.

– Не успел, – глухо ответил Матвей, думая о своем, все еще вслушиваясь в гудки.

– Что не успел?!

Матвей очнулся.

– Ивакин ранен... Ты была права, действовать надо гораздо резвей, начинается обвал закона... я начинаю не успевать за событиями, хотя и знаю, что произойдет.

Он быстро собрался, переоделся в бежевый летний костюм с галстуком, превративший его в «нового русского», чмокнул в щеку Кристину, наблюдавшую за его сборами, и уже на пороге сказал:

– Буду к вечеру, без меня ужин не начинать.

Он исчез за дверью, а Кристина, прошептав молитву, перекрестила дверь и его след.

* * *

Секретная явочная квартира военной контрразведки располагалась неподалеку от дома, где жил Матвей, на Варшавском шоссе, напротив магазина-клуба «Стожары», так что он отправился туда пешком. Еще на подходе нырнул в меоз и сразу отметил

нездоровую атмосферу того конкретного двора, куда хотел попасть. Присел на скамеечку возле шеренги пыльных тополей, где грелись на солнышке две сурового вида старухи, сделал вид, что читает газету, и осмотрелся.

Двор как двор: три девятиэтажки, двухэтажный барак в центре, приспособленный под жэк, детская площадка с кучей свежего песка и с двумя сломанными качелями, турник, газончик, вереницы машин вдоль всех домов, две из них, «Газель» и «Бурлак», стоят у служебного входа в продуктовый магазин. Народу не много: две старухи, две мамы и молодой папаша с колясками, школьник, пытающийся поймать кошку, пара-тройка водителей, дворники, убирающие мусор у подъездов, деловые люди в костюмах и с портфелями, несколько пассажиров в салонах машин. Тишина и спокойствие, никакой суеты, никакой подозрительной возни и любопытствующих взглядов. И тем не менее двор явно находился под наблюдением, причем основной поток внимания отмечался именно к тому подъезду, в какой нужно было попасть Соболеву.

Матвей еще раз внимательно прошелся внутренним взором по территории двора, определил наблюдателей (двое – в окнах третьего и четвертого этажей домов напротив, двое – в машинах), оперативников группы захвата («деловые люди» с портфелями, «дворники», молодая пара с коляской, еще несколько человек внутри подъездов), по стилю поведения вычислил контору – отделение «Руслан» или «Стикс» ФСБ и понял, что ребята ждут его. А может быть, и обоих – Соболева и Дикого. Но поскольку со времени звонка генерала прошло всего полчаса и ни одна спецкоманда так быстро добраться сюда не могла, даже если телефон Дикого прослушивался, Матвей сделал вывод, что явочная квартира «засвечена» давно, по крайней мере два-три дня, и взялись за «Смерш» крепко. Не по нутру пришлась Ельшину возня военных контрразведчиков вокруг его людей.

Взвизгнули шины, во двор въехал «Форд» генерала, остановился у подъезда. Из него вышли неторопливые с виду молодые парни в светлых костюмах, оглядели двор, один из них вошел в подъезд, за ним двинулся и Дикой в белой рубашке, закинув за спину пиджак: несмотря на утро, было уже довольно жарко.

Матвей выругался про себя. Ему надо было среагировать раньше и попытаться перехватить генерала еще на шоссе, но теперь

приходилось принимать те условия, которые диктовались спецгруппой захвата. Подождав, пока Валентин Анатольевич и его охрана скроются в подъезде, Матвей увеличил мощность своего «пси-прожектора», воздействующего на сознание всех подозрительных лиц в радиусе полста метров, и начал движение.

Никто не видел, как он шел по двору и входил в подъезд. Вернее, видели все, но внимание их в это время было отвлечено, хотя вряд ли кто-нибудь из наблюдателей и оперов мог сказать – чем. В подъезде Матвей усыпил «дворника», чересчур старательно елозившего тряпкой по ступенькам лестницы, затем двух «сантехников», делавших вид, что они меняют батарею на втором этаже.

В квартиру, где встречались агенты военной контрразведки, можно было попасть только через длинный коридор с десятком дверей, принадлежащих жилищно-эксплуатационной службе района. Функционировать служба начинала с девяти утра, и в данный момент все двери были закрыты и народу в коридоре не было. Лишь у нужной двери с табличкой «Котлонадзор. Посторонним вход воспрещен» и пуловым замком курили охранники Дикого.

Чувствуя, что времени остается мало, Матвей подошел к ним так быстро, что увидели они его в последний момент, схватились за оружие, но тут же расслабились, увидев протянутое удостоверение.

– Вас ждут, – кивнул на дверь рослый блондин.

– Вас тоже, – кивнул назад Матвей. – Выгляните на площадку, я нейтрализовал троих внизу и двух «сантехников». Вызывайте подмогу. Начнется атака – стреляйте, но не на поражение, это спецгруппа «Руслан», ребята не в курсе, против кого работают. Понятно?

– Но... – заикнулся блондин.

– Мы уйдем другим путем. Выполняйте!

Матвей встал перед дверью явочной квартиры, оборудованной телекамерой и компьютерной системой охраны, и она тотчас же приотворилась. Дикой ждал его в прихожей в рубашке и без галстука, костюм он повесил на стул.

– Вам не кажется, капитан...

– Не кажется, – прервал его Матвей не совсем вежливо. – Дом окружен, работают профи из родственной конторы, скорее всего личная гвардия Ельшина. Телефон ваш прослушивается, но, судя по

всему, группа здесь ждет вас... и меня, очевидно, давненько. Так что будем делать ноги, как говорят в Одессе.

– Вы уверены? – подобрался генерал без малейшей паники в глазах, и Матвей с уважением подумал, что слухи о спецподготовке Дикого, наверное, вовсе не слухи, реагировал он на опасность как воин.

– Пока ваши телохраны будут держать коридор, мы уйдем черным ходом в другой подъезд. Открывайте «аварийный выход».

Валентин Анатольевич прошел в гостиную, где стоял компьютер охраны и связи, ввел программу защиты, а когда дверь запасного выхода разблокировалась, сжег компьютер специальной программой самоуничтожения. Надел костюм, сунул в карман штатный «макаров».

– Я готов.

– Пойдете за мной, будете действовать по обстоятельствам, но попробуйте обойтись без стрельбы.

– Само собой, – кивнул генерал.

Матвей снова перешел на гиперзрение меоза, мысленно прощупал пространство подъезда с этой стороны квартиры, определил уплотнения угрозы и выскользнул за дверь.

Видимо, руководители операции по захвату «смершевцев» знали об особенностях явочной квартиры, потому что у второго выхода тоже поставили трех оперативников, готовых встретить предполагаемых беглецов. Но им не повезло с противником. Матвей вышел в темпе, так что глаза ребят практически не успевали реагировать на его движения, и в течение секунды усыпил всех троих уколами по системе ТУК. Когда на площадке появился Дикой, выход был уже свободен.

Валентин Анатольевич глянул на лежащие тела, потом на невозмутимое лицо замершего с пальцем у губ Соболева, поднял вверх большой палец. Спросил глазами: куда?

Матвей ткнул кулаком вниз и бесшумно сбежал на первый этаж, где таким же манером успокоил еще двух скучающих бугаев группы поддержки с бронежилетами под костюмами. Прислушался к шуму во дворе и позвонил в квартиру, окна которой выходили не во двор, а на шоссе. Дверь открыла средних лет женщина, одетая, несмотря на жару, в кофту поверх халата, однако спросить ничего не успела, Матвей послал ей раппорт подавления воли и тихо сказал:

– Не волнуйтесь, пройдите в спальню и отдохните.

Женщина молча повернулась и прошла в дом. За ней вошел Дикой, потом Соболев запер дверь.

Квартира была двухкомнатной, и кроме женщины в кофте в ней находилась еще и старушка, вероятно, ее мать. «Уговорить» ее не волноваться не составило труда, старуха уснула буквально на пути в спальню.

Матвей выглянул в окно, сосредоточился, определяя источники опасности снаружи, вычислил наблюдателя, а также дежурную машину опергруппы захвата у трамвайных путей, повернулся к спокойно стоящему сзади генералу:

– Валентин Анатольевич, я уже жалею, что дал вам столь тяжелый пакет информации...

– А я жалею, что взял его, – без улыбки ответил Дикой. – Но машина следствия запущена и отступать поздно, да и не в моих правилах.

– У Ельшина больше возможностей, на него работает весь «Купол» и... кое-кто еще...

– Ваш Монарх?

– Монарх, но не мой. Он вас живым не выпустит. Как случилось, что Борис Иванович в реанимации?

– Прямо среди бела дня вошли в квартиру Ивана Сергеевича, убили жену, его самого и тяжело ранили Бориса. Кто – не знаю, но подозреваю...

– Это «Стикс», профи Ибрагимова. Я им займусь в скором времени, а вы пока поберегитесь. Окружите себя командой помощней. И учтите: наши враги вполне способны применить против нас то, что они похитили, – «глушаки» и «болевики», а против этого оружия бессильны и бронежилеты, и охрана.

– Спасибо за заботу, капитан. Вы действительно мастер, каких мало, судя по тому, как легко мы прорвались. Как говорил Тютчев: «Счастлив в наш век, кому победа далась не кровью, а умом». Как мы с вами свяжемся?

– Понадоблюсь, звоните вот по этому телефону, – Матвей продиктовал номер Горшина, – но не из кабинета. Может быть, мы еще сможем обезвредить Генриха Герхардовича и развалить его «Купол». Вылезайте в окно, как только я подойду к машине опергруппы. Серый «Плимут» видите?

— А вы как же?

— За меня не беспокойтесь. — Матвей улыбнулся, пожал генералу руку и первым выпрыгнул в окно.

Глава 24

«ЧЕРНЫЙ ФАЙЛ»

Весь вечер и полночи Василий и Тарас Горшин, удобно расположившись в доме Тараса, посвятили изучению дачи Ельшина и подходов к ней.

Поместье, принадлежащее генералу и называемое дачей, не находилось на балансе ФСБ, но строили его военные специалисты по особому проекту, разработанному еще конструкторами КГБ, и предназначалось оно одному из партсекретарей, планировавшему стать преемником Горбачева. Потом его передали в ФСК, засекретили, предшественник Ельшина успел полгода попользоваться комфортом и сгинул, и дача досталась Генриху Герхардовичу «в наследство» благодаря его связям, напористости и энергии на поприще борьбы с терроризмом.

На территории поместья располагалось шесть строений, в том числе собственно трехэтажный особняк площадью в девятьсот восемьдесят квадратных метров. Особняк состоял из двадцати шести помещений, в том числе шести спален, двух разнокалиберных кабинетов, библиотеки, бара, музыкального зала, бильярдной комнаты, обширной гостиной с кино- и телепроекторной аппаратурой и холла, где можно было свободно устраивать конкурсы бальных танцев. Кроме надземных особняк имел и подземные помещения, среди них – подвал, охраняемый с особой тщательностью, потому что в нем находились склад, тир, оружейные комнаты, боксы со спецснаряжением, три камеры, в которых можно было содержать до двух десятков человек, и помещение «01» – камера допросов и пыток. Кроме того, присутствовал лифт в шахту с выходом на подземную станцию специального метро, а о наличии еще одного помещения не имели понятия даже особо приближенные к генералу (как по линии ФСБ, так и по линии «Купола»). Строители же, которые создавали это помещение с уникальной системой подъема-спуска, давно канули в небытие.

На территории дачи, окруженной высоким бетонным забором с двумя рядами колючей проволоки, находились бассейн, обложенный

мраморными плитами, бейсбольное поле и теннисный корт. Охранялось же все это хозяйство не хуже, чем известное здание на Лубянке, хотя со стороны нельзя было увидеть ни одного охранника. Все они находились в четырех спецбункерах по периметру дачи и могли по сигналу наблюдателей появиться в нужном месте в считанные секунды.

Кроме наблюдателей, имеющих телемониторы и около трех десятков телекамер, просматривающих каждый метр территории дачи, мощная компьютерная система контролировала работу трех электронных поясов с аппаратурой, позволявшей оценить обстановку по изменению электромагнитных и гравитационных полей, а также по инфракрасному излучению передвигающихся объектов. Поэтому проникнуть на дачу Генриха Герхардовича не смог бы незаметно и крот под землей.

Огневая же мощь охраны, вооруженной самым современным оружием, в том числе огнеметами и переносными зенитно-ракетными комплексами «зевс», едва ли не равнялась огневой мощи полка.

– М-да! – почесал затылок Василий, когда они закончили изучение дачи. – Поверху не пройти. Как говорится, где сядешь, там и слезешь. Они отобьют даже вертолетную атаку с десантом. А нам надо проникнуть сюда. – Он ткнул пальцем в карту, нарисованную Соболевым. Палец уперся в спальню генерала на третьем этаже, из которой спецлифт и опускался под землю в спецбункер с компьютером «Шайенн». – Ну и как наш приятель собирается туда попасть? На танке? Так сожгут же, черти!

– Метро, – коротко ответил Тарас, давно оценивший предложение Матвея и возможности скрытого подхода к даче. – Эту ветку строили лет двадцать назад, и о ее существовании не знает даже директор ФСБ.

– А откуда знает Ельшин?

– Об этом лучше спросить у него. Кстати, под его дачей расположен один из МИРов, что весьма меня интригует.

– Каких миров? – не понял Василий.

– МИР – это аббревиатура слов «модуль иной реальности». Разве Соболев тебе не рассказывал?

– Я не сразу врубился. Но ведь доступ в эти ваши МИРы перекрыт? Или ты можешь пройти другим путем?

– Другого пути не существует, только под землей.

– Соболев говорил еще об одном МИРе, якобы расположенном под Зачатьевским монастырем.

– МИРов много, практически под каждым городом сохранилось по одному-два, а под Москвой вообще десяток.

– Почему они расположены именно под городами?

– Под древними монастырями, храмами, церквями, замками и так далее. Дело в том, что строились и те, и другие в узлах геомагнитной решетки, синхронизирующей жизнь Земли как планетарного организма, а древние зодчие каким-то образом могли угадывать эти узлы и строили храмы поверху, не зная, что в недрах прячутся храмы предков – Инсектов.

– Здорово! – сказал заинтересованный Василий. – Вот бы посмотреть!

– Увидишь еще, – хмыкнул Тарас.

– Ты видел?

– Не один раз.

– Зачем же еще раз тебе туда спускаться? Хочешь найти что-нибудь полезное? Ценности? Золото, камни?

Горшин окинул Балуюева скептическим взглядом.

– Ценности, только иного плана. О Великих Вещах Абсолюта Соболев тебе ничего не говорил?

– Намекал что-то, но я не расспрашивал подробности. Что еще за великие вещи такие?

– Своеобразные аппараты, машины и сооружения, созданные когда-то очень давно Аморфами и Инсектами. Некоторые из них не потеряли работоспособности и по сей день.

– Здорово! – снова сказал Вася, загоревшимися глазами глядя на безмятежно-спокойное лицо Горшина. – Расскажешь?

– Позже. Пора спать. Утром придет Соболев, и мы отправимся в гости к генералу Ельшину.

– Может, позанимаемся ТУК?

– Чем? – не понял Тарас.

Василий прикусил язык, вдруг подумав, что Соболев мог и не делиться с Горшиным секретами древней боевой системы смертельного и усыпляющего касания. Проямлил:

– Я имел в виду тренинг универсального комплекса.

– Мы в разных весовых категориях, – отказался Тарас.

– Это еще почему? – поднял брови Василий.

– Потому что я прошел твою воинскую базу еще сто лет назад. Не обижайся, ганфайтер, но достойных противников у меня в нашей «запрещенной реальности» не существует.

– Даже Соболев? – прищурился Вася.

Тарас задумался, потом все же нашел мужество ответить:

– Разве что он.

Спать легли в начале четвертого, а встали в полседьмого, когда в доме появился Матвей, свободно миновавший защитные системы горшинской хаты. Тарас уже однажды был свидетелем демонстрации возможностей контрразведчика, поэтому не удивился, хотя вряд ли испытывал положительные эмоции, а вот Василий, понимавший толк в электронных системах защиты, смотрел на Соболева как на фокусника.

– Может, ты и в банк так тихо способен залезть? – спросил он, одеваясь.

– Не пробовал, – равнодушно ответил Матвей. – Наверное, могу. Подготовили, что я просил?

Василий затянул ремень брюк, сходил в сени, принес объемистую сумку, дернул «молнию», открывая.

– Наборы Н-1 к вашим услугам.

В сумке, аккуратно сложенные, лежали три комплекта одежды ниндзя – черные комбинезоны, не стесняющие движений, с маскшاپочками, оставляющими открытыми глаза, рот и уши, а также приборы ночного видения и оружие: метательные звезды и стрелки – сякэны и сюрикэны, кагинавы – кошки, метательные ножи – бянъдао, наборы сай, арбалет и пистолеты – девятимиллиметровые «вёрёши» с магазинами на тридцать четыре патрона.

– Это лишнее. – Матвей вынул из сумки пистолеты. – Никакой стрельбы, пойдем «холодными».

– Как скажете, – пожал плечами Вася. – Где мы попадем в метро, которое ведет к даче генерала?

– Полчаса езды отсюда. Тарас, поедем на твоём «Понтиаке», если не возражаешь.

– Как скажете, – дернул уголок губ Горшин. – Однако неплохо было бы перед походом узнать план действий.

– План очень прост. Едем к шахте, спускающейся к метро, добираемся до станции под дачей Ельшина, мочим всех, кто

попадает на пути, находим бункер с компьютером, вызываем Конкере и договариваемся с ним о переходе границы реальности. Все.

В комнате стало тихо. Тарас прищурясь, Василий открыв рот смотрели на Матвея.

– Мочим?! – переспросил Вася.

– Договариваемся? – в унисон с ним произнес Горшин.

Матвей засмеялся.

– Кого что интересует, да? Успокойся, Баловень, прорвемся без жертв. Что касается контакта с Конкере, я далеко не уверен, во-первых, что он захочет с нами разговаривать, а во-вторых, что нам удастся его убедить открыть границу. И все же это пока единственный реальный шанс выйти в «розу».

– А если не удастся? – поинтересовался Вася.

– Тогда будем искать другой способ – через МИРы. Идемте, пора выезжать. – Матвей исчез за дверью.

Тарас и Вася переглянулись, потом Балуев подхватил сумку и направился за Соболевым. Горшин проверил свои охранные системы, закрыл дверь дома, с виду – полуразвалившейся халупы, и вывел из неказистого сарая красавец «Понтиак».

Через полчаса они вышли из машины на шестнадцатом километре от Московской кольцевой автодороги – Минского шоссе, у длинного деревянного забора, которым был обнесен бывший угольный склад, ныне находящийся в полном запустении. Матвей толкнул створку покосившихся ворот, пролез в щель на территорию склада, уверенно направился к барaku, в окнах которого кое-где уцелели остатки стекол. Уголь отсюда давно забрали, двор был перекопан траншеями, усеян ямами от экскаваторных ковшей, и идти по осыпающемуся черному грунту было нелегко.

В бараке Соболев остановился возле крепкой на вид кирпичной стены с закрытой, рыжей от ржавчины железной дверью, оглядел ее, потянул за ручку на себя. Дверь со скрипом отворилась. За ней располагалось небольшое квадратное помещение, пол которого усеяли кирпичные осколки, шлак и пятна смолы. В помещении стояла громадная печь с выпуклой железной заслонкой, имеющей хитрый механический запор. Ни слова не говоря, Матвей погладил рукой запор и открыл заслонку. Из показавшегося отверстия топки с колосниками внутри пахло гарью, серой и мазутом.

– Переодеваемся, – обернулся Матвей.

Молча натянули на себя комплекты Н-1, превращаясь в легендарных ниндзя, успешно завоевавших кино– и телеэкраны мира. Однако все трое понимали, что они не на съемках боевика и впереди их ждет отнюдь не киношный бой.

– За мной. – Соболев исчез в топке, и остальным ничего не оставалось, как последовать за ним.

Печь оказалась замаскированным входом в бетонный колодец со скобами, по которому они в полной темноте, не пользуясь фонарями (Василий надел прибор ночного видения, а Тарасу с Матвеем оптика была не нужна, они и так владели инфракрасным зрением), опустились под землю, сначала до трехметрового бункера с вентилятором на отметке минус двадцать метров, потом достигли дна шахты на пятидесятом метре от поверхности. Выпуклый, с кремальерами запора, люк здесь тоже был заперт, но Матвей открыл его без труда.

Троица «ниндзя» оказалась в нише, отгороженной решеткой от тоннеля спецметро с двумя нитками рельсов и пучком кабелей на стене. В нише стояла маленькая мотодрезина, имеющая и ручной привод.

– Выкатываем, – кивнул на нее Матвей. – До резиденции Ельшина километров пятнадцать, не стоит бить ноги зря.

– А не засекут? – спросил Василий.

– Мы ее оставим в километре, не засекут.

Решетка была на замке, который легко открылся гвоздем. Дрезину выкатили из ниши, установили на рельсы, сели так, чтобы не мешать друг другу, и Василий с Тарасом взялись за рычаги. Мимо побежали стены тоннеля, собранные не из тубингов, а из огромных гнутых швеллеров.

Двенадцать километров до развилки отмахали за четверть часа. Здесь Матвей перевел стрелки, и дрезина свернула направо, но, не проехав и десятка метров, остановилась.

– Дальше пешком, – сказал Матвей, спрыгивая на шпалы. – Вася, тебе придется держаться сзади и работать по обстоятельствам. Отстанешь – возвращайся к развилке и жди.

– Не отстану.

– Тогда с Богом!

Бегом преодолели километр по левому полукруглому тоннелю меньшего диаметра, также сложенному из специально изогнутых швеллерных секций. Вышли к массивным воротам, которые Матвей когда-то уже взрывал в прошлой жизни. Остановились в десятке метров. Матвей и Тарас замерли на несколько мгновений, застыл и Василий, хотя, конечно, не видел того, что видели спутники.

– Снаружи телекамер нет, – быстро сказал Горшин, – но замок электромеханический, под напряжением.

– Это хорошо, – отозвался Матвей, – механику пришлось бы ломать, а так автомат сам откроет.

Он подошел к воротам, поелозил ладонями по металлу створок, замер снова, и с гулом ворота начали раздвигаться.

– Быстро внутрь!

Тарас и Василий прошмыгнули в темноту за воротами, за ними тенью скользнул Соболев. Они оказались в подземном «гараже» Ельшина, где генерала всегда ждал готовый отправиться в путь электровагон. Ворота перестали открываться, сбитый с толку автомат, не получивший подтверждения команды, отключил привод, затем отработал назад, и ворота закрылись.

– Если контроль выведен на пульт, сюда сейчас примчатся проверяющие, – шепнул Василий.

– Именно этого я и добиваюсь, – также шепотом ответил Матвей. – Попасть отсюда наверх через заблокированные люки очень трудно, а так охранники сами нам их откроют. Но сначала мы лишим их зрения.

Он вспрыгнул на платформу справа от электровагона, в стену которой были врезаны две массивные на вид металлические двери, не имеющие ни замков, ни ручек, с амбразурами внизу, в которых прятались пулеметы, и сноровисто заклеил пластырем объективы трех телекамер, обзирающих тоннель.

– Теперь подождем.

Все трое встали по обеим сторонам одной из дверей, за ребристые выступы, образующие нечто вроде контрфорсов, и затаились. Ждать пришлось недолго, минуты три. Загудел привод двери, полуметровой толщины броня двери начала медленно открываться, выталкиваемая гидравлическим рычагом. Затем на платформу спрыгнули один за другим двое мужчин в серо-зеленой полевой форме российских

внутренних войск, с фонарями в руках. Один из них осветил пещеру с электропоездом, ворота, рельсы, второй проворчал хрипловатым юношеским баском:

– Все в норме, просто сбой автоматики. Надо будет прислать техника. Пошли об... – Договорить он не успел, усыпленный касанием Матвея. Второго солдата таким же манером усыпил Тарас. Фонари выпали из рук охранников, Василий подхватил их и выключил.

Матвей нашарил на боку одного из солдат спецтелефон с вилкой подключения, вставил вилку в розетку, не замеченную Васей, нажал кнопку, выслушал фразу неизвестного дежурного и сказал хрипловатым голосом, неотличимым от голоса уснувшего охранника:

– Здесь все тихо, наверное, техника барахлит. Проверим и вернемся. – Выключил телефон. – Минут десять в запасе у нас есть, пока не хватится дежурный. Ждите здесь, я сейчас вернусь.

– Вместе лучше... – начал было Василий.

– Бункер с компьютером имеет запасной выход. – Матвей ткнул пальцем в скобы на стене станции рядом с открытой дверью, которые вели в круглый бетонный колодец, закрытый металлической сеткой. – Нам нет нужды лезть в коттедж и оттуда спускаться в бункер. Я отключу защиту и сигнализацию и вернусь.

Он исчез. Вася с Тарасом остались на платформе, вслушиваясь в могильную тишину подземелья.

– Сетка под током? – спросил Василий вполголоса, имея в виду колодец над головой.

Тарас не ответил, чувствуя где-то поблизости биение пульса чужого организма, живого и неживого одновременно. Это было сонное дыхание Монарха Тьмы, точнее, его информационной матрицы, внедренной в память компьютера. Оно возбуждало и тревожило и заставляло сдерживать дыхание, чтобы его не услышал сам Монарх.

Соболев появился через несколько минут, бесшумный и собранный.

– Все идет великолепно, однако времени мало, у них в порядке вещей каждые четверть часа докладывать по цепи о состоянии объектов на главный пульт. Так что поторопимся.

Он первым полез по скобам вверх, взялся за прутья решетки толщиной в палец и одним рывком вырвал ее из гнезд, сбросил вниз. Замок люка, закрывающего колодец, был уже открыт, осталось только

поднять его. Матвей пролез в люк и добрался наконец до сверхсекретного бункера, о котором понятия не имели даже те, кто охранял дачу и нес дежурство у телемониторов. Для них он был просто «объектом номер сорок один», одним из многих, имеющим собственную сигнализацию.

Вслед за Соболевым поднялись в бункер с металлическими стенами и полом Тарас и Василий, встали почти в полной темноте за креслом у стола с панелью управления, за которым уже сидел Матвей. На панели светился фиолетовый огонек, и точно такой же глазок смотрел на гостей с панели процессора, занимавшего всю левую тумбу стола. Что-то щелкнуло, над головой в потолке разгорелся круглый светильник, позволивший теперь рассмотреть обстановку помещения и компьютер.

Такой машины Вася еще не видел. Устанавливалась она несколько лет назад, но дизайном, компоновкой, изяществом форм, ощущением мощи и огромных возможностей не уступала таким современным комплексам, как «Макинтош» и «Русич». На панели процессора переливался всеми цветами радуги ярлычок с надписью «Конан-99», монитор же был украшен табличкой «Шайенн».

Матвей посидел несколько секунд в расслабленной позе, разглядывая клавиатуру компьютера, оформленную в виде крыльев бабочки, поднял над столом руки, и вдруг лицо его засветилось – в буквальном смысле этого слова! – стало прозрачно-розовым, как бы отлитым из раскаленного стекла.

Что-то произнес Тарас – Вася не расслышал, пораженный и увлеченный никогда ранее не виданным зрелищем. Матвей ответил. Руки его тоже засветились, но уже не розовым, а голубоватым свечением, с них сорвались струйки фиолетового огня, упали на стол, извиваясь, как змейки. Тускло засветилось табло «Yes» на левом крыле пульта. Снова что-то быстро произнес Тарас.

– Попробуй войти слева, – напряженным голосом произнес Матвей, – через фильтры, я войду справа.

– Нужен компайлер^[29], так не справимся.

– Держи, пройдем!

Горшин тоже вытянул над столом засветившиеся руки, и в тот же момент правый разворот панели управления расцвел загоревшимися индикаторами. Зашелестели вентиляторы двух шкафов-тумб

процессора и монитора, экран которого налился мягким жемчужным свечением.

– Ну вы даете, супера! – пробормотал окончательно сраженный Василий. – Чтоб включить заблокированный комп... – Он не закончил. Откуда-то издалека, едва слышно, донесся тихий вой. Смолк. Снова преодолел толщу земли, бетона и стали.

– Началась тревога, – будничным тоном сказал Тарас. – Уходим?

Вместо ответа Матвей нажал клавишу ввода и набрал пароль – слово «Конан».

«Пароль принят», – ответил экран по-английски, и за спиной Матвея шумно вздохнул Василий, точно так же, как он сделал это год назад (по времени Матвея) в момент их бегства с дачи Ельшина. История повторялась, только на новом витке и с новым качеством бытия.

«В каком режиме предпочитаете работать?» – зажглась надпись на экране.

«Выбор?» – набрал на клавиатуре Матвей.

«Звук, тастатурный диалог, паранормальная связь».

«Паранормальная связь».

«Режим принят». – На левом развороте пульта зажглись три оранжевых окошка. Клацнув, правая тумба процессора выдвинула какую-то сетчатую шишку вроде микрофона.

«Заказ?»

Матвей выдернул «микрофон» со шнуром, закрепил в специальном гнезде на столе, наклонился и мысленно произнес:

«Секретный файл вызова Конкере».

Мигнув, экран почернел, на нем медленно разгорелся странный алый паучок, напоминавший китайский иероглиф «цюань». Свечение компьютера в диапазоне «зла», которое чувствовали и Матвей, и Тарас, скачком усилилось, и даже Василий вдруг ощутил, как в машине заворочался кто-то невидимый, но могучий, непереносимо чужой и страшный!

«Копирование файла!» – скомандовал Матвей, открывая CD-ROM и вставляя компакт-диск, пачка которых лежала в ящике стола.

«Считывание информации из базы данных запрещено», – ответил «женский» мыслеголос.

«Копирование файла!» – повторил Матвей, вслух же с натугой проговорил:

– Помоги... плейофф запрета...

Горшин снова склонился над пультом, роняя с поднятых ладоней струйки голубого электрического сияния.

С тихим звоном загорелся зеленый индикатор записи на левой панели процессора, раздалась едва слышные скрипы и пiski: компьютер начал записывать на диск файл вызова Монарха.

Запись длилась две минуты, но Василию показалось – целый час, потому что он явственно представил, что творится сейчас на даче генерала. Матвей выхватил компакт, нажал клавишу отбоя мыслесвязи, выключил компьютер, собираясь встать, но тот выключился не сразу! Алый иероглиф на черном поле экрана засиял ярче, и в голове Матвея зазвучал чей-то шелестящий вибрирующий голос:

«Поздравляю, ганфайтер! Теперь мы сможем выйти на другой уровень контактов... если ты, конечно, уцелеешь. До встречи».

«До встречи, Творец Тьмы, – угрожающе ответил Матвей. – Учти, я не считаю, что должен тебе за прошлое вмешательство. Значит, я тебе нужен, не так ли?»

«Так, о прозорливый».

«Зачем? Ты ведь знаешь, что я никогда не буду на твоей стороне».

«Ты считаешь, что сторона Удди лучше? Ошибаешься, идущий. Мы не враги».

«Но и не друзья. Зато мои друзья – твои враги, так что не рассчитывай на изменение статуса».

«Ты имеешь в виду Горшина? Мне жаль его, он слеп. И я даже склонен извиниться за смерть его жены и ребенка, хотя виноват в этом меньше всего».

«Он так не считает».

«Не я убил его близких».

«Не ты, так твои слуги. Плохо выбираешь рабов, темный».

«Потому что все перестали верить в дьявола, лишь такие личности, как Генрих Ельшин, сразу воспринимают нужную информацию и делают то, что мне нужно... в обмен на кое-какие подарки, естественно: власть, деньги...

«А не мог бы ты на некоторое время прекратить контакты с генералом? Иначе он натворит таких дел, что даже иерархи не

расхлебают».

«Ну что ты, у них самих забот полон рот. А с генералом я могу и не связываться более, он мне порядком надоел мелкими просьбами: то одну жизнь попросит, то другую... Прощай, ганфайтер. Не ошибись в расчетах».

И пси-голос «проекции» Конкере истончился, умер. Компьютер погасил огни, уснул, словно сытый зверь.

Матвей очнулся, вытер пот со лба, перехватил внимательный взгляд Горшина.

– Поговорили? – спросил тот с расстановкой.

– Уходим, – ответил Матвей, бережно пряча в карман на груди компакт-диск с записью «черного файла».

– Может, сожжем комп к чертовой матери? – предложил Вася.

– Не стоит, он теперь пустой, – бросил Матвей, исчезая в люке.

Они спустились вниз, на платформу с электровагоном, куда еще не успела добраться бригада контроля, открыли ворота, сели в вагон и через три минуты высадились в двенадцати километрах от подземной станции спецметро. В темпе вылезли через люк на территорию угольного склада, переоделись в «цивильное».

– Зря надевали ниндзя-фраки, – буркнул Вася.

Матвей не ответил, садясь за руль и выводя «Понтиак» на шоссе. Через пять минут они были у МКАД, а прямо за эстакадой дороги на обочине шоссе их ждала Кристина, которую Матвей заметил в самый последний момент. Резко затормозил, так что пассажиров бросило вперед, на спинки передних сидений, открыл дверцу, впуская девушку, понимая, что она сейчас авеша Светлены, иначе не ждала бы здесь, именно в том месте, миновать которое они не могли; повернулся к ней.

– Что случилось, Крис?

– Вам нельзя домой... всем... объявлен всероссийский розыск на «особо опасных преступников, сбежавших из колонии строгого режима». Перечислены имена Василия Балуева, Матвея Соболева, Тараса Горшина, Ульяны Митиной и Ивана Парамонова. Кстати, Вахида Самандара в этом списке нет.

Мужчины молча смотрели на подругу Соболева и молчали. Всем троим было ясно, что охота на них развернулась по всем правилам и что инициировать ее могли только очень влиятельные лица, зависящие от кардиналов Союза Десяти. Спущенная координатором Союза Бабуу-

Сэнгэ программа нейтрализации опасных свидетелей начала осуществляться.

Глава 25

УПАЛ – ОТЖАЛСЯ

Первухин позвонил в начале второго, когда Вася уже принял душ и собирал вещи. Несмотря на предупреждение Кристины, он все же решил заехать домой и подготовиться к жизни «бомжа», считая, что квартиру достаточно секретного сотрудника ФСБ будут искать в последнюю очередь. Все-таки объявить капитана службы безопасности «особо опасным преступником» – одно, а задержать его, не имея на это достаточных оснований, – совсем другое. Вася надеялся, что пара дней в запасе у него есть, а ехать в Рязань, чтобы предупредить Ивана Терентьевича и Ульяну, надо было немедленно. О том, что им можно просто позвонить, Вася абсолютно не подумал, мысли были заняты предстоящей встречей с Ульяной.

– Почему не появился вчера? – спросил генерал.

– Вы откуда звоните? – быстро спросил Вася. – Из кабинета?

– Нет, из машины. Еду по делам.

– Еще куда ни шло, – вздохнул Вася с облегчением. – Вас постоянно «пасут», удостоверьтесь и перезвоните.

– Кому в голову пришла мысль меня «пасти»? – удивился начальник Управления спецопераций.

Вася положил трубку, продолжил сборы.

Первухин перезвонил через полчаса.

– Кто это?

– Убедились?

– Упал – отжался. Кто у меня на хвосте?

– Ельшинский «Стикс». Ищут меня. Я у них теперь как кость в горле – лишний свидетель. Шмеля, Тамерлана и Кира они уже убрали, очередь за вашими ребятами – Шерханом и Маугли, а также за мной.

– Ясно. – Генерал был умен и соображал быстро. – Мы можем перехватить слежку.

– Что это даст? Ельшин извинится и снова пошлет своих церберов по следу.

– Что предлагаешь?

– Упрятать ребят подальше и поберечься самому. Ибрагимов – киллхантер ушлый, найдет способ достать вас.

– Не найдет, мои орлы тоже хлеб едят не даром. Куда спрятать тебя?

– Я сам спрячусь. Считайте, взял отпуск на две недели. С квартиры съезжаю, можете рассекречивать, у меня осталась еще одна хатка, по варианту АЗ^[30]. Ждите вестей.

– Понял. – Первухин помолчал. – Удачи, ганфайтер. Понадобится помощь – звони домой.

Связь прервалась.

Размышляя над ситуацией, в которой он оказался, Василий упаковал в три сумки свои личные вещи, одежду, комплект Н-1, оружие и подумал, что зря не попросил у генерала машину. В нынешнем положении она пришлась бы очень кстати. Прикинув варианты, Вася позвонил Соболеву, который тоже поехал домой, рассуждая, наверное, примерно так же, как сам Балуев.

– Это я. Собираешься?

– Куда? – индифферентно спросил Матвей.

– То есть как это куда? – опешил Василий. – Менять хазу. Или ты решил ждать милостей от природы? Я имею в виду родную милицию.

– Мою квартиру вычислить невозможно, о ней знают всего трое: Ивакин, Дикой и я. К тому же я «закрыл» ее.

– Как закрыл?

– Ну... заколдовал, скажем так. Поставил печать «невидимости».

– Хорошо тебе. А мою квартиру можешь закрыть?

– Поздно. Астрал знает, где ты живешь сейчас.

– Жаль. Но ты тоже не очень радуйся. О твоём местопребывании знают еще два человека.

– Кто?

– Кристина и Стас.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Они сейчас – самое слабое звено в твоей жизни, и вычислить тебя через них – раз плюнуть любой конторе. У тебя что, нет больше схронов?

Соболев помолчал.

– Ты только ради этого позвонил?

– Хотел попросить тачку. У тебя второй нет?

Матвей снова помолчал немного.

– Что-то твои начальники не ценят ганфайтеров. Зайди в гараж к моему старому другу, зовут Илья, прозвище Муромец. – Матвей продиктовал адрес. – Он только что вышел из больницы. Попросишь машину от моего имени.

– А он кто, владелец автосалона?

– Хозяин автомастерской, машины ремонтирует. В Рязань ехать не передумал?

– С чего бы?

– Уверен, что это необходимо?

– Странные вопросы задаете, господин Избегающий Опасности, – засмеялся Василий. – Кто-то, кажется, Рабле, сказал: «Как бы ты ни поступил, будешь жалеть об этом».

– Тогда ни пуха.

– Спасибо, к черту!

Вася положил трубку, насвистывая, обошел квартиру, взялся было за сумки, и в это время в дверь позвонили. Вася замер. Впечатление было такое, будто кто-то посмотрел на него сквозь стены и дверь, пытаясь прощупать мысли, но, встретив «ошестинившуюся» защиту, отступил.

Бесшумно ступая, Вася подошел к двери, заглянул в перископический «глазок» и, хмыкнув, открыл дверь. Перед ним стоял директор Международного исследовательского центра боевых искусств Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной и при полном параде: синий костюм в полоску, белая рубашка, галстук «цвета побежалости», красивые итальянские штиблеты.

– Здравсьте, – поклонился Василий. – Насколько мне помнится, адреса я вам не давал.

– Разрешите войти? – бесстрастно спросил Самандар.

Вася отступил в прихожую, пропуская Посвященного, и ему показалось, что на него рухнул потолок. Потом он стал тонуть в болоте, цепляясь изо всех сил за кочки, мох и ветви кустарника... выплыл... в глазах прояснилось, хотя голова еще гудела от удара. Никакой потолок на него, конечно, не падал, и Самандар стоял напротив и внимательно рассматривал хозяина с некоторым недоумением во взоре. Вася понял, что совершенно произвольно,

интуитивно отбил пси-атаку Посвященного, озадачив его до крайности. Стараясь выглядеть радушным, протянул вперед руку.

– Проходите, господин директор. Чем могу быть полезен?

Самандар остался стоять в прихожей, озадаченный своим поражением. Уверенность его была поколеблена, человек, которого он считал обыкновенным и недалеким, как все спортсмены, сумел отбить его раппорт. И все же равняться с ним Балуюев не мог ни теперь, ни в будущем. Эта мысль взбодрила и отразилась в глазах Самандара блеском высокомерия.

– Хочу дать совет, ганфайтер.

– Я весь внимание, – наклонил голову Василий.

– Вы собрались в Рязань...

– Откуда вам это стало известно? – не скрыл Вася удивления.

– Так вот, лучше вам этого не делать, – продолжал Вахид Тожиевич, не обратив на реплику внимания.

– Это еще почему?

– Потому что я этого не хочу.

Вася потемнел, некоторое время всматривался в замкнутое на все эмоциональные замки лицо Самандара, потом потянул на себя входную дверь за спиной.

– Вы свободны, господин директор.

– Поедете? – полуутвердительно сказал Самандар.

– Дверь открыта.

Одно мгновение Васе казалось, что Вахид Тожиевич бросится на него, однако тот сдержался. Уж слишком независимо и дерзко вел себя противник. Хотя Вася как раз противником Вахида Тожиевича себя не считал.

– Я предупредил, – сказал Самандар уже за порогом. – Боюсь, вы переоцениваете свои силы. Если не прекратите контакты с Посвященными...

– С Посвященной, вы хотите сказать? – широко улыбнулся Василий.

– ... с Посвященными, мы встретимся раньше, чем вы думаете.

– По словам Соболева, мы уже встречались, – задумчиво проговорил Вася. – И у меня странное впечатление, что я это помню. Кстати, те встречи были не в вашу пользу, уважаемый. Скажите хоть, чем я вас прогневал, такого влиятельного и грозного?

Самандар повернулся и зашагал по коридору к лифту. Вася пожал плечами, закрыл дверь и открыл воду в ванной, смывая с лица липкую паутину нехороших взглядов незваного гостя. Причины появления Посвященного он не понял, не мог же тот играть роль заурядного ревнивца, но сам факт появления говорил о многом. Если Самандар легко смог вычислить адрес местожительства сотрудника ФСБ, значит, могут и другие. Квартиру надо было менять.

Однако это была не единственная непредвиденная встреча Василия в этот день. Когда он появился в автомастерской Ильи Муромца, адрес которого дал ему Соболев, там Васю ждала Кристина, подруга Матвея, одетая по-дорожному в старенькие джинсы, футболку, штормовку и кроссовки.

– Явление ангела народу, – сказал Василий, не подозревая, что близок к истине. – Аль случилось что?

– Мне нужно с вами в Рязань, – несмело проговорила Кристина, глаза которой горели внутренним огнем знания с печалью пополам. – Возьмете?

– Отчего же не взять, – не поверил своим ушам Вася, продолжая оставаться с виду невозмутимым. – А Матвей? Тоже едет?

– Нет, у него свои дела. – Глаза девушки стали совсем печальными. – И еду я из-за него.

– Что такое? – встревожился Василий, которому передалось настроение Кристины. Откуда-то вдруг подул холодный ветер и принес ощущение беды.

– Потом расскажу.

– Хорошо, стерегите сумки. – Вася прошелся вдоль шеренги гаражей к мастерской Ильи, нашел его в боксе и попросил исполнить просьбу.

– Для Соболя – все, что угодно, – прогудел громадный бородач, в самом деле напоминавший чем-то легендарного Илью Муромца. – Для его друзей – тоже. «Четверка» вас устроит? Движок новый, ходовая часть в ажуре. Или нужен иноземный аппарат?

– Вполне устроит отечественный.

– Забирайте. – Илья вручил Васе ключи. – Во дворе стоит, белая, четыре четверки. Права нужны?

– Обойдусь служебными «корочками». Дня через три верну.

– Хоть через неделю.

Вася с чувством пожал огромную ладонь Муромца и подумал, что Соболев, наверное, хороший человек, если имеет таких приятелей.

Через несколько минут он рассовал сумки по багажнику и в салоне, усадил Кристину и вырулил со двора. Пока ехали по Садовому кольцу до Таганки, сворачивали на Рязанский проспект и выезжали из города – молчали, потом Васе удалось разговорить пассажирку, и он узнал много удивительных вещей, о которых раньше не имел понятия. Сначала он удивлялся, откуда обо всем этом знает сама Кристина, не будучи Посвященной в тайны Внутреннего Круга, потом забыл о своем удивлении и только жадно слушал ее ответы на свои вопросы.

Он узнал, когда и зачем был создан Круг – Круг Великого Молчания, как его еще называли, выяснил иерархию Сил, которыми владели Посвященные, услышал рассказ о МИРах – «модулях иной реальности» и о Великих Вещах Мира, созданных на Земле за миллионы лет до появления человека. И, наконец, Василий получил исчерпывающие сведения о фазовых пространствах «розы реальностей», проникающих друг в друга, вложенных друг в друга, но сдвинутых по фазе реальных миров, практически не взаимодействующих между собой.

Машина уже подъезжала к Рязани, когда Вася немного утомился, с раскаянием подумав, что спутница его, наверное, устала.

– Извините, – прижал он руку к сердцу, не обращая внимания на жезл сотрудника ГАИ, направленный на его машину. – Я вас совсем замучил. Но уж очень все интересно!

– Ничего, – улыбнулась Кристина, – я рада вашему интересу. А гаишник не бросится догонять?

– Пусть догоняет. Почему вы рады моему интересу?

– Матвею необходим спутник, идущий тем же Путем. Ему во что бы то ни стало надо дойти... но прежде – уцелеть!

– Да я-то не против, – пробормотал озадаченный Вася. – Лишь бы он сам взял меня в спутники.

– Не он, – снова расцвела удивительной мудрой улыбкой девушка, – Закон восхождения. Все мы – спутники аватары: вы, я, Уля, Иван Терентьевич, Самандар. Это наша карма, если хотите, и вряд ли здесь можно что-то изменить.

Вася хмыкнул, искоса посмотрел на светящееся изнутри лицо подруги Соболева и с некоторым испугом подумал, что она очень

непроста! Студентка первого курса филфака не могла знать так много об устройстве и задачах Внутреннего Круга.

– Вы правы, – бросила Кристина лукавый взгляд на водителя. – Я не просто девчонка-студентка, я еще авеша Светлены и наблюдаю за Соболевым давно... трансперсонально, как принято говорить.

– А он действительно... аватара?

– Идущий к этому состоянию, хотя и очень трудным Путем, Путем Воина Знаний.

– Он говорил что-то о Пути Избегающего Опасности...

– Ему кажется, что он прошел Путь Воина до конца, но это, к сожалению, не так. Поэтому ему нужна защита, и поэтому появилась я.

– Понятно. – Вася свернул к автозаправочной станции. – А почему именно Соболеву уготована роль аватары? Кто его выбрал?

– Никто. Закон. Аватара появляется, когда необходимо оказать значительное влияние на ход истории. А как реализуется его приход – тайна тайн даже для иерархов.

– Иисус Христос тоже был аватарой?

– До него ими были египетский бог Тот, Гермес Трисмегист, Кетцалькоатль, Кришна, после него – объединитель русских племен князь Рюрик, монах Сергей Радонежский. Пришла пора нового аватары.

– А великие властители – Чингисхан, Тамерлан, Цезарь, Александр Македонский, Сталин и Гитлер?

– Это тоже своего рода аватары, только темных сил.

– Проекции Монарха Тьмы?

Кристина оценивающе посмотрела на Балуюева.

– Не только. Вы собираетесь заправляться?

– Ах ты елки-палки! – спохватился Вася, выскакивая из машины и открывая бак.

Залив сорок литров бензина, он снова сел за руль и выехал на трассу. С холма уже были видны пригороды Рязани.

– Если есть аватара светлых сил, то, наверное, должен быть и современный аватара темных? Кто же это? Не Ельшин случайно?

– Нет, он слишком мелок душой.

– А что, у «темного» аватары должна быть глубокая душа?

– Как ни странно – да.

– Так кто же претендент?

– Один из кардиналов Союза Девяти Неизвестных.

– Рыков?

Кристина покачала головой, виновато потупилась.

– Я не знаю. Но это должно скоро определиться.

– Ясно, – бодро сказал Вася, не поняв чувств девушки, – поищем сами. А вот насчет Самандара вы не правы, – вспомнил он недавний визит Вахида Тожиевича, – мне кажется, он не очень хороший человек, не совсем... как бы это сказать... не совсем светлый.

– Да, он слишком честолюбив, однако это не большой грех для Посвященного. Учтите, Посвященные имеют не одно, а два-три устойчивых состояния сознания, владеющие ими в разные моменты психических и интеллектуальных напряжений, поэтому иногда они могут казаться равнодушными и надменными, ибо решают задачу, требующую «присутствия» всех внутренних вниманий.

– Не очень-то это приятная характеристика, на мой взгляд.

– Не возражаю, – вздохнула Кристина. – Чем выше ступень Посвящения, тем полнее, насыщеннее жизнь идущего, тем он внимательнее и добрее.

– Как Иван Терентьевич?

– Да, Иван Терентьевич Парамонов очень сильный и добрый человек. – Кристина улыбнулась. – Но Уля тоже. Вы должны были почувствовать. Ведь вы из-за нее едете в Рязань?

Василий смешался, не зная, что сказать, пробурчал:

– Царевич чувствовал, что лягушка не такая, как все, а девушка...

– Откуда этот шедевр? – засмеялась Кристина.

– Из школьных сочинений, читал где-то в журнале.

Машина свернула на улицу Каляева, миновала Рязанскую таможенную, затем по подсказке Кристины через минуту въехала во двор дома, где жила Ульяна Митина. Еще через пару минут они стояли перед обитой черным дерматином дверью на пятом этаже, и Вася с трудом справился с волнением, удивляясь своим эмоциям. Позвонить он не успел, дверь открылась сама, словно их давно ждали, и на пороге возникла Ульяна в полупрозрачной оранжевой блузке и короткой кожаной юбке.

– Проходите, гости дорогие, вовремя вы, я только что сама пришла.

– Э-э... я тут случайно, проездом... – начал было Вася, поймал боковым зрением веселый взгляд Кристины и сказал смелее: – Хотя на самом деле специально приехал, чтобы повидать вас, Ульяна. Не прогоните?

– Мы же были уже на «ты», – улыбнулась девушка, посторонилась. – Почему я должна вас... тьфу ты!.. тебя прогонять? Кристина, не стой у порога, заходи смелее. Что, плохая весть?

– Недобрая.

Посвященная Внутреннего Круга и авеша Светлены несколько мгновений смотрели друг на друга пытливо и оценивающе, затем Кристина шагнула в прихожую, и Вася поспешил следом за ней.

Вскоре они, умывшись с дороги, сидели на кухне двухкомнатной квартирки Анны Павловны, тетки Ульяны, и пили чай. Уля уже позвонила Ивану Терентьевичу, который обещал приехать незамедлительно, и вели неторопливый разговор на темы, интересующие Васю больше всего. В обществе двух «божественных» дам он чувствовал себя на седьмом небе, ощущал небывалый душевный подъем и жаждал узнать о жизни Внутреннего Круга как можно больше. Ему одинаково интересно было слушать и Кристину, говорящую устами Светлены, и Ульяну – Посвященную I ступени Круга, а обаяние Ули кружило голову, как молодое вино, и заставляло сердце сжиматься в ожидании чуда.

– А не махнуть ли нам, ребята, куда-нибудь в леса? – неожиданно предложила Ульяна, посматривающая на Васю с неким любопытством и пониманием, явно не относящимся к его личным переживаниям. – Мы перестали просто радоваться жизни и не умеем отдыхать. Возьмем путевки на турбазе и пойдем на лодках по Мещере. Как предложение?

– Великолепное! – показал большой палец Вася. – Что скажешь, Крис? Или тебе еще экзамены сдавать?

– Я же не предлагаю ехать прямо сейчас, – пожала плечиками Ульяна. – Поближе к середине лета.

– Я с удовольствием, – сверкнула улыбкой Кристина. – Давно не была на природе, без комфорта и благ цивилизации. Люди вообще потеряли способность довольствоваться малым, быть счастливыми и никому не завидовать. Вместо этого нас обрекли гоняться за призраком материального благополучия, быть вечно недовольными, несчастными, различать добро и зло.

– Разве это отрицательное качество – различать добро и зло? – хмыкнул Василий.

Кристина посмотрела на него стесненно, с виноватым видом, как бы прося прощения за то, что он ее не понял, и Ульяна пришла ей на помощь:

– Как прошлое и будущее не представляют особой ценности в роли показателей прогресса, так и категории добра и зла не имеют логически безупречной модели. Примеры нужны?

– Я и сам могу привести пример, – небрежно бросил Вася.

– Приведи, – согласилась Ульяна.

– «Чистилище».

– Ты имеешь в виду «Стопкрим»? Молодец, хороший выбор. На примере деятельности «Стопкрима» мы действительно видим, как безудержное стремление творить добро принимает уродливые формы и огромные масштабы, в результате чего добро и зло стали неотличимы друг от друга.

– Хотя лично я симпатизирую «чистильщикам», – добавил Вася ради справедливости. – Иногда самому хочется стать в их ряды.

Девушки переглянулись, засмеялись.

– Все мужчины непоследовательны и противоречивы, – сказала Ульяна, – Балуев не исключение.

– Не претендую, – простодушно отозвался Василий. – Вы мне одну простую вещь объясните, граждане Посвященные: зачем ваш Монарх Тьмы вмешивается в жизнь людей? Какую цель преследует?

– На этот вопрос могу ответить я, – раздался из прихожей мужской голос, и в комнату вошел бодрый, подтянутый, уверенный и вежливый Иван Терентьевич Парамонов. – Не сильно задержался? Добрый день, Василий Никифорович, Крестя. Рад видеть вас в добром здравии. – Он сел за стол, придвинул чашку, налил чай. – Так вот, по поводу цели Монарха. Его не интересуют ни добро, ни зло, ни реакция людей. Конкре интересуется лишь истина, причем не Истина с большой буквы, а частная, экспериментальная, так сказать, какой пользуются ученые. И признает он только логику и трезвый, абсолютно нечеловеческий расчет.

– Тогда он просто эгоист, – проворчал Василий.

– Сказать о негуманоиде, что он эгоист, – все равно что признать его человеком. Он не человек, точнее – нелюдь! Он выше... или ниже,

если хотите, любых морально-этических оценок, и воспринимать его следует не как злого бога, а как в высшей степени беспринципное существо, способное и на зло, и на доброе деяние.

– Что-то я не слышал от вас, чтобы Монарх когда-либо сделал доброе дело.

– Почему же, могу рассказать...

– Остановитесь, мужчины, – прилепнула по столу ладошкой Ульяна, – о Монархе поговорим позже. Иван Терентьевич, гости прибыли не с добрыми вестями. Судя по всему, у нас возникли проблемы.

– Этого следовало ожидать, – спокойно проговорил Парамонов, – после того, как мы нарушили законы молчания и недеяния. Слушаю вас, молодые люди.

Василий посмотрел на приятельницу Матвея Соболева, но та отказалась начинать.

– Сначала ты.

– На всех нас объявлен всероссийский розыск, – сказал Вася. – Мы теперь «особо опасные преступники, сбежавшие из колонии строгого режима».

Иван Терентьевич покачал головой.

– Даже так? Наши недоброжелатели смогли втянуть в орбиту своих интересов милицию? Это славно. Никогда не имел дела с милицией.

– Что будем делать?

– Что будете делать вы, Василий Никифорович, я не знаю, однако же мы с Улей ничего предпринимать не собираемся.

– Так-то оно так, – безразличным тоном произнес Василий, – только кто даст гарантию, что вас не засадят в СИЗО до выяснения личности? На год? Или не пристрелят «при попытке к бегству»?

– Не пристрелят, – улыбнулся Иван Терентьевич.

– Оно конечно, вы Посвященные и все такое прочее, однако смею вас уверить, что и против вас... против всех нас работают не простые смертные. Вся эта кампания с розыском – дело рук очень высоких людей, причем людей Круга.

Парамонов посмотрел на шевельнувшуюся Кристину, и та кивнула.

– Он прав, Иван Терентьевич. Произошла инициация «волны исключения», причем инициатор не кардинал Союза Девяти и даже не сам его координатор, а кто-то из иерархов. Вероятнее всего – пентарх Удди.

Парамонов, не спеша высказывать свой скепсис, помолчал.

– Я не спрашиваю, откуда у вас эта уверенность, авеша Светлены имеет свои информационные каналы. Но все же не вижу смысла в этой атаке на нас.

– Это атака на Соболева, – совсем тихо сказала Кристина, опуская голову. – Его хотят заставить действовать по чужому сценарию, и они уже достигли кое-каких успехов, вызвав Матвея в Чечню.

– Что вы имеете в виду?

– Он зомбирован!

В комнате установилась ломкая изумленная тишина. Ульяна, Иван Терентьевич, Вася смотрели на подругу Соболева и молчали, не веря словам и уже понимая, что она говорит правду.

– Когда? – пришел в себя Вася. – Кто?!

– Вероятнее всего, он получил «темную передачу» во время боя с пентархом. Но сам этого еще не знает.

– А как же ты? Откуда узнала ты?

Улыбка девушки была грустной и понимающей.

– Узнала.

– Диапазон восприятия Светлены намного шире человеческого, – пробормотал Иван Терентьевич, думая о своем. – Да, это новость не из приятных. Тут мы можем оказаться бессильными. Или у вас есть план?

– Существует только один способ...

– Шактипат!

– Да, передача дополнительной Силы с привлечением эгрегора Хранителей для нейтрализации «темной передачи».

– У меня нет доступа к сети Хранителей.

– Я сама найду доступ и попытаюсь договориться.

– Тогда это... шанс. Но вы уверены, что Удди запрограммировал Соболева? Зачем? Не проще ему было бы убить претендента на звание аватары?

– Соболев нужен пентарху, да и не только ему, для реализации собственных замыслов. Поэтому Удди и решился перейти границу и

встретиться с Матвеем. Инфарх не смог ему помешать, он практически низложен. Иерархи начинают войну за власть.

– Значит, Монарху все-таки удалось добиться своего, коль он смог изменить даже интеллект-сферу иерархов и сподвигнуть их на войну.

– Подождите, – вмешался в диалог Василий. – Вы говорите слишком быстро, я понимаю вас с пятого на десятое. Каким образом вы устроите Соболеву этот ваш... шакти-пат? Где? Он же сразу все раскусит.

– Он ищет доступ к МИРам Инсектов, – негромко проговорила Кристина. – Я попрошу Хранителей открыть доступ в один из них. Если мы все соберемся там, сможем попытаться нейтрализовать «темную передачу». В противном случае он погибнет. – Последнее слово девушка проговорила шепотом.

– Не стоит горевать раньше времени, – мягко сказал Иван Терентьевич. – Мы поборемся. Вместе с вами. Кроме того, у нас есть Самандар и приятель вашего Матвея – Горшин. Итого нас пятеро, а это сила!

– Шестеро, – мрачно возразил Василий.

Ульяна посмотрела на его лицо, засмеялась и накрыла руку Балуюева своей ладонью, как бы безоговорочно принимая в свою компанию.

– Конечно, шестеро. Хотя по лицу заметно, что не все члены нашей компании тебе по нутру.

– Горшин – куда ни шло, а вот... – Вася замолчал, понимая, что его рассказ о визите Самандара может показаться мелкой мстью.

– Что? – прямо посмотрела на него Ульяна. – Вахид звонил?

– Заходил, – нехотя ответил Вася.

Посвященные переглянулись, потом Ульяна еще раз погладила руку Балуюева и перевела разговор на другую тему:

– Давайте допивать чай и пойдем на природу, подумаем о нашем положении. Кто позвонит Горшину?

– Я, – поднялся Иван Терентьевич.

Глава 26

«ЗМЕЯ» В АСТРАЛЕ

Двадцать восьмого мая нового директора ФСБ вызвал в «Белый дом» новый премьер-министр. Ломая голову, зачем он так срочно понадобился главе правительства, Владимир Алексеевич не стал тянуть время и выехал на своем бронированном «Линкольне» через пять минут после вызова.

Процедура прохода на территорию «Белого дома» отняла у генерала еще несколько минут, здесь его пока не знали в лицо, поэтому в кабинет премьера он вошел в недобром расположении духа.

– Садитесь, Владимир Алексеевич, – кивнул на ряд стульев у Т-образного стола премьер; судя по всему, он тоже пребывал в невеселом настроении. – Как послужится на новом месте?

– Спасибо, Петр Адамович, – кисло улыбнулся Бондарь. – Предшественник оставил немало нерешенных проблем, так что сплю мало, а отдыхаю того меньше.

– Все мы отдыхаем мало, – заметил глава правительства, подавая директору службы безопасности лист плотной белой бумаги с тисненным золотом гербом Исламской Республики Ичкерия. – Читайте.

Бондарь водрузил на нос очки и пробежал глазами текст. Это была официальная нота президента Чечни Везирхана Шароева правительству России. В резкой форме, свойственной только лидерам ближневосточных и кавказских стран, президент Чечни требовал выдать «группу российских террористов», которая нарушила границу суверенной Республики Ичкерия и совершила ряд тяжких преступлений, в том числе – убийство «двух десятков» уважаемых граждан независимого государства. Далее перечислялись «террористы», среди которых Бондарь без особого удивления увидел фамилии командиров спецподразделений «Стикс» и «Щит».

Дочитал ноту до конца, поднял глаза на широкое бледное лицо премьера с густыми черными бровями. Владимир Алексеевич знал, что премьер до своего назначения работал директором Национального

банка и был предложен на пост главы правительства президентом, но с чьей подачи – мог только догадываться.

– Понимаете, чем это грозит вам? – по-отечески ласково сказал Петр Адамович.

– Это дела Панова.

– Панова нет, отвечаете за работу ведомства вы, Владимир Алексеевич, так что делайте выводы. Людей, перечисленных в ноте, надо немедленно задержать и передать чеченской стороне. Вам понятно?

– Всех?

– На ваше усмотрение, – подумав, ответил премьер-министр. – В списке ведь не только ваши люди? Кого считаете нужным, оставьте. Кого нет...

– Понятно. Разрешите выполнять?

– Полноте, генерал, мы же не на строевом плацу. Нам необходимо научиться понимать друг друга с полуслова. Постарайтесь справиться с этим делом побыстрее, а я обещаю вам всестороннюю поддержку.

В глазах премьера мелькнул хищный огонек угрозы, и у генерала свело живот, словно от проглоченной змеи. К себе на Лубянку он ехал в мрачной решимости устроить всем разработчикам операции «Перехват» суровый «разбор полетов», забыв, что, будучи еще начальником Управления «К», сам принимал участие в ее подготовке, предоставив свои каналы информобеспечения.

В двенадцать часов дня он вызвал Ельшина и Первухина, однако «разбор полетов» делать не стал, просто передал суть разговора с премьером и приказал «зачистить» все следы операции «Перехват».

– В принципе я уже начал эту работу, – сказал Генрих Герхардович. – Трое участников операции... э-э... исключены. Остались еще трое.

– С Ибрагимовым четверо.

– Хасана там не было, я даже не понимаю, почему его фамилия фигурирует в списке.

Бондарь знал, что это не так, но промолчал. Ельшин мог сделать для своего главного телохранителя любое алиби.

– Хорошо, а остальные?

– Люди Михаила.

– Я своих не отдам! – твердо заявил Первухин.

Бондарь налился темной кровью.

– Вы понимаете, генерал, что может...

– Понимаю, – отрезал Первухин, – но не отдам! В крайнем случае подсуну качественную дезу – «трупы» моих ребят, оказавших сопротивление и убитых «при попытке задержания». Кстати, там в вашем списке есть еще фамилии... это не мои люди.

– А чьи? – Бондарь остыл, надел очки и прочитал: – Парамонов, Горшин, Митина... Кто эти люди?

– Выясним, – небрежно бросил Ельшин. – Думаю, их-то как раз и надо будет передать чеченцам.

– Идите.

Генералы вышли, в приемной остановились у окна, Первухин закурил.

– Странно, что не сработала наша уловка – взвалить всю вину на «чистилище», – сказал Ельшин. – Хасан, что ли, прокололся... не понимаю.

– Генрих, я человек, в общем-то, незлобивый, – сказал Первухин, глотая дым и щурясь, – но предупреждаю: тронешь моих ребят – я твоего Хасана из-под земли достану! И тебе житья не дам. Так что подумай. – Он сильно затянулся, ловко бросил окурок в корзину под столом адъютанта Бондаря. – И сними свой «хвост» с меня, не то придется рвать с кровью. Адью.

Не глядя на Ельшина, начальник Управления спецопераций вышел из приемной, не отвечая на какой-то вопрос адъютанта. Генрих Герхардович задумчиво смотрел ему вслед. Потом встрепенулся и поспешил к себе. В кабинете его ждал майор Ибрагимов.

– Выяснил, кто был у меня на даче? – спросил Ельшин.

– Еще нет, – отвел глаза майор. – Ребята клянутся, что никого не видели и не слышали.

– Перекрыли подземелье?

– Так точно. Но тот, кто проник туда, отлично знал расположение телекамер и дежурного монитора. Непонятно только, что им было нужно, выше отметки «минус десять» они не поднялись.

Ельшин, который догадывался, что было нужно неизвестным взломщикам, делиться своими умозаключениями с подчиненным не стал. Ибрагимов знал о существовании подземного бокса со степенью защиты «четыре нуля», но даже не представлял, что там хранится.

– Твою голову затребовали чеченцы, – сказал Генрих Герхардович, наливая себе в стопку на два пальца коньяку, залпом выпил. – Ума не приложу, откуда у них данные по опергруппе.

Ибрагимов, привыкший к не раз ставившей его в тупик прозорливости генерала, промолчал.

– Ладно, это я выясню. – Ельшин говорил уверенно, однако в глубине его души уже поселился страх. Вчера он так и не смог вызвать Конкере, хотя файл вызова не пострадал: неизвестные диверсанты, свободно взломавшие защиту святая святых дачи генерала, включавшие (!) компьютер, память его не стерли. Генрих Герхардович представил, что могло случиться, сделай они это – кроме программы связи с Монархом он хранил в базе данных множество сверхсекретных документов, – и ему стало дурно. Он налил себе еще коньяку, потом сделал пару глотков прямо из горлышка, провел дрожащей рукой по лбу и сел за стол. Ибрагимов следил за ним молча, не выдавая своих чувств. Наконец коньяк начал действовать, и начальник Управления «Т» несколько ожил.

– Бери команду и езжай в Рязань. Задержишь там двух гражданских, они каким-то образом оказались в списке вместе с нашими парнями. Парамонов и Митина. Привезешь их сюда, живыми. – Ельшин поднял на майора остекленевшие глаза. – Живыми, понял? Я хочу выяснить, почему они фигурируют в этом проклятом списке. Ступай.

– Я хотел закончить сегодня с людьми Первухина.

– Позже. Я дам команду. Наблюдение с негоними.

– Но мы еще не вышли через него на Балуюва. На квартире капитана нет и, похоже, не будет, скрылся.

– Оставь группу, может, появится. Первухина отпусти, пусть генерал отдохнет некоторое время.

– Есть, – безразличным тоном сказал Ибрагимов. – Все?

– Пока все, иди.

Майор вышел. Ельшин посидел немного в расслабленной позе и в три глотка осушил бутылку.

Напрягаясь так, что, казалось, вот-вот лопнут мышцы ног, и чувствуя, что не успевает, Тарас рванулся сквозь туго свистнувший воздух каминного зала к двум фигурам в коричневых плащах, нависшим над полураздетой женщиной в белом разорванном платье, но рука одного из убийц уже опустилась, вонзая в грудь женщины тускло сверкнувший кинжал, Тарас закричал... и проснулся от крика.

Подхватился, сел на кровати, глядя перед собой расширенными побелевшими глазами, упал навзничь обратно на постель. Припомнил лицо Елиnavы, ее улыбку, мягкий, певучий говор и звонкий смех. Руки сами собой сжались в кулаки, но он заставил их разжаться и привычно нырнул в родник успокаивающей медитации, уже через минуту почувствовав себя лучше.

Сон, где Елиnavу убивали наемники польского шляхтича Чемпуровского, которому она приглянулась во время посольского обмена в Грюнвальде – Горшин тогда служил начальником дружины русского посла Млынова, – уже давно не тревожил Тараса, так и не забывшего жену, и факт повторения сна говорил о каких-то грядущих переменах.

В действительности Елиnavу убили в отсутствие Горшина, предварительно поиздевавшись над юной беременной женщиной в лесу, возле немецкой деревушки Фёльдберг, куда ее увезли слуги шляхтича. Почему во сне это действие происходило в каминном зале родового замка Чемпуровских, Тарас понять не мог до сих пор. Да, он потом нашел убийц и насильников, всех шестерых, и убил их в короткой и беспощадной сече, догнал и самого шляхтича – на границе немецких и польских земель, которую так и не пересек больше своевольный потомок князя Свицкого, но одного сделать не мог – найти и уничтожить Монарха Тьмы, чьим авешей был тогда Чемпуровский...

Достигнув внутреннего сосредоточения, Тарас «перенес» сознание в психофизический центр (хара – по терминологии восточных школ психотренинга) и обрел необычное состояние: тело как бы растворилось в воздухе, а сознание приобрело «вес», как бы окаменело и растеклось до пределов видимости гигантским лавовым полем. Затем стремительно понеслись мимо «пейзажи» чувственных озарений, которые трудно было описать словами: осознание бренности тела, иллюзорности жизни, собственной ничтожности по сравнению с

пространством и одновременно огромности мира, осознание времени как бездны, тождества себя с другими, множественности проявлений реальности и, наконец, осознание Великой Пустоты... Сознание Тараса вошло в эту Пустоту и растворилось в ней. Тарас Витальевич Горшин, человек Внутреннего Круга и потому не совсем человек, наказанный старейшинами Круга за фанатическую приверженность идее мести, вышел в особое информационное поле мироздания, имеющее разные названия, известное исследователям эзотерического наследия древних цивилизаций под термином «астрал».

Человек – переходное звено от биологического к энергетическому плану жизни, и Внутренний Круг человечества давно перешел на этот уровень, но Тарас еще не достиг порога зрелости, позволяющего владеть колоссальной энергией и запасами информации в полной мере, а после его «акта непослушания» это стало и вовсе проблематично. Путь, на который он встал, по мнению иерархов, вел в никуда, в тупик, и чтобы выбраться из этого тупика, следовало начать цикл жизни с нуля.

Тарас напрягся, удерживая с помощью бонно^[31] концентрацию «И» – разума-воли на грани взрыва, и получил в ответ удивительный «тюльпан» видений-ощущений-озарений, потрясших его глубиной и яркостью. К сожалению, человеческий язык иероглифичен и способен передать лишь до предела упрощенные понятия, общение на этом уровне возможно лишь о вещах, всем известных. Рассказать, что чувствовал и видел Горшин, он бы не смог.

Однако удержаться в состоянии пси-резонанса ему на этот раз не помогла даже концентрация «И». Показалось вдруг, что в него вцепилась какая-то злобная бестия и до боли сжала голову! Едва не потеряв власть над сознанием, он усилил блок и спустя мгновение понял, в чем дело, но от «бестии» – чьей-то программы психовоздействия, настроенной на его личностные характеристики, – отстроиться сразу не смог. Понадобилось изматывающее душу маневрирование уровнями сознания и переход на другую частоту психического состояния, прежде чем ему удалось сбросить с себя «кусачую тварь» и «с высоты» нового уровня разглядеть ее.

Поначалу, в момент схватки, он подумал было, что сработал какой-то новый механизм, изгоняющий отступника из всех энергоинформационных полей Земли, в том числе и из астрала,

разработанный иерархиями Круга, теперь же ему открылась иезуитская подоплека программы: это была умело рассчитанная и запущенная в астрал команда ОСИП – объемного сканирования интеллектуального пространства. Не умей Горшин переходить в другие диапазоны измененных состояний психики, «злая змея» программы вошла бы в его подсознание и начала свою разрушительную работу по фрустрации личности. Спустя какое-то время он просто сошел бы с ума.

Сразу разобраться в «отпечатках пальцев», то есть в следах мысли разработчика, Тарас не сумел, но запомнил характерные свистящие обертоны кидаемой на него «змеи», способные выдать носителя программы. Впоследствии можно было попытаться определить его в обычной жизни.

Борьба со «змеей» отняла много сил, поэтому по астралу Тарас ходил мало. Определил лишь узлы пси-патогенных зон Москвы, сосредоточенные в районах расположения государственно-криминальных структур: Думы, Совета Федерации, Лубянки, Петровки, Центра. Пробудь он еще немного в астрале, мог бы локализовать каждую зону с выходом на руководство, но голова уже заполнилась багровым туманом боли, надо было возвращаться «на грешную землю».

С полчаса он блаженно отдыхал в постели, успокаивая бешено колотившееся сердце, потом встал и начал готовиться к дневным делам; уже вошло в привычку, стало инстинктом – мысленно проигрывать каждое мероприятие очередного дневного плана и разрабатывать загодя стратегию поведения. Однако день начался не так, как он его построил в мыслях, а начался он с того, что позвонил Завьялов:

– Граф, прошу прощения за ранний звонок и вообще за беспокойство, но у нас возникла проблема.

– Слушаю, Дмитрий Васильевич.

– Владимир Эдуардович попал в психбольницу.

– Куда?! Я не ослышался?

– Его нашли сотрудники утром в машинном зале Центра в ужасном состоянии. Диагноз: маниакально-депрессивный психоз.

– Этого только не хватало. Выяснили, в чем причина?

– Известно лишь, что он вечером работал с Рыковым на компьютерах Центра, но какие задачи решались, неизвестно.

– Рыков... – медленно проговорил Тарас. – Любопытно... Хорошо, я займусь этим и в течение дня сообщу результат. У вас все?

– К сожалению, не все, но поскольку вы устранились от дел...

– До свидания. – Тарас щелкнул кнопкой выключения телефона, вполне понимая чувства координатора «чистилища».

В девять часов утра он появился в хорошо охраняемом здании Центра нетрадиционных технологий, информационно-расчетном оплоте «Стопкрима», потерявшем теперь свое значение. Незамеченным проник в машинный зал Центра, где уже тихо шелестели вентиляторы шести персональных «Пентиумов» и одного стационарного «Шайенна», «угovorил» оператора последней машины погулять и вошел в операционное поле главного драйва. Через пять минут он знал причину внезапного умопомешательства комиссара-пять «чистилища». Задумчиво просмотрел основные конфигурации своей личной программы ОСИП, составленной Рыковым, переписал ее на компакт-диск, посидел немного, пытаясь постичь логику Германа Довлатовича, которого врагом до этого времени не считал, и снова занялся базами данных компьютера. Еще через несколько минут он сумел выделить еще три «змеи» ОСИП, рассчитанные на преследование в астрале определенных сознаний – Парамонова, Митиной и Самандара. Записал и их.

После чего стало ясно, что план дня изменился радикально. Следовало немедленно предупредить Посвященных о «засаде», ждущей их в астрале, и хотя «змеи» Рыкова вряд ли могли справиться с волей Посвященного уровня Ивана Терентьевича Парамонова, все же неприятностей они способны были доставить немало.

В зале никто из присутствующих сотрудников Центра Горшина «не видел», люди занимались своим делом, курили, пили кофе, разговаривали, звонили по телефонам, и все же один из парней, снявших трубку зазвонившего аппарата, вдруг поднял голову и спросил, перекрывая шум в комнате:

– Здесь есть Граф? Тарас Витальевич Горшин?

Тарас замер, не веря ушам: такого с ним еще не случалось! Расшифровать его появление в Центре мог разве что Монарх Тьмы, появившись он внезапно на Земле как личность. Но это был не Конкере.

– Граф, – раздался в трубке тихий, без интонаций голос Рыкова. – Я бы хотел предостеречь вас от поспешных решений. Как говорил один мой знакомый: у всякой проблемы всегда есть решение – простое, удобное и ошибочное. Не вмешивайтесь вы в дела, которые уже не относятся к вашей компетенции, это может непредсказуемо отразиться на вашей карьере.

– Спасибо за предупреждение, кардинал, – в тон ему ответил Тарас. – Примите и вы мой совет, даже два: никогда более не вмешивайтесь в мои дела и не трогайте моих друзей. Программы ОСИП ваши я, конечно, нейтрализую, но обещаю в случае повторного их запуска пустить по вашему следу кое-что помощней. Договорились?

Рыков выключил связь.

Тарас передал трубку парню, который тут же начал звонить кому-то, и вышел из зала. Он знал, что угрозы Рыкова – не пустые слова, но верил в свои силы и менять принятые решения не намеревался.

* * *

Матвей вспомнил о своей идее провести родителя Стаса, когда мальчишка не пришел ночевать. Кристина уехала в Рязань, по ее словам, навестить родных, чему Матвей был даже рад, собираясь провести кое-какие эксперименты с «черным файлом», а вот отсутствие Стаса огорчило. Парнишка чем-то напоминал самого Соболева в детстве, увлеченностью и упорством скорее всего, и наблюдать, с какой жадностью он занимается физкультурой, торопится наверстать упущенное, было чрезвычайно интересно. К тому же Матвей в душе считал его чуть ли не своим сыном, а для неженатого мужчины двадцати восьми лет (или тридцати, если считать опыт двух лет «прошлой» жизни), привыкшего жить свободно, это было сродни самопожертвованию.

К бабушке Стаса, Марии Денисовне, проживающей в доме по улице Ольховской, недалеко от Казанского вокзала, Матвей появился пораньше, в начале восьмого утра. Старушка уже встала и хлопотала на кухне, когда в квартиру зашел «друг отца Стаса». Она так и не поняла причин, по которым Матвей выдал себя за «друга» и стал

помогать ей и мальчишке. В глубине души она подумывала о «замаливании грехов», совершенных «раскаявшимся» Соболевым, однако никогда ни о чем его не спрашивала и встречала всегда с радостью. Однако сегодня Мария Денисовна была явно не в духе, куталась в платок и норовила отвернуться, пока Матвей не разглядел на лбу ее лиловые пятна, а на щеке свежую царапину. Задержал старушку, мягко дотронулся до щеки, кивнул на дверь спальни.

– Он?

– Да это я упала, запнулась о половик, ноги-то уже не ходят совсем... – начала Мария Денисовна и заплакала, закрывая лицо ладошками.

– Стас спит?

– В зале, на диване. Побил Сергей его вчера крепко, не пустил никуда. Вы уж не сердчайте на него, пьет ведь каждый день...

Матвей шагнул к двери спальни, и старушка ухватила его за рукав.

– Матвей Фомич, ради Бога, вы уж с ним... помягче. Когда трезвый – вроде и неплохой человек, а когда пьяный...

– Не беспокойтесь, Мария Денисовна, – усмехнулся Матвей. – Человек я мирный, драться не люблю.

В спальне воняло перегаром, немытым телом и носками, вещи отца Стаса валялись разбросанные по всей комнате, у кровати стояли пустые бутылки из-под пива и водки. Сам постоялец лежал поперек кровати в трусах, упрятав голову под подушку. Матвей смог теперь рассмотреть его во всех деталях.

Был тридцатипятилетний «гроза бабушки и сына» хил, тщедушен, рыж, носил бороду и усы – Матвей снял с лица подушку, чтобы разглядеть его – и не мылся, наверное, с месяц. На тыльной стороне ладони правой руки были выколоты имя Сергей и кинжал, на левом плече – русалка и еще один кинжал.

Покачивая головой, преодолевая брезгливость, Матвей взял его на руки, отнес в ванную и пустил воду. Вымыл с мылом, затем пустил ледяную воду и сунул голову Сергея под струю. Тот задергался, замычал, пытаясь освободиться, стал ругаться, хрипеть и кашлять, перепугав Марию Денисовну, которая прибежала в ванную спасать зятя. Матвей выпроводил ее и продолжил приводить пьяного в порядок. Через десять минут ему удалось это сделать, а так как Сергей

сам идти не мог, пришлось нести его в спальню завернутым в простыню. На пути встретился проснувшийся Стас с синяками на лице, на плечах и худеньких руках. Несмело глянул на Соболева снизу вверх.

– Лечить будешь?

– Буду, – усмехнулся Матвей. – Потом тебя.

– Меня не надо, на мне все заживает как на кошке.

– Разберемся.

Матвей распахнул дверь в спальню, свалил запеленутого Сергея на кровать и закрыл дверь. Сел напротив, настраиваясь на воздействие и сдерживаясь, чтобы не дать алкоголику по морде.

– Кто ты такой? – просипел Сергей, синий от холода и алкогольной абстиненции. – Опохмелиться дашь? Помру ведь.

– Не помрешь, – сказал Матвей. – Сядь!

– Чего?

– Сядь! – Слово прозвучало, как щелчок кнутом.

Сергей вздрогнул, широко раскрывая еще мутноватые глаза, повозившись, сел, и в этот момент Матвей обрушил на него свой раппорт мыслевнушения.

Бывший зэк, отсидевший за кражу и разбой пять лет в Самарской колонии, прошедший огни и воды, не допускавший мысли, что калечит своим поведением душу сына, получил вдруг сильнейший шок, который лишил его способности говорить и думать. У него даже сердце остановилось на несколько секунд, пока Матвей не заставил его заработать снова.

– Теперь слушай и запоминай, – негромко, но твердо сказал Матвей. – С этого момента ты перестаешь пить! Повтори!

– Перестаю... пить... – механически повторил Сергей.

– Устраиваешься на работу!

– Устраиваюсь... на... работу...

– Никогда больше никого не тронешь пальцем!

– Никого... не трону...

– Каждый раз, когда тебе захочется сделать что-нибудь во вред людям, а тем более близким, ты будешь чувствовать себя плохо! Понял?

– Буду чувствовать...

Матвей подумал немного, что-то ему вдруг не понравилось в поведении Сергея, и он жестко добавил:

– Ударить Стаса – умрешь! А теперь спи полчаса.

Рыжебородый родитель мальчишки рухнул на кровать и закрыл глаза.

В комнату заглянул Стас, кинул взгляд на отца, потом на Матвея.

– Он... живой?

Матвей нахмурился. Вопрос был ему неприятен.

– Живой, живой. Давай я тебя посмотрю.

– Не надо, само заживет. Ты ему сказал, что я буду у тебя жить?

– Не сказал, но он больше не будет драться и пить.

– Правда?!

– Правда.

– Тогда я сегодня приду, можно?

– Приходи. – Матвей взъерошил волосы мальчишки и вышел, едва не столкнувшись с Марией Денисовной. Старая женщина смотрела на него ясными слезящимися глазами, в которых тихо светились вопрос и надежда.

– Все будет хорошо, – улыбнулся он, чувствуя, как под этим взглядом внутри его зашевелился холодный ком мрака и потянул щупальца к языку. – Он скоро встанет и будет трезвый как стеклышко. И будет вести себя тише воды ниже травы. – Щупальце мрака достигло языка, и Матвей добавил со смешком: – А не будет – заставим!

– Спасибо, Матвей Фомич, – поклонилась бабушка Стаса, прижимая к себе голову обнявшего ее внука.

Мрак заставлял Матвея и дальше говорить в том же духе, однако он пересилил себя. Выйдя из дома, он нашел работающий телефон-автомат и позвонил Дикому:

– Что нового, Валентин Анатольевич?

– Ничего хорошего, капитан, – ответил начальник «Смерша». – Ельшин получил санкцию директора на задержание всех участников операции «Перехват». А так как трое из них уже мертвы, можете представить, какая участь ожидает остальных. – Генерал помолчал. – Среди них ведь есть и ваш приятель, Балуев?

– Что еще?

– Борису стало лучше, потихоньку выздоравливает. Сегодня иду на прием к Бондарю. Пора выходить на главных действующих лиц по

делу о похищении секретного оружия. Кстати, след партии «глушаков» ведет на дачу Генриха Герхардовича.

– Удачи вам, генерал. Но поберегитесь, вы наверняка уже в прорези прицела киллеров Ельшина. Я нужен?

– Пока нет. Если понадобится – вызову. Зачем звонили?

– Нужна квартира, о которой знали бы только я и вы.

Дикой не отвечал минуты две.

– Запоминайте адрес: улица Живописная, тридцать четыре, корпус два, квартира четырнадцать. Ключи передам я лично, когда скажете.

– Тогда до связи. – Матвей повесил трубку, вышел из будки на углу Ольховской и Басманного переулка, откуда звонил, и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Так мог смотреть только Матфей-Хранитель, но, как ни старался Соболев определить его местонахождение, сделать этого не смог.

Глава 27

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ «СТИКС»

Ночевал Вася у Парамонова; дом у родственников Ивана Терентьевича был большой, пятикомнатный, в нем вполне могли разместиться еще три-четыре человека, кроме хозяев. Под утро Васе приснился сон, будто стоит он на белой стене, которую вполне можно было бы назвать Великой Китайской, если бы она не была выше и монументальней, уходящей в обе стороны до горизонта, и смотрит на приближающийся с низким гудением со стороны неблизкого горного хребта вертолет. Однако на самом деле «вертолет» оказался колоссальных размеров жуком, сверкающим в пластинах брюха и сочленениях лап изумрудно-фиолетовым блеском. До стены жук не долетел, в него вдруг плюнуло огнем с покрытого кратерами поля за стеной, а что было дальше, Вася не досмотрел, проснулся.

За завтраком он поделился сном с Иваном Терентьевичем, и тот, с любопытством кинув взгляд на лицо гостя, предположил, что сон его может быть навеян разговорами с Ульяной о прошлом человечества, но в то же время весьма схож с трансовой инициацией родовой памяти.

– Либо вы легко возбудимы и обладаете хорошей фантазией, – добавил с улыбкой Парамонов, – либо разбудили свой паранормальный резерв, что вероятней. Если это так – поздравляю, вы на верном пути. Кстати, жук, которого вы видели, – колеоптер, представитель одного из самых свирепых видов разумных Инсектов.

– Жуков не люблю, – поморщился Вася, подумал и добавил: – Но комаров и тараканов не терплю больше.

– Истоки комплекса агрессивности и страха перед насекомыми – в нас самих, – засмеялся Парамонов, – но об этом мы лучше поговорим вечером, когда соберемся у Ули, а сейчас я, извините, убегаю.

– Будьте осторожны, Иван Терентьевич, все-таки не забывайте, что вы в розыске, как бы не случилось чего.

Парамонов уехал на своей синей «девятке» на работу. Вася послонялся по дому, потом погулял в саду вокруг усадьбы, сдерживая порывы души позвонить Ульяне или заехать за ней, потом рассердился

на себя и решил заняться полезным делом, то есть тем, чем привык заниматься по утрам в Москве.

До одиннадцати часов он тренировался, найдя во дворе за домом укромный уголок, медитировал и читал литературу, подаренную Ульяной. Потом переоделся в прогулочный костюм: светлые брюки, летние туфли, рубашка фасона «милуоки», – и так как до вечера времени было хоть отбавляй, отправился на экскурсию по Рязани.

День был по-летнему великолепен, природа радовалась жизни, солнце светило вовсю, легкий ветерок шевелил яркую, еще не потускневшую от пыли листву деревьев, цветы благоухали, и настроение у Василия складывалось под стать погоде, несмотря на ждущие решения проблемы. Однако сгущение туч над головой – в фигуральном плане – он почувствовал уже спустя полтора часа после «выхода в свет».

Пообедать он зашел в привокзальный ресторан «Ока» на вокзале Рязань-1. Народу в этот час в ресторане было немного, поэтому Вася выбрал столик у окна с видом на площадь, заказал обед и стал исподтишка оглядывать зал. Через столик от него сидела примечательная пара: молодая скучающая женщина, бросающая призывные взгляды на обедающего неподалеку молодого красивого брюнета, возможно грузина, и пожилой, одутловатый, с залысинами мужчина, увлеченно уплетающий жаркое из печени. Трапеза была для него чем-то вроде ритуала, хотя и проводимого в безобразном стиле, и готовился он основательно: стол был уставлен всевозможными яствами, среди которых были, по мнению Балужева, абсолютно несовместимые: говяжий бок и копченый окорок, катиги из угря, форель, черная и красная икра в тарталетках, севрюга горячего копчения, креветки, салаты и индейка в яблочной глазури. Запивалось все это вином, пивом и коньяком.

Василий, который мог получить несварение желудка от одного только перечисления блюд, глянул на едока и почувствовал дурноту. Потом поспешно перевел взгляд на его спутницу, заметил ее безмолвный диалог с молодым брюнетом и усмехнулся про себя. Ах, мужики, мужики, самозабвенно верующие в свою необходимость и незаменимость, в исключительное право на обладание женой, как же вы бываете слепы!.. Ее губы говорили – нет, а взгляд говорил – все возможно! В то время как муж – большое эгоистичное грубое

животное – увлеченно жрал, жмурясь от удовольствия и не глядя ни на жену, ни по сторонам. Он был так самодостаточен, что не украсить его рогами жена просто не могла.

Женщина, курившая одну сигарету за другой, с иронией поглядывавшая на спутника, поймала взгляд Василия и озадаченно заморгала, когда он подмигнул ей.

В ресторан вошли трое крепких молодых ребят в голубовато-серых одинаковых костюмах, с классическими прическами мелких клерков, сели поближе к стойке бара, заказали вино и сигареты. В них явно угадывались профессионалы, хотя и несколько иного класса, чем те, кого можно было бы назвать мастерами перехвата или задержания. И все же Васе стало не по себе. В свете происходящих событий с ним и с его новыми приятелями – Посвященными всякое проявление сил спецназа говорило о сгущении негативного фона.

За стойкой бара копошилась симпатичная блондинка в обтягивающем тело черном фирменном комбинезончике, обслуживая редких покупателей. Она как раз отпустила пиво молодой паре, когда трое профи, на которых обратил внимание Василий, начали действовать. Блондинка успела лишь набрать сумму покупки на кассовом аппарате, когда один из троих молодцов вскочил, ударом ноги сорвал дверцу бара, ворвался за прилавок и резко оттолкнул барменшу от стойки, так что она ударилась головой о резной столбик, поддерживающий полки с набором бутылок, и потеряла сознание. Вскочили и двое других парней, вошли за стойку, начали обшаривать полки, ощупали барменшу и нашли в кармашке ее комбинезончика несколько купюр достоинством в пятьдесят тысяч рублей.

– Что я говорил! – торжествующе сказал один из них, показывая купюры. – Заначила!

Посетители ресторана ошалело глядели на «рэкетиров», и не думающих убежать, но вмешиваться не решались. К бару подбежал седовласый мужчина в черном костюме, доставая на ходу сотовый телефон.

– Кто вы такие?! В чем дело? Сейчас же прекратите, иначе я вызову ми... – Договорить ему не дали. Широколицый молодой человек с толстыми губами и носом ударил его в грудь, сбил с ног, отобрал телефон и ударил ногой в бок. И в это время к ним подошел Василий.

– Проблемы, молодые люди?

– Не вмешивайся, – посмотрел на него мельком широколицый, – а то проблемы будут у тебя. – Вдавил кнопку телефона, собираясь вызвать кого-то, но сказать ничего не успел, телефон вдруг словно сам собой выскочил из его руки и переключался к Балуеву.

– Покажи-ка документ, – сказал тот хладнокровно.

– Чего?! – вытаращил глаза молодой человек. – А ну пошел отсюда, пока цел! – Он сунул руку под мышку, и Василий с удовольствием «выстрелил» пальцем ему в шею. Посмотрел на упавшего, перевел взгляд на ошеломленных приятелей широколицего.

– Плохо со слухом, орлы? Документы есть? Только, ради Бога, не хватайтесь за пушки, а то я человек нервный и могу сильно испугаться.

– Ах ты, курва! – выдохнул тот, что ударил барменшу, выхватил пистолет... и с грохотом влип в открытую полку бара, обрушив на пол батарею бутылок. Его напарник не внял предупреждению, тоже цапнул пистолет из подмышечной кобуры, и Василию пришлось бить его в полную силу, ногой в прыжке – в подбородок, что получилось весьма картинно и эффектно. Поправив рубашку и ремень брюк, он вернулся на место и сказал пришедшему в себя седому метрдотелю:

– Вызовите милицию и посмотрите свою работницу, может, ей нужна помощь.

ОМОН прибыл на удивление быстро, Вася не успел даже доесть свой овощной стэйк. Старший группы, вооруженный автоматом, привел в чувство широколицего, пошептался с ним и подошел к Василию.

– Ты, что ли, устроил тут дебош?

– Лейтенант, – проникновенно ответил Василий, – я понимаю, что эти ребята не рэкетиры... Кстати, из какой они команды?

– Налоговая полиция, – сказал узкоглазый омоновец.

– Налоговая? – удивился Вася. – Что же это они так грубо работают? Людей избивают. По-моему, это явное превышение служебных полномочий. Я пытался им объяснить, что они не правы, но ребята не поняли, а когда мне в лицо суют пистолет, я очень огорчаюсь.

Омоновец оглядел Василия с ног до головы, чуть повернул автомат, чтобы ствол его смотрел в грудь сидящего за столиком

Балуева.

– Я вижу, ты тоже парень не промах. Ксива есть?

– А как же? – усмехнулся Вася. – Только если я ее тебе покажу, ты не обрадуешься.

– А ты покажи.

– Вяжи его, Сомов! – подошел к ним помятый командир тройки налоговых полицейских. – За нападение при исполнении... я его, гада!..

Вася поднял на него похолодевшие глаза.

– Малыш, заткни хайло, не то спишут из рядов вчистую. Да и ты, лейтенант, отверни пушечку-то, ужас как я этого не люблю.

– Махни чем-нибудь, мы и отстанем, – растянул губы в улыбке узкоглазый омоновец.

Вася «махнул» – достал и спрятал в карман свое удостоверение сотрудника ФСБ.

– По делам? – убрал автомат лейтенант.

– Позвони по 09, там скажут, – ответил Вася.

Омоновец понимающе хмыкнул, отошел, поговорил с минутой с приходящими в себя полицейскими и увел свой наряд. Потянулись к выходу и молодцы в штатском, поглядывая на доедающего обед Балуева совсем не по-дружески.

– Ты мне еще попадешься... – прошипел широколицый, и Вася вдруг понял, что эта его стычка с охамевшими работниками налоговой службы, воюющими только с теми, кто беспомощен и на виду – с мелкими торговцами, киоскерами, лоточниками, барменами, владельцами небольших ресторанов, – всего лишь прелюдия к более серьезным разборкам, ценой которых может стать свобода или жизнь.

Не то чтобы с этого момента Василий стал вести себя сдержаннее и осторожнее, серьезнее, что ли, он и без напоминания извне всегда был готов к адекватному ответу, просто теперь он стал оценивать обстановку под другим углом – с точки зрения угрозы тем, с кем он подружился, и его поведение в общей картине взаимодействия Посвященных, силовых и криминальных структур, сил тьмы и света – в широком плане начинало играть какую-то особую роль.

Второй инцидент, позволивший Васе снова вспомнить о «сгущении туч над головой», произошел с ним в Парке Есенина. Машину он поставил на платной стоянке возле входа в парк, взял

мороженое и прошелся по тенистым березовым и ольховым аллеям, жалея, что рядом нет Ульяны. Посидел на скамеечке у пруда, глядя, как молодежь катается на желтеньких катамаранчиках, потом выбрал скамеечку напротив детской площадки с аттракционами и колесом обозрения и стал наблюдать за суетой мамаш и бабушек, контролирующих своих чад.

Васе с детства была свойственна некоторая блюзовость поведения в местах отдыха и всенародных гуляний. Идиллическая картина неотягощенных заботами лиц, атмосфера праздничного ожидания каких-то приятных перемен и встреч действовали на него успокаивающе, поворачивали настроение в сторону философского осмысления бытия. Ему было хорошо, и он в ответ желал всем добра. Однако его «блюзовое» состояние длилось недолго.

К площадке подвалила толпа молодых ребят и девочек, человек пятнадцать, похожих с виду на байкеров кожаными штанами и юбками, безрукавками, майками с невообразимыми рисунками, цепями, бляхами и значками, и сразу состояние умиротворения покинуло Василия. Его эмоциональная сфера ощутила приближение темного холодного облака, полного непредсказуемо своенравных грозовых разрядов. Он хотел было уйти отсюда, чтобы не портить впечатление отдыха, но не успел. Байкеры тоже прибыли сюда отдохнуть, только понимали под этим нечто иное и называли этот процесс – оттянуться.

Они обступили площадку, стали ржать, показывая друг другу пальцами на мам и пап, бабушек и дедушек с детьми, кидать непристойные словечки (через три матерных – одно нормальное слово), свистеть, лузгать семечки и плевать, и ощущение праздника покинуло данный уголок парка.

В принципе, если бы разговорами и смехом все закончилось, можно было бы и не обращать внимания на живущее по своим законам хамское стадо, однако байкеры с визгом и хохотом стали гоняться друг за другом, толкать детей, сгонять их с качелей и каруселей, рассаживаться в машинки автодрома и на колесо обозрения, и Вася понял, что придется вмешаться.

Он внимательно взгляделся в снующих, беснующихся молодых людей, вычислил главаря и подошел к нему, по пути купив еще одно мороженое.

Вожак банды был явно старше своих подчиненных, на вид ему можно было дать лет двадцать пять. Согнав со скамейки у песчаной горки молодых мамаш с колясками, окруженный тремя «телохранителями» и хохочущими размалеванными молодимицами, он чувствовал себя повелителем мира – эдакая инфантильная скотина с чубчиком, выбритыми висками и затылком, в черных зеркальных очках на пол-лица.

– Убери свою кодлу, – миролюбиво сказал Вася, разворачивая мороженое. – Чего зря народ пугать? Дети все-таки.

– Ха! – удивленно выдохнул вожак, обнаружив перед собой мужика с мороженым. – Шо ты сказал?!

– Шо слышал, – тем же мирным тоном проговорил Василий, – убери кодлу и побыстрей, а то я рассержусь.

Девушки вокруг вожака перестали визжать и хохотать, замолчали и парни. Двое из них приблизились к Васе с обеих сторон, взяли за ремни и цепи. Кроме того, у них имелись кастеты, и выглядели они грозно.

– Пошел на ... и ... на ... в ... мать! – сказал вожак. – А ну-ка ... его, му... да чтобы ...ся!

В то же мгновение Вася сделал два неуловимо быстрых движения, продолжая есть мороженое, и телохранители главаря легли на траву, закатив глаза.

– Я долго буду ждать?

Вожак обалдело глянул на своих сподвижников, вскочил, еще двое парней бросились к Балуюеву и отлетели назад, хватаясь за животы, сгибаясь пополам. Вася шагнул к вожаку, сорвал с него очки, вбил в открытый рот мороженое, похлопал по спине.

– Ешь, ешь, это отрезвляет.

Вожак замычал, хватаясь за рукоять револьвера, торчащего за широким поясом с заклепками. Вася ловко перехватил руку, отобрал револьвер, покачав головой:

– Ну ковбой прямо, а? Доедай, доедай, не плюйся.

Притихшие девушки хихикнули, глядя на свое измазанное мороженым божество. Парни из его окружения тоже присмирели, понимая вдруг, что шеф нарвался на силу, которую лучше не трогать.

– Доел? – Василий по-отечески похлопал по спине вожака. – А теперь командуй. Чтоб через минуту вас тут не было.

– Да я!.. тебя!.. с-су..! бл..!

Василий хлопнул жожака по ушам ладонями, тот ойкнул, замолчал, глаза его стали белыми, бессмысленными, казалось, он вот-вот хлопнется в обморок. Но обошлось.

– Ну? – ласково пошлепал его по щеке Вася. – Созрел?

– Петух... уходим... – прохрипел жожек. – Зови боев...

Один из кожаных парней с готовностью сорвался с места и, крича что-то на немыслимом жаргоне, бросился собирать «боев». Через несколько минут банда байкеров убралась с площадки, ведомая своим жожаком, имевшим вид побитой собаки. Вася смотрел ей вслед, не обращая внимания на благодарные взгляды и слова молодых мам, и снова к нему пришло ощущение сгущавшихся над головой туч, подкрепленное чьим-то пристальным, цепким, профессиональным взглядом. Кто-то наблюдал за ним издалека и намерения имел отнюдь не миролюбивые. Вася даже подумал было, что байкеры подсланы к нему специально, чтобы определить его реакцию, вычислить возможности, но проверка была слишком примитивной, да и для организации подобного экспромта требовалось время, поэтому не стоило подозревать в каждом событии руку спецслужб. И тем не менее Васе стало не по себе. Вполне могло быть, что его вели. Он был достаточно опытен, чтобы доверять своим ощущениям. Одного он только не мог понять: кто и как мог найти его в миллионном городе?

Не обнаружив наблюдателей обычными методами, что говорило об их профессиональной подготовке или об использовании электронных средств слежения, Вася неторопливо побрел к выходу из парка, решая, что делать. Когда он подошел к машине и ничего подозрительного не заметил, план действий был уже готов.

Перво-наперво Василий поехал в областную больницу, где работал Парамонов, по пути пытаясь определить «хвост». Это ему удалось: за его «шестеркой» шли две машины – стального цвета «Вольво» девятьсот шестидесятой модели и темно-зеленый джип «Ниссан-Патрол», обе – с московскими номерами. На обычную слежку подобная схема преследования не походила, ситуация пахла захватом. Оторваться от этих мощных машин Василий на своем «жигуленке» не мог и примирился с этим.

Территорию больницы он не знал, поэтому просто заехал внутрь и поставил машину у главного корпуса. Ни «Вольво», ни джип заезжать

за ограду не стали, из чего Вася сделал вывод, что брать его здесь не будут. Подумал: «Ну-ну, парни, поиграем в кошки-мышки». Нашел психотерапевтическое отделение, спросил у проходящей медсестры, где находится кабинет врачей, и предстал перед светлые очи Ивана Терентьевича Парамонова, который сидел в белом халате за пультом какого-то медицинского аппарата, похожего на детектор лжи, и разговаривал с двумя женщинами в халатах. Увидев Балуюева, он извинился, встал и вышел с ним в коридор, спокойный и уравновешенный.

– Что-нибудь случилось, Василий Никифорович?

– За нами пришли.

– Рассказывайте.

Вася вкратце поделился с Иваном Терентьевичем своими наблюдениями.

– Странно, – сказал тот задумчиво. – Чтобы вот так запросто выйти на сотрудника ФСБ вашего уровня, надо всего-навсего знать, где он находится. С другой стороны, нас могли просчитать и другие наши неприятели и пустить по следу команду.

– Кардиналы Союза? Рыков?

– Рыков, Юрьев, Носовой, Мурашов... кто-то из них. Кстати, у каждого кардинала имеется свой манипул – команда профессионалов слежки, задержания и исполнения решений.

– Вы думаете, они?

– Не похоже, я не чувствую потока внимания, то есть пси-излучения иерархов, которым отмечены их люди.

– Печать зла?

– Можно сказать и так, – улыбнулся Парамонов. – Где ваша машина?

– У входа в корпус.

– Я свою, к сожалению, дал на полдня приятелю, придется использовать вашу. Садитесь и объезжайте корпус справа, я выйду служебным ходом во двор и покажу проезд через территорию больницы. Поедем к Уле, а по пути подумаем, что можно предпринять.

– Надо еще предупредить Кристину.

– Я предупрежу, не беспокойтесь.

Парамонов вернулся в кабинет. Вася направился по коридору к выходу и сразу увидел молодого парня в спортивном костюме и

куртке, входившего в здание. Тот заметил его позже, поэтому отступить не успел.

– Привет, Гриша, – широко улыбаясь, подошел к нему Василий, протягивая руку для рукопожатия. – Сколько лет, сколько зим. Какими судьбами?

Конечно, Вася не был знаком со «спортсменом», но эффект «узнавания» всегда срабатывал безошибочно, сработал и на сей раз.

– Привет, – буркнул «спортсмен», включаясь в игру... и тут же выключаясь от мгновенного незаметного удара в лоб. Вася заботливо поддержал его, повел по коридору мимо кабинетов, приговаривая для спешащих по делам медсестер и врачей:

– Сейчас пройдет, терпи, Гриша, доктор посмотрит и вылечит, терпи...

Коридор вильнул, выводя их в холл со стульями и пальмами в кадках, где сидели двое мужчин в возрасте. Вася усадил «спортсмена» на стул, сдвинул ему сухожилие на плече, спросил в ухо:

– Что за контора меня «пасет»?

Парень промычал что-то, силясь вдохнуть воздух, глаза его оставались мутными, вряд ли он соображал, что с ним случилось. Вася сунул руку ему за пазуху, нащупал кобуру и рукоять пистолета, потом обшарил карманы куртки и брюк – больные за пальмой не обращали на него внимания, – ничего не нашел и встал.

– Посиди, Гриша, я схожу за врачом.

Через минуту он сел в машину, отметив появление еще двух «спортсменов» у входа в корпус. Они ждали своего разведчика. Вася включил двигатель, медленно развернулся, но поехал не на улицу, а свернул направо, поймав движение «спортсменов»: один нырнул в здание, второй ринулся к воротам, на улицу, где стояли машины преследователей.

Иван Терентьевич вышел из двери служебного выхода, как только машина Балугева обогнула здание, сел в кабину.

– Прямо, потом у развилки налево, по серпантину вниз и мимо морга к парку... Почему задержались?

– Наткнулся на разведчика, зашел в больницу поглядеть, где я. Но ошибся. Я, между прочим, тоже. Сказать, кто и откуда, он не смог.

– Жаль. Так, здесь правее, у сарая налево. Ворота, наверное, с этой стороны заперты, я открою.

– Сидите.

Вася подъехал к деревянной решетке ворот с висячим замком, надавил капотом, ворота с хрустом распахнулись, сломав петлю с замком. Спустя короткое время машина была уже в балке за больницей, выехала на дорогу, обогнала троллейбус номер пять, переехала мост через реку, выскочила на площадь Есенина с драмтеатром и свернула на улицу Урицкого, на которой был расположен мединститут.

– Остановитесь у ресторана.

– Но ведь Уля, наверное, в институте...

– Я ее позвал.

– Каким образом? – Вася в недоумении глянул на по-деловому сосредоточенное и спокойное лицо Посвященного, встретил его дружелюбный взгляд с ироничной искоркой в глубине и все понял. Он остановил «шестерку» у ресторана «Рязань», и в нее тотчас же села Ульяна, появившаяся словно ниоткуда, буквально из воздуха.

– Объясните, что происходит, мужчины. Доброе утро, Василий.

– Доброе утро, призрак. Нас... – Вася не договорил, заметив в зеркальце заднего вида появившиеся в конце улицы «Вольво» и «Ниссан». – Ах ты, мама моя! Вот они!

– Кто? – не поняла Уля.

– Нас просчитали, – сказал Иван Терентьевич. – Кто – неизвестно, скорее всего спецструктуры из Москвы, Васины коллеги.

– Тамбовские волки им коллеги, – пробурчал Вася. – Командуйте, куда ехать, я Рязань знаю плохо.

– А тут близенько, – повел рукой Парамонов. – Сворачивайте за угол, на Подбельского, и сразу во дворик за пятиэтажкой. Дворик там очень уютный и тихий, приятно будет беседовать.

Вася хмыкнул, понимая, что сейчас проверяется его способность думать и держаться, выжал сцепление и поехал в указанном направлении. Он не сомневался в том, что преследователи их заметили, а не промчались мимо.

– А как же Кристина? – спросил Вася, сворачивая во двор за пятиэтажным кирпичным домом сталинской постройки – с колоннами по фасаду на всех этажах, с кирпичными столбиками балконов и резными фронтонами.

– Она сейчас придет, – сказала Ульяна и первой выбралась из машины, сосредоточенная на какой-то мысли.

– Оставайтесь в машине, Василий, – сказал Иван Терентьевич, следя за тем, как во двор въезжают, переваливаясь на неровностях дороги, темно-зеленый джип и «Вольво» с затемненными стеклами. – Мы справимся сами.

Он вылез из кабины и догнал Ульяну, остановившуюся посреди двора, у каменной беседки с неработающим фонтанчиком. Вася подумал, переместил кое-какое свое спецснаряжение из бардачка в карманы брюк и рубашки, выбрался из машины и облокотился на крышу, делая вид, что любит погоду и дышит свежим воздухом.

Захлопали дверцы машин, из них стали выпрыгивать молодые люди в спортивных костюмах и джинсах, все – в куртках, несмотря на жаркий летний день, под которыми удобно было прятать бронежилеты и оружие. Вася напрягся, не понимая, что задумали Посвященные, все-таки силы были слишком неравными: четырнадцать человек, специально обученных и тренированных, против троих, двое из которых были явно некомбатантами, но, с другой стороны, сила людей Внутреннего Круга намного превышала психофизические возможности всей группы захвата, что и показали дальнейшие события.

Вася не сразу понял, что произошло: показалось – в голове лопнула бутылка с кипятком и ошпарила мозги. Затем, спустя какое-то время, пришла догадка: Посвященные атаковали преследователей в пси-диапазоне. Он сам не потерял сознание только потому, что обладал спонтанной защитой и кое-каким запасом паранормальных сил.

Все четырнадцать «спортсменов», уже развернувшиеся в цепь, начавшие операцию захвата, попадали на землю, роняя оружие. Уснули водители машин. Люди, находившиеся во дворе дома до подъезда спецмашин, тоже потеряли сознание, и двор превратился в «асфальтовое побоище», в цирковую арену, где был успешно проведен эксперимент по коллективному усыплению зрителей.

Когда во дворе появилась Кристина, Вася не заметил. С гудящей головой он подошел к Ульяне и Парамонову, кивнул на застывших спецназовцев.

– Сколько они будут находиться в таком положении?

– Часа полтора, – ответила Ульяна, вопросительно глянув на подошедшую Кристину.

– Там была еще одна машина, – сказала подруга Соболева, – очень красивая, серебристого цвета. В кабине двое, вот документ того, что сидел за рулем. – Она протянула красную книжечку с тисненым двуглавым орлом. Вася развернул ее и прочитал:

– Майор Хасан Мустафа Ибрагимов, Управление «Т» Федеральной службы безопасности.

– Вы его знаете? – спросил Парамонов, внимательно посмотрев на затвердевшее лицо Балугева.

– Знаю, – глухо ответил Вася. – Командир спецподразделения «Стикс». Это команда Ельшина, Иван Терентьевич. Но убей меня Бог, если я знаю, как они меня вычислили! Я сейчас вернусь...

– Не стоит, – мягко удержал его Парамонов. – Они уже не причинят нам вреда.

– У меня с ним свои счета...

– И все-таки не стоит устраивать суд здесь. Он лицо подневольное, надо выходить на его начальников.

– Это он подставил меня в Грозном. – Вася шагнул было прочь, но уловил взгляд Ульяны и словно споткнулся об него. С усилием загнал гнев и ненависть в глубину души. – Черт с ним, пусть живет. Куда теперь, господа гипнотизеры? Надо линять, а то торчим здесь, как четыре тополя на Плющихе.

Ульяна улыбнулась, провела пальцами по его щеке и первой зашагала к машине. Вскоре они выехали со двора, где на земле лежали незадачливые оперативники «Стикса», а оторопелые жители дома, вышедшие по своим делам, с испугом разглядывали неподвижные тела.

– Куда? – спросил Василий, увеличивая скорость.

– В столицу, – ответил за всех Парамонов. – Но прежде переоденемся и соберем вещи. Спешить нам особо незачем.

«На шоссе не перехватят?» – хотел спросить Василий, но вместо этого проворчал, пытаясь разрядить обстановку:

– Даже обидно, что не дали подраться...

– У тебя еще появится такая возможность, – вздохнула Ульяна, не реагируя на шутку, и Вася понял девушку, да и всех остальных тоже:

никому не хотелось резко менять образ жизни, но сама жизнь распорядилась иначе. И что ждет их впереди, не знал никто.

Глава 28

КАСАНИЕ ГРАНИЦЫ

Бориса Ивановича Ивакина, полковника военной контрразведки ФСБ, убили прямо в больничной палате, днем, на глазах медперсонала госпиталя, куда его перевезли из больницы «Скорой помощи» после операции. Двое неизвестных в белых халатах, из-под которых виднелись генеральские кители и брюки с лампасами, принятые за высокое военное начальство, вошли к нему в палату вместе с медсестрой, когда телохранители полковника по какой-то причине покинули свой пост, ударили медсестру по голове, а когда она пришла в себя, Ивакин был уже мертв. В груди его торчал узкий и длинный кинжал, известный среди специалистов под названием баллок. Спасти полковника не удалось. Задержать убийц тоже. Генеральские мундиры были потом найдены в туалете на втором этаже госпиталя, а телохранители Ивакина – в том же туалете, но без оружия, в полной отключке, словно накачались наркотиками. О том, что такое их состояние вызвано излучением гипногенератора «удав», стало известно позже.

На генерала Дикого была совершена попытка нападения, едва не увенчавшаяся успехом. Он возвращался домой с работы поздно вечером в сопровождении двух телохранителей, и как только вышел из машины, раздались выстрелы. Стреляли с двух сторон: из полуподвального окна рядом с подъездом и со стороны стоянки автомашин в двадцати метрах. Телохранители генерала были убиты практически мгновенно, сам же он, владея спецтехникой передвижения в боевых условиях и воинскими искусстваами, успел открыть ответный огонь и укрыться в подъезде, где его ждал еще один киллер – «контролер». Но киллеру не повезло, Валентин Анатольевич увидел его вовремя и выстрелил первым. Три пули достались и самому генералу, однако он все же уцелел.

Матвей Соболев узнал об этом поздно ночью, позвонив Дикому домой и услышав от его жены печальную весть. В задумчивости походил по комнатам, чувствуя дискомфорт, связанный с отсутствием Кристины. Он уже заметил, что острая необходимость в любимой

женщине пропадает, когда она рядом, зато когда ее нет – ощущение сердечной недостаточности сводит с ума.

Сел за компьютер, поработал с каналами секретной сети ФСБ и МВД, узнал новые подробности прохождения по цепи исполнителей приказа о задержании «особо опасных преступников», одним из которых был он сам, но в голову ничего путного не шло. Перед глазами стояло замкнутое, суровое лицо «викинга» – Бориса Ивановича Ивакина, а в ушах снова и снова звучали слова Светлены: «Действуй, иначе опоздаешь...» Неужели он в самом деле не может изменить запланированный мирозданием порядок вещей? Ведь и в том, прошлом варианте бытия Ивакина убили, Дикого ранили, Илью Муромца подстрелили, и в этом повторяется то же самое, несмотря на попытки изменить ход событий и знание того, что произойдет. Или он плохо старается?

Матвей выключил компьютер, походил по непривычно пустым и тихим комнатам, бесцельно дотрагиваясь до вещей Кристины, чувствуя себя странно одиноким, потом позвонил Горшину. Однако Тараса не было дома, его автоответчик, как живой человек, с иронией посоветовал поискать хозяина в астрале, и Матвей с усмешкой бросил трубку. Но тут же поднял снова – телефон зазвонил сам. Однако голос принадлежал не Тарасу. Матвей не сразу узнал Самандара.

– Есть разговор, – сказал Вахид Тожиевич.

– Говорите, – сказал Матвей, озадаченный тем, что Самандару известен его секретный телефон с кодовым опознавателем.

– Не по телефону.

Идти никуда Матвею не хотелось, но так как Посвященные не будут звонить зря, он согласился.

– Где?

– У вас, если не возражаете, я тут неподалеку.

– Жду. – Матвей выключил телефон, прикинул варианты заинтересованности директора МИЦБИ в контакте с ним, на всякий случай сварил кофе и снова кругами пошел по квартире.

Вахид Тожиевич позвонил в дверь через двадцать минут. Вошел сосредоточенно-деловой, налитый упругой силой. Замкнутое, бесстрастное лицо его напоминало лицо игрока в покер, ведущего свою игру.

– Проходите, – повел рукой Матвей, приглашая гостя в гостиную.

– Я всего на минуту, – сказал Самандар, входя в комнату, не снимая туфель, остановился у журнального столика. Матвей пожал плечами, вошел следом и встал напротив.

– Слушаю вас.

Взгляд Самандара из-под черных густых бровей был стремителен и остр, но пробить ледяную сталь глаз хозяина не смог.

– У вас есть то, что интересует и меня.

– Конкретно?

– «Черный файл». Программа вызова Конкере.

– И что же? – Матвей был неприятно поражен осведомленностью Самандара и даже прикинул, от кого тот мог узнать о походе на дачу Ельшина (Вася Баловень! Только он мог похвастаться перед Ульяной, а та сказала Вахиду...), но на лице его ничего не отразилось.

– Предлагаю свою помощь в контакте. Одному вам не справиться с проекцией Монарха, владеющей всем спектром Сил Мира.

– Я не собираюсь контактировать с Монархом, – равнодушно проговорил Матвей, мысленно добавив: «пока».

Тонкие губы Самандара слегка раздвинулись в едва заметной саркастической улыбке.

– Если бы это было так, вам незачем было бы проникать на дачу генерала Ельшина. Итак, вы не хотите, чтобы я подстраховал вас?

– Не хочу, – подтвердил Матвей.

– Вы рискуете... и даже не жизнью – свободой воли! Любой контакт с Конкере заканчивается зомбированием контактера. Вы не справитесь.

– У вас все?

Самандар бросил еще один острый взгляд – выпад воздействия на психофизическом уровне, воспринимаемый как парализующий удар по голове, но Матвей легко отвел удар «поворотом психики вокруг оси» и ответил «пощечиной» – отрезвляющим пси-уколом на частоте гашения сознания. Вахид Тожиевич отшатнулся, бледнея, он не ожидал такого владения пси-полями от какого-то там «незавершенного аватары», вдобавок не признанного Кругом.

– Всего доброго, – поклонился Матвей. – Надеюсь, вы меня поняли.

Директор Международного исследовательского центра боевых искусств провел дрожащей рукой по лбу, повернулся и вышел из

квартиры Соболева на негнущихся ногах. Он был явно потрясен.

Матвей закрыл за ним дверь, подмигнул сам себе в зеркале прихожей, не спеша прогонять всплывшую из глубин психики нехорошую мыслишку, что он еще мало проучил Вахида, потом решительно прошествовал в кабинет. Терпеть дольше с разверткой «черного файла» не было сил. Самандар, не ведая того, своим предложением спровоцировал Матвея начать работу без подготовки и подстраховки, в которых он нуждался.

С тихим гулом заработал компьютер, словно встрепенулся и потянулся проснувшийся электрический зверь. Проглотил диск CD-ROM. На экране дисплея медленно разгорелся алый иероглиф «цюань» на черном фоне. И в тот же момент что-то произошло, мир вокруг неуловимо изменился. Компьютер теперь в самом деле создавал впечатление живого существа с мощной, но нездоровой энергетикой. Затем Матвей почувствовал на себе чей-то пристальный, тяжелый, засасывающий взгляд!

Он был готов, казалось, ко всему: к мощной пси-атаке, к появлению призрака Монарха, к натиску воли Конкере, к высокоскоростному бою, наконец, – только не к тому, что произошло. Его сознание просто растворилось в кошмарно черном объеме Космоса, провалилось в Великую Пустоту, проглоченное кем-то гораздо более масштабным, чем планета Земля и даже Галактика! И Матвей не выдержал этой антиатаки, как не выдерживает боец собственного удара и после промаха падает вперед, проваливается, как говорят специалисты.

Да, он осознал свою ошибку и попытался увернуться, перейти на другие диапазоны психического состояния, однако он уже «падал вперед», проваливался с нарастающей скоростью, и его попытка лишь задержала падение на несколько мгновений...

и тотчас же он почувствовал под ногами твердую поверхность – словно кто-то подсунул ему плот...

тело пробило плот, но руки ухватились за какие-то балки и фермы, подтянули вверх тело, казавшееся глыбой мертвого металла...

балки обломились, и снова, отчаянно извернувшись, Матвей поймал брошенную «сверху» – в пустоту – веревку, затормозил падение и стал подниматься вверх, уже почти не дыша, на пределе сил и воли...

голова пробила толстый слой льда, закрывшего «полынью пустоты», которая продолжала засасывать его, растворять в себе, испарять и развеивать по гигантским объемам чужого сознания...

уши взорвались от собственного крика...

грудная клетка выгнулась дугой, сотрясаемая бешено заработавшим сердцем...

глаза резануло нестерпимо ярким светом...

что-то щелкнуло...

горло перехватило такой болью, что он снова едва не нырнул в омут беспамятства...

и все стихло!

Свет в глазах померк, но последним усилием воли Матвей раскрыл их, увидел склонившееся над ним лицо Горшина и окончательно ушел, вполне осознавая, что его спасли от чего-то неизмеримо более жуткого, чем смерть!

Пришел в себя он через несколько минут, с удивлением обнаружив, что все еще сидит в кабинете перед выключенным компьютером, а рядом на гостевом диванчике удобно расположился Тарас Горшин и с видимым удовольствием пьет кофе. Заметив, что хозяин зашевелился, подал ему чашку с напитком, сваренным так, как любил варить сам Соболев, – на песке, с пенкой.

– Ну как тебе знакомство с Конкере?

Матвей отхлебнул кофе, не чувствуя его вкуса, блаженно закрыл глаза и не отвечал, пока чашка не опустела.

– Спасибо, Граф. Как это ты умудряешься везде успевать?

– Я знал, что ты захочешь распаковать файл и поговорить с Монархом, и ждал момента... тут неподалеку живет моя приятельница. Ну а дыхание Монарха не почувствовать невозможно. Я и прибежал.

– Это было... страшно!

– Представляю. Он поймал тебя на противофазе Гамчикот^[32], то есть не ударил, а принял твое сознание в себя, произошло как бы вакуумное расширение твоей психики, высасывание интеллекта, ты и полетел «в бездну»... Кстати, я тоже, наверное, не удержался бы, будь на твоём месте. Этот парень очень хотел подчинить тебя, и не успей я хотя бы на мгновение – ты был бы уже его авешей. Или зомби, что верней.

– Как тебе удалось меня вытащить?

– Я тебя не вытаскивал, ты вылез сам. Но ударить – ударил.

Матвей внимательно посмотрел в глаза Тараса, на дне которых мерцала неизбывная тоска.

– Хочешь сказать, Монарх «оглянулся» на твой удар и отпустил меня? Что-то не похоже. Я чувствовал не твои удары, а чьи-то вытягивающие меня руки. Это был не ты?

– Не знаю. – Тарас задумался, глотнул кофе, сказал в сомнении: – Мне тоже показалось, что...

Матвей продолжал смотреть на него, и Горшин закончил:

– У меня осталось впечатление, что я был не один. Но вполне возможно, что это было «эхо» нашего сопротивления проекции Монарха. Не бери в голову, мы победили, а это главное. Не хочешь рискнуть еще раз? Вдвоем мы поддержим друг друга и выдержим любое нападение и контрнападение.

Матвей открыл рот, чтобы сказать «нет», вспомнил визит Самандара и сказал:

– Я только сбегая пописать...

Через несколько минут они удобно устроились в креслах перед компьютером, настроились на большое психическое напряжение, чувствуя биополя друг друга, и ввели в память машины «черный файл».

Все повторилось, как и в первый раз, от «оживания» компьютера до превращения его в сверхсущество с мощной пси-энергетикой, только «всосать» в себя сдвоенную волю и сознание людей Внутреннего Круга, которыми, несмотря на обстоятельства, оставались Горшин и Соболев, проекция Монарха не смогла. И тем не менее даже в качестве собеседника Конкере был невообразимо силен и тяжел, выдерживать его вибрацию и голос было невероятно трудно.

– Зачем ты меня вызвал, воин? – раздался в голове Матвея (Тараса тоже, но с иными интонациями) рокочущий бас. – Ты готов к сотрудничеству?

– Нет, не готов, – мысленно ответил Матвей. – Но мне нужна твоя помощь.

– В чем она будет заключаться?

– Мне нужен тхабс преодоления границы «розы реальностей».

– Зачем?

– Я инициировал эйнсоф и вернулся – по мировой линии рода – в прошлое. Однако в результате произошло резкое лавинообразное изменение Закона обратной связи...

– Всякое деяние запускает цепь причин и следствий, просчитать которые не в силах иногда даже я. Ты ошибся, понадеявшись на «высшую справедливость» мироздания, которой не существует. Допустим, я дам тебе тхабс, что ты намерен сделать?

– Изменить Законы. В сторону сил добра и света.

– Как понимаешь их ты?

– Как понимаю их я? Прекратить войну иерархов. Восстановить традиции Круга. Отделить нашу «запрещенную реальность» от «розы реальностей», чтобы никто никогда не смог вмешиваться в дела людей.

– Ты можешь взять на себя такую ответственность?

Матвей не был готов к прозвучавшему вопросу и хотел ответить честно: «Не могу», – но вместо этого кто-то сидящий глубоко внутри его вдруг вырвался на волю и высокомерно обронил:

– Кому бы говорить об ответственности, только не тебе.

– Понятно, идущий. Кажется, ты уже нашел, что искал, судя по ответу. Но знаешь ли ты, что физические тела не могут пересекать границу «розы»? Физическое тело – это устойчивая индивидуальная структура энергий материального порядка, которая просто в силу закона существования подпланов «розы» не может в них пребывать. Иное дело – сознание. Оно – тоже устойчивая индивидуальная структура, но – энергий высших порядков, поэтому проникать в другие подпланы мира может, хотя и согласно Закону восхождения.

– Мне все равно, как я перейду границу – только сознанием или сознанием в собственном теле.

– Что ж, придется подождать, нерожденный. К следующей встрече я адаптирую тхабс под твою индивидуальность. Прощай.

Голова Матвея вдруг распухла, стала огромной, будто воздушный шар, потом резко сократилась в объеме, так что глаза едва не выскочили из орбит от скорости, и Матвей осознал себя человеком, сидящим в кресле перед выключенным компьютером. Повернул голову. Тарас Горшин внимательно смотрел на него, и в глазах бывшего комиссара «чистилища» стыли вопрос и странная тревога, которую он пытался спрятать поглубже.

– С тобой все в порядке, аватара?

- Что ты имеешь в виду, отступник?
- Ничего. – Тарас отвернулся, посидел немного в той же позе и встал. – Только то, что сказал. До встречи. Буду нужен, звони.
- Сегодня прошла неделя, как я вернулся из Чечни...
- И что?
- Почему о н и оставили меня в покое?
- Кто?
- Кардиналы Союза.
- Наверное, имеют какой-то стратегический расчет. Зато они взялись за твоих друзей.
- Матвей подобрался.
- Что ты об этом знаешь?
- Рыков запустил в астрал программы ОСИП, нацеленные на изменение личностных ориентаций Парамонова и Митиной.
- Откуда ты знаешь?
- Мне он тоже прицепил «змею» ОСИП, но я ему не по зубам.
- Зачем это ему?
- Не знаю. Думай.
- Может, заночуешь?
- Нет, у меня другие планы на эту ночь.

Кивнув, Горшин ушел. Тихо щелкнул замок двери. Матвей остался один. Посмотрел на остывающий компьютер, спохватился – где CD-ROM?! Нет, вот он, на месте. Спрятал в коробку, ее убрал в тайник, оборудованный в крышке стола. Погладил пальцами стол и вышел из кабинета.

Спал он мало и плохо, все мерещился монстр, нависший над бездной, в которую Соболев падал, падал и падал, и слышался голос Монарха: хочешь стать моим помощником?.. хочешь стать?.. хочешь?..

А рано утром заявила Кристина, невероятно красивая, теплая, свежая, мягкая, желанная, и день начался с любви, как всегда неистовой и страстной, не оставляющей времени на размышления и оценки, анализ событий и бытовые проблемы, продолжающейся до тех пор, пока не сработала вековая мудрость тела и не погрузила обоих влюбленных в полусон-полугрезу, в состояние, близкое самадхи – просветлению...

– Где ты была? – прошептал Матвей, не открывая глаз, чувствуя разгоряченное тело Кристины рядом.

– У своих, – долетел ответный шепот.

– Виделась с Посвященными?

– Да... тебе привет... Иван Терентьевич сказал, что знает незаблокированный вход в один из МИРов...

Матвей открыл глаза, встретил взгляд девушки, серьезный, чуть печальный, мудрый, испытующий... это был взгляд Светлены.

– Где?

– Под аэровокзалом.

– Где?! Не под храмом?

– Девятьсот лет назад на месте аэровокзала стояло языческое капище, наши предки поклонялись там Перуну.

– Понятно. – Матвей полежал немного в расслабленной позе, потом привлек Кристину к себе. – Пойдешь туда со мной?

– Пойду.

– Не спрашивая – зачем?

– Нет.

Матвей засмеялся, поцеловал девушку в губы, вскочил, чувствуя легкость во всем теле, и первым побежал в душ.

Глава 29

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ МЫ ОШИБЕМСЯ?

В конце мая координатор Союза Девяти Неизвестных России Бабуу-Сэнгэ был вызван в Нью-Йорк куратором Союзов Неизвестных Мира Хуаном Франко Креспо, занимавшим пост Генерального секретаря ООН. Однако по вызову Бабуу-Сэнгэ не явился, и Хуан Креспо вынужден был использовать паранормальную связь, чтобы поговорить с ослушником.

Бабуу-Сэнгэ находился в своей молельне (было время вечерней молитвы), спрятанной в недрах монастыря Гаутамы, когда на него «посмотрела Вселенная» и с дуновением холодного ветра перед ним проступил колеблющийся светящийся призрак верховного куратора.

«Приветствую вас, лама» — так можно было бы перевести мысленный «иероглиф», воспринятый сознанием Бабуу-Сэнгэ. — Я не знаю причин, по которым вы не прибыли ко мне с докладом, но они должны быть весьма весомыми».

«Они очень весомы», — смиренно ответил настоятель храма Гаутамы.

«Россия в последнее время становится территорией, слишком сильно загрязненной магией. Наблюдатели отмечают за три недели мая около полутора десятков психофизических паттернов — потрясений общего поля Сил. Если этим балуются не кардиналы вашего Союза, то кто? И почему вы не предпринимаете никаких мер к пресечению деятельности непосвященных, получивших доступ к тайнам Круга?»

«Мы принимаем меры, но, к сожалению, не всегда можем действовать открыто. К тому же непосвященные, о которых идет речь, получили помощь от Посвященных I ступени, ставших на путь отступников».

«Прекрасно! Только этого нам не хватало — чтобы знания Круга поползли за его пределы, увеличивая хаос и прецессию законов реальности. Если вы не справляетесь, почему не попросите помощи? Пусть этим путем идет координатор Союза Трех Ичкерии, он слишком

молод и честолюбив, но вы-то должны знать цену промедления. Учтите, в июне состоится Всемирный Сход старейшин Круга, и если он решит, что вы несостоятельны как координатор...»

«Я понял».

«Сход ничего не забывает, ничего не прощает и никому не верит, – продолжал Хуан Креспо, – а первую скрипку в нем по-прежнему играют Хранители, которые давно бьют тревогу по поводу нигилизирующей деятельности Союзов. Как долго мне ждать позитивного ответа?»

«Дайте мне три дня, куратор. Я лично займусь чисткой своей территории».

«Жду вас в пятницу с докладом». – Призрак Хуана Креспо растаял, исчез его мысленный голос, канал связи, соединивший через тысячи километров двух Посвященных Внутреннего Круга, истончился и пропал.

«Пора самому познакомиться с этим человеком – Матвеем Соболевым, – подумал Бабуу-Сэнгэ. – Уж очень сильно им заинтересовались столь высокопоставленные лица, как иерархи. Кто он такой? Откуда пришел? Как получилось, что он овладел знаниями Круга, не пройдя Посвящения?.. Но прежде надо поговорить с Везирханом. Ошибся босс Чечни, недооценил противника, зато должен знать о Соболеве то, чего не знаю я...»

Бабуу-Сэнгэ сосредоточился и вошел в зыбкое марево астрала, пронизывающее всю Землю, чтобы найти канал связи с Везирханом Шароевым, президентом Чечни, координатором Союза Трех Неизвестных.

* * *

Василий подъехал к дому Горшина рано утром, в начале девятого, но оказался последним. Парамоновская «девятка» уже стояла во дворе дома, что говорило о прибытии Посвященных точно по договору. Правда, у Балугева было оправдание: он встречался с генералом Первухиным, которому рассказал о схватке с командой «Стикса» в Рязани и о попытке розыска силами милиции «опасных преступников», среди которых значился и он сам. Первухин знал о

розыске, а также о том, кто, по его мнению, был инициатором, и пообещал «прекратить безобразие».

– Дни Генриха сочтены, – сказал он в напутствие. – Дикой встречался с директором и передал ему пакет документов о деятельности Ельшина, от которого Бондарь едва не поседел. Заведено уголовное дело, эхо идет по всей Москве, уголовщина готовится к чистке. В общем, заварил твой приятель кашу. Так что в скором времени выяснится и твоя несостоятельность, капитан, как преступника. Но какое-то время я тебе советую не высовываться. Как вам удалось отбиться от «Стикса»? Неужто Ибрагимов сплоховал?

– Мы оказались круче, – усмехнулся Василий, пожимая руку начальнику Управления спецопераций, которому тоже грозило привлечение к ответственности за прошлые грехи – участие в разработке «Перехвата», и отбыл на встречу с друзьями, прекрасно осознавая, что ему-то как раз придется постоянно «высовываться», а не прятаться по схронам ФСБ.

В доме Тараса его встретила тишина. Посвященные сосредоточенно пили чай и о чем-то размышляли. Не поднялась навстречу гостю даже Ульяна, что Васю слегка обидело, однако уже через полминуты он понял, в чем дело.

– Что за унылый вид, господа супера? – осведомился он, появляясь в гостиной; защита дома пропустила его без звука. – Кого хороним? Все живы-здоровы, от погони ушли, все вместе, полны решимости изменить жизнь к лучшему – и траур на лицах!

– Соболев зомбирован, – тихо проговорила Ульяна.

– Это и раньше было известно, – сбился с тона Василий.

– Тарас встречался с ним ночью... Матвей пытался установить контакт с Монархом в одиночку и едва не поплатился свободой воли. А он знал, что одному это делать опасно, и все-таки открыл «черный файл».

– Ну и что?

– Ясно, что в его психике происходят необратимые изменения, активируемые программой Удди, которую пентарх внедрил в подсознание Соболева. Надо срочно что-то предпринимать, иначе мы опоздаем.

– Но ведь мы же наметили... – Вася обошел стол и сел рядом с Улей на диван. Настроение его упало.

– Наметили, – неопределенно дернула плечиком Ульяна. – А теперь сомневаемся. Что будет, если мы ошибаемся? Ты можешь представить?

Вася подумал.

– Могу. Вместо аватары получим «антиаватару». Но разве есть другой путь – как помочь Соболеву?

– Другого пути нет, – сказал Иван Терентьевич. – Только шактипат. Но справимся ли мы, я не уверен.

– Справимся, – уверенно пообещал Василий.

Ульяна улыбнулась.

– Васенька, если мы проиграем этот виртуальный бой, может быть, и выживем, но наверняка превратимся в рабов, в зомби-солдат Соболева.

– Кристина говорила – мы его спутники, спутники аватары... Кстати, она обещала попросить помощи у Хранителей. Они что, отказали?

– Они никогда не говорят твердое «да» или «нет». Мы можем только надеяться на их помощь, не больше.

– А где Кристина?

– Дома. Она говорила с Матвеем и сообщила координаты МИРа, который открыли по ее просьбе Хранители. Соболев собирается идти туда уже сегодня.

– Тогда в чем дело? Вперед! Мы должны появиться там раньше, если хотим что-то сделать. Сидением и колебаниями делу не поможешь. Есть старое студенческое правило: боишься – не делай, а сделал – не бойся.

Посвященные переглянулись, обмениваясь улыбками, но Вася уже чувствовал их отношение к нему и видел, что улыбки – дружелюбные, одобряющие. Он, далеко еще не человек Круга, был принят в семью Посвященных как равный.

– Устами младенца глаголет истина, – сказал Тарас, отставляя чашку. – Сверим часы, господа... спутники. М-да. Сейчас половина девятого. В половине одиннадцатого встречаемся на аэровокзале. Переодевайтесь, экипируйтесь, у меня вы найдете все, что нужно, а я убываю по делам. Надеюсь, мы не совершаем ошибку.

Горшин ушел, хлопнув Васю по плечу. Посвященные кончили пить чай и теперь разглядывали Балуюева, будто видели его впервые.

Кошачьи лапки пробежались у него под черепом, щекотно поглаживая мозг, проникая в глубины сознания. Он напрягся, ощущение «кошачьих лап» прошло.

– Наш человек, – одобрительно проговорил Парамонов, вставая, и, тоже потрепав Балуюева по плечу, вышел из гостиной.

– Что вы меня успокаиваете как маленького, – проворчал Василий. – Я не слабее каждого из вас.

– В том-то и дело, что слабее, – вздохнула Ульяна, придвинулась ближе, положила руку ему на колено, заглянула в глаза. – Не обижайся, Балуюев. Ты даже представить не можешь, с чем тебе придется столкнуться.

– Я не один, я с вами, и мы отобьемся, – убежденно ответил Василий.

Ульяна слабо улыбнулась и поцеловала его в щеку.

Глава 30

ШАКТИПАТ

Парамонов поставил свою машину рядом с Васиной, припаркованной справа от здания аэровокзала, и перебрался к нему в кабину, где уже сидела Ульяна. Девушка была одета в джинсы, футболку и куртку, мужчины выглядели экзотичней: на Васе красовался темно-синий комбинезон с надписью на спине «Техническая служба», Иван Терентьевич выбрал в гардеробе Горшина мундир полковника милиции.

– Что-то я машины Тараса не вижу, – сказал Вася.

– Подождем, – отозвался Иван Терентьевич, – он сам нас найдет.

И в это время в машину внезапно подсел какой-то проходивший мимо мужчина в белом костюме, Вася даже не успел среагировать. Оглянувшись на незнакомца и только сейчас признал в нем Вахида Тожиевича Самандара.

– Вахид? – изумленно глянула на Посвященного Ульяна. – Что ты здесь делаешь?

– Жду вас, – невозмутимо ответил Самандар. – Хочу предостеречь. Я знаю, что вы собираетесь депрограммировать Соболева, так вот – вам не удастся это сделать.

– Почему?

– Я встречался с ним... недавно... Он вышел на уровень Элохим Гибор, хотя сам и не осознает этого, вы же все вместе едва ли способны реализовать иерархию Сил света Цафкиель на уровне Иеговы Элохим.

В кабине Васиной «шестерки» повисло молчание. Потом Парамонов повернул голову к Самандару:

– Присоединяйся к нам, Вахид. Твоя помощь будет очень кстати, вместе мы нейтрализуем зомби-программу Удди.

Самандар покачал головой:

– Вы слепцы. Он поглотит ваши души, как поглотил его душу пентарх, не поможет вмешательство и более сильного иерарха, чем я.

– Значит, ты не пойдешь с нами?

– Нет. – Самандар помолчал, глядя в окно на привокзальную суету, с усилием заставил себя посмотреть на разглядывающих его Посвященных. – Уля, не ходи хотя бы ты. Иван, отговори ее.

Ульяна сверкнула глазами, перехватила косой взгляд Василия и проговорила:

– Спасибо за заботу, Вахид. Но я привыкла решать за себя сама. Не хочешь идти с нами – уходи.

Самандар несколько мгновений смотрел прямо перед собой (Вася чувствовал спиной его взгляд – будто на спину лег тяжелый камень), затем открыл дверцу и, ни слова не говоря, вышел, пересек площадь, исчез.

– Откуда он знает, что мы собрались здесь для похода в МИР? – спросил Вася.

– Я тоже думаю об этом, – признался Иван Терентьевич.

– Он изменился, – тихо, как бы извиняясь, проговорила Ульяна. – Не понимаю, в чем дело, но он таким индивидуалистом не был.

– По-моему, все ясно, – проворчал Василий. – Он просто ревнует тебя ко всем... хотя и волнуется, конечно, за твою жизнь.

– Психолог... – усмехнулась Ульяна с грустью.

– Жаль, что он не с нами, – сказал Иван Терентьевич. – Было бы намного легче.

– Неужели это такое трудное дело – декодирование? – посмотрел на него Вася. – Вы же способны загипнотизировать сотню человек сразу, а Соболев – один.

– Во-первых, процесс декодирования сродни экзорцизму – «изгнанию дьявола», требующему досконального знания предмета и колоссального расхода душевных сил, во-вторых, Соболев – не обычный человек, в которого «вселился дьявол».

– Так что же теперь, обняться и плакать? Откуда уныние в наших рядах?

– Мы не унываем, – улыбнулся Парамонов. – Просто не хотим упускать ни одного шанса. Пойдемте, Тарас уже ждет нас у служебного входа.

Вася хотел спросить: «Откуда вы знаете?» – но прикусил язык, вспомнив, с кем имеет дело.

Тарас, одетый в почти такой же комбинезон, что и Василий, только черного цвета и с надписью «Водонадзор», прохаживался с

чемоданчиком у решетки забора за зданием аэровокзала, где кончалась зона посадки в автобусы, развозящие пассажиров по аэропортам. Увидев подходящих «полковника» и «техника» в сопровождении Ульяны, он молча повернулся и исчез за калиткой забора, замок которой сам же, наверное, и открыл. Свернул направо, во дворик одноэтажного служебного строения, заполненный желтыми автокарами, скипами и грузоподъемниками, остановился у крышки канализационного люка.

– Лучше всего войти в сеть канализации здесь, по ней мы пройдем под здание и спустимся на уровень водостока. Вход в МИР где-то там.

Вася оглянулся на рабочих привокзального хозяйства, снующих по двору, но не обращавших на них внимания, и Тарас, перехватив его взгляд, сказал:

– Они нас не видят, не волнуйся.

– Я и не волнуюсь. А Соболев здесь не проходил?

– Я бы почувял. Да и Кристина сообщила, что они появятся примерно после обеда, успеем занять позицию. Я иду первым, потом Иван Терентьевич и Василий, Уля пойдет замыкающей. Если кто встретится под землей, не обращайтесь внимания, до спуска в МИР боевых действий не предвидится.

– Если только о нашем походе не пронюхают доблестные кардиналы вашего поганого Союза... – пробормотал Вася.

– Почему они должны пронюхать?

– Узнал же об этом каким-то образом Самандар.

Тарас, без усилий выдернувший крышку люка и собиравшийся спуститься в колодец, остановился, посмотрел на Парамонова.

– Он встретил нас, – кивнул Иван Терентьевич. – Но я не знаю, каким образом ему удалось узнать о походе. Возможно, от Кристины.

– Это плохо. – Горшин пощипал пальцами подбородок. – Но менять что-либо уже поздно. – Он ловко прыгнул в люк.

Остальные двинулись следом. Вася помог Ульяне закрыть крышку и полез вниз по скобам в полной темноте, пока не добрались до дна канализационной трубы, где зажег фонарь. Включил фонарь и Горшин, хотя мог бы обойтись без света, перейдя на инфразрение. Однако в светомаскировке не было нужды, вряд ли под зданием аэровокзала, в канализационных и вентиляционных сетях, кипела жизнь.

Сгибаясь в три погибели, по щиколотку в жидкости, которую трудно было назвать водой, они достигли коллектора и выбрали другую трубу, чуть большего диаметра и почти сухую. Метров сорок шли по ней, гулко усиливающей каждый шорох, пока не свернули и не уперлись во второй коллектор, где нашли очередной колодец, опустивший их на дно бетонного короба – тоннеля, захламленного какими-то картонными коробками, битым кирпичом, тряпками и бумагой. Впечатление было такое, будто здесь недавно жили люди. Впрочем, так оно, наверное, и было, место явно было облюбовано бомжами, а может быть, и бандитами.

Как Тарас ориентировался в подземных коммуникациях, Вася не понял, сам он, наверное, давно заблудился бы, однако отряд шел уверенно и быстро и через сорок минут со времени начала спуска под землю остановился у металлической решетки, закрывающей квадратное отверстие в стене тоннеля. Но Тарас разглядывал не решетку, а стену напротив, поглаживая ее рукой.

– Здесь, – сказал он уверенно. – Чувствуете?

Иван Терентьевич повел рукой в круге света, не касаясь стены. Сказал негромко:

– Да, это печать Хранителей.

– Ну и как мы здесь пройдем? – осведомился Василий. – Или ты взял взрывчатку?

– Если Кристина договорилась с Хранителями, то вход откроется, – сказала Ульяна. – Попробуем?

Посвященные замолчали, пристально глядя на бетонную стену тоннеля, и произошло то, чего Вася не ожидал: на стене проступил вычерченный тонкими светящимися линиями прямоугольный контур, затем прямоугольник этот пошел трещинами и осыпался кусками бетона, обнажив отсвечивающий в луче фонаря шелковой зеленью, голубизной или фиолетовым блеском – в зависимости от угла зрения – выпуклый овал. Больше всего этот овал напоминал крыло жука, увеличенное в сто с лишним раз.

Тарас дотронулся до овала рукой и вдруг шагнул в него, как в воду, свободно пронизав твердую на вид поверхность. Иван Терентьевич без колебаний последовал за Горшиным. Ульяна оглянулась на ошарашенного Балуюева, дернула за рукав.

– Шагай, ганфайтер, это сейчас не дверь, а ее иллюзия.

Василий сделал внутреннее усилие и вошел в «крыло жука», ожидая удара лбом о твердый материал двери, но без всяких эффектов миновал ее и оказался в каменном склепе с квадратной дырой люка в полу, из которого был виден отсвет фонаря; Горшин и Парамонов уже спустились в колодец, стены которого были сложены из все тех же «крыльев», отсвечивающих бронзовой зеленью.

Вниз вели не скобы, а штыри из материала, похожего на фарфор, шершавые и теплые на ощупь. Спускаться по ним было легко, вскоре отряд преодолел около полусотни метров, пока не очутился в небольшом зале с каменными, грубо обработанными стенами. На всем протяжении спуска воздух в колодце был достаточно сух и свеж, из чего Вася сделал заключение, что тот, кто проделал ход, позаботился и о вентиляции.

– Соболев пойдет этим же путем? – спросил Вася, посторонившись, чтобы пропустить Ульяну. – Или есть другой путь?

– Хранители наверняка знают и другой, – сказал Иван Терентьевич, – но открыли только этот.

– А если Соболев унюхает, что мы прошли до него?

– Я «замела» следы, – успокоила Балуюева Ульяна. – Он, конечно, почувствует, что кто-то проходил, но не сможет опознать.

– Долго нам еще спускаться?

– МИР уже близко. А ты хорошо представляешь, что ожидаешь увидеть? – любопытствовал Тарас.

– В общем-то... не совсем, – смешался Василий. – Но из рассказа Соболева все же вырисовывается нечто вроде старинного замка.

Посвященные обменялись веселыми взглядами, впрочем, не задевшими Васиных чувств, и Горшин скомандовал:

– Поехали!

В то же мгновение пол искусственной пещеры провалился под ними, вернее, просто исчез, и люди посыпались вниз, в распахнувшуюся темную пропасть. Падение, однако, длилось недолго. Ноги Васи, а затем и сидище коснулись гладкой и скользкой поверхности какого-то круглого желоба, и он заскользил по нему вниз с головокружительной быстротой, сначала пытаясь удержаться – чисто рефлекторно, потом бросил эти попытки, обнаружив, что Ульяна скользит рядом, прижатая к нему закруглением желоба. Естественно, ему ничего не оставалось делать, как обнять девушку, чтобы

предохранить от столкновения с возможными препятствиями. Так они и вылетели в гигантский зал МИРа, обнявшись, где нашли-таки препятствие, оказавшееся Иваном Терентьевичем.

Вскочив, Вася помог встать Ульяне и, открыв рот, уставился на грандиозное сооружение в центре зала, источавшее тусклое желто-медовое свечение.

Высота сооружения достигала метров ста (пещера была еще выше!), и больше всего оно напоминало колоссальную сосновую шишку с раскрытыми чешуями, выплавленную то ли из стекла, то ли из янтаря. Но форма шишки не довлекла над этим чудом природы, созданным разумными Инсектами миллионы лет назад, оно было гораздо сложнее и гармоничней. Каждая чешуйка шишки состояла из множества более мелких чешуй, создающих впечатление шерстистости и мягкости, основания чешуй собирались в складки, пронизанные шестигранными порами, а все вместе создавало ощущение такой гармонии и эстетического восторга, что невозможно было оторвать от сооружения глаз.

– МИР галиктов, – негромко сказал Иван Терентьевич, тоже зачарованный видом замка Инсектов, – разумных пчел. Такой я вижу впервые.

– Я тоже, – прошептала Ульяна, дотронулась до замершего Васи. – Ну, как тебе замок?

Василий не ответил, поглощенный созерцанием «гнезда» разумных пчел, бережно сохраненного иерархами Круга.

– Идите сюда, – раздался гулкий, сопровождаемый эхом голос Тараса. Он был единственным, кто не увлекся разглядыванием творения древних насекомых.

– Очнись, Балует, – толкнула Ульяна Васю в плечо. – Еще успеешь налюбоваться.

С трудом сбросив оцепенение, заставив себя оторваться от диковинного зрелища, Василий поспешил за спутниками, собравшимися у шестиугольной дыры входа в основании «гнезда», через которую в него свободно мог въехать трейлер.

– Это не пустой МИР, – сказал необычно напряженный и сосредоточенный Горшин, – он полон Великих Вещей Инсектов. Во всяком случае, «саркофаг» матки-царицы галиктов и пчелиный вариант «Иглы Парабрахмы» в нем имеются. Я даже не понимаю,

почему Хранители согласились разблокировать вход именно в этот МИР.

– Значит, у них были свои расчеты, – резонно заметил Вася, затем посмотрел на Ульяну и признался: – До сих пор голова кругом! Действительно, я представить не мог такую... такую величавую красоту! Кстати, кто-нибудь знает, как мы будем выбираться отсюда? По этому скользкому желобу взобраться наверх невозможно.

– Выберемся, – обнадежил его Иван Терентьевич.

– Вполне оптимистическое утверждение, – кивнул Вася. – Ну а что мы будем делать теперь?

– Ждать, – сказал Тарас. – Соболев наверняка захочет взглянуть на трон царицы галиктов, вот там, в «царском тронном» зале, мы и будем его стеречь.

Повернувшись, Горшин первым направился в глубь замка галиктов.

Ориентироваться внутри «гнезда» разумных пчел было довольно легко, в большинстве своем его ходы закручивались спиралями вокруг центральной оси коридоров и вели в зал, где некогда обитала царица-матка, управляющая деятельностью семейства. Стены здания светились везде одинаково и, хотя не рассеивали мрак, все же давали достаточно света, чтобы не спотыкаться о выступы пола и не цепляться за ребра стен. Единственное, что мешало идти быстро, – закругление пола: коридоры здесь в сечении были шестиугольными или овальными.

Через четверть часа ход вывел группу в тронный зал дворца галиктов, и Вася снова остановился, пораженный гигантским помещением необычной – яйцеобразной – формы, стены которого представляли собой сложные лепестковые и чешуйчатые наплывы, переходы и пересечения, перепонки и стебли, сходящиеся вверху на высоте двадцати метров и образующие своеобразный шатер. Даже неопытному глазу было видно, что строители дворца людьми не были.

В центре зала располагался сам «трон» – исключительно красивая «роза» из янтарных растяжек и перепонки, охватывающих центральный кокон трона – светящийся «саркофаг» царицы, словно слепленный из золотистой пыльцы. Рассматривать кокон, шатер и убранство зала можно было бесконечно, и, если бы не спутники, Вася не скоро оторвался бы от удивительной картины.

– Рассредоточиваемся, – сказал Горшин, чей голос взлетел к своду зала и вернулся тонким жалобным вскриком. – Здесь легко спрятаться, выбирайте перепонку-лепесток и становитесь. Вася, что бы ни происходило – не вмешивайся. Единственное, чем ты можешь помочь, – закрыть свой мозг, не думать, иначе он тебя услышит. Представь, что вокруг твоей головы...

– Так? – сказал Вася, напрягаясь.

Горшин прислушался к своим ощущениям, пытаясь настроиться на мыслеволну Балужева, с некоторым удивлением кивнул.

– Молодец! Все-таки в этом юноше дремлет тигр Круга. С Богом, судари мои!

Иван Терентьевич безмолвно пересек зал, исчез за одной из чешуй стены. Горшин взойшел на возвышение трона и скрылся за саркофагом.

– Иди, Васечка, – тихо проговорила Ульяна, зябко вздрагивая, словно от дуновения холодного ветра. – И держись изо всех сил.

Вася мгновение всматривался в ее ставшие огромными и темными глаза, вдруг поцеловал в губы – девушка не ответила, но и не отстранилась – и зашагал по ребристо-узловому, напоминавшему корневую систему дерева полу в противоположную от Парамонова сторону. Постояв немного, заняла позицию и Ульяна. По залу царицы галиктов поплыла невесомая, насыщенная призрачной жизнью и тенями прошлого тишина...

То ли Вася задремал, то ли перестарался с «блокированием» собственной мысленной сферы, только он пропустил момент появления Соболева. Казалось, военный контрразведчик возник в центре зала внезапно, как призрак. И в тот же момент его атаковали Посвященные, не давая возможности оглядеться и подготовиться к атаке тому, кто владел его подсознанием, – информационно-энергетической матрице пентарха Удди.

Это нельзя было назвать боем – в том ракурсе, как понимал его Василий. Удары, каждый из которых мог бы парализовать волю любого нормального человека, наносились мысленно, на психофизическом уровне, но энергия этих ударов была столь велика, что, вырвись она на волю, перейди на материальный уровень, – могла бы разрушить не только трон, но и весь дворец Инсектов. Но даже в чувственном диапазоне, доступном Балужеву, каждый удар воспринимался им как судорога пространства, как удар по голове, и

некоторое время он только защищался как мог, пока не стал воспринимать действительность и видеть, что происходит.

Посвященные вышли из укрытий и приближались к Соболеву с трех сторон, напоминая слепых: шли они с закрытыми глазами. Их лица и вытянутые вперед руки светились изнутри розовым светом, так что казалось, идут не люди, а стеклянные статуи. Тело Соболева тоже светилось, но иначе – в фиолетово-зеленом диапазоне спектра, и свечение это имело форму странного существа – получеловека-полунасекомого. «Демон необъяснимого!» – вспомнились Васе слова Самандара.

Воля Соболева-человека была сломлена объединенными усилиями Горшина, Ульяны и Парамонова, но воля и интеллект Соболева-пентарха держали его в подчинении, и справиться с ней, с зомби-программой Удди, Посвященные не могли. Их сил не хватало, чтобы сдержать жестокий натиск воли пентарха, владевшего даже в состоянии «проекции», бесплотной тени, энергиями, на порядок превышающими энергию людей Круга. И тем не менее они продолжали борьбу, отбивая атаки Соболева-монстра и отвечая выпадами, продолжая искать брешь в его обороне, пытаясь расшатать внимание, «поддеть» чужое сознание и выбросить за пределы сознания хозяина.

Кто-то помог им...

От острого укола Соболев отшатнулся, оглядываясь в поисках нового противника.

Огляделся и Василий, увидев вдруг в одном из отверстий-входов зала Самандара, а в другом Крестину.

Но и вмешательства Вахида Тожиевича (Кристина давно вела борьбу с Матвеем наравне с Посвященными) не хватило, чтобы склонить чашу весов в пользу Посвященных. Они не знали, что им помогает еще одна сила – эгрегор Хранителей, однако, если бы и знали, ничего изменить уже не имели возможности. И в этот момент Соболев сделал шаг к «саркофагу» – один, другой, третий... Он шел, а Посвященные, отдающие все силы, в том числе и физические, борьбе на пси-уровне, не могли даже сдвинуться с места.

– Вася! – донесся до слуха Балуюева измученный тонкий голос-стон Ульяны. Впрочем, это был мысленный зов, Василий лишь потом, спустя несколько часов, понял это, а сейчас, не раздумывая больше,

разрывая опутавшую тело паутину чужого приказа «не вмешивайся!», бросился вперед и встал на пути Соболева, содрогнувшись от того, что увидел. У Матвея было страшное лицо человекодьвола, равнодушного ко всем человеческим переживаниям, страстям, скорбям и желаниям, жаждавшего достичь цели любой ценой и способного ради этого разрушить Вселенную!..

Он надвигался на Василия медленно, неотвратно, с пылающими тьмой глазами, в которых клубилась смерть, а Вася, не в силах отвести взгляда от его лица, стоял беспомощный, легкий и пустой, как воздушный шарик, и ждал приговора... взмаха... удара... и готов был умереть от любого жеста, даже просто от дыхания приближающегося монстра.

«Если он доберется до «Иглы» – мы пропали!» – всплыла вдруг в звенящей пустой голове Васи чья-то – не его! – мысль. Затем вспыхнула другая: «Не вмешивайся, дурачок, пропадешь!»

Гул в голове, кружение, вспышки, волна боли в суставах по всему телу...

И снова: «Если он войдет в саркофаг и включит «Иглу Парабрахмы» – произойдет катастрофа!»

Вася отступил на подгибающихся ногах, не в силах терпеть боль. Удар по голове, искры в глазах, чей-то насмешливый голос: «Теперь ты знаешь, о чем пищат устрицы, когда их едят...» И тонкий-тонкий шепот на грани писка: «Ва-а-а-ся...» – голос Ульяны...

Голос Ульяны!

Вася ударил себя кулаком по губам, почувствовал соленый вкус крови, яростно тряхнул головой, освобождаясь от пут внушения, и послал свое непослушное тело навстречу целеустремленно двигавшемуся Соболеву, нанося ему в полную силу удар в грудь, с выплеском энергии космек, не осознавая, но инстинктивно делая единственно правильный выбор.

Ответный пси-удар превратил его в безвольную куклу, и исхода боя он уже не увидел, потеряв сознание, но именно в тот момент, когда пентарх Удди отвлекся на ответ атакующему в физическом плане, раздраженный препятствием, Посвященным удалось вклиниться в образовавшуюся «щель» в сознании Матвея-Удди, вцепиться в информационную структуру матрицы пентарха и нейтрализовать ее вспышкой энергии Эл.

Соболев упал вслед за Василием, сразу перестав светиться и потеряв сходство с «насекомодьяволом». Но и его противники не удержались на ногах, израсходовав все силы. Устояли только двое: Самандар, пришедший позже, да Кристина, с трудом доковылявшая до Матвея. Она склонилась над ним, села рядом, положив руку на голову и закрыв нестерпимо сверкавшие глаза. Тогда и Ульяна, не имея сил на то, чтобы встать, подползла к Балуюеву и точно таким же движением положила руку ему на холодный лоб. Проговорила еле слышно:

– Помогите...

Иван Терентьевич, виновато улыбаясь, встал, подошел к ней, наклонился над телом Василия, но не удержался и сел рядом, прижал ладони к груди. Горшин, присевший на корточки, некоторое время смотрел на них, безмерно усталый и отрешенный, потом очнулся, подошел к Соболеву.

– Надеюсь, мы справились с ним. Как он?

– Сердце бьется, – глянула на Тараса снизу вверх Кристина. – Больше я ничего не знаю. Боюсь смотреть.

– Все будет хорошо, – раздался вдруг чей-то мягкий и одновременно звучный голос, и в зал царицы пчел вошел высокий старик в сером плаще с откинутым капюшоном. – Мы победили. А теперь немедленно уходите. Все.

– Кто вы? – сдвинул брови Горшин.

– Я Хранитель этого МИРа, можете называть меня Матфеем.

– Почему мы должны уходить?

– Всплеск Сил уровня Эл и Элохим Гибор не может быть пропущен ни наблюдателями Круга, ни кардиналами Союза, ни иерархами. Здесь вас не должен видеть никто. Уходите.

– Но Соболев...

– Оставьте его. Он нуждается в особом уходе. Я позабочусь.

– Я останусь с ним, – твердо заявила Кристина.

Хранитель посмотрел на нее внимательно, едва заметно улыбнулся.

– Хорошо, оставайтесь. Остальные – наверх!

Горшин и Парамонов переглянулись.

– Что с ним? – указал глазами на Балуюева Тарас.

– Сейчас придет в себя, хотя досталось ему крепко. Не понимаю, как он выдержал прямую атаку! Как будто специально тренировался

капсулировать свою «И».

Василий пошевелился, со стоном открыл глаза.

– Где... я?

– В гостях у пчелиной царицы. – Ульяна поцеловала его в подбородок, помогла приподняться. – Вставай, герой. Пора домой. Видишь – даже стихами заговорила.

Иван Терентьевич подставил Васе плечо, помог встать на ноги и повел к выходу из зала. Проходя мимо Соболева, Вася задержался, глаза его окончательно прояснились.

– Он... жив?

– Живой, – улыбнулась через силу Кристина. – Идите, мы догоним.

Поддерживаемый с двух сторон, Василий вышел из зала через «центральный» тоннель, в котором уже скрылся Самандар. Оттуда прилетел голос Ульяны: «Балуев, признайся, ты случайно не авеша иерарха? Ты же отбил мощнейший выпад Силы Элохим Гибор...» – и все стихло.

Матфей проводил уходящих взглядом, подошел ближе к лежащему Соболеву и стал смотреть на него, пока тот не открыл глаза.

– Он чист, – сказал Хранитель. – Шактипат состоялся. Вам удалось дезинтегрировать наведенные Удди структуры. Но избравший Путь Избегающего Опасности не должен ошибаться, слишком велика цена.

– Спасибо... вам, – прошептала Кристина, глотая скатившуюся по щеке слезу. – Я думала, что мы его потеряем... что он станет... хорошо, что все позади.

– Не все, – покачал головой Матфей. – Вам еще не раз предстоит напрягать все силы и страдать, чтобы взломать дверь, ведущую в царство недостижимого.

– Я знаю... поэтому я с ним.

– Возьмитесь за его руки.

Кристина послушно сжала руки Соболева, Матфей коснулся своими ее плеч, и все трое исчезли. Хранитель принадлежал к касте Посвященных III ступени, то есть к Мастерам, и владел таинством мгновенного перемещения в пространстве.

Глава 31

РЕАБИЛИТАЦИЯ «СТИКСА»

Координатор Союза Девяти Неизвестных редко покидал свою обитель на Алтае, а если и покидал – мало кто знал или догадывался об этом, даже кардиналы Союза. Но на этот раз он прилетел в Москву не только для решения личных дел, но и для randevу с высокопоставленными чиновниками государства Российского, в качестве которых подвизались Герман Довлатович Рыков, Юрий Венедиктович Юрьев и Хейно Яанович Носовой.

Полдня Бабуу-Сэнгэ провел, разъезжая по Москве в лимузине с бронированными стеклами, принадлежащем Союзу Девяти (такие лимузины – «SAAB», «Роллс-Ройсы» и «Кадилаки» – с «крутыми», правительственными, номерами и мигалками, ждали координатора в каждом аэропорту), изредка высаживаясь: то на Лубянке – у зданий ФСБ, то на Краснопресненской набережной – у «Белого дома», то на Васильевском спуске – у Кремля. Везде он встречался со своими людьми и получал от них информацию. Только после этого, проанализировав ситуацию в столице, Бабуу-Сэнгэ вышел на связь с кардиналами и назначил всем троим встречи в разное время и в разных концах города. С Юрьевым он встретился прямо в его кабинете советника президента по национальной безопасности, расположенном на втором этаже здания президентской администрации – бывшего Дома Советов на территории Кремля. Естественно, охрана Кремля пропустила координатора беспрепятственно, так как никого не видела.

Юрьев уже получил сигнал от своих наблюдателей, контактирующих с людьми Бабуу, о появлении главы Союза, поэтому звонку не удивился и к встрече приготовился.

– Вы здесь – значит, что-то случилось, – поднялся он из-за стола, встречая гостя посреди роскошного кабинета с мебелью из карельской березы и кожаными креслами. Не протягивая руки, они поклонились друг другу.

– По двум причинам пришлось совершить воздушное путешествие, – сказал Бабуу-Сэнгэ, одетый в самый обычный халат буддийского монаха. На груди его висела на массивной золотой цепи

квадратная бляха «нагрудника справедливости», на которой были выгравированы Тайдзокай и Конгокай-мандалы. «Нагрудник справедливости», по сути, представлял собой магический талисман, сотворенный еще перволюдьми, и обладал силой, способной защитить хозяина от посягательств на его жизнь.

– Первая причина – Соболев, – продолжал координатор. – Он продолжает «колебать» реальность и становится непредсказуемо опасен. Вторая причина – вчерашний мощный всплеск пси-полей на территории Москвы. Я полагаю, что произошло столкновение между людьми Круга с использованием пятой Силы Бога Элохим Гибор в иерархии Голаб. Что вы знаете об этом, Юрий Венедиктович?

Юрьев усадил гостя в кресло, сам же остался стоять напротив в почтительной позе.

– По моим оценкам, нашу реальность посетил Удди, хотя и не в прямом виде – проекционно. Только он владеет Элохим Гибор в иерархии Голаб и Самаэль. По-видимому, у него произошел конфликт с Посвященными, о которых вы говорили, на территории одного из МИРов под Москвой, но почему это случилось, как им удалось получить доступ в заблокированную зону, я сказать не могу.

– Так узнайте.

– Делается все необходимое. У Германа Довлатовича родилось предположение, что в момент... э-э... волнений названных вами Сил Соболев получил тхабс... если под этим подразумевать знание резонансного перехода из одного состояния в другое, то есть формулу волнового преобразования.

– Это было бы... весьма нежелательно.

– Я понимаю.

– Вы владеете тхабсом?

– Нет.

– А Рыков?

– Не знаю. По-моему, тоже нет. В свое время Хранители сделали все, чтобы засекретить формулу тхабса... и Знания Бездн. Вот они – знают.

– В принципе я одобряю их действия. Знания Бездн и тхабс опасны для цивилизации в ее нынешнем состоянии. Если бы произошла утечка информации о тхабсе и прочих подобных вещах, реальность бы рухнула, и не спасли бы ее ни мы, ни иерархии, ни

законы реальности, опирающиеся на крайние проявления общего Закона изменения энтропии – доброту, красоту и гармонию.

Лицо Юрьева не изменилось, подчеркнуто внимательное и вежливое, но Бабуу-Сэнгэ почувствовал, как советник президента в глубине души поморщился.

– Эти оценки устарели, – сказал Юрий Венедиктович. – Ни красота, ни доброта не спасут этот мир. Да и кто сказал, что его надо спасать? Он есть и будет – без нас или с нами.

Бабуу-Сэнгэ остался бесстрастным, похожим на Будду, основателя храма Гаутамы.

– Может быть, вы правы, Юрий Венедиктович. Вы случайно не знаете, где я могу найти Соболева? По моим каналам я отыскать его не смог. Он исчез.

– Я не занимался Соболевым плотно, – признался Юрьев. – Ведь вы передали его Герману. Он должен знать.

– Конечно-конечно, – мелко закивал координатор. – Должен. Но не знает.

– В таком случае надо выйти на тех, кто знает. На друзей Соболева, на сотрудников и начальников той конторы, где он работает. Если хотите, я могу этим заняться.

– Спасибо. – Бабуу-Сэнгэ собрал лучики морщинок вокруг глаз, что означало улыбку, и встал. – Я справлюсь. А почему Рыков уверен, что Соболев получил тхабс? Откуда у Германа Довлатовича такие сведения?

– Он работал с программами ОСИП... – после короткого молчания проговорил Юрьев. – Мог получить информацию из астрала... Но мне кажется, он недооценил коллег... Посвященных... они его раскрыли. Теперь он ищет контакты с Конкере.

– Вы это точно знаете? От него лично?

– От Хейно Яановича.

– А вам не кажется, что между ними началась нездоровая конкуренция, замешанная на личных амбициях?

Юрьев прошелся по кабинету, неслышно и мягко ступая по толстому лиловому ковру. Союзы Неизвестных изначально были призваны для корректировки социума «запрещенной реальности», и не было ничего удивительного в том, что кардиналы использовали для этой цели конкурирующие структуры: милицию и преступные банды,

службы охраны и воровские сходы, разведку и контрразведку, службу безопасности и мафию. Знаменитый «Стопкрим» тоже был создан всего лишь в противовес «Куполу», но противостояние этих организаций начало выливаться в уродливые формы «кровной мести», что не могло не отразиться на политической ситуации страны в целом.

– Не секрет, что босс «Купола» и он же – генерал ФСБ Ельшин имеет связь с Конкере. Однако в последнее время резко возросло количество ошибок и провалов, связанных с деятельностью самого генерала, что позволяет предположить о разрыве отношений Ельшина с Монархом. Естественно, Хейно хочет воспользоваться ситуацией и убрать «крестного отца», чтобы возглавить «Купол» и реорганизовать его. Для новой структуры он уже и название подобрал – СС, то есть Сверхсистема. Ну а Герман очень удручен усилением влияния соперника, что подвигает его на нестандартные ходы. Насколько я осведомлен, Герман лелеет надежду привлечь на свою сторону Соболева, а если удастся, то и Монарха. Кстати, один из иерархов поддерживает его.

– Кто?

– Гептарх.

– Да, я это знаю. Что ж, посмотрим, как будут развиваться события. Нельзя допустить, чтобы какая-либо из организаций, «чистилище» или... как ее... СС добились абсолютного преимущества. Упадет страна, упадет рейтинг нашего Союза, нас заменят более удачливые Посвященные...

– Я понял, учитель.

– Найдите мне Соболева. Я хочу побеседовать с ним, прежде чем решить, что с ним делать.

«Вам это сделать проще, – хотел сказать Юрьев, – вы владеете каналом связи не только с астралом и менталом, но и с логосом», – но не сказал. Бабуу-Сэнгэ не хотел оставлять следы в общем информационном поле Земли, не хотел, чтобы кто-либо из Посвященных знал, что он в Москве и лично ищет Соболева, не хотел заострять внимание остальных на личности человека, знавшего слишком многое о Внутреннем Круге, но загадочным образом не прошедшего Посвящение.

– Я найду его, – поклонился Юрий Венедиктович, уже прикидывая, как лучше это сделать. Остановился он в конце концов на

самом простом и действенном варианте – заложники. Следовало захватить близких Соболева в качестве заложников и предложить обмен – жизнь на жизнь.

* * *

Однако не только Юрьев умел рассчитывать и реализовывать комбинации, ведущие напрямую к цели. Майор Ибрагимов тоже знал цену простым и действенным приемам выполнения своих задач и выбрал тот же путь, что и Юрьев, только выполнять его начал раньше.

Упустив добычу в Рязани и не догнав ее на трассе, Ибрагимов навлек на себя такой взрыв неистового гнева Ельшина, что готов был землю рыть, чтобы отыскать беглецов в Москве. Поэтому начал он поиски сразу в нескольких направлениях: для выхода на Балуюева – через генерала Первухина, для розыска Соболева – через генерала Дикого, а остальных решил достать с помощью сил Московского угрозыска, который тоже получил ориентировку на розыск Парамонова, Балуюева, Соболева и Митиной.

Первухин «сорвался». Начальник Управления специальных операций сам имел спецподразделение, подобное ибрагимовскому «Стиксу», и перекрыл все подходы к собственной персоне. Зато дал показания генерал Дикой, находившийся на лечении в больнице на Тимирязевской, которая принадлежала ФСБ и охранялась солдатами внутренних войск. Уверенный в своей безопасности, начальник военной контрразведки не предпринял особых мер охраны, посчитав дежурившего круглосуточно (со сменой через восемь часов) телохранителя достаточной гарантией защиты. Ибрагимов, хорошо зная систему охраны больницы, имея доступ к монитору сигнализации, разработал план и реализовал его ночью, успешно используя для этой цели гипногенератор «удав».

Обезвредив охрану, майор с тремя оперативниками проник в здание больницы (сигнализацию палат отключили другие бойцы «Стикса»), убил не спавшего в это время телохранителя генерала, готового открыть стрельбу, хотя мог бы оставить его в живых, и ворвался в одноместную палату, где спал Дикой.

У генерала были хороший слух и реакция, он услышал шорох и приготовился начать сопротивление, мгновенно скатившись на пол с кровати, но Ибрагимову было не до состязаний в силе, ловкости и знании приемов борьбы, поэтому он сразу выстрелил в генерала из «глушака». После этого допрос раненого не составил особого труда.

Дикой, правда, не смог сообщить, где в данный момент находится Матвей Соболев, «главная ударная сила» военной контрразведки, но дал адреса и телефоны явочных квартир, где мог проживать ганфайтер «Смерша». Удалось узнать Ибрагимову и о принятых «Смершем» мерах по расследованию деятельности генерала Ельшина, пресечь которые было уже невозможно, слишком далеко зашло дело и слишком много людей было втянуто в расследование.

– Генералу это не понравится, – процедил сквозь зубы помощник Ибрагимова лейтенант Свирайло. – Пахнет жареным.

– Пожалуй, – раздумчиво посмотрел на него майор. – Кажется, Серега, наступила пора менять хозяина. Этот долго не продержится. Но прежде мне все-таки хотелось бы найти этого сукина сына, заварившего кашу.

– А с ним что делать? – кивнул на Дикого Свирайло.

Ибрагимов перевел взгляд ничего не выражающих глаз на лежащего навзничь генерала, в пустых широко открытых глазах которого, устремленных в неведомые дали, отражались фонари, освещавшие снаружи здание больницы.

– Рисковый был мужик, – вздохнул майор, пряча «глушак» в кобуру под мышку. – Любил поиграть в справедливость. Выключай его.

Лейтенант шагнул к больничной кровати, левой рукой зажал рот генерала, а правой вонзил ему в грудь длинный узкий кинжал – баллок. Тело Дикого выгнулось дугой, опало, руки сжались в кулаки, медленно разжались, дернулись ноги...

Ибрагимов окинул равнодушным взглядом комнату и, прежде чем выйти, бросил на труп Валентина Анатольевича визитку «чистилища».

О том, что больницу посетил популярный в народе «Стопкрим», стало известно только утром, спустя три часа после убийства пациента и его телохранителя.

Ибрагимов же продолжал действовать, не теряя ни минуты.

Прямо из больницы его люди помчались по адресам, выясненным в ходе допроса Дикого, и на одной из квартир у метро «Тульская», на Варшавском шоссе, застали врасплох двух квартирантов: десятилетнего мальчишку по имени Стас и красивую девушку, которую звали Ульяна.

Нападение оказалось столь неожиданным и внезапным, что Ульяна, хотя и поймала сдвиг потока внимания к себе лично (хотя скорее к квартире) за минуту до вторжения, почти ничего предпринять не успела. Успела только позвонить Горшину, у которого остановились Иван Терентьевич и Василий, и сказать четыре слова: «Тарас, к нам пришли...»

В то же мгновение сорванная с петель взрывом дверь выпала на лестничную площадку, в квартиру стремительно ворвались пятнистые бойцы «Стикса», и майор Ибрагимов, не желая рисковать собственной жизнью, разрядил «глушак» в фигуру в белом, застывшую в прихожей с трубкой телефона в руке.

Конечно, Ульяна отбила гипноатаку «глушака», хотя излучение суггестора и погрузило ее в состояние грогги – состояние боксера после пропущенного нокдауна. Однако, мгновенно проанализировав ситуацию, она не стала сопротивляться (мог пострадать Стас), а сделала вид, что подчинилась излучению, способному сломать волю кому угодно, только не Посвященному Внутреннего Круга. И на вопросы отвечала вполне «искренне», корректируя ответы в соответствии с тем, что хотел услышать главарь налетчиков.

Ибрагимов узнал главное: Соболев ранен и где-то лечится. Где – знает только его друг Василий Балугев, также находившийся в розыске и имевший квартиру в районе Савеловского вокзала. Сведения, относящиеся к личности захваченных (кто, откуда, почему находятся здесь, какое отношение имеют к хозяину), майор главными не считал, но запомнил и на вопрос лейтенанта: «А этих теперь в расход?» – ответил:

– А эти теперь побудут у нас в заложниках, пока не поймает Балугев и Соболева. Отправь их на вторую базу.

– Лично?

– Не понял.

– Побаловаться с этой подругой можно? Больно уж баба красивая.

– Побалуешься позже. Сейчас мы идем по другим схронам контрразведчиков, время до утра еще есть, может, успеем отыскать обоих.

Ульяна прекрасно слышала разговор и на жест лейтенанта никак не прореагировала: Свирайло потискал ее грудь, провел рукой по бедрам, после чего майор дал команду уходить. Соседям Соболева, выскочившим на грохот взрыва, он коротко сообщил, что ОМОНОм задержаны «опасные преступники», и посоветовал в милицию не звонить, она и так в курсе событий.

Горшин, Парамонов и Балув примчались на квартиру Соболева спустя четверть часа после ухода «Стикса». Их встретили взволнованные, обсуждавшие случившееся жильцы из соседних квартир, разбитая металлическая дверь, беспорядок в прихожей и следы обыска во всех комнатах. Ульяна и Стас исчезли. И хотя соседи сообщили, что мальчика и девушку увели «омоновцы», то есть они были живы, настроение всех троих эта новость не подняла. Больше всех переживал Василий, кляня себя за то, что не настоял на своем и не остался ночевать.

– Где их теперь искать? – сквозь зубы сказал он, когда они сошли вниз и сели в горшинский «Понтиак».

– Найдем, – попытался его успокоить Иван Терентьевич. – Ульяна – не иголка, а Москва – не стог сена. Найдем.

– Кто это был, по-твоему? – глянул Вася на Горшина, севшего за руль.

– «Стикс», – коротко ответил Тарас, выезжая со двора.

– Откуда такая уверенность? А если это была команда Рыкова?

– Он знает, что говорит, – мягко проговорил Парамонов. – Если бы здесь побывали люди кардинала, мы бы это почувствовали.

– Куда мы направляемся?

– Домой, – так же коротко ответил Горшин, покосился на Василия, до краев налитого темной ненавистью, и добавил: – Сейчас сядем за комп, определим по сети ФСБ базы «Стикса» и начнем их искать. Если Улю и Стаса не убили, значит, они им нужны... в качестве наживки.

Некоторое время ехали молча. Потом Вася глубоко вздохнул, расслабился, вздохнул еще раз, уже свободней.

– В качестве наживки, говоришь? Ну, майор, радуйся, ты меня достал!

Парамонов, сидевший сзади, усмехнулся. Судя по тону Балужева, майору Ибрагимову радость в будущем не светила.

– Интересно, каким образом Ибрагимову, если только это был он, удалось выяснить адрес Соболева?

– Компьютерная база ФСБ отпадает, – сказал Тарас. – Сведения об агентах класса «абсолют» и «супер» в базу данных не заносятся. Есть только один источник информации о Соболеве...

– Непосредственный руководитель, – закончил Иван Терентьевич.

– Вы хотите сказать... – начал Василий.

– Ибрагимов добрался до руководства «Смерша».

Урча мощным мотором, машина въехала во двор дома Горшина, остановилась. Мужчины, почти невидимые в темноте, смотрели друг на друга и молчали.

– Где же Соболев? – пробормотал Василий спустя минуту.

– Это знает лишь Хранитель, – тихо ответил Парамонов.

Глава 32

ШТУРМ ГЕНЕРАЛЬСКОЙ ДАЧИ

Если первый вызов в «Белый дом» не вызвал у директора ФСБ почти никаких отрицательных эмоций, то второй пробудил мрачные предчувствия. Слишком много неприятностей свалилось на голову Владимира Алексеевича за последние полторы недели, чтобы он мог надеяться на приятную встречу с премьером.

Так оно и получилось. Глава правительства был угрюм, озабочен, разгневан и не выбирал выражений в беседе с Бондарем, которому успел доверить немало тайн властного двора.

– Что у вас там происходит? – бросил он Владимиру Алексеевичу, когда тот вошел в кабинет, прождав полчаса в приемной. – Пять убийств за неделю! И кого убивают – полковников и генералов военной контрразведки! Чем вы там занимаетесь, генерал?! Почему не наведете порядок?

– Мы наводим... – пробормотал вспотевший Бондарь.

– Значит, убийство начальника военной контрразведки генерала Дикого, и где – в больнице вашего ведомства! – называется наведением порядка?!

– Его убили «чистильщики»...

– Бросьте! – пренебрежительно махнул рукой премьер. – «Чистилище» не сует нос в дела спецслужб... пока, во всяком случае. Дикого убили ваши люди за то, что он влез в расследование деятельности Ельшина. Не будете отрицать?

Владимир Алексеевич отвел глаза, признаваясь в душе, что премьер имеет свои каналы сбора информации в органах, не подконтрольные никому.

– Кстати, – пригладив соломенный чуб, продолжал глава правительства, молодой, энергичный, целеустремленный, умевший видеть так далеко вперед, что ради карьеры два года назад даже развелся с женой – дочерью бывшего президента, – почему ваш Ельшин, скомпрометировавший службу так, что дальше некуда, этот плевок в лицо обществу, до сих пор на свободе?

– Мы проверяем...

– Какие, к черту, проверки! У вас же в руках бомба замедленного действия, а вы ждете, когда она взорвется! Немедленно изолируйте генерала... – Премьер швырнул на стол неработающую зажигалку, достал другую, золотую, закурил, – но было бы лучше для нас всех, если бы он исчез. – Премьер выпустил струю дыма. – Или, скажем, был убит при попытке задержания.

– Понимаю, – пробормотал Владимир Алексеевич, не решаясь вытереть пот с лица.

Премьер-министр посмотрел на него прищурясь, усмехнулся, пуская новую струю дыма. Курил он неумело, да и не мужские сигареты – ментоловые «Галуаз», но этот факт ничего не говорил о его характере.

– Ельшин слишком много знает, не так ли, Владимир Алексеевич? И повязан с такими людьми, что если начнет говорить...

– Понимаю, – снова выдохнул Бондарь.

– Вот и отлично. Действуйте, генерал. Нам ни к чему раздувать пожар в собственном доме. Сгорит дом – на нас повесят всех собак, не отмоешься. Тушите пожар и как можно скорей.

– Президент в курсе?

– Президент будет знать то, что мы ему скажем.

– А генпрокурор?

– Санкцию на арест Генриха Герхардовича получите через час. Идите.

Директор ФСБ кивнул, неловко повернулся, зацепившись за ковер, и вышел. Пот со лба он вытер только в машине.

Приехав к себе, Владимир Алексеевич хватанул полстакана украинской горилки с перцем, которую ему презентовали киевские коллеги во время визита, закусил соленым огурцом, банка с которыми всегда стояла в холодильнике, и вызвал Первухина.

Начальник Управления спецопераций явился через час, найденный секретарем директора в клубе «У Шварценеггера», где он общался с друзьями.

– Туши пожар, генерал, – сказал Бондарь, закуривая сигару, запах которой всегда ассоциировался Первухиным со скотным двором.

– Что? – не понял он.

– Готовь операцию по захвату Генриха. И всех остальных его помощников, выявленных в ходе расследования. Но... – Владимир

Алексеевич поднял на Первухина заблестевшие глаза. – Генрих должен быть задержан... мертвым. Соображаешь?

Первухин выдержал взгляд директора, вполне понимая, что того загнали в угол люди более высокой политики и иных возможностей.

– Не ошибаемся мы в оценке ситуации, Владимир Алексеевич? Любая ошибка в этом деле будет стоить... – Первухин помолчал. – Будет стоить головы.

Бондарь поморщился.

– Не помню, кто сказал: как ни сделай, все равно ошибешься. В верхах начался новый передел власти, Москву тоже делят заново, ты же знаешь сводки о криминальных разборках. «Купол» зашатался, вот-вот рухнет, за ним посыплется насквозь коррумпированная Дума... Депутаты спешно уничтожают следы... им будет не до нас, Михаил. Зато Ельшин опасен не только им, но и нам, его надо срочно... нейтрализовать. Так что вперед и с песней, генерал. Своими силами обойдешься? Или подключить к тебе бакановский «Руслан»?

– Справлюсь-то я справлюсь, – сказал Первухин, потом подумал и добавил: – Но для усиления тылов от «Руслана» не откажусь. Да и от твоего «Витязя» тоже.

Бондарь понял генерала. Первухин не хотел отвечать один за грехи всей конторы. В случае непредвиденных осложнений или неудач он оставлял себе возможность маневра.

– Хорошо, бери, – буркнул Владимир Алексеевич.

Выйдя из кабинета директора, Первухин задумчиво прошелся по коридору с малиновым ковром, с тихими, незаметными охранниками в нишах через каждые двадцать метров, зашел к себе в кабинет и позвонил Балуюеву. Сработал автоответчик. Генерал попросил Балуюева перезвонить, и через полчаса тот действительно позвонил, что Первухин воспринял как удачу.

– Я зашел домой на минуту, забрать кое-какие вещи, – сообщил Балуюев, – так что вы поймали меня случайно. Больше я здесь не появлюсь. Что случилось?

– Убит Дикой. Директор отдал приказ брать Ельшина. Не хочешь поучаствовать?

Короткое молчание.

– Когда и где?

– Ельшин сейчас на даче, судя по донесениям моих людей. В два часа он обычно обедает, вот тогда и начнем. Я уже развернул десант. Знаешь, где его дача?

– Знаю. Буду не один. Ждите. – И Балугев отключился.

Первухин положил трубку, открыл сейф, достал оттуда пистолет «волк», проверил обойму и вложил в кобуру под мышкой. После этого вызвал адъютанта.

* * *

«Черный файл» в очередной раз не оказал никакого воздействия на компьютер, и Генрих Герхардович в ярости разнес кулаком клавиатуру машины, не желавшей становиться проекцией Монарха Конкере. Пососал царапину на ребре ладони, остывая, потом вытащил нижний ящик правой тумбы стола и достал плоскую металлическую флягу с коньяком. Отвинтил колпачок, сделал три больших глотка. Ком жгучего тепла провалился по пищеводу вниз, растворяясь по пути, и генералу несколько полегчало.

– Давай вылезай, скотина! – хрипло сказал он алому иероглифу, пылавшему на черном фоне экрана.

Иероглиф мигнул, Генрих Герхардович ощутил нечто вроде хлесткой пощечины, но страха не почувствовал. Нельзя сказать, что до этого момента он не задумывался над тем, кто такой Монарх Тьмы, где он обитает и чем занимается, главным было то обстоятельство, что Конкере сотрудничает с Ельшиным и снабжает бесценной информацией. Теперь же генерал впервые трезво (или почти трезво) занялся анализом своих «потусторонних» контактов с монстром, которого можно было назвать и Богом, и дьяволом. И все же размышления генерала не привели его к просветлению, к разгадке существования Монарха, ибо знал Генрих Герхардович слишком мало, чтобы сделать правильные выводы. Единственное, к чему он пришел после поглощения всего коньяка, – что во всем виноват таинственный Матвей Соболев, о котором ему успел кое-что поведать Монарх, – неуловимый перехватчик из команды генерала Дикого, непонятным образом проникший в тайны «Купола» и его личной – генерала ФСБ Ельшина – жизни.

– Сволочь! – с ненавистью выдохнул генерал, отшвыривая флягу. Слишком много злобы скопилось в сердце, слишком много ненависти, требующей выхода, и Генрих Герхардович принял решение уйти, громко хлопнув дверью, убрать как можно больше врагов. Но прежде всего – Соболева!

Поднявшись в кабинет на третьем этаже дачи, он вызвал Ибрагимова по сотовой связи, и майор рассказал ему о принятых мерах и о захвате на квартире Соболева двух «некомбатантов» – девушки и мальчишки.

– Где они? – поинтересовался Ельшин.

– На второй базе.

– Двигай туда, я тоже сейчас приеду. Допросим.

– Вряд ли они что-либо знают.

– Двигай! – заорал Ельшин. С трудом успокоился. – И ликвидируй по пути наши тайники с оружием. Скоро ко мне заявится команда Первухина, я хочу им устроить на даче теплый прием.

Ибрагимов помолчал.

– Не проще ли взорвать ее... вместе с уликами? – Он имел в виду гипногенераторы «удав» и излучатели боли «пламя».

– «Глушаки» и «болевики» я вывезу. Все, до встречи, ждите.

Ельшин забрал из сейфа документы, дискеты, компакт-дискеты с секретной информацией, упаковал в два чемодана, переоделся. На всякий случай стер память всех компьютеров на территории дачи. Затем вызвал начальника охраны:

– Капитан, возможен налет на дачу, будьте начеку. Сопровождайте до последнего. Отходить – только по моему сигналу.

– Не понял, – отозвался озадаченный начальник охраны. – Какой налет? Кому мы должны сопротивляться? Неужели «чистилищу»?

– Мы наступили на хвост крупному киллер-синдикату, он вполне способен осмелиться ликвидировать угрозу. Так что держитесь. Я в случае чего вызову подмогу из Москвы.

О том, что дача будет взорвана, генерал, естественно, сообщать охраннику не стал.

Побродив по спальне, он сунул в карман пиджака «глушак» и спустился в свое подземелье, где его ждал вагон спецметро.

Вася и Тарас встретились с Первухиным на восемнадцатом километре Минского шоссе. Ни слова не говоря, повели генерала и группу оперативников в количестве двенадцати человек, среди которых были и знакомые Балуюеву по походу в Чечню Шерхан и Маугли, к бывшему угольному складу, с территории которого начинался спуск под землю, к ветке спецметро, ведущей к даче Ельшина.

Первухин, не знаящий этого пути, держался тем не менее невозмутимо, сразу все понял и объяснений не потребовал. Вскоре все они были внизу, в тоннеле, в то время как основные силы бригады, задействованные генералом, продолжали окружение и скрытое передвижение к даче, перехватывая все машины, идущие туда или обратно.

Так как дрезину отряд Соболева оставил в прошлый раз на станции под дачей, а второй в нише тоннеля не нашлось, добираться к месту назначения пришлось на своих двоих. Нацепили приборы ночного видения, захваченные опытными «летучими мышами» Первухина, и, растянувшись цепочкой, побежали по шпалам между рельсами узкоколейки в темноту тоннеля.

Бежали не быстро, щадя возраст генерала, которому пошел пятьдесят второй год, но все же за час преодолели двенадцать километров и вышли к воротам станции, которые оказались открытыми. Электровагон у платформы отсутствовал, и это обстоятельство зародило у Василия нехорошие предчувствия.

– Связь со своими наверху у вас есть? – спросил он, не разрешая никому приближаться к воротам, кроме Тараса.

Первухин тиснул кнопку рации, но слой земли над головой был слишком толст, радиоволны поглощались им полностью.

– Глухо.

– Когда начнется атака сверху?

– Она не начнется, пока я не дам команду.

– Плохо, они отвлекли бы охрану, а так придется действовать по полному профилю. Ну что там, Граф?

– Электропоезд ушел отсюда часа полтора назад, – ответил Тарас. – Боюсь, Ельшин сбежал, оставив нам немало сюрпризов.

– Станция заминирована?

– Конечно. Думаю, дача тоже. И еще мне не нравится...

– Что?

– Запах.

– Что?!

– Ладно, может, я ошибаюсь.

– И все же нам ничего не остается, кроме как лезть наверх. Генерал, мы с ним пойдем впереди, а ваши ребята пусть прикрывают тылы. Охрану здесь несут контрактники внутренних войск, не знающие, что за объект они охраняют, поэтому хорошо бы обойтись без стрельбы.

– Понял, – хладнокровно сказал Первухин, став на время подчиненным, но не желая «качать права». Приказывать в данный момент имели право те, кто лучше разбирался в обстановке.

Вася с Тарасом шмыгнули в подземный «гараж» Ельшина, зная, где расположены телекамеры контроля, заклеили объективы скотчем, как и в прошлый раз, – на всякий случай, потому что открытые ворота станции наводили на мысль, что хозяин не посчитал нужным больше охранять свой подвал, и выбрались на платформу. Тарас тронул Васю за плечо, показал пальцем вверх. Василий разглядел черный зев открытого люка, выругался.

– Опоздали. Сбежал-таки, гад. И никому, наверное, ничего не сказал, потому и ворота открыты.

Подбежавших бойцов отряда они расставили у мощной двери выхода на платформу и полезли вверх, через люк в колодец, ведущий в секретный бункер Ельшина с компьютером, посредством которого он контактировал с Монархом.

Здесь, в бункере, Тарас обнаружил первую сеть минирования, датчики которой должны были сработать только при появлении человека с массой не ниже семидесяти килограммов. И здесь же Горшин впервые явственно ощутил следы магического присутствия, которые почуял еще на станции.

– Здесь недавно кто-то был, – пробормотал он, обезвредив систему взрывания и прислушиваясь к чему-то с закрытыми глазами.

– Конечно, был Ельшин со своими телохранами, – обронил Василий.

– Нет, – качнул головой Тарас. – Это следы человека Круга. Очень характерные следы. И, по-моему, я знаю, кому они принадлежат.

– Кому?

– Герману Довлатовичу Рыкову, кардиналу Союза Девяти, с которым я имел честь работать в комиссариате «чистилища».

– Как ему удалось опередить нас?

– Во-первых, он работает в конторе и имеет доступ к любой информации ФСБ. Во-вторых, он кардинал, то есть человек неординарных возможностей. Хотел бы я знать, что он здесь искал...

– Может, то же самое, что и мы недавно, – «черный файл»?

– Если это так, он очень крупно рискует. Монарх Тьмы олицетворяет темный полюс мира, иерархи – светлый, уравнивающий, и контакт «светлого» – философски, а не этически – кардинала с силами тьмы сделает его отступником, более нежелательным, чем я.

– Ладно, потом обсудим его намерения. Пошли наверх. Только смотри, чтобы не напоролись на мину. Не нравится мне, что никто не стережет станцию метро.

Вместо ответа Горшин привел в действие механизм подъема, и клеть лифта поползла вверх, вынося их на третий этаж дачи, в спальню генерала.

Скрытых ловушек и мин Горшин здесь не обнаружил, но теперь все время чувствовал запах Рыкова и мрачнел все больше, уже догадываясь, что кардинал Союза Девяти побывал здесь не один, а со своим манипулом, состоящим из профессионалов по особо сложным и грязным делам.

Они подождали, пока в спальню поднимутся оперативники Первухина, выглянули в коридор.

Никого. Тишина.

Тарас переглянулся с Василием, который тоже заподозрил неладное, включил темп и в мгновение ока перелетел на цыпочках коридор и лестницу, спускаясь на второй, а потом на первый этаж дачи, и здесь у выхода с лестницы в коридор наткнулся на два тела в серо-зеленой форме лейтенантов внутренних войск. У обоих парней было перерезано горло.

– На втором этаже лежит еще один, – догнал Горшина Василий. – Работа профессионалов.

Тарас сорвался с места, преодолел коридор и выглянул в холл первого этажа, где увидел еще три трупа. Все охранники были убиты с помощью метательных ножей.

Появившиеся следом в холле бойцы Первухина молча смотрели на убитых, переводя взгляды с их тел на лица командиров, потом рассредоточились у окон и дверей, готовые к атаке извне или броску наружу.

– Обыщите все помещения, – сказал Первухин, доставая рацию. – Двойка, я Первый, как слышите?

– Первый, я Руслан-два, к штурму готов.

– Отставить штурм. Ждите сигнала.

Через минуту стало ясно, что охрана дачи уничтожена полностью. Не помогли защитникам генеральской резиденции ни собаки, ни электронные системы обнаружения, ни бункера с пулеметами и огнеметами, ни новейшее оружие, среди которого нашлись даже переносные зенитно-ракетные комплексы «стрела-3» и «игла-5М». Все охранники внешней зоны защиты были найдены убитыми в саду, причем только холодным оружием, и даже наблюдатели у мониторов телесистем отсутствовали на своих местах, словно сговорились выйти в сад подышать свежим воздухом, где и были убиты. Во всем этом чувствовался налет мистики, хорошо понимаемый только Горшиным и Балугевым. Им было ясно, что руководил налетом на дачу лично Рыков, и он же внушил ее защитникам приказ выйти из укрытий. Оставалось выяснить, зачем это ему понадобилось. Догадка Василия о том, что Герману Довлатовичу захотелось завладеть «черным файлом» для связи с Конкере, требовала подтверждения, которого здесь, на даче, отыскать не удалось. Зато Тарас в подвалах дачи обнаружил мощную систему минирования здания и посоветовал Первухину немедленно покинуть территорию дачи.

Начальник Управления спецопераций был достаточно опытным специалистом в такого рода делах, чтобы пренебречь советом, и приказал всем подразделениям покинуть дачу. В здании остались только они двое – Горшин и Балугев, все еще надеявшиеся на разгадку акции Рыкова.

Оживить компьютеры Тарасу не удалось, они были выпотрошены хозяином дачи и затем Рыковым. Однако один хорошо сохранившийся след Герман Довлатович все-таки оставил – на телефонном селекторе в кабинете генерала, имеющем собственный процессор.

Тарас долго обнюхивал селектор, чувствуя какой-то подвох в его «магическом» свечении, потом все же решился снять трубку, и ему

показалось, что рядом кто-то злобно и презрительно рассмеялся. В то же мгновение Тарас понял, в чем дело: Рыков оставил след не зря, бросив тонкую жилку паранормальной связи селектора с системой минирования. Появившись на даче, он первым делом обезвредил устройство подрыва, оставленное Ельшиным, но, уходя, оставил собственную ловушку, и Тарас попался в нее, не зная, что она специально рассчитана на опознавание человека Круга.

И все же он был готов к такому повороту событий.

Василий, стоявший рядом, вдруг увидел, как засветилось лицо спутника, а волосы его встали дыбом, одеваясь короной электрического сияния.

– Беги! – сдавленным голосом проговорил Тарас. – Долго не удержу!

– Что? – дернулся к нему Василий, не понимая, что тот хочет удержать.

– Он... оставил... линию... включения... минного поля! Беги!

– А ты?

Тарас глянул на Василия слепыми от нервного перенапряжения глазами, и Вася, скрипнув зубами, бросился из кабинета Ельшина.

Дача взорвалась, когда он был уже за воротами участка. Ударная волна отшвырнула Василия метров на двадцать от забора и удачно влепила в упругую стену боярышника, что позволило ему отделаться лишь изодраным комбинезоном, ушибами и ссадинами. Сознание он, правда, потерял – от контузии, но вскоре очнулся и увидел над собой внимательное лицо Горшина.

– Ты?! Живой?!

– А что мне сделается? – раздвинул губы в улыбке Тарас. – Я заговоренный.

– Как?..

– Пройдешь Путь в Круг, сам научишься. Хотя Рыков, конечно, едва меня не подловил. Зато я знаю, куда рванул Ельшин. В памяти селектора остался номер телефона, по которому он звонил Ибрагимову, и следы разговора.

Вася рывком сел, так что закружилась голова.

– Ну?!

– Уля со Стасом находятся на второй базе «Стикса», в Балашихе. Я знаю это место. Можешь двигаться? Ничего не сломал? Хотя я тебя

посмотрел, пока ты отдыхал, вроде все на месте.

Вася, чувствуя боль во всем теле, подвигал руками, встал с некоторым трудом, опираясь на руку Тараса, и поковылял к стаду машин, появившихся здесь как по волшебству. Это была техника спецгрупп «Руслан» и «Витязь», так и не успевших поучаствовать в штурме ельшинского «укрепрайона». Первухин уже командовал людьми, направляя их действия и расставляя вокруг поля с огромными воронками и горами кирпича, оставшимися от трехэтажного здания, но отвлекся и лично усадил Балуюева в кабину своей служебной «Волги». Сентиментальности генерал никогда не проявлял, но был рад, что все закончилось благополучно. Вася тоже был рад, и в первую очередь тому, что Первухин не спросил, куда они направляются. Пришлось бы врать, а этого Василий предпочитал не делать.

«Волга» доставила их к угольному складу, у забора которого терпеливо ждал хозяина черный «Понтиак», и уехала.

– Не боишься оставлять? – кивнул Василий на лимузин.

– А он запечатан.

– Сейчас угонщики наострились нейтрализовать любые противоугонки.

– Мою нейтрализовать невозможно.

– Что за система?

– Метатрон.

– Не слышал, – пробормотал Василий.

– Это печать так называемой «первой сферы света», называемой Ангелом Присутствия – Метатроном.

– Колдовство, что ли?

– Нечто в этом роде, – спокойно сказал Тарас, садясь за руль. Вася устроился рядом, и машина рванула по шоссе в сторону Кольцевой автодороги.

Глава 33

ПОПЫТКА – ПЫТКА

Стас держался молодцом, как мужчина, ни разу не захныкав, не выказывая страха, и это наполняло душу Ульяны уверенностью, что все обойдется.

Пока их везли в зализанном «Форде» с мигалкой на крыше на базу налетчиков, Уля успела прийти в себя, восстановить силы и очистить организм от «шлаков» стресса, вызванного разрядом «глушака», однако начать «боевые действия» – попытаться освободиться – не решилась. В салоне «Форда», имеющем затемненные стекла и напоминающем просторную кабину маршрутного такси, сидели четверо угрюмых мужчин в пятнистых комбинезонах, не сводящих с пленников глаз, а впереди еще были водитель и хорошо вооруженный старший группы. Дезориентировать всех их одновременно Ульяна не могла, поэтому решила подождать более удобного случая, сама же продолжала играть роль безвольной куклы, подчинявшейся приказам налетчиков.

База «Стикса» номер два в Балашихе располагалась в сосновом лесу на окраине городка и представляла собой внешне обычную маленькую воинскую часть, территория которой была огорожена высоким дощатым забором с колючей проволокой поверху. Внутри располагались одноэтажная казарма, три барака хозяйственных и подсобных служб, столовая, кухня, склад ГСМ и гараж. На самом деле все эти строения служили камуфляжем для отвода глаз, основное же хозяйство базы располагалось под землей. Ульяна выяснила это сразу, вызвав состояние самадхи, как только их высадили из машины и передали дежурному наряду. Возникла опасность, что пленников поместят именно туда, в подземную камеру, помещений подобного рода для «гостей» там хватало, и тогда Ульяна решилась на прямой мысленный контакт с командиром наряда, передав ему рапорт-внушение, что пленников, не представлявших никакой опасности для базы, можно поместить и в одной из подсобок кухни – до прибытия высокого командования.

Начало светать, когда Улю и Стаса отвели в неказистый кирпичный домик кухни и оставили в чулане, набитом посудой, алюминиевыми бачками, котлами и прочим кухонным инвентарем. Загремел замок на двери, голоса солдат, отпускавших соленые шуточки насчет прелестей пленницы, смолкли, удалились шаги, все стихло. Стас сел рядом с Ульяной на пол чулана, повозился, обнял ее, засопел было, согревшись (Уля передала ему часть энергии), но Ульяна не дала ему уснуть:

– Как себя чувствуешь, котенок?

Мальчишка вздрогнул, перестал сопеть, поднял лицо, сился разглядеть в темноте лицо девушки. Выдохнул обрадованно:

– Нормально. Спать хочу. А я думал, что вы... вы...

– Ну-ну?

– Что вас наркотиками накачали. Я же видел, какая вы безвольная и... сонная.

– Я притворялась, котенок. Но теперь пора бежать отсюда, пока окончательно не рассвело и не приехали главари этих бандитов.

– А кто нас сюда привез? Зачем? Или они искали Матвея?

– Правильно, котенок, им нужен был Соболев, но и на нас они имеют виды, хотят подержать в качестве заложников, чтобы заманить сюда Соболева и наших друзей. Идти можешь?

– Конечно. А как мы выберемся? Они же нас заперли. И солдаты везде...

– Это не большая проблема. Держись рядом и не отставай.

Она попробовала связаться с Иваном Терентьевичем через астрал, но вовремя вспомнила о «змеях» Рыкова, о которых предупреждал Горшин, и рисковать с выходом не стала. Ограничилась лишь импульсом пси-возбуждения канала связи, надеясь, что друзья услышат ее зов и найдут своими методами.

Стас не видел в темноте, что она делала. Что-то щелкнуло, упало на пол коридора с той стороны, и дверь распахнулась. Правда, света от этого не прибавилось, Стас по-прежнему почти ничего не видел в темноте кухни, по которой бродили неаппетитные кисло-затхлые запахи. Ульяна потянула его за руку, и они, осторожно ступая, выбрались из чулана в коридор.

Наружная дверь тоже была закрыта на ключ, однако девушку это не остановило. Замок здесь был английский, что и в двери чулана,

поэтому открыть его, передав ключу силу, не составляло труда. Но прежде чем открыть дверь, Ульяна вызвала состояние самадхи, выявила местонахождение «живых душ» – людей со «светящейся аурой», охраняющих территорию базы, и только после этого выскользнула из домика кухни, ведя за собой Стаса.

Территория базы контролировалась телекамерами и фотоэлементными системами, однако ни одна телекамера не смотрела на блок кухни-столовой. Беглецам предстояло преодолеть сто метров открытого пространства по асфальтовой дорожке до КПП, просочиться мимо охраны и выйти на дорогу, ведущую к центру Балашихи. Остальное было, как говорится, делом техники. Но сначала надо было выйти.

Шел уже шестой час утра, солнце встало за деревьями, вызолотив верхушки сосен и пелену облаков над лесом, но база еще спала, ни один человек не бродил по ее территории, и даже охранники – прапорщик и два младших сержанта – притихли в будке КПП, сморенные тишиной и дремотным покоем природы. Они не услышали, как под ногами беглецов скрипнул гравий у ворот, не увидели, как открылась и закрылась входная, потом выходная двери КПП. Сознание их было затуманено, они грезили наяву, застигнутые врасплох рапортом Ульяны, и очнулись лишь спустя полчаса, когда к воротам базы подкатили машины высокого начальства – майора Ибрагимова и генерала Ельшина.

Ульяна со Стасом к этому времени находились в двух километрах от базы, в лесу, направляясь к шоссе Москва – Нижний Новгород напрямик. Им оставалось пройти всего два-три километра, когда началась – и Уля это почувствовала – тревога и по их следу помчалась погоня.

– Бежать можешь? – спросила она Стаса, садясь перед ним на корточки.

Мальчишка, разгоряченный и возбужденный бегством, ни разу не задал ни одного вопроса, подчинялся беспрекословно, все понимал, и с ним было легко. В глазах его ясно читалось восхищение способностями спутницы и решительное желание преодолеть все трудности пути.

– Смогу, – кивнул он.

Ульяна положила руку ему на голову, передала «нежный» импульс энергии, отчего у мальчика заблестели глаза и покраснели щеки от прилива крови, и они побежали по редколесью к болотцу, за которым уже просматривались домики окраины Балашихи.

* * *

Сказать, что Ельшин был в ярости, узнав о побеге заложников, значит ничего не сказать. Он едва не расстрелял сторожевой наряд, ограничившись в конце концов ударом по лицу прапорщика, старшего смены. Пока он разбирался с обалдевшими от свалившегося на них несчастья охранниками, Ибрагимов задействовал план «Перехват», и уже через несколько минут поднятая по тревоге рота «Стикса» растянулась в цепь и приступила к прочесыванию леса вдоль дорог, ведущих от военного городка к Балашихе и на шоссе Москва – Нижний Новгород. Еще одно подразделение майор направил на машинах для патрулирования дорог, приказав перекрыть все выходы из леса на трассу и контролировать выезд любых транспортных средств. Собаки след беглецов не взяли, что явилось для него неприятной неожиданностью, и тогда Ибрагимов развернул карту местности и прикинул возможные маршруты бегства пленников. Анализировать, как им удалось освободиться и выйти за территорию базы, он пока не стал. Спустя четверть часа он уже примерно представлял, куда направляется девушка с пацаном, и, посадив свою личную пятерку телохранителей (зомбированных с помощью «глушака», не боявшихся ни пули, ни кинжала, ни огня, ни Бога, ни черта!) в микроавтобус, выехал на Горьковскую трассу.

Он не ошибся.

Беглецы, не имея опыта побегов от спецслужб, вышли на шоссе в районе танковой воинской части и тут же были замечены из медленно двигавшегося джипа с бойцами «Стикса». Они успели сесть в машину (не голосовали, Ульяна просто внушила проезжавшему мимо усатому грузину на «Тойоте» остановиться), но были тут же перехвачены, заблокированы с двух сторон и пересажены в джип. Через полчаса обоих доставили обратно на базу, куда уже прибыл Ибрагимов, и не

помогли Уле ни душевные силы, ни владение тонкими полями, ни умение отводить глаза, то есть гипнотизировать людей на расстоянии.

Ельшин, успевший за время поиска беглецов (час тридцать пять) выпить бутылку виски «Чивас Ригал», но совершенно не опьяневший, не стал дожидаться, пока пленников поместят в камеру под землей, а сразу велел отвести их в столовую, где и начал допрос.

Ульяна могла вытерпеть любую боль, любую муку, любую пытку, умея изменять состояния сознания, поэтому на крики генерала: «Говори, тварь!» – просто молчала, даже когда тот разрядил в нее «глушак», но она не выдержала, когда белый от бешенства Ельшин приказал привести Стаса и пытаться его в ее присутствии.

– Хорошо, я отвечу на ваши вопросы, – деревянным голосом, кусая губы, сказала девушка, будучи почти в забытьи: все-таки вторая атака из гипногенератора почти сломила ее волю. – Только отпустите мальчика. Что вам нужно?

– Где Соболев?

– Не знаю.

Ноздри Генриха Герхардовича раздулись, глаза налились кровью.

– Я... тебя... сейчас... скормлю псам! Но сначала отдам своим хлопцам, пусть поразвлекаются. Подходит такой вариант? Или все-таки начать с мальчишки?

– Я в самом деле не знаю... – Ульяна попыталась проникнуть в сознание генерала, но наткнулась на «стальную решетку», за которой дремал «черный удав» страстей, и отпрянула. После контактов с Монархом Тьмы психика Ельшина изменилась настолько, что он сам стал «слугой Тьмы», хотя, наверное, и не осознавал этого.

– Может быть, ты скажешь, что не знаешь Соболева? Тогда что ты делала в его квартире? Только не лепи горбатого, я знаю, кто ты, откуда и с кем связана... гражданка Посвященная Внутреннего Круга. Не так ли? Где твой дружок – Парамонов? Это ведь вы побывали с Соболевым у меня на даче? Вы копались в компьютере?

– Нет, – сказала Ульяна твердо. – Не мы. Нам связь с Конкере ни к чему. Соболев был там... с другими людьми.

– С кем? С Балуховым? И небось с Графом – Горшиным. Так? Говори!

Понимая, что подтверждение ничего не изменит в ситуации, Ульяна кивнула. Ельшин злобно рассмеялся.

– Я так и знал. Опередел-таки меня Граф, каким-то дьявольским ухищрением завладел программой «К»... только вряд ли сможет воспользоваться ею. Да и Соболев тоже. Монарх проглотит их обоих.

«Подавится», – хотела сказать Ульяна, подумав, что, поминая дьявола, Генрих Герхардович говорил о себе, но промолчала.

– Итак, возвращаемся к первому вопросу. – Ельшин взболтнул содержимое очередной бутылки в руке, сделал крупный глоток. – Где Соболев?!

– Он... лечится, – прошептала Ульяна, борясь с головокружением. – Но где, я не знаю... и никто из моих друзей не знает. Правда!

– Так поколдуй. Или как там у вас это называется... Я же знаю, что вы умеете пеленговать друг друга... Ну?!

– Соболев... не светится... то есть я не могу его запеленговать.

Ельшин некоторое время смотрел на девушку, покачиваясь с пятки на носок, бледнея все больше, потом сунул руку в карман пиджака и достал необычной формы пистолет с красной насадкой, напоминающей глушитель.

Ибрагимов, наблюдавший эту сцену с расстояния в пять шагов, стоя за спиной девушки, переглянулся с лейтенантом Свирайло, хотел что-то сказать, но посмотрел на изменившееся лицо генерала и передумал. Мягко ступая, отошел в сторону, стал сзади Ельшина. Лейтенант сделал то же самое. Оба прекрасно знали, что за пистолет вытащил Генрих Герхардович. Это был генератор боли «пламя», более известный в среде специалистов под названием «болевик».

– В последний раз спрашиваю... – Ельшин направил ствол «болевика» на Ульяну.

– Минутку, – раздался сзади чей-то скрипучий голос.

Ибрагимов, Свирайло и Ельшин в недоумении оглянулись. В столовую вошел небольшого роста худой и бледный человек в темном костюме, приблизился к группе военных. Ибрагимов, уже однажды встречавшийся с ним, узнал Германа Довлатовича Рыкова.

– Герман? – удивленно поднял брови Ельшин. – Ты-то как здесь оказался? – Генерал глянул на Ибрагимова. – Кто его пропустил?

– Сейчас узнаю, – буркнул майор, но не двинулся с места. Лейтенант тоже хотел выяснить, каким образом на территорию базы

проник незнакомец (он Рыкова не знал), но почему-то остался стоять, заторможенный и отсутствующий.

Рыков обошел свиту генерала, его самого, кинув косой взгляд на «болевик», остановился напротив Ульяны, попытавшейся принять гордый вид и одновременно отбить попытку кардинала прощупать ее мысленную сферу. Герман Довлатович растянул в неприятной усмешке бледные губы.

— Где же ваши друзья, мадам? Почему не с вами? И что вы здесь делаете в обществе этих малосимпатичных господ?

Ульяна молчала. Рыков подождал немного, разглядывая ее лицо, фигуру, одежду, кивнул.

— Вы красивая и сильная женщина, Митина, коль можете держать разряд «глушака», но против этой штуковины выстоять не сможете. — Он кивнул на «болевик» в руке генерала. — Зачем вы влезли в эту кашу? Какое вам дело до Соболева, его проблем и дорог? Вас ведь предупреждали, что это чревато последствиями.

Ульяна молчала. Рыков снова кивнул.

— Хорошо, поговорим об этом позже. Идите, за воротами садитесь в мою машину — серый «Лендровер» и ждите. Вас пропустят.

— Я не одна, — прошептала Ульяна, держась из последних сил. — Со мной мальчик... приемный сын... — Она вовремя прикусила язык, сообразив, что Рыков может не знать об отношениях Стаса и Соболева, а знать это ему не обязательно.

— Забирайте своего мальчика.

Ульяна покачнулась, но не упала, сделала шаг, другой, обошла Ельшина, как столб, и в полной тишине вышла из зала столовой. Послышались мужские голоса, потом девушка что-то сказала, ей ответил мальчишеский голос, и все стихло. Оставшиеся в зале мужчины смотрели на Рыкова, не понимая, почему они ничего не предпринимают, и ждали, чем это все закончится.

— Дай, — протянул руку Герман Довлатович. Взял протянутый Ельшиным «болевик». — Надо верить людям, Генрих. — Издевка в голосе кардинала Союза Девяти звучала явно. — Она действительно не знает, где Соболев. А зачем он тебе, кстати? Ты ведь свое отыграл.

— Он... украл... — хрипло начал Ельшин.

— Что? Файл связи с Конкере?

Глаза генерала готовы были выскочить из орбит.

– Да! Кроме того, он запустил в расследование пакет сведений о моей параллельной деятельности... кстати, не с твоей ли подачи?

Рыков покачал головой.

– Мне это не несло никакой выгоды, скорее наоборот. Твое место во главе «Купола» теперь займет человек, который способен доставить мне массу хлопот.

– Кто же, Лобанов?

– Хейно.

– Носовой?! Он же никогда не...

– Это не важно, – перебил генерала Рыков, глянул на шагнувшего было в сторону Ибрагимова черным взглядом, так что тот почувствовал удар в грудь, парализовавший его на некоторое время. – У меня к тебе только один вопрос, генерал. Где дискета с файлом вызова Конкере? На даче я ничего не нашел.

– Ты... был... на даче?!

– Она с тобой?

Ельшин поднял дрожащую руку, хотел провести ею по лицу, но обнаружил, что держит бутылку, и с проклятием отшвырнул ее.

– Она не работает... я пробовал запустить комп... десятки раз... но программа не работает, проклятая!

– У меня заработает. Дай ее мне.

Ельшин побледнел, лоб его покрылся испариной.

– Никогда!

Рыков протянул руку, пристально глянул на генерала. Тот отшатнулся, бледнея еще больше, до синевы, сунул руку в карман, где у него лежал «волк», и Герман Довлатович разрядил в него «болевик».

Вопль, исторгнутый глоткой Ельшина, мог бы поднять на ноги мертвого! Ибрагимов и Свирайло вздрогнули, хватаясь за оружие, но снова застыли, скованные мысленным приказом Рыкова. В зал заглянули несколько бойцов «Стикса», телохранители генерала и Ибрагимова, но тоже превратились в замерших кукол.

Ельшин упал на пол, издавая дикие крики, стал рвать на себе одежду, царапать тело, колотить кулаками по голове, вырывать глаза, пока кровь не залила ему лицо. Затем крики его перешли в хрипы, стоны, он несколько раз дернулся и затих в луже крови, вытекшей из пустых глазных впадин; один глаз остался в его скрюченных пальцах,

второй невидяще смотрел с пола на потрясенных людей, не сделавших ни одного движения, чтобы помочь своему командиру.

– Жить вредно, Генрих, – сказал Рыков хладнокровно. – Эта твоя формула применима и к тебе самому. Без Монарха ты – нуль... в отличие от Соболева. – Он повернул голову к Ибрагимову: – Общайте его.

Майор подошел к Ельшину, нагнулся над ним, вытащил из карманов пистолет, сотовый телефон, бумажник, документы, зажигалку и сигареты.

– Это все.

– Ищи лучше, у него должен быть компакт или дискета.

Ибрагимов ощупал тело генерала и в специальном потайном кармашке пиджака нашел плоскую прозрачную коробку с компакт-диск, передал Рыкову.

– Это я тоже беру с собой. – Герман Довлатович покачал в руке «болевик», спрятал в карман. – Мощная машинка, пригодится. Чао, майор. Провожать меня не надо. А генерала вам лучше всего сдать военному прокурору, он дал санкцию на арест Генриха.

Рыков вышел. Ибрагимов посмотрел на тело Ельшина, встретил взгляд Свирайло, говорящий: что здесь, черт возьми, происходит?! – но и после этого не сразу пришел в себя. Оцепенение с командира «Стикса» и его зама спало лишь после того, как их страшный гость уехал. Не сговариваясь, они бросились вон из столовой, увлекая за собой телохранителей, на бегу подняли тревогу. Выскочили за ворота, но машин Рыкова и группы его сопровождения там уже не было.

Зато появилась другая машина.

Ошеломленные случившимся, не верящие тому, что к ним вот так спокойно мог войти человек, убить генерала и освободить пленников, майор и лейтенант и с десятков бойцов «Стикса», высыпавших следом, смотрели, как по разбитой асфальтовой дороге приближался к воротам базы черный «Понтиак» с темными стеклами. И еще до того, как он остановился, интуиция подсказала Ибрагимову, что новые гости опаснее Рыкова. Потому что прибыли по его душу.

«Понтиак» остановился в двадцати пяти шагах от группы стиксовцев. Почти бесшумно открылись дверцы машины, из кабины с двух сторон вышли двое мужчин в черных комбинезонах (Ибрагимов признал армейские спецкомплекты Н-1 – «ниндзя») и надвинутых

масках-шапочках, остановились. Молчание длилось несколько секунд. Потом тот, кто сидел справа от водителя, негромко раздельно произнес:

– Где она?

– Кто? – дернул щекой Ибрагимов, понимая, что речь идет о девушке, и узнавая голос.

– Митина. Я знаю, что она у тебя вместе с мальчишкой.

– А кто ты такой, собственно? – прорезался голос у Свирайло, поковбойски крутанувшего в руке пистолет.

Незнакомец сдвинул маску на затылок. Ибрагимов не удивился, узнавая лицо Балугева.

– Привет, ганфайтер. Живучий ты, однако. Давно не встречались, а?

– Где она?

– Опоздал ты, – ухмыльнулся Ибрагимов, – забрали ее вместе с мальцом. А зачем она тебе? Не жена ведь? Что это ты за юбки стал цепляться? Там, в Чечне, здесь...

– Кто ее забрал?

– Здесь был Рыков, – тихо проговорил спутник Балугева, обращаясь к нему так, чтобы его не услышали бойцы «Стикса».

– А если я не скажу, что ты сделаешь? – любопытствовал майор. – В угол поставишь? Нотацию прочитаешь?

– В яму положу, – глухо ответил Василий. – Сука си соку си^[33]...

– Ну давай, попытайся... – Ибрагимов не закончил.

Движение руки Балугева было столь стремительно, что никто из людей майора, в том числе и он сам, не успел среагировать: сверкнула бесшумная стальная молния – и в лоб майору вонзилась рокухоси – шестилучевая звездочка сакэна. Мгновение Ибрагимов, качнувшись назад от удара, продолжал стоять с пистолетом в руке (успел-таки вытащить!), затем упал навзничь. Лейтенант Свирайло перевел недоуменный взгляд с лица Балугева на тело командира, снова на Балугева, еще раз на Ибрагимова, потрясенный происшедшим. Глаза его расширились, правая рука сжала рукоять пистолета, в левой появился кинжал – все тот же баллок, которым он владел мастерски и которым были убиты полковник Ивакин и генерал Дикой.

– Ах ты, б...!

Но прежде чем лейтенант успел выстрелить, к нему метнулся смертельный блик сакэна, и Свирайло опрокинулся на спину со звездой в переносице. А затем Горшин вскинул руку и сказал звучным, вибрирующим от сдерживаемой силы, властным голосом:

– Стоять!

Бойцы «Стикса», готовые открыть стрельбу, замерли.

– Бросьте оружие!

Осиротевшие стиксовцы повиновались.

– Ты! – Палец Горшина указал на стоявшего чуть впереди всех великана с бородкой и усами. – Где женщина с ребенком?!

– Их увезли на машине... серый «Лендровер» с флагом...

– Садись, поехали. – Горшин нырнул в кабину. – Это машина Рыкова.

Василий постоял немного, ненавидящими глазами пожирая тело Ибрагимова, потом напряжение схлынуло, он вздохнул с каким-то всхлипом, сел рядом с Тарасом, и «Понтиак» рванул с места, как торпеда, обдав гравием, землей и кусками асфальта застывших профессионалов «Стикса», оставшихся ни с чем. Только после этого они опомнились, открыли было огонь, бросились к воротам, чтобы сесть на машины и отправиться в погоню. Но было уже поздно. «Понтиак» догнать им не удалось.

Горшин хотел сказать Василию: вечно ты торопишься, что за нужда была демонстрировать бу-дзюцу?^[34] – но посмотрел на его заострившееся лицо и передумал. Сказал вместо этого:

– Не переживай, Баловень. Она жива, а это главное. Рыкова мы достанем, я тебе обещаю. Хотя справиться с ним будет нелегко.

Вася закрыл глаза, откидываясь на спинку сиденья, представил лицо Ульяны и явственно услышал ее нежный голос:

«Ищи меня за тридевять земель, Васенька...»

Глава 34

Я ИСПОЛНЯЮ ВОЛЮ ПРОВИДЕНИЯ

Юрьев посетил храм Христа Спасителя не для того, чтобы воздать хвалу Господу или полюбоваться на его золотые купола и на красивейшее убранство центрального зала – трансепта, а для встречи с Бабуу-Сэнгэ. Координатор Союза Девяти ждал его у алтаря в толпе прихожан, неотличимый от них смиренной позой и благоговейной торжественностью созерцания. Вполне могло быть, что он медитировал, геометрия храма усиливала внутри зала колебания пси-полей отдельных людей, подводила их к резонансу и тем самым увеличивала позитивное воздействие на психику. Однако Юрий Венедиктович почувствовал его взгляд, понял, что запеленгован, подошел и встал сзади и чуть сбоку.

– Где Соболев? – спросил Бабуу-Сэнгэ, не разжимая губ.

– Пока не найден, – отозвался Юрьев тем же манером; услышать их мог бы только Посвященный, да и то в пределах двухметровой зоны затухания звука.

– Тогда зачем я вам понадобился?

– Рыков начал самостоятельную игру.

– То есть перебежал вам дорогу?

– Он взорвал дачу генерала Ельшина, убил его самого и захватил в заложники Ульяну Митину, оказавшуюся в руках секьюрити генерала. Теперь девушка у него, и он наверняка пустит в ход эту козырную карту, чтобы выйти на Соболева.

– Что вы предполагаете делать в связи с этим?

– Ничего. Наблюдать за Германом и его пленницей. Рано или поздно Соболев придет за ней, говорят, он друзей в беде не бросает, и тогда на сцену выйду я... – Юрьев улыбнулся, – в белой рубашке и галстук.

Бабуу-Сэнгэ не понял последней фразы Юрия Венедиктовича, но уточнять ее смысл не стал.

– Хорошо, план реален. Что еще вы хотели сообщить?

Юрьев замялся.

– Рыков становится непредсказуемо опасен, Учитель. По моим сведениям, ему удалось забрать у Ельшина программу «К», файл связи с Конкере. Нетрудно представить, к чему это приведет.

– Да, Герман слишком увлекся идеей изменения реальности, его надо придерживать. Но с ним-то как раз мы договоримся, а вот Соболев тревожит меня все больше. Этот человек может преподнести не один неприятный сюрприз. Его необходимо... остановить.

– Но ведь он зомбирован... пентархом... или меня ввели в заблуждение?

– Мы его недооценивали, Юрий Венедиктович. По моим сведениям, он действительно инициировал эйнсоф, изменив нашу реальность, хотя мы этого и не почувствовали, и намеревается пойти еще дальше. То, что его запрограммировал Удди, еще ни о чем не говорит. И самое плохое, что Соболеву покровительствуют Хранители.

– До меня тоже дошли эти слухи...

– Это не слухи. Делайте свое дело, Юрий Венедиктович, и, как только в поле зрения появится Соболев, дайте знать.

Юрьев поклонился, отступил назад и вышел из храма. Из кабины своего роскошного «Кадиллака» он связался со своим подразделением ай-профи, стерегущим каждый шаг Рыкова с помощью специально «заколдованной», неощутимо работающей аппаратуры, выслушал доклад старшего группы и коротко бросил водителю:

– В Кремль!

* * *

Бабуу-Сэнгэ проводил внутренним взглядом кардинала, мечтающего когда-нибудь занять его место координатора, и приготовился ждать Хранителя, с которым договорился о встрече, и все же упустил момент, когда тот появился в храме. Впрочем, это его не удивило. Хранители владели всеми тайнами Круга.

Рядом с координатором Союза Девяти остановился высокий мужчина в блестящем, мокром, словно только что из-под дождя, зеленоватом плаще с откинутым капюшоном и в мягких сапогах, выглядывающих из-под плаща. На Бабуу-Сэнгэ взглянули прозрачно-

серые, светящиеся внутренней энергией глаза Хранителя. Они поклонились друг другу, отгородившись от остальных посетителей храма «мембраной невидимости».

– Слушаю вас, координатор, – бесстрастно произнес Хранитель звучным голосом на метаязыке.

– Благодарю за предоставленную возможность побеседовать о важных вещах, Хранитель Матфей, – учтиво ответил Бабуу-Сэнгэ. – Правда ли, что вы покровительствуете непосвященному по имени Матвей Соболев?

– Правда.

– А как это согласуется с Уставом, традициями и законами Круга, которые запрещают вам вмешиваться в дела людей?

– Мы исполняем Волю...

– Чью?

– Волю Провидения, если хотите. Вы прекрасно знаете, координатор, что ваш Союз, как, впрочем, и другие Союзы Неизвестных по всей Земле, не справляется с коррекцией реальности. Состояние мира можно оценить в настоящий момент как пограничное. Небольшой толчок – и произойдет изменение реальности, которое поставит под сомнение существование человеческой цивилизации в том виде, в каком она сохранилась с момента адаптации после эксперимента Конкере. Необходимо предотвратить падение реальности в «яму» inferнального вырождения.

– Вы считаете, вашему протеже Соболеву это по силам? Он что, в самом деле аватара?

Ирония в голосе Бабуу-Сэнгэ не подействовала на Хранителя.

– Потенциально, – коротко ответил он.

Бабуу-Сэнгэ с сомнением посмотрел на собеседника, сосредоточенного на своих внутренних проблемах.

– Путь аватары состоит из двадцати двух ступеней...

– Он преодолел десять и подошел к «триаде сердца».

Бабуу-Сэнгэ не сделал ни одного жеста, но взгляд его был красноречив. Под «триадой сердца» подразумевались три ступени совершенствования Посвященного: Приобретение Воли, Частичное Отрицание и Сохранение Индивидуальности. Если Соболеву удастся пройти «триаду», ему ничто не помешает перешагнуть остальные восемь ступеней: Созидание Личности, Ответвление Совести,

Регламентация структуры реальности, Зеркальный шаг, Маятник Отношений, Преодоление Жесткости, Магическое Оперирование, Двойник Совершенства. Потом ему останется сделать один небольшой шаг – познать Карусель Бесконечности, чтобы стать аватаром – Проводником Бога, и мир изменится...

Хранитель, не упускавший из внимания ни одного душевного сдвига собеседника, кивнул.

– Да, это так.

– А если вы ошибаетесь? – равнодушно проговорил Бабуу-Сэнгэ. – Если Соболев – «черный аватара»? По моим сведениям, он контактировал с Монархом и тот разбудил его тхабс.

– Не исключено, – слабо усмехнулся Хранитель.

– Мало того, он имеет доступ к Великим Вещам Абсолюта.

– Нам это известно.

– И последнее, – медленно сказал координатор Союза Девяти. – Он инициировал эйнсоф и... выжил! А это говорит о том, что Соболев – реализатор нового изменения, подготовленного Монархом. Вы понимаете ответственность момента? Готов ли Круг к роли, которую отводит ему Конкере?

– Не стоит переживать за весь Круг, координатор. Его деятельность нуждается в сильной коррекции, кстати, в большой степени из-за отхода Союзов от своих прямых регулятивных функций. По большому счету все мы – и вы тоже – отступники. Но мой вам совет: не трогайте Соболева, это может плохо кончиться.

– Для кого?

– Для всех нас. Прощайте.

И Хранитель исчез.

Бабуу-Сэнгэ постоял в задумчивости, созерцая богатый алтарь храма, величественный лик Христа, и направился к выходу. Он вдруг понял, почему всполошились иерархи, жаждущие передела власти в «розе реальностей»: аватара мог лишить их возможности занять трон Мастера Мастеров. Претендента на это звание следовало либо уничтожить, либо склонить на свою сторону, как попытался сделать пентарх Удди. Если это ему удалось, «розу» ждали не лучшие времена...

Глава 35

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ

Горшин знал две базы, принадлежащие Рыкову. Одна из них располагалась в Домодедове, на месте бывшей муниципальной свалки мусора, вторая в Шереметьеве, замаскированная под маленький частный аэродром, способный принимать самолеты не выше класса «Ан-2» и вертолеты.

Сразу после разборки с Ибрагимовым они с Балуевым поехали в Домодедово, однако Тарас, не выходя из машины, определил, что Рыков здесь давно не появлялся, и заглушил мотор. Василий, сжигаемый нетерпением, посмотрел на него вопрошающе, и Горшин сказал:

– Не гони лошадей, ганфайтер. Спешка нужна только для ловли мелких насекомых. Во-первых, Ульяну Герман захватил не для того, чтобы тут же ликвидировать, у него явно есть стратегический расчет. Во-вторых, нас только двое, что явно недостаточно для штурма рыковских укреплений, уж ты мне поверь. Необходимы поддержка, разведка, подготовка и план действий. Подберем Ивана Терентьевича, определим место, где Рыков прячет Ульяну, я позову кое-кого из знакомых, и лишь тогда можно будет начинать операцию. И хорошо бы отыскать Соболева, его помощь была бы неоценима.

– Но если сейчас внезапно...

– Согласен. Если мы сейчас внезапно позавтракаем, это сразу скажется на повышении тонуса.

Василий посидел некоторое время в напряженной позе, потом словно погас, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза.

– Ты прав, извини.

Тарас включил мотор, и «Понтиак» покатился мимо глухого забора по дороге, выходящей на окраину Домодедова. Спустя сорок минут после бешеной гонки по автостраде и окраинам Москвы они подъехали к дому Горшина. Позавтракали, искупались и переоделись. Настроение Василия слегка поднялось. Он вообще не любил унывать долго, а когда предстояла сложная работа, привык готовиться к ней тщательно и думать только о предстоящем деле.

Оставив его хозяйничать, Тарас уехал и появился к обеду вместе с Парамоновым.

– Ульяна в Шереметьеве, – сказал он, проходя в свою спальню. – В два часа едем на место. Там нас будут ждать.

– Кто? – Василий пожал руку Ивану Терентьевичу.

– Ребята из моего личного мейдера. Для них я все еще комиссар «чистилища».

– Соболева не нашел?

– Вероятнее всего, он все еще находится в гостях, – сказал Парамонов.

– У кого? – не понял Вася.

– У Хранителей. Но вполне может быть, что он занят своими делами, не требующими нашего участия.

– А позвать его через астрал, или как там еще, вы не можете?

– Можем, но нас сразу запеленгует Рыков.

– Тогда пошел он к черту! – сердито сказал Василий. – Справимся и без него.

Парамонов укоризненно покачал головой и скрылся в ванной.

Через час они выехали в Шереметьево, соответственным образом переодевшись – в дымчато-серые комбинезоны с краповыми беретами. Иван Терентьевич стал подполковником спецназа внутренних войск, Горшин и Василий – лейтенантами.

База Рыкова, представлявшая с виду миниатюрный частный аэродромчик, пряталась за шеренгой лип и была окружена с двух сторон глинистыми холмами, поросшими чахлым кустарником. Забор ее окружал проволочный, территория казалась неухоженной, на ней стояли всего три строения: ангар, вышка и небольшое одноэтажное кирпичное здание вокзала, а весь летный парк составляли два вертолета и старенький «Як-12», так что смотреть особенно было не на что, однако на самом деле база Рыкова охранялась не хуже, чем дача Ельшина, а по объему оборудования, масштабам подземных фортификационных сооружений (она имела точно такую же станцию с выходом на секретную ветку метро), по количеству оружия и взрывчатки превосходила ельшинскую резиденцию втрое. Главным же козырем Рыкова в данной местности было наличие супернового боевого вертолета «Ка-97», потомка знаменитого штурмовика «черная

акула», и самолета вертикального взлета и посадки, запрятанных под полом ангара и готовых взлететь в любую минуту.

Все это Василий узнал от Горшина, пока они пересекали Москву с юга на север.

– Ну хорошо, – хлопнул себя по бедру ладонью Василий, когда машина остановилась в полукилометре от липовой аллеи, за которой просматривались ворота, будка пропускного пункта и летная вышка. – Ясно, что основные силы противника расположены под землей, территория базы просматривается телекамерами и простреливается пулеметами, охрана хорошо укрыта и соответственным образом экипирована. Каков план действий? Прямая атака? Нас превратят в решето раньше, чем мы подъедем к вокзалу. Кстати, спуск под землю может быть и не там.

– Спуска два, – сказал рассеянно Тарас. – Главный, грузовой – в ангаре, для начальства – из здания вокзала. Атаковать базу в лоб мы не станем, но действовать будем открыто и нагло. Рыкова сейчас здесь нет, поэтому Иван Терентьевич сыграет его роль. Ну а когда прорвемся, будем работать по обстоятельствам. Годится тебе мой гениальный план?

– Вполне, – усмехнулся Василий. – Люблю безумные мероприятия. Но не кажется ли вам, сэр, что Иван Терентьевич не очень похож на... – Вася замолчал. Рядом с ним сидел не Парамонов в форме подполковника, а кардинал Союза Девяти и безучастно смотрел на него, неотличимый от настоящего Рыкова.

– Похож? – участливо спросил он голосом Германа Довлатовича.

– Оборотень! – сказал Вася кратко, с дрожью в желудке. Он все время забывал об экстраординарных возможностях Посвященных, каждый раз испытывая зависть и давая себе клятву добиться того же. Откашлялся. – Допустим, это сработает. А как мы найдем Ульяну?

– Найдем, – улыбнулся Рыков-Парамонов. – Она здесь, хотя Герман и позаботился о блокировке базы, поставив «печать отталкивания».

– Какую печать?

– Это нечто вроде магического заклинания, не позволяющего Посвященным нашего уровня устанавливать телепатическую связь на расстоянии.

– Как же вы тогда узнали, что Уля здесь?

– Рыков забыл, что она не одна. Ульяна заставила «светиться» ауру Стаса. Очень слабо, на пороге шумов, один бы я не уловил это свечение, но нас трое, и чувствительность нашего общего «телепатоприемника» существенно выше.

– Я не в счет, я же не Посвященный.

– В счет, в счет, Василий Никифорович, ваш пси-резерв уже дает о себе знать, скоро вылупится и цыпленок паранорма. Ну что, Тарас Витальевич, поехали?

Горшин поднес ко рту рацию.

– Ветер, я Граф, как слышите?

– Слышим и видим хорошо, – донесся голос командира мейдера «чистильщиков». – Готовы начать бузу в любой момент.

– Только по команде. Сейчас молчок, наблюдайте.

– Принял, Граф. Будьте осторожны, у них очень мощная сторожевая система, мы засекли четыре бронеколпака по углам поля.

– В случае нужды ослепите их.

– Принял, сделаем.

Горшин выключил рацию.

– Мои люди на местах, можно начинать.

– Никого не вижу, – сказал Вася, повертев головой. – Хорошо маскируются твои ребята. Сколько их у тебя?

– Семеро.

– Всего-то?

– Каждый из них стоит пятерых. Все, разговорам конец, начали.

Горшин отпустил сцепление, и «Понтиак» – сейчас он издали был уже не «Понтиак», а серый «Лендровер», на котором ездил Рыков, – покатил к воротам базы. Остановился, дал гудок. Никто не появился в поле зрения, ни на поле, ни из будки КПП, но ворота дрогнули и раздвинулись влево-вправо, влекомые невидимым сервомеханизмом. Соединенный раппорт Горшина и Парамонова дошел до сторожей, контролирующих въезд на территорию базы.

«Понтиак» миновал ворота, проехал полсотни метров по бетонке и остановился у здания вокзала с металлической входной дверью, над которой прятался глазок телекамеры.

«Рыков»-Парамонов неторопливо вылез из машины, остановился перед дверью, за его спиной выросли Горшин и Василий. Ожидание длилось долгих пять секунд, пока новоприбывшее высокое начальство

разглядывалось дежурным на мониторе телеслежения, потом дверь тихо и торжественно – толщина ее достигала сантиметров двадцати – отошла назад, и гости шагнули в квадратный холл здания, где их ждал недоумевающий командир смены – верзила в комбинезоне цвета хаки без знаков различия.

– Вы?! Что-нибудь случилось?

– Доставьте пленницу, – сухо сказал «Рыков». – Вместе с мальчишкой.

– Она же... – замялся начальник охраны. – Мы ее усыпили.

Вася сделал движение, но почувствовал толчок в спину и остановился, с трудом сдержав желание свернуть охраннику шею.

– Приведите ее в чувство, – тем же тоном сказал «Рыков». – В крайнем случае принесите ее сюда. Живее!

– Как скажете.

Командир смены скрылся за одной из дверей холла. Оставшиеся переглянулись, чувствуя на себе взгляды по крайней мере двух человек, и разбрелись по комнате, приглядываясь к деталям.

В холл выходили четыре двери, две из которых вели в коридоры – правый и левый, а две другие – в служебные кабинеты. «Рыков» остановился у одной из них, Горшин у другой. Вася занял позицию у выхода в левый коридор, глянул на спутников и успел заметить их засветившиеся от внутреннего усилия лица.

Ничего не произошло с виду, но Вася был уверен, что наблюдатели, сидящие за дверьми и готовые выскочить оттуда с оружием в руках по команде старшего, теперь спят.

Тарас пересек холл и вышел в правый коридорчик, который вел в небольшой зал ожидания с тремя рядами стульев и двумя окошками касс. В зале никого не оказалось, но за дверью в углу зала кто-то ворочался, недобрый и опасный, и Горшин задержался перед ней, напрягаясь и недоумевая, почему ему не удастся увидеть, кто находится в помещении. Лишь с помощью Парамонова удалось разгадать эту загадку: помещение было личным кабинетом Рыкова, закрытым «печатью отталкивания».

– Хотелось бы посмотреть, что он там прячет, – вполголоса заметил Василий. – Даже я чувствую, как от двери несет холодом.

– Не стоит рисковать, – покачал головой Парамонов. – Вряд ли Герман держит здесь ценные вещи, скорее всего там стоит его

персональный компьютер. Возвращаемся.

Они вернулись в холл и стали ждать возвращения начальника смены, понимая, что уже ничего не могут изменить. Все теперь зависело от обстоятельств, венчающих цепь причин и следствий, которую они привели в действие своим появлением на базе.

Верзила в комбинезоне хаки появился через несколько минут один.

– К сожалению, она нетранспортабельна, вам придется спуститься к ней в камеру.

Гости переглянулись.

– Что значит – нетранспортабельна? – недобро любопытствовал Василий.

– Она сопротивлялась, пришлось вколоть ей хорошую дозу наркотика, ребята перестарались...

– Она жива?!

– Естественно, но сердце работает плохо.

– Идите вперед! – жестко сказал «Рыков».

Начальник охраны безмолвно повернулся, подчиняясь приказу, а у Василия, поймавшего его пустой взгляд, вдруг молнией мелькнула догадка.

– Он же... зомби! – выдохнул Вася на ухо Горшину, взяв его под руку.

– Я уже понял, – беззвучно ответил Тарас. – Но менять план поздно, держись сзади, контролируй тыл.

Коридор привел их в небольшую комнату с двумя лифтами. Один за другим они вошли в кабину, которая унесла их под землю примерно метров на десять, на второй горизонт базы. Дверь лифта открылась, и гости оказались перед шеренгой мощных парней в комбинезонах цвета хаки с автоматами в руках, направленными на лифт. Парней было десять, но за их спинами в глубине широкого тоннеля с бетонными стенами и полом, освещенного белыми люминесцентами, неподвижно стояла группа вооруженных людей, и все они весельчаками не выглядели. Уверенные и безразличные ко всему, они ждали приказа. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы увидеть в них зомби-солдат.

Вася искоса посмотрел на своих спутников и снова уловил момент, когда они вспыхнули, передавая мысленный приказ

пропустить их. Несколько мгновений казалось, что рапорт не подействовал на запрограммированных бойцов Рыкова, уж слишком неподвижными, вросшими в пол они были. Потом сопровождавший гостей гигант вышел из лифта, и шеренга расступилась, опуская автоматы. Чувствуя тяжелые взгляды парней, Василий незаметно потрогал запас метательных звезд в спецкарманах кителя и рукавов. С зомби-солдатами он в прямых схватках не сталкивался, но знал, на что они способны. Встретившая их молчаливая команда, напоминавшая роботов, создающая впечатление жестокости и бездушной мощи, осталась сзади, и это Васе очень не понравилось. Им предстояло возвращаться тем же путем, а что могло взбрести в головы «механически-биологическим» монстрам, представить было несложно.

Пройдя около тридцати шагов по серому бетонному тоннелю, уходящему вперед не меньше чем на двести метров, группа остановилась у белой блестящей стены, окантованной металлическими полосами, с двумя рядами черных пластин. Сопровождавший группу начальник охраны приложил руку к одной из пластин, правая створка двери с гулом отъехала вбок, открывая вид на новый тоннель – короткий, широкий, выложенный сверкающим кафелем, с рядами белых же дверей с прозрачными окошками на них и без единой ручки.

За входной дверью слева располагалась стойка с телеэкраном, за которой устроилась охрана в хаки – морщинистый коричневолицый лысоватый тип и молодой парень с ничего не выражающим взглядом. Когда гости вошли, он слез со стула и встал по стойке «смирно», в то время как лысый продолжал сидеть и смотреть на экран.

Верзила сопровождающий шагнул в сторону, как бы говоря, что он сделал все, что от него требовалось, но его услуги были уже не нужны. Иван Терентьевич сразу направился ко второй двери слева, заглянул в окошко и повернулся к охранникам линии.

– Открыть!

Коричневолицый страж прошелся рукой по клавиатуре монитора. Дверь с окошком плавно скользнула в сторону, открывая просторную комнату, залитую голубоватым светом, обитую со всех сторон мягкими кожаными подушками. На полу лежала Ульяна с открытыми глазами, а рядом, взяв ее за руку, сидел Стас и испуганно смотрел на вошедших, никого не узнавая.

Парамонов склонился над Ульяной, вглядываясь в ее глаза. Василий слепо шагнул вперед, проглатывая ком в горле, но Горшин остановил его:

– Не мешай!

– Она... что с ней?!

– Она ушла.

– Как ушла?! Куда?!

– Не психуй, все будет в норме. Она перевела сознание в другое состояние – трансперсональной концентрации. Вывести ее из этого состояния трудно, но возможно.

– Зачем она туда... ушла?

Горшин помолчал.

– Либо Рыков допрашивал ее... а он сильнее, я имею в виду владение диапазоном Сил. Либо он применил «глушак». Плюс наркотики.

– Га-эл-лха-манн! – звучно проговорил Парамонов, вытягивая над грудью Ульяны засветившиеся руки.

Глаза Ульяны закрылись, щеки слегка порозовели. Она вздохнула с облегчением, но сознание возвращаться к ней не спешило.

– Вместе! – сдавленно произнес Иван Терентьевич, не оборачиваясь.

Горшин шагнул к нему, присел возле девушки на корточки. Он понимал, что, занимаясь восстановлением психики Ульяны, теряет контроль над обстановкой, но иначе они могли бы не успеть вывести ее из смертельно глубокого забытья.

Василий подошел к Стасу, широко раскрытыми глазами наблюдавшему за действиями мужчин, мягко потрепал его вихры.

– Иди сюда, парень. С тобой все в порядке?

Мальчишка перевел взгляд на него, и с губ его чуть не слетел крик: «Дядя Вася!» – Василий едва успел закрыть ему рот ладонью.

– Тихо! Мы пришли за вами. Вопросы будешь задавать потом, а сейчас держись рядом и молчи.

Внезапно Василию показалось, что его накрыла холодная тяжелая тень. Он вздрогнул, машинально глянул вверх, хватаясь за пистолет под мышкой, и метнулся к выходу, без подсказки понимая, что ситуация изменилась.

– Задержи их! – догнал его голос Тараса, который понял, в чем дело, раньше Балужева.

Вася взглянул на лица зомби-охранников и их командира, и ему стало ясно, что они получили мысленный приказ Рыкова, преодолевший торможение, внушенное им Горшиным и Парамоновым. Он не колебался ни секунды. Прыгнул вперед, с перекатом, сбивая прицел начавших стрельбу охранников, и ответил сам, не потратив ни одной лишней пули из своего «волка»: три пули – три дыры во лбах зомби-солдат.

Еще две пули Василий выпустил в цель начавшей открываться двери во внешний тоннель, в которую готовы были ворваться парни оставшейся у лифта команды, метнулся к пульта монитора и ударил по нему кулаком, не имея времени на выяснение функций каждой клавиши. Дверь перестала открываться. Очистился и открытый проем. Бойцы сторожевого контингента базы не спешили подставлять себя под пули, оценив мастерство стрелка. Но длилось это хрупкое равновесие недолго.

По тоннелю с той стороны прошло какое-то движение, перестановка сил, а затем вместе с холодным дуновением ветра прилетел чей-то тихий невыразительный голос:

– Не стреляйте, я безоружен.

Вася оглянулся на товарищей, поддерживающих Ульяну под руки, пережил вспышку радости (ожива, слава Богу!), но снова переключил внимание на дверь.

– Пусть войдет, – кивнул ему Тарас.

В щель скользнул невысокого роста человек в темно-сером костюме, остановился у порога, оглядывая всех, кто находился в камере с мягкими стенами и полом, и от его взгляда Василия качнуло, будто он стоял на палубе парусника во время шторма.

– Поздравляю, Граф, – продолжал Рыков. – Мое почтение, Иван Терентьевич. Вы очень на меня похожи, смею вас уверить. Приветствую вас на моем секретном полигоне. Признаться, я не ждал вас так скоро. Как себя чувствует ваша приятельница? Надеюсь, она выдержала испытание.

Василий шевельнулся, преодолевая желание всадить кардиналу пулю в лоб, наткнулся на его ответный сверкнувший взгляд и замер, не в силах сделать ни одного движения. Скрипнул зубами, вызывая

яростную волну стихийного душевного протеста, тягуче медленно поднял руку с пистолетом и тем самым заставил кардинала Союза Девяти, удивленного и уязвленного сопротивлением человека, которого он и в грош не ставил, отвлечься на повторную пси-атаку. Это было его ошибкой.

Горшин и Парамонов не стали ждать продолжения переговоров, а мгновенно воспользовались случаем и нанесли мощный удар по психике Рыкова, загоняя сознание кардинала в положение, в которое он перед этим загнал сознание Ульяны. И Рыков, самоуверенно считавший себя более сильным, чем противник, впервые в жизни потерпел поражение, не сумев защититься от шумового пси-удара, деформирующего сознание, увлекающего его в бездну пустого состояния.

– Уходим! – бросил Горшин, поддерживая Ульяну. – У нас всего несколько минут, он скоро восстановится.

– Так давай пристрелим его, – брезгливо предложил Василий.

– Неспортивно, – серьезно проговорил Иван Терентьевич, снова превращаясь в «Рыкова». – Пусть живет, его жизнь принадлежит Кругу.

– Он на нашем месте вряд ли поступил бы так гуманно. Кстати, он вас обманул.

– То есть? – удивился Иван Терентьевич.

– Он вооружен. – Василий подошел к застывшему неподвижно Рыкову и достал из кармана необычной формы пистолет с алой насадкой. – Что это, по-вашему?

– «Болевик»! – негромко сказал Горшин. – Генератор боли «пламя». А я ломаю голову, чем он достал Ульяну, почему она не приходит в себя так долго!

– Что? – У Васи перехватило дыхание. – Он в нее... стрелял из «болевика»?!

– Успокойтесь, Василий Никифорович, – мягко сказал Парамонов. – Все уже позади, Уля молодец, сумела сберечь рассудок, хотя и ценой глубокого нырка в подсознание.

– Он... в нее...

Никто ничего не успел ни сказать, ни сделать. Вася щелкнул пальцем; движение его было почти незаметно – и Рыков опрокинулся навзничь с иглой босюркэна в правом глазу.

Несколько секунд в помещении камеры стояла глухая тишина. Посвященные озабоченно, Стас с ужасом разглядывали странно неподвижное, ни разу не вздрогнувшее тело кардинала. Потом Парамонов покачал головой и вышел, не говоря ни слова. Горшин без особого осуждения окинул Василия взглядом, похлопал его по плечу и повел не совсем пришедшую в себя Ульяну к выходу.

Вася бросил ненавидящий взгляд на бледное лицо человека со стрелой в глазу и струйкой крови, сползающей по щеке, человека могущественного, с легкостью манипулировавшего чужими жизнями, плюнул и от души пожелал ему попасть в ад.

Они вышли в тоннель, снова овладев сознанием зомбированных Рыковым сотрудников и охранников базы. Среди них присутствовали и телохранители Германа Довлатовича из его личного кардинальского манипула, тренированные по высшему классу спецопераций, пятеро молодых людей в одинаковых костюмах: зеленоватые брюки, фиолетовые рубашки, кожаные безрукавки, специальные, удобные в бою и для бега, туфли. Вооружены они были пистолетами-пулеметами отечественного производства «кедр-2», «бизон-3» и «ПП-98», пистолетами «волк» и «штейер» девятимиллиметрового калибра, а также целым набором холодного оружия от охотничьих ножей фирмы «Хантер» и ножей выживания «бакмастер» до метательных пластин и кастетов. Одного взгляда на их неподвижные лица было достаточно, чтобы понять, насколько они сильны и опасны.

Увидев «своего шефа», они пристроились у него за спиной и по бокам, ведомые волей Парамонова, и Василию ничего не оставалось делать, как топтать следом и вести за собой перепуганного и усталого Стаса. Горшин с Ульяной возглавили процессию.

Им удалось без инцидентов выбраться наверх, освободиться от охраны, приказав ей заниматься своими делами, и перевести дух в здании «вокзала», возведенного, очевидно, с целью одурачивания проверяющих государственных служб, однако ликовать было еще рано. Снаружи «вокзала» освободителей Ульяны ждала другая команда, интересы которой совпадали с интересами Рыкова, но противоречили интересам Посвященных. Первыми ее обнаружили Иван Терентьевич и Тарас, еще до того, как их окликнули из-за стен здания.

– Тупик! – сказал Горшин, вдруг закрывая глаза и прислушиваясь к чему-то.

– Да, этого мы учесть не могли, – согласился Парамонов.

Василий, чувства которого обострились, тоже ощутил дыхание опасности и оглянулся на спутников.

– Нас встречают? Так это понимать? Кто?

– Очень серьезные люди, – пробормотал Иван Терентьевич со вздохом, все еще сохраняя внешность Рыкова. Телохранители Германа Довлатовича продолжали опекать своего босса и могли среагировать неадекватно, узрев на его месте незнакомого человека, а драться с ними желания не было ни у кого.

– Кто? – повторил вопрос Василий.

– Господин Юрьев со свитой, – буркнул Тарас. – Советник президента и он же кардинал Союза Девяти. Но похоже, он не один, с ним кто-то еще, кого я не могу идентифицировать.

– Бабуу-Сэнгэ, – коротко сказал Парамонов.

– Кажется, Соболев говорил мне о нем, – наморщил лоб Василий. – Координатор Союза Девяти?

– Собственной персоной.

– Влипли! – присвистнул Вася.

– Эй, там, в коробке, – раздался за стеной здания недобрый голос. – Выходи по одному, с поднятыми руками. Оружие не брать, резких движений не делать. Открываем огонь без предупреждения.

Мужчины переглянулись.

– Делайте что приказано, – обратился к телохранителям «Рыков». – Это недоразумение. Но ждите моей команды. Вполне возможен вариант выхода без оружия.

– Понятно, – сказал старший группы, бросил на пол оружие и вышел из холла. За ним покинули здание рослые парни рыковского манипула, привыкшие беспрекословно подчиняться приказам босса.

– А мы? – Вася подошел к Ульяне, начинавшей оглядываться и с усилием соображать, что происходит.

– А мы попробуем выяснить, что им надо, – сказал Иван Терентьевич. – Я выйду.

– Подождите, – сказал Горшин, достал рацию. – Ветер, я Граф, как слышите?

– Наконец-то, командир! – отозвалась рация голосом старшего группы поддержки. – Здесь такое творится! Нас словно в мясорубке прокрутили, непонятно, в чем дело. Еле оклемались. Подъехали какие-то крутые профи, окружили базу. Что делать?

– Броневики видите?

– БТР? Видим.

– Попробуйте захватить, но без шума. И готовьтесь по сигналу открыть по всем этим профи огонь на поражение из всех стволов. Как понял, Ветер?

– Голова гудит, но соображает. Все сделаем как надо, Граф. Каков будет сигнал?

– Включи рацию на аварийную волну и жди точку. Конец связи!

Горшин сунул рацию в нагрудный карман, посмотрел на Парамонова.

– Может быть, лучше я пойду на переговоры?

– Это лишнее, – кивнул на рацию Иван Терентьевич. – Потеряете людей.

– Они знают, на что идут, и верят в правоту дела. У них нет выбора. Вернее, они сделали его давно.

Створки двери раздвинулись, выпуская Парамонова наружу, и плавно закрылись. Для остальных потянулись минуты ожидания, равные по напряженности часам. Вася подошел было к Ульяне, но поймал затравленный взгляд Стаса и присел возле него. Посмотрел в его глаза.

– Прорвемся, герой?

Стас неумело улыбнулся, сразу оживая и приободряясь. Ульяна перестала поглаживать затылок, подошла к нему, присела рядом с Василием, погладила его по плечу, взъерошила волосы мальчишки, и обоим показалось, что впереди их ждет удача.

Глава 36

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Иван Терентьевич оценил положение с одного взгляда.

Здание «вокзала» рыковского «аэродрома» было окружено со всех сторон людьми в строгих штатских костюмах, вооруженными не хуже армейского спецназа. Точно так же был окружен и ангар, у проволочных ворот стояли три микроавтобуса и два джипа «Тойота», а на одном из ближайших лысых холмов маячил силуэт БТРа с ракетной установкой. Бронекупола, предназначенные для защиты базы и в мирное время прятавшиеся под землей, сейчас были подняты наверх, а их пулеметы смотрели на ангар и на здание «вокзала». Не приходилось сомневаться, что обитатели колпаков перепрограммированы Юрьевым и готовы открыть огонь по кому угодно в соответствии с мысленным приказом.

Телохранителей Рыкова нигде не было видно – вероятно, их уже затолкали в микроавтобус. Дверца одного из джипов отворилась, из него вылез человек в белой рубашке и брюках «лайк», неторопливо направился через распахнутые ворота к зданию «вокзала». Это был Юрий Венедиктович Юрьев. Он прошел цепь штатских мальчиков, остановился в двадцати шагах от Парамонова и некоторое время разглядывал его, словно раздумывая, что с ним делать. Психпространство вокруг него ощутимо вздрагивало и шаталось, завивалось штопором и расплывалось опадающими волнами, и усмирять эти волны, грозившие затопить Посвященного и мир вокруг, было очень трудно. Уровень Сил, которыми владел кардинал Союза Девяти, был гораздо выше возможностей Парамонова, но он, понимая это, готовился дать бой, чтобы попытаться спасти друзей, хотя бы и ценой жизни.

– Что вам угодно, кардинал? – сдержанно спросил Иван Терентьевич. – По какому праву вы нас задерживаете?

– По праву сильного, – с любезной полуулыбкой ответил Юрий Венедиктович. – Мне нужен Соболев. Вы знаете, где он прячется. Предлагаю обмен: я вам свободу, вы мне адрес.

– Я не знаю, где прячется Соболев, – ровным голосом сказал Парамонов. – И никто из тех, кто сейчас со мной, не знает. Герман напрасно пытал Ульяну.

– А где сам господин Рыков? Неужели вам удалось его нейтрализовать?

– Он недооценил кое-кого из моих друзей и, возможно, лишился глаза.

– Вот как? – Юрьев озадаченно скрестил руки на груди. – Может быть, и я вас недооцениваю?

– Может быть. Хотя, судя по эху, вы пришли сюда не один, с вами координатор. Или я ошибаюсь?

– Его здесь нет. – Юрьев подумал и добавил: – Пока. Он появится, как только я дам сигнал. Вам придется побыть моим пленником, Иван Терентьевич.

– Ради чего?

– Я уже сказал: мне нужен Соболев. Вы с друзьями позовете его, он придет, и я вас отпущу.

Иван Терентьевич засмеялся. Юрьев смерил его недоуменным взглядом.

– Что вас развеселило?

– Вы напомнили мне героя Маяковского: «Я человек с крупными запросами... Я зеркальным шкафом интересуюсь»^[35]. Помните? А если мы откажемся?

– Тогда я напомню вам в ответ слова Дюма-отца: «Поверьте, друг мой, не заслуживает доверия человек, предпочитающий плохое хорошему»^[36]. Вам все равно придется сделать то, что я от вас прошу, только уже на других условиях. Вы же знаете кредо Союза: мы всегда добиваемся поставленной цели.

– К сожалению, это правда. Но самое плохое, чего вы не видите, – это то, что цели ваши изменились. До сих пор Аморфы и иерархи «розы реальностей» уравнивали друг друга, не позволяя кому-нибудь слепо экспериментировать с целыми Вселенными – слоями «розы». Но теперь этот механизм поломан, равновесие нарушено, в ряды иерархов проник вирус властолюбия...

– Мы не судьи иерархов, – холодно перебил Посвященного кардинал. – Они вправе делать то, что им хочется делать.

– Конечно, – грустно согласился Иван Терентьевич, – вправе. Но границы «розы» не являются непреодолимыми, ржавчина отношений иерархов просочилась и в нашу реальность, отразилась на всех уровнях бытия, на всех людях, в том числе – и в первую очередь! – на вас. Разве деятельность Рыкова не есть попытка занять другой уровень властвования в Союзе? А ваши усилия повлиять на Соболева, способного нарушить равновесие социума не в вашу пользу, разве не являются попыткой изменить свой личный статус?

– Он нужен не мне, – еще более холодным тоном ответил Юрьев. – Действия Соболева действительно угрожают социуму дестабилизацией, Союз не может не реагировать на такие процессы, не изучать их причины и... не устранять, если понадобится. Итак, каково ваше решение?

– Я должен обсудить ваш ультиматум с друзьями. Если мы откажемся...

– Мы вас заставим, Иван Терентьевич.

– Если мы откажемся, – закончил Парамонов, – вряд ли победа достанется вам легко, кардинал. Вы один, нас трое Посвященных, старейшины Круга узнают о нападении...

Юрьев сделал пренебрежительный жест.

– Традиции Круга требуют пересмотра, мы просто подтолкнем Сход Круга к этому решению. Но, во-первых, я не один...

Из двери ангара в полусотне метров от здания «вокзала» вышел человек в знакомом темно-сером костюме и направился к ним. Парамонов узнал Рыкова, вздрогнул. Хотя он и знал о возможностях кардиналов выживать в условиях, в которых любой нормальный человек неминуемо погиб бы, все же не ждал, что Герман Довлатович восстановится так быстро.

Рыков остановился рядом с Юрьевым. Правый глаз его был залеплен пластырем, но левый смотрел на Парамонова с обычным кажущимся безразличием и кротостью.

– Во-вторых, у нас есть то, чего нет у вас, – продолжал Юрьев снисходительным тоном, – то есть гипногенераторы «удав». Вы знаете их возможности. Не хотелось бы их применять, но если придется...

– Ответ будет...

– Нет! – появился за спиной Ивана Терентьевича Горшин. За ним из двери вышли Балув и Ульяна, сумевшая почти полностью прийти в

себя и поддержать мужчин.

– Дайте нам пройти, – шагнул вперед Тарас, стряхивая с кистей рук на бетон площади перед «вокзалом» брызги золотистого сияния. – Мы никому не причинили зла, не собираемся вмешиваться ни в дела Союза, ни в разборки между кардиналами, не планируем никаких враждебных действий. Мы только защищаемся. Оставьте нас в покое!

Юрьев и Рыков переглянулись. Василий смотрел на ожившего Германа Довлатовича сузившимися глазами, и во взгляде его плавилось грозное обещание вернуть кардинала аду, откуда он сумел выбраться.

– Жаль, что вы нас не поняли, – тихо проговорил Рыков. – С вами или без вас мы все равно добьемся своего. В конце концов, жизнь одного-двух Посвященных – ничто по сравнению с тайной Круга. Коррекция реальности допускает и не такие жертвы.

– Вы не можете отвечать за весь Круг, – так же тихо произнес Парамонов. – Союз Девяти давно перестал корректировать реальность во имя самой реальности, он сохраняет лишь себя. Иначе зачем Герману надо было убивать генерала Ельшина и отбирать у него файл связи с Конкере? Он что, заботился о Союзе? Не думаю. Контакт с Соболевым ему нужен тоже для защиты Союза? Тогда почему вы действуете несогласованно? Он – отдельно от вас, вы – от него? Продолжать?

– Не стоит, – небрежно сказал Юрьев. – Мы разберемся с Германом Довлатовичем.

– Тогда пропустите нас.

– Сожалею, – развел руками Юрий Венедиктович, и в тот же момент кардиналы нанесли страшный – по мощи и неожиданности – пси-удар по группе Посвященных, изменивший их восприятие реальности мира и заставивший напрячь все силы для защиты.

Василий выбыл из борьбы в тот же миг, поэтому в первое время ничем не мог помочь своим соратникам. Его ощущения можно было описать немногими словами: удар по голове – огонь в жилах – острая боль во всех нервных узлах – оглушительный шум в ушах – головокружение – шок – потеря сознания... Затем заработала его подсознательная врожденная система адаптации и защиты, включаемая инстинктом самосохранения, и сознание вернулось к нему.

Однако картина, которую он увидел, повергла его в новое шоковое состояние.

Он лежал на каменной глыбе среди тысяч таких же глыб, образующих гигантское поле скальных обломков преимущественно багрового, бурого и коричневого цветов. Небо над головой было глубокого сапфирового оттенка и казалось невероятно высоким и глубоким, притягивающим взор.

Рядом, всего в десятке шагов, торчало над скальным полем низкое пирамидальное сооружение со срезанной вершиной, сложенное из полупрозрачных стеклянных кирпичей фиолетового цвета, создающее мерзкое ощущение живого фасетчатого глаза. На его вершине спиной к спине стояли трое: двое мужчин и женщина в странных пластинчатых доспехах, с мечами в руках, напряженно вглядываясь в небо. Василий узнал Горшина, Парамонова и Ульяну.

Он встал на четвереньки, преодолевая студнеобразную рыхлость тела, обнаруживая, что на нем тоже надеты доспехи, только погнутые, прожженные, в дырах и заплатках. Рядом валялся необычной формы нож с двумя лезвиями, и он подобрал его, убедившись, что рукоять удобно легла в ладонь, словно была подогнана по руке. Собравшись с силами, Вася встал на ноги... и кубарем покатился по камням от удара, нанесенного сзади с невероятной силой.

Сознания на этот раз он, однако, не потерял, хотя удар оглушил его и лишил способности видеть, что происходит вокруг. Напрягся, поднимая в душе волну яростного желания увидеть обидчика и дать ему отпор. Зрение прояснилось. Не спеша подниматься, Василий слегка повернул голову и наконец увидел своего врага, которого до этого почему-то не замечал.

Пирамидальное строение окружала цепь гориллоподобных созданий, одетых в чешуйчатые балахоны и вооруженных пучками длинных гибких усов. Одна из «горилл» и врезала Василию по затылку этим пучком, имеющим массу и твердость кирпича. Она стояла ближе всех, готовая повторить удар, и бдительно следила за лежащим Балуевым.

«Ну, погоди, курва! – пообещал ей в душе Василий. – Ты у меня первый кандидат в покойники!...»

И вдруг что-то щелкнуло в его мозгу. Картина неизвестного мира исчезла. Вася осознал себя лежащим на бетонной плите площади

недалеко от здания «вокзала», над ним угрожающе навис один из накачанных мальчиков Юрьева с автоматом в руке, прикладом которого он огрел Балуюева. Сами Юрьев и Рыков, неожиданно прибавив в росте, кружили вокруг плотно стоявших спиной к спине Посвященных и метали в них длинные шипящие языки злого зеленого огня, искажающего очертания предметов. Посвященные отвечали ветвистыми голубыми молниями, которые гасли, не долетая до кардиналов Союза Девяти.

Затем в голове Васи снова «хрустнул сучок», и картина с полем камней, синим небом и пирамидой вернулась. Но одновременно у Василия родилось странное убеждение, что он уже переживал нечто подобное.

«Чует мое сердце, что мы это уже проходили, – пробормотал он про себя. – И называется сей фокус «трансперсональным восприятием»...»

– Эй! – позвал Василий отвлекшегося на секунду стража и, прежде чем тот замахнулся пучком усов, здорово напоминающих розги, прыгнул к нему и чиркнул ножом по горлу, обходя падающее тело. Вторая «горилла» подняла свое оружие, направляя его на Балуюева, но было уже поздно: брошенный нож вонзился ей в шею, и выстрел (выглядело это в фантомном пространстве пси-боя так, словно розга-прут отделилась от пучка и полетела как стрела!) Василия не задел. Затем он подхватил выпавший из лапы «гориллы» «пучок розог» и ответил длинной очередью «стрел», одновременно падая за тело поверженного врага, которое и приняло на себя ответные очереди своих собратьев.

И тем не менее вряд ли ему удалось бы переломить ход схватки, если бы не вмешались ждущие своей минуты союзники Посвященных.

Первыми в бой вступили профессионалы-«чистильщики» из мейдера Горшина. Среди них были снайперы, огонь которых мгновенно нанес значительный урон вооруженным силам кардиналов, а четыре ракетных залпа из установки захваченного ими БТРа вдребезги разнесли ангар и повредили три из четырех бронеколпаков по углам летного поля.

По тому, что стрельба по Василию стала стихать, он сразу смекнул, в чем дело, предоставил горшинскому спецназу расправляться с «гориллами» и перенес огонь из «пучка розог» на

пляшущих в смертельном танце кардиналов, заставляя их отбиваться на физическом плане и снизить пси-натиск на противника. Ответный удар выбил из него сознание, как пылинку из ковра, но яростно защищавший себя организм быстро очистился от «дыма» отрицательных энергий, и Вася снова вмешался в бой, заставляя Рыкова и Юрьева опять отвлекаться на защиту от его атак. И в тот момент, когда они ответили Балуеву в полную силу, вышибая его сознание в пустоту психического распада, в бой вмешался еще один союзник Посвященных – Вахид Самандар!

Сначала он взорвал микроавтобус у въезда на поле, вызывая панику среди солдат юрьевского манипула, затем вступил в бой на пси-уровне, заставив кардиналов уйти в защиту и ослабить натиск на быстро теряющих силы Посвященных.

Бой достиг наивысшего накала. Его равновесие мог поколебать в ту или иную сторону любой союзник каждой из противоборствующих сторон, и союзник не заставил себя ждать. Вернее, союзники. На помощь кардиналам пришел координатор Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ, на подмогу Посвященным явились те, кого они уже не ждали, – Кристина и Матвей Соболев.

И снова картина боя, наблюдаемая только сражающимися людьми Круга, волшебным образом изменилась.

Исчезло поле каменных обломков, люди оказались на холмистой равнине в окружении древних развалин города Пауроподов – исчезнувших в веках разумных многоножек. Они медленно выстроились друг против друга и замерли – трое кардиналов Союза в блистающих сине-зеленых панцирях, напоминающих хитиновые покровы жуков, трое Посвященных – Ульяна, Иван Терентьевич и Самандар, одетые в белые, ниспадающие складками плащи, Горшин и Матвей с Кристиной, закованные в жидкий, как ртуть, металл. Ни у тех, ни у других оружия в руках не было, если не считать «медальона справедливости» на груди Бабуу-Сэнгэ. В данной виртуальной реальности оружием каждому из них служил эффектор Сил – «третий глаз».

Первым заговорил Соболев, глядя только на Бабуу-Сэнгэ. Голос его был спокоен и ровен, но каждое слово заметно искажало белые, будто кость, стены города Пауроподов:

– Вы хотели меня видеть, координатор, я здесь.

– Я увидел, – слегка поклонился настоятель храма Гаутамы с обманчиво благожелательным и миролюбивым видом. – Я проникся. Вы идущий, это заметно. Жаль, что мы не обратили на вас внимание раньше, удалось бы избежать ненужных конфликтов.

– Если ваше желание исполнилось, позвольте нам удалиться. Мы не желали воевать ни с кем.

– Мне хотелось бы поговорить с вами в другой обстановке, господин Соболев.

– Других встреч не предвидится, говорите сейчас.

– Хорошо. – Бабуу-Сэнгэ был само смирение. – Не хотели бы вы пополнить ряды избранных учеников Союза Девяти?

– Нет.

– А пройти досрочное Посвящение и стать равноправным кардиналом Союза?

– Нет, – твердо отказался Матвей.

– Вас не влечет идея коррекции социума? Власть над государством и людьми? Допустим. А если мы предложим вам пост Инспектора Союзов? Вы сможете корректировать деятельность Союзов Неизвестных, сообразуясь исключительно с личным понятием справедливости.

– Нет! – в третий раз ответил Матвей. – Коррекция реальности, как и политика, – слишком грязное дело, я в этом убедился. История человечества не сохранила имени человека, пришедшего в политику или к власти с чистыми руками и не замаравшего их впоследствии. Наверное, это принципиально невозможно в нашей «запрещенной реальности». Но я не хочу экспериментировать с такими понятиями, как честность, совесть, этика, мораль, вера и любовь. Я вообще не хочу предлагать миру свое видение и точку зрения на положение вещей. Каждый из потомков Инсектов волен сам выбирать свой путь. Вы меня поняли?

– Конечно, идущий, – поклонился Бабуу-Сэнгэ, перестав излучать благожелательность. – Я уважаю чужую точку зрения, даже если она противоречит моей. Но вы упускаете из виду одно обстоятельство. В этом мире именно Союзы Неизвестных реализуют законы реальности, и это высший Закон! Любой, кто не подчинится ему...

– Не стоит продолжать, настоятель, – улыбнулся Матвей. – Вы просто не в курсе последних событий. Я, Посвященный II ступени

Внутреннего Круга, с этого момента являюсь реализатором Закона обратной связи земной реальности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Союзу Девяти придется пересмотреть свои планы вмешательства в жизнь страны. А теперь дайте нам пройти. Мне не хотелось бы применять Силу, которая мне дана.

Кардиналы обменялись взглядами. Бабуу-Сэнгэ поклонился, пытаясь сохранить достоинство, отступил. И тотчас же пейзаж Земли стомиллионной давности исчез. Вокруг расстиралось поле рыковского «аэродрома» с грудой обломков на месте ангара и взорванными бронеколпаками.

– Поднимите Балуюева, – кивнул на лежащего ничком Василия Матвей, перевел взгляд на Кристину. – Забери Стаса, сомлел, наверное, парень.

Не обращая внимания на молча стоявших кардиналов и стягивающихся к ним уцелевших охранников, Самандар и Горшин подхватили и понесли Василия к «Понтиаку», пробитому пулями в нескольких местах, уложили на заднем сиденье машины, и Парамонов принялся приводить его в чувство. Кристина вынесла на руках Стаса, села на переднее сиденье, усадив мальчика на колени.

– Уля, садись. Вахид Тожиевич, за руль.

Невозмутимый Самандар занял место водителя, включил двигатель.

– А вы?

– Мы за вами.

«Понтиак» развернулся, медленно покатил к воротам. Матвей кивнул Тарасу на «Форд-Универсал», на котором приехал с Кристиной, и они, не оглядываясь, пошли к выходу с базы. Не оглянулись они даже тогда, когда один из телохранителей Юрьева поднял автомат, собираясь дать очередь им в спину, и упал с дырой в голове. Снайпер горшинского мейдера свое дело знал крепко.

Тарас дал отбой группе поддержки, сел в машину первым. Спросил, когда база Рыкова осталась позади:

– Блефовал?

– Почти что и нет, – ответил наполненный каким-то новым внутренним покоем Матвей. – Я действительно Посвящен... но положение наше от этого легче не становится. Бабуу не из тех людей, кто терпит неудачу и не мечтает после о реванше. Он поднимет весь

Союз, прибегнет к помощи других Союзов, и мы или исчезнем, или будем сотрудничать с ним.

– Даже несмотря на помощь Хранителей?

– На помощь эгрегора Хранителей, а это, брат, совсем иное качество.

– Что ты предлагаешь?

Матвей не ответил, догоняя «Понтиак». Посигналил, остановился у обочины шоссе, подошел к окошку водителя, вглядываясь в лица сидящих.

– Ну как вы тут?

– Спит, – погладила голову Стаса Кристина.

– Улетел он далеко, – повернул лицо к Матвею Иван Терентьевич, имея в виду Балуюева, – но мы с Ульяной его вытащим. Очень интересный случай, как врач говорю. Он отбил пятьдесят процентов мощности пси-импульса, которым его наградили кардиналы! Представляете, какой у него резерв?

– Мне ли не знать? – улыбнулся Матвей, кивая на сидевшего во второй машине Тараса. – Когда-то мой резерв разбудил Граф, теперь я попробую проделать то же самое с Васей.

– Господа, не до лирики, – проворчал Самандар. – У меня ощущение, что нас не оставят в покое.

– Извините, Вахид Тожиевич, – спохватился Матвей. – Я вас даже не поблагодарил за помощь. Честно говоря, я не рассчитывал на вас... ни там, в МИРе, ни здесь... извините. Но вы появляетесь каждый раз так вовремя, что не восхищаться нельзя! Спасибо.

– Да, – с раскаянием проговорила Ульяна, нагнулась вперед и поцеловала Самандара в щеку. – Это награда. Я тебя люблю, Вахид.

Матвей поймал выразительный взгляд Парамонова и с улыбкой в душе подумал: хорошо, что Василий не слышал этого признания. Ульяна говорила свое «я люблю тебя» по-дружески, не имея в виду более глубоких чувств, но Балуюева эта фраза могла ранить серьезно.

– Поехали.

– Куда?

– Пока в Строгино, там у меня теперь есть квартира, о которой не знает никто, запечатанная печатью Метатрона. Там мы с вами и прощаемся.

– Почему? Как это – прощаемся?! – всполошилась Ульяна.

– Поговорим на месте. Я поеду впереди, не отставайте.

Матвей сел за руль «Форда», обогнул «Понтиак» и дал газ.

– Хочешь испытать тхабс? – поинтересовался Тарас безразличным тоном, глядя вперед на дорогу.

– Хочу прекратить это безобразие с играми иерархов, – ответил Матвей.

– Я с тобой.

– Само собой разумеется.

Горшин поглядел на дышащее спокойствием лицо Соболева и не выдержал – улыбнулся. Впервые за последний месяц их знакомства.

Глава 37

«ПОПУГАЙТЕ ЕГО НЕМНОГО...»

Рыков не захотел встретиться с Бабуу-Сэнгэ на его территории, то есть на квартире, принадлежащей Союзу, поэтому координатор принял решение навестить кардинала на работе, выбрав неофициальную контору, то есть «чистилище». Герман Довлатович имел с десятков квартир, разбросанных по всей Москве, которые он использовал в качестве явок, складов, рабочих кабинетов и «домов отдыха». В одной из них, с видом на Кремль со стороны Софийской набережной, и встретились самые могущественные деятели страны, о влиянии которых не догадывались ни действующие руководители государства, ни многочисленные спецслужбы.

После ухода компании Соболева с территории рыковской базы под Шереметьевом Бабуу-Сэнгэ не удалось выяснить отношения с Германом Довлатовичем. Оба чувствовали себя уязвленными, хотя и по разным мотивам, были озадачены и в присутствии Юрьева, также шокированного случившимся, устраивать «разбор полетов» не стали.

Утром же следующего дня координатор Союза Девяти связался с остальными кардиналами, попросил их (что было равносильно приказу) срочно собраться в Москве и лишь после этого позвонил Рыкову.

Квартиру комиссара «чистилища», ставшего теперь его лидером после ухода Завьялова, охраняли «гвардейцы» личного рыковского манипула, новейшие электронные системы и, кроме всего прочего, магическая «печать отталкивания», что говорило о серьезном беспокойстве Германа Довлатовича о своей безопасности. Бабуу-Сэнгэ мог бы без особого напряжения пройти все эти кордоны, но не стал этого делать, предпочитая не афишировать свои возможности.

Дверь квартиры тотчас же отворилась, как только он появился перед ней. В прихожей координатора встретил Рыков, уже снявший пластырь с глаза, и провел в шикарную гостиную, заставленную старинной византийской мебелью раннехристианского стиля. Кое-какие предметы гарнитура действительно имели реальную ценность, например, сундук с седловидной крышкой, отделанный бронзовой

чеканкой с фигурным орнаментом, или «стул святого Петра» с пирамидальной спинкой, остальные же мебельные изыски явно изготавливались современниками кардинала. Бабуу-Сэнгэ с внутренней усмешкой оглядел самый настоящий деревянный трон, украшенный мозаикой, на котором, очевидно, любил сидеть Герман Довлатович, но сел на стул возле стены. Рыков, не решившийся занять свое обычное место, остался стоять.

— Как отдохнули, учитель? — с вежливым равнодушием спросил он.

— К делу, Герман Довлатович, — остался бесстрастным Бабуу-Сэнгэ. — Видит Бог, я не вмешивался в ваши дела, позволяя решать общую задачу вашими методами. Но вы слишком увлеклись решением личных проблем и отошли от линии, рекомендованной Союзом.

— Примеры? — не повел бровью Герман Довлатович. Новый, недавно восстановленный глаз его чесался, но он стоически терпел зуд.

— Вы просили доверить вам дело Матвея Соболева и не справились с ним, протянули время, упустили возможность договориться до момента Посвящения. Почему?

— Я его недооценил. Кстати, вы тоже, учитель.

— Хорошо, кто из нас не ошибается? — кротко согласился Бабуу-Сэнгэ. — Второй пример настораживает меня больше. По законам Круга мы не имеем права сноситься с темной стороной «розы реальностей». — Координатор помолчал, превращая и без того узкие глаза в щелочки. — Зачем вам «черный файл», Герман Довлатович? Что вы хотите получить от контакта с Конкере?

— То же, что получил и Соболев, — тхабс! — невозмутимо ответил Рыков.

— Зачем?

— Меня не удовлетворяет мое положение в земной реальности. Я уверен, что мой уровень достиг Посвящения III ступени.

— Это положение может утверждать лишь Сход Круга.

— Я достигну этого положения без Схода Круга, а если потребуется, и вопреки ему.

Бабуу-Сэнгэ, не ожидавший подобных заявлений от вечно прятавшегося в тени кардинала, пристально посмотрел на его бледное лицо с мелкими чертами и ничего не выражающим взглядом, лицо

человека, ничем не выдающегося, но хитрого, умного и коварного. Герман Довлатович жаждал иной власти – Абсолютной! – и шел к ней своим путем, извилистым и незаметным, перестав опираться на тех, кто, по его мнению, не ценил его так, как ценил себя он сам. А воля к достижению цели любыми средствами у него была от рождения, что весьма помогло ему стать в свое время кардиналом.

– По-моему, вы несколько переоцениваете себя, Герман Довлатович, – раздвинул сухие губы в легкой улыбке Бабуу-Сэнгэ. – Посвященный III уровня не получил бы в глаз метательную стрелу от обыкновенного человека.

По тому, как сверкнули глаза Рыкова, Бабуу-Сэнгэ понял, что задел его больное место.

– Это произошло случайно. – Рыков отвернулся и сел на свой трон, не сделавший его, однако, величественней. Герману Довлатовичу на роду было написано стоять рядом с тронами, а не сидеть на них, но он этого не знал.

– Случайность – обратная сторона закономерности, кардинал.

– Этот человек не стоит того, чтобы мы говорили о нем. Скоро его жизнь прервется. Что вы хотели еще узнать от меня, Учитель?

– Ничего. – Бабуу-Сэнгэ встал. – Я узнал все, что хотел. Это правда, что вы собираетесь подчинить себе остатки «Купола», из которого Хейно Янович начал лепить свою СС?

– Мы переживаем период распада старых систем государственного управления и рождения новых. Для стабилизации социума требуется радикальная перестройка существующих рычагов коррекции реальности. Я это вижу. Хейно Янович – нет. Я смогу соединить «Стопкрим» и Сверхсистему в одно целое и выправить положение. В ваших интересах меня поддержать, учитель.

– Вы так думаете? – сощурился Бабуу-Сэнгэ. «Нагрудник справедливости», висящий на цепи поверх плаща, вдруг вспыхнул чистым золотым пламенем, и Рыков почувствовал толчок в грудь. Холодом сжало сердце. Настоятель храма Гаутамы дал понять своему ученику, что он далеко не так стар, как считает Рыков. Однако подействовало это на Германа Довлатовича совсем не так, как рассчитывал Бабуу-Сэнгэ.

– Если не поддержите меня вы, – скривил губы в неожиданно злобной усмешке Рыков, – то это сделает Конкере.

«Бешеному дитяти ножа в руки лучше не давати», – вспомнил русскую поговорку координатор, покачал головой.

– Вы делаете ошибку, Герман Довлатович. Может быть, самую крупную в жизни. До встречи на Сходе, на который я вас официально приглашаю. Он состоится завтра в два часа дня на территории Зачатьевского монастыря. Засим разрешите откланяться.

Бабуу-Сэнгэ поклонился и вышел, оставив неприятно пораженного известием Рыкова сидеть на своем «императорском» троне.

Прогулявшись по набережной до Театра эстрады и полюбовавшись издали на сияющие золотом купола храма Христа Спасителя, координатор собрался было сесть в машину, водитель которой не упускал его из виду, медленно следуя за пассажиром, как вдруг почувствовал дуновение чужой воли. Прислушался к себе, готовый к контакту с тем, кто его вызвал таким образом, и присел на скамеечку у парапета над рекой, отгородившись от мира «колоколом неощутимости», сделавшим его невидимым.

«Стучался» к нему в сознание экзарх. Бабуу-Сэнгэ впустил «гостя» в свой мозг и превратился в авешу иерарха. Их диалог, если так можно было назвать мысленный обмен информацией, длился всего несколько секунд.

«Вы встревожены, – сказал экзарх. – В чем дело?»

«Один из кардиналов Союза созрел для переворота».

«Кто?»

«Рыков. Его поддерживает кто-то из иерархов достаточно высокого уровня, ангел или архонт. Возможно, пентарх».

«Удди не контактирует с людьми Круга нижних каст. Это скорее всего гептарх Темень. Ничего страшного, пусть порезвятся. Как говорится, боги должны постоянно верить в свое существование».

«Но он готов пойти на контакт с Конкере».

«Вот это уже хуже. По нашим данным, количество сторонников Аморфа Конкере в «запрещенной реальности» растет по экспоненте, если к ним присоединится Рыков, может образоваться устойчивый «темный» эгрегор, начнется цепная реакция нового изменения, и мы потеряем реальность. Вам придется нейтрализовать вашего кардинала».

«Я собираю Сход Союза. Если только Рыков за это время не предпримет попытки контакта с Монархом и не привлечет на свою сторону носителя аватары...»

«Кстати, о нем. Вы встречались с Соболевым?»

«Он отказался сотрудничать с нами. – Бабуу-Сэнгэ благоразумно опустил подробности «беседы» с Матвеем. – И он очень опасен! Опаснее, чем думал я и считаете вы».

«Почему же? Мы контролируем поле его возможных траекторий и просчитали уровень Дао. Максимум того, чего он может достичь, – это уровень ангела».

«А вас не пугает, что он вплотную подошел к шестнадцатой ступени самореализации? Если Соболев освоит коррекцию Структуры Реальности и Зеркальный Шаг, его не сможет остановить ни один иерарх!»

«Не преувеличивайте, координатор. Он не сможет изменить баланс «розы», как бы ни хотел».

«Ему помогают Хранители и второе «я» инфарха – Светлена. Кроме того, он получил тхабс и может теперь перейти границу без чьей-либо помощи».

«Пусть идет. Он не созрел для коррекции всей «розы». Его даже надо поторопить, заставить нервничать, оглядываться, спешить, бежать. Попугайте его. А мы здесь его встретим».

«Но он сильнее, чем...»

«Вы забываете, что Удди вложил в него свою программу. Соболева ни к чему лишать силы или уничтожать, слабый он нам не нужен. Недавно мы поймали любопытное информ-эхо из виртуального будущего, позволяющее предполагать, что Соболев контактировал с Безусловно Первым».

«Что вы сказали? Вы не шутите? Контакт с Безусловно Первым не может выдержать не только простой смертный, но и почти любой иерарх! К тому же Творец давно покинул «розу реальностей».

«Кто знает? Наверняка утверждать это я не берусь. Но этот человек, неизвестно каким образом миновавший Круг, внедрился в контур Великой Вещи Инсектов – «Иглы Парабрахмы» и прошел эйнсоф. Нас интересует – как он это сделал и что несет в себе, не осознавая этого. Вам следует припугнуть его, а также нейтрализовать его спутников – Посвященных, они могут помешать нам. А когда он

перейдет границу, мы его встретим и активируем программу Удди. Никуда он не денется. Мальчишка возомнил себя истребителем Закона, мы его вразумим».

«Смиренно прошу прощения, экзарх, но позвольте старику усомниться... в некоторых ваших рассуждениях. Хотя, может быть, это тема отдельного разговора...»

«Говорите».

«Мне кажется подозрительным пристальное внимание Монарха к нашей «запрещенной реальности». Зачем она ему, погрязшая в грехах и пороке, требующая постоянной коррекции, готовая скатиться в яму пустоты и хаоса, где не работает ни один закон? Что он здесь ищет? И, наконец, почему в нее регулярно заглядывают иерархи?»

«Подумайте, координатор, – после некоторого молчания ответил экзарх. – Правильно поставленный вопрос уже есть ответ. Прощайте. И сделайте то, что я прошу».

Голова Бабуу-Сэнгэ на мгновение превратилась в колоссальную сферу, вобравшую в себя всю Землю, и тут же сжалась в микрочастицу. «Проекция» экзарха, его энергоинформационный «дух» вылетел из сознания координатора, втянулся в непросматриваемое текучее многомерное облако «розы реальностей», исчез. Но Бабуу-Сэнгэ еще долго сидел под своим «колоколом невидимости», одинокий двухсотлетний старик, не имевший друзей – только сподвижников, и размышлял над тем, что услышал. Намек экзарха был слишком прозрачен, чтобы быть уверенным в его правильной интерпретации. Он не развеял сомнений координатора Союза Девяти и не привел его в состояние самадхи – просветления и озарения. Бабуу-Сэнгэ понял: земная «запрещенная реальность» – не просто один из «нижних» слоев-миров «розы реальностей», ординарный ад из системы адов Вселенной. Его значение гораздо выше, чем считают все люди Круга. Но точно знают об этом только Хранители.

«Попугайте его...» – вспомнил Бабуу-Сэнгэ последние слова экзарха. С некоторым усилием встал, вдруг ощутив свой возраст. Просьбу экзарха следовало считать приказом, хотя контактировать с Соболевым координатору совсем не хотелось. Себе он мог признаться, что боится этого человека.

Глава 38

ПРИНУЖДЕНИЕ К ПЕРЕМИРИЮ

Квартира, предоставленная Соболеву в Строгине скорее всего Хранителями, располагалась в новом шестнадцатизэтажном доме на улице Твардовского, который вырос аккурат напротив Троице-Лыковского кладбища. Квартира имела четыре комнаты, поэтому в ней свободно разместилась вся несколько помятая боем с кардиналами команда Матвея, кроме Горшина и Самандара, пожелавших ночевать в своих собственных квартирах. Таким образом, Матвею с Кристиной досталась спальня, Ульяне вторая, Иван Терентьевич устроился с Васей в гостиной, а Стас – на диване в рабочем кабинете неизвестного владельца апартаментов.

Тарас и Вахид Тожиевич не стали даже заходить в дом, сразу отправившись по своим делам и пообещав навестить остальных утром. А так как время уже клонилось к ночи – шел девятый час вечера, все устали, вести философские и прочие разговоры не имели особого желания, то и спать легли рано, сразу после ужина, приготовленного женщинами на скорую руку.

Утром квартиру покинули Матвей и Кристина – повезли Стаса домой, пообещав явиться к обеду. Рано вставший Василий, уже вполне пришедший в себя, но еще не восстановивший организм до нужной кондиции, устроил сеанс медитации, затем потренировался, принял душ и наконец-то почувствовал себя человеком. В начале десятого он приготовил из оставленных продуктов (холодильник был полон) завтрак: блины с овощами и шампиньонами, баклажаны с сыром, чай. В десять часов утра он не выдержал и разбудил Ульяну.

– Господи, я спала как убитая! – потянулась на постели девушка. Простыня с нее сползла, и Василий увидел упругую полную грудь с острыми сосками. С трудом отвел глаза.

– Одиннадцатый час... извини... я подумал... я там завтрак сварганил.

– Какой ты молодец!

И не успел Вася хлопнуть глазами, как девушка соскочила с кровати, чмокнула его в щеку, завернулась в простыню и умчалась в

ванную. А он остался стоять в столбняке, все еще ощущая прикосновение ее молодого, сильного, горячего тела...

– Доброе утро! – появился на пороге гостиной приветливый Иван Терентьевич в спортивном костюме. – Что значит молодость и здоровье! Я слышал, как вы занимались, но не было сил встать. – Он вздохнул с притворным сожалением. – Что поделаешь, старость – не радость, а болезнь и того хуже.

– Это вы-то старый? – усомнился в словах Парамонова Василий. – Кто же тогда молодой?

– Старый, старый, внешность – всего лишь камуфляж.

– Но уж в болезни ваши я не поверю!

– Ну и зря, молодой человек. Естественное состояние человека – болезнь. Уля, как будущий медик, подтвердит мои слова. Абсолютно здоровый человек – исключение из правил, больной – правило.

Василий засмеялся, махнул рукой.

– Будет вам издеваться над дилетантом. Идемте завтракать.

– С удовольствием, только умоюсь. Кстати, как вы себя чувствуете?

– Нормально, никаких отклонений. Разве что... – Василий замялся, поскреб в затылке. – Лезут в голову разные странные мысли... воспоминания... хотя я точно знаю, что ничего подобного в моей жизни не происходило.

– Например?

– Соболев передал мне инструкции по системе боя... комбинаторике смертельного касания, сокращенно – космек, якобы разработанной перволюдьми... так вот я ее помню, хотя никогда в жизни не изучал! И еще... – Василий понизил голос, оглянулся на дверь ванной. – Я помню, что встречался с Улей раньше... в лесу... хотя опять же этого просто не могло быть! Если мои «воспоминания» не являются результатом энергетического удара, которым меня одарили господа кардиналы, то в чем дело? Ложная память?

Иван Терентьевич с интересом оглядел мрачно-смущенное лицо Балуюева, хмыкнул.

– Василий Никифорович, а ведь вы далеко не простой любитель подраться, мастер воинских искусств, вы паранорм со всеми вытекающими... Очень интересно было бы поискать ваши корни. Каждый человек по сути – мировая линия, включающая всех его

предков и потомков. Мы не знаем, где наше начало и где конец, где начинается и заканчивается «я», личность. Похоже, у вас в роду были колдуны и маги, экстрасенсы, как принято говорить, или... – Парамонов еще раз оглядел Василия, – или люди Круга.

– Чего? – испуганно вытаращил глаза Вася.

– Не пугайтесь, – улыбнулся Иван Терентьевич. – Ваш психопотенциал позволяет вам в недалеком будущем освоить Путь и добиться Посвящения. Так что вы в принципе один из нас.

– Вы так думаете? – пробормотал Василий, не зная, радоваться известию или нет.

– Уверен. Вы лихо отбили все атаки кардиналов, обыкновенному человеку это не под силу. Вот почему любопытно было бы отыскать в прошлом корни вашей мировой линии. Это вообще исключительно интересная проблема – наши истоки.

– Разве наши истоки – не Инсекты?

– Да, но Инсекты тоже были чьими-то потомками. Понимаете? Инсекты не первичны, на Земле и до них жили разумные существа.

– Аморфы?

– Аморфы в том числе.

– Вот бы об этом почитать что-нибудь!

– Существующий пласт эзотерической литературы не отражает изначальных истин. Наоборот, он разработан и составлен таким образом, чтобы увести человека от истины, намекнуть о потерянных знаниях, но не дать о них правдивого представления. Единственной развитой системой знаний, возникшей задолго до появления человека, до легенд о прогрессе человечества, владеют только Хранители, да еще, пожалуй, высшие иерархи. Бог даст, вы встретитесь с Хранителями и откроете для себя мир, которого совсем не знаете. Уля, ты скоро?

– Выхожу, – раздался сквозь плеск струй голос Ульяны, и она появилась на пороге, снова завернутая в простыню, свежая, улыбающаяся, с влажными волосами, восхитительно красивая. – О чем ведете спор, мужчины?

– Не спор, – Парамонов скрылся в ванной, – философский разговор о смысле жизни и о Дао ганфайтера Балугева.

– И каково же Дао ганфайтера Балугева? – Девушка упорхнула в спальню, вернулась через минуту, уже одетая в майку и шорты.

– Да, в общем... трудно сказать... – промямлил Василий, не зная, как сформулировать итог своих размышлений, закипевших в голове после речей Ивана Терентьевича.

– Правильно, – весело проговорила Ульяна, останавливаясь напротив и расчесывая волосы. – Дао, которое можно выразить словами, не истинное Дао, как говорят китайцы-даосы. А еще о чем вы беседовали? – Она подошла совсем близко, так что у Васи закружилась голова от этой близости и от желания схватить ее в объятия и никогда не выпускать.

Они замерли, глядя друг на друга вбирающими глазами, ощущая странный трепет и гулкое синхронное биение сердец, и в памяти обоих вдруг всплыл берег реки, костер, трава, объятия и поцелуи и безумство любви... Затем Вася почувствовал прикосновение ее тела, от которого у него по жилам побежала не кровь, а электрический ток, жгучий огонь ее губ на своих губах, озоновый удар запаха чистых волос по обонянию и распахнувшуюся звездную бездну глаз...

Поцелуй длился так долго, что оба задохнулись. Потом Ульяна, все еще крепко прижимаясь к нему, медленно проговорила:

– Балуев, тебе не кажется, что мы спешим?

Василий храбро окунулся в глубокие омуты ее огромных влажных глаз и сказал одно лишь железное слово:

– Нет!

За завтраком они были так молчаливы, что Иван Терентьевич, похвалив кулинарные способности Балуева, всполошился:

– Что это вы как в воду опущенные? Аль поссорились?

Он, конечно, догадывался о чувствах Василия и Ульяны, но делал вид, что ничего не видит. Вася поймал лукавый взгляд девушки и пробормотал:

– Я кое-что никак не пойму... – Он оживился, найдя вдруг способ свернуть со скользкой дорожки объяснений и перевести разговор на другую тему. – От Соболева я слышал о Знаниях Бездн. Долго ломал голову, что это такое, пытался разыскать литературу, расспрашивать самого Соболева, с вами беседовал в Рязани, но так и не понял, с чем их едят, эти Знания. Неужели они столь опасны и секретны, что даже упоминать их всеу нельзя?

– Почему же, можно. – Иван Терентьевич промокнул губы салфеткой, еще раз похвалил повара. – Очень вкусно! Счастлива будет

ваша жена, Василий Никифорович. – Взгляд, брошенный им при этом на Ульяну, ничего не выражал, кроме одобрения, но Вася понял, что Парамонов знает о чувствах девушки больше, чем она сама. – Есть несколько версий относительно смысла, вкладываемого в термин «Знания Бездн». Например, это информация о Море, в том числе и о грядущем, то есть формула, полностью описывающая процессы и порядок вещей во Вселенной, в «розе реальностей». По другой версии, Знания Бездн – код или матрица возможностей, заложенных во Вселенную. По третьей – это Имя Бога, Творца «розы реальностей», которым закодированы все реальности, в том числе и земная, «запрещенная», и так называемая Материнская.

– Слышу второй раз – Материнская реальность, но не представляю, что это такое...

– Ну, Балуюев, это вопрос вопросов, – сказала Ульяна. – Сюань, как говорят даосы, то есть самая глубокая и наиболее непонятная из тайн Мироздания.

– Немножко не так, – не согласился Иван Терентьевич. – Самой глубокой тайной Мироздания все же считается тайна Творца. Это действительно сюань! Близкая к ней по мощи и масштабу – сяньди, «Образ, предшествующий Богу». А тайна Материнской реальности из того же разряда, что и «прикладные», частные тайны эйнсофа, Великих Вещей Абсолюта, трона Мастера Мастеров, рождения Внутреннего Круга, магического звучания «слов Бога», его Имени и других.

– Песня! – сказал с неподдельным восхищением Василий. – Все это звучит как песня. Но неужели вы, Посвященные во все тайны Круга, можете чего-то не знать?

– Каждая ступень Посвящения предполагает новый уровень знаний, – сказал Парамонов задумчиво. – То, что мы знаем, ограничено, чего не знаем – бесконечно.

– И об Имени Бога ничего не знаете?

– Только легенды, увы. По одной из них стоит только произнести тетраграмматон – четырехбуквенное Имя Бога, как Вселенная свернется! Известно, что ближе всех к разгадке Имени подошли Инсекты.

– Неужели так просто? – Василий недоверчиво посмотрел на Парамонова. – Произнесешь Имя – и Вселенной капут?!

– Далеко не так все просто, – засмеялась Ульяна, и у Василия внезапно возникло ощущение, что он уже беседовал с Посвященными обо всех этих высоких материях – в том будущем, которое для Матвея Соболева стало, по его словам, прошлым. Впрочем, только ли для Соболева? Отчего все чаще в голову приходят воспоминания о событиях, которые не происходили в жизни? Может быть, все-таки происходили?!

– Имя Бога человеческое горло и язык не в состоянии выговорить, – добавил Иван Терентьевич. – Инсекты – не говорящие существа в отличие от нас, поэтому они обошли проблему с другой стороны: создали псевдоживые организмы, очень и очень сложные, включающие в себя целые системы разнородных объектов, даже таких, как живые существа. Эти организмы способны были синтезировать сложнейшие звуки. Помните в Библии – «трубный глас»? Еще не Имя Бога, но уже сила, вполне могущая влиять на Вселенную. Вот за попытки Инсектов присвоить себе функции Творца Аморфы и наказали их – трансформировали, уменьшили – с помощью их же «волшебных» систем – в сто раз. Каким образом Аморфу Конкере удалось уговорить собратьев сохранить хищный род Блаттоптера, тараканов разумных, а потом превратить их в перволюдей – есть еще одна загадка истории. Но факт остается фактом: «отец» человечества не Бог, а дьявол! Если, конечно, суть Монарха Тьмы можно трактовать столь упрощенно.

– Но если он создал людей...

– Изменил Инсектов изоморфно, ускорил эволюционный процесс превращения насекомых в людей.

– Ну, все равно. Если он создал людей, значит, он на нашей стороне?

Иван Терентьевич покачал головой.

– Он на своей стороне.

– А он знает... Имя Бога?

Парамонов и Ульяна переглянулись.

– С одной стороны, Аморфы – дети Безусловно Первого и должны знать имя Деда. С другой, если бы Монарх знал, он давно изменил бы нашу реальность ради еще какого-нибудь эксперимента, да и всю «розу» тоже. Экспериментаторские аппетиты у него колоссальны.

– И все же он... – Вася не договорил, в прихожей зазвонил телефон. В трубке раздался голос Горшина:

– Соболев не приехал?

– Доброе утро, Граф. Не приехал. К обеду будет. Я тоже сейчас уеду и появлюсь здесь часа в два.

– Не советовал бы я тебе шататься по Москве, ганфайтер. Рыков вельми зол на тебя за выбитый глаз, не простит.

– Зато он теперь похож на Кутузова. Пусть радуется, что жив остался.

– Он вырастил себе новый, но все равно припомнит. Кардинал Союза – птица очень высокого полета, а ты в него – стрелкой. Нехорошо! Посиди дома, подожди остальных, нехорошее у меня предчувствие.

– Мне надо уладить кое-какие дела с начальством, машину достать, забрать из квартиры вещи и... кое-что еще. Я мигом.

– На твоём месте я бы не рисковал. Дай Парамонова.

Вася передал трубку Ивану Терентьевичу. Тот выслушал Горшина, сказал: «Хорошо», – и положил трубку.

– Ну что, закончили завтрак?

– Последний вопрос и убегаю, – заторопился Василий. – Вы сказали, что Инсекты – неговорящие существа...

– Конечно, нет, язык – изобретение Монарха, «встроенное» в наши гены. Если сознание человека базируется на информационной триаде: слух – речь – мышление, то Инсекты имели другую триаду: зрение – телепатия – медитация.

– Значит, они были телепатами? Выходит, человеческая речь, изобретенная Монархом, вытеснила телепатию и медитацию? Вот гад, лишил нас таких способностей! А вы, люди Круга, на чем «базируетесь»?

– Мы – еще люди, хотя и с расширенным спектром возможностей, а вот иерархи – это уже не люди. Их база уже не триада, а пентада: зрение – слух – речь – трансперсональное восприятие – меоз... или, если хотите, просветление.

– Ну, вы беседуйте, – сказала Ульяна с милой гримаской, – а я пойду отдохну, надоели умные речи. Спасибо за вкусный завтрак, Балуюв. – Она ушла в гостиную.

– Не принимайте на свой счет, – с улыбкой сказал Парамонов, видя, что настроение Василия упало. – «Надоело» – это всего лишь местное утомление нервных структур, обеспечивающих актуальную только сейчас программу, в данном случае – просвещающую. Вы все-таки намерены идти? Будьте осторожны, прошу вас.

– Ничего со мной не случится, – беспечно отмахнулся Василий. – Не могут кардиналы вот так запросто вычислять траекторию одного человека в десятиллионном городе.

Он переоделся в деловой костюм современного клерка: черные брюки, штиблеты, белая рубашка с короткими рукавами, галстук, – положил в «дипломат» кое-какое оружие из оставленного Матвеем, опустил в карман брюк «болевик», отобранный у Рыкова, спустился во двор и, проголосовав, поймал частного.

* * *

Когда Балуюев закрыл за собой дверь, из гостиной вышла Ульяна и внимательно посмотрела на Ивана Терентьевича, задумчиво подбрасывающего на ладони ключи от своей машины.

– Что тебе сказал Тарас?

– Тучи сгущаются, – сказал психотерапевт. – Бабуу-Сэнгэ готовит Сход Союза. Если кардиналы решат устранить угрозу стабильности своей власти, то есть всех нас, они своего добьются.

– У нас есть выбор?

– Боюсь, что нет. Я не знаю, что задумал Соболев, но времени на подготовку адекватного ответа Союзу остается все меньше. Одна надежда на...

– Хранителей?

– Нет, на светлые головы Матвея и Кристины.

– Светлены.

– Они неразделимы.

– Что ты предлагаешь?

– Ничего, ждать Соболева. А пока неплохо бы подстраховать Балуюева. Чует мое сердце, зря он поехал в город.

– Идем! – решительно шагнула к выходу Ульяна.

– Ты знаешь, куда он поехал?

- Нет, но я его вижу. С недавних пор он начал светиться в астрале.
– Странно, что я его почему-то не ловлю.

Взгляд Ульяны красноречиво сказал Ивану Терентьевичу, что у его спутницы есть особые причины ее чувствительности к пси-излучению Василия. Причины эти имели название – ожидание любви.

* * *

Сначала Вася забрал свою «шестерку» у дома Горшина в Щелкове и поехал в Царицыно, где у него была запасная квартира. Оттуда позвонил Первухину и договорился встретиться с генералом на станции техобслуживания в Тихом тупике, недалеко от Таганского парка.

На квартире в Царицыне Василий не задержался. Забрал одежду, «спецуху» – ниндзя-комплекты, оружие, приборы наблюдения, рации, армейский комплект выживания, а также пищевой НЗ. Почему-то он был уверен, что это ему пригодится. После загрузки багажа он заправил машину и оставил ее у станции техобслуживания, мельком отметив наличие нескольких «крутых» автомобилей, среди которых машины генерала еще не было.

Побродив несколько минут по парку, Василий задумчиво оглядел развалины старого двухэтажного кирпичного здания – не то бывшей прачечной, не то небольшой фабрики, за которой начинался парк, присел на бордюр квадратной асфальтовой площадки для мусорных баков – недалеко стоял пятиэтажный жилой дом – и прислушался к своим ощущениям.

Что-то происходило в его душе, независимо от желания и воли. Сдвинулись какие-то стены, обнажились пласты воспоминаний, казавшиеся странно чужими и в то же время твердо принадлежавшие его личной истории. Смутные видения складывались в живые яркие картины, которые распадались на ускользающие туманно-призрачные струи, как только он пытался их удержать, оживить, остановить. Психика дымилась и бурлила, вспыхивала и гасла, и ощущать этот процесс, процесс рождения «будущего, уже бывшего прошлым», было интересно и страшно.

Именно потому, что Вася был занят собой, он и пропустил развертывание того, что в ниндзюцу называлось ката-кэси-но-дзюцу – приемы ликвидации жертв и устройство диверсий. Когда Вася отвлекся от переживаний и размышлений, ощутив спиной сакки – «ветер смерти», он был уже окружен. Однако продолжал сидеть в той же позе, с виду расслабленный и довольный отдыхом, на самом же деле мгновенно собравшийся и перешедший в боевое состояние. Удивительным образом – с одной стороны, совершенно естественным и гармоничным, с другой – никогда ранее не проявлявшимся столь эффективно – Вася определил месторасположение противника: восемь человек с трех сторон, экипированы, вооружены, профессионально обучены, – несколько секунд проверял себя – правильно ли оценил опасность? – и за мгновение до выстрела перешел на т е м п. Время послушно замедлило ход, движение жизни вокруг стало тягуче-плавным, неторопливым, сонным.

Пуля из снайперской винтовки (отечественная бесшумка «ВСК-94» калибра девять миллиметров) звучно шлепнулась в мусорный бак за спиной Васи, но его там уже не было. Определив положение стрелка из винтовки (остальные нападавшие были еще далеко и не так опасны), он зигзагом рванул к нему и, не видя, наугад метнул сакэн. Может быть, его руку направлял ангел-хранитель, может, сработал новый механизм точного определения врага, но звездочка нашла цель, и раненый в плечо снайпер на время выбыл из боя, дав Балуюеву возможность завершить маневр.

Здесь будет целесообразно описать место действия.

Тихий тупик представляет собой эдакий аппендикс, ответвляющийся от Марксистского переулка, соединяющего Марксистскую и Таганскую улицы. Упирается Тихий тупик в почти застроенную промышленную зону напротив Таганского парка, огороженного высокой металлической решеткой с погнутыми кое-где прутьями, образующими естественные входы на территорию парка. По левую сторону тупика какая-то фирма построила станцию техобслуживания – красивый металлический куб-ангар, окруженный теперь двумя десятками иномарок. Дальше тянется небольшая тополиная рощица, обрывающаяся в ров, а между ней, решеткой парка, асфальтовой площадкой с мусорными баками, располагаются руины фабрики, заросшие кустарником, лопухами и крапивой.

В принципе это было идеальное место для тайных встреч, не возбуждающих ничего любопытства по той простой причине, что встречались здесь часто любители выпить, но оно же представляло собой идеальное место и для засады, потому что, перекрыв с трех сторон подступы к развалинам, можно было спокойно превратить их в ловушку и незаметно ликвидировать жертву, не пугая стрельбой жителей близлежащих домов – пятиэтажки и квартала за рвом, слева от парка. Хотя вряд ли кто-нибудь из них, а также из отдыхающих в парке испугался бы стрельбы. Жители Москвы уже начали привыкать к ней как к неизбежному злу.

Поскольку деревья и кустарник скрывали нападавших, а сам он был виден как на ладони, Василий избрал единственно правильный вариант действий – отступление к развалинам фабрики. Метнув звездочку сязэна в снайпера, он круто изменил направление бега и нырнул в заросли лопухов и крапивы за мусорными баками. Появившиеся с трех сторон молодые люди в светлых костюмах успели открыть огонь из пистолетов с глушителями, но Вася, согнувшись, бежал в темпе, опережая движение стволов, и виден в зарослях не был. Достигнув угла развалин, ухитрившись проскочить мимо каких-то ям, мусорных куч и штабелей досок, он на несколько секунд выпал из поля зрения преследователей и не раздумывая прыгнул на стену здания.

В свое время он прошел достаточно хороший тренинг сакано-бори – искусства взбираться на высокие естественные и рукотворные отвесные препятствия, и восьмидесятиметровая кирпичная стена бывшей фабрики, неровная, щербатая, в ямках и выбоинах, не могла послужить ему непреодолимой преградой. Обладая сильной мускулатурой, сильными кистями и пальцами рук, гибкостью и чувством равновесия, позволяющими наилучшим образом использовать любые точки опоры, Вася буквально взлетел по стене вверх и оказался на фронтоне крыши. Замер, прислушиваясь больше к себе, к своим ощущениям, чем к звукам внизу. Но «ветер смерти» не шевелил волосы на затылке, не включал инстинкты адекватного ответа, что означало – снайпера с этой стороны здания нападавшие не поставили. Можно было остановиться, прикинуть возможности – оружия с собой у него, можно сказать, и не было: «болевик» в кармане,

с десятков метательных пластин и нож, вот и все вооружение, остальное осталось в машине – и начать свою игру.

Через несколько секунд из-за угла вынырнули преследователи, все как на подбор высокие, крутоплечие, мощные, целеустремленные – Вася узнал в них профи боя, элиту спецопераций такого же класса, к какому принадлежал и сам. А еще он вдруг понял, кто они такие – парни Рыкова из его личного манипула, причем наверняка зомбированные, не боящиеся ни пули, ни кинжала. Таких можно было свалить только выстрелом в голову.

Их было трое, и передвигались они уступами: один бежит – двое прикрывают. Посмотреть вверх им в голову не пришлось. Пропустив их, Вася бесшумно сиганул вниз, упал на последнего парня, мгновенно свернул ему шею, метнул нож в глаз второму, оглянувшемуся на шум, отнял у убитого пистолет с насадкой бесшумного боя и расстрелял первого преследователя, успевшего выстрелить всего два раза – в то место, где только что лежал Василий.

Не дожидаясь появления основных сил противника, Вася метнулся вдоль стены здания к парку, завернул за другой угол, но не бросился к решетке забора в полусотне метров, а снова, не сбрасывая темпа, взлетел по стене бывшей фабрики наверх, на крышу. Сделал это он вовремя.

Преследователи разделились на группы. Одна из них побежала направо, ее он обезвредил, вторая налево, и сейчас она появилась из-за угла дальнего торца здания слева. Если бы Вася продолжал бежать в том направлении, он столкнулся бы с ней лицом к лицу. Третья группа вместе с раненым снайпером ворвалась в здание через бывший центральный вход и начала прочесывать помещения на первом этаже.

Выждав паузу, Вася сделал серию выстрелов, попал в голову первому охотнику, в грудь второму и в плечо третьему (отличная машина все-таки «волк»!), нырнул в пролом на крыше и оказался в небольшой пустой комнате с грудami битых кирпичей и гнилых досок. Обострившийся слух позволил услышать стоны из-за стены и голос кого-то из охотников, говорившего по рации:

– Он на крыше! Гамма убит, Альфа ранен.

Что ответил боевику командир манипула, Вася не услышал, но это стало понятно уже через несколько мгновений. Целью отряда было физическое уничтожение Балуюева, поэтому оставшиеся в живых

телохранители-киллеры Германа Довлатовича не стали усложнять себе задачу, они просто открыли огонь по крыше и второму этажу из гранатометов.

Если бы не феноменальное чутье Василия, погнавшее его из комнаты в коридор второго этажа и дальше, к лестнице на первый этаж, он был бы убит первым же залпом. Гранаты начали рваться, влетая в окна, падая на крышу, когда он был уже в коридоре и бежал по-кошачьи, на четвереньках, к центру здания, где начиналась главная «парадная» лестница. Он успел добраться до нее в тот момент, когда две гранаты влетели в коридор и сделали из него вспыхнувшую дюзу стартовой ракеты.

Грохот, треск, клубы пламени и дыма!

Ударная волна толкнула Василия в спину и сбросила вниз на кучи земли, битых кирпичей и какого-то полусгнившего тряпья, покрывавшие промежуточную лестничную площадку, которая соединяла два пролета лестницы. Кучи смягчили падение и спасли руки-ноги от переломов, а клубы дыма и пыли не позволили тем, кто ждал его внизу, прицелиться поточнее.

Продолжая действовать на пределе скорости и физических сил, управляя телом не рассудком, а рефлекторно, подсознанием, Вася ужом проскользнул в полуметровый пролом в площадке, упал на руки и перекатился под защиту колонны, поддерживающей лестницу справа. Он открыл огонь одновременно со снайпером, который оставался в холле и сторожил выходы на лестницу. Итог дуэли был печален: Вася получил пулю в грудь, в область ключицы, снайпер – две пули в голову. В то же мгновение Вася выскользнул из ловушки, в которой оказался, перекатился в угол, под защиту упавшей сверху балки, и хладнокровно всадил оставшиеся пули в приятеля снайпера, показавшегося из коридора. Бросил пистолет. Теперь у него оставались только метательные пластины и «болевик», пускать в ход который следовало лишь в крайнем случае. Почему-то Вася был уверен, что он ему пригодится.

Командир группы, оставшийся в другом конце коридора, был достаточно опытен, чтобы не затевать дуэли с человеком, которому было нечего терять. Он дал какую-то команду по радиации своим уцелевшим подчиненным, скрылся в одном из ближайших помещений, выбив дверь ногой, и собрался удалиться по-английски, чтобы открыть

огонь из гранатометов уже по первому этажу здания. Но Василий не дал ему уйти живым. Из последних сил держа темп, он перелетел холл, прыгнул в проем двери и в полете – его противник в этот момент тоже выпрыгивал из окна – метнул две звездочки сякэнов.

Он не промахнулся. Одна звезда попала парню в висок, вторая в шею. Этого не хватило, чтобы убить его, но оказалось достаточно, чтобы отключить сознание зомби-солдата. Кубарем перекатившись через голову, Вася вскочил и оказался лицом к лицу с новым противником, увидеть которого в данный момент желал меньше всего.

Трое: два огромных, широких, накачанных, с неподвижными, ничего не выражающими лицами молодых человека с пистолетами-пулеметами «бизон» в руках и между ними третий – Рыков Герман Довлатович.

– Отличная работа, ганфайтер, – сказал он без одобрения, меланхоличным тоном. – В принципе можно было бы на этом и закончить, но у меня есть предложение.

– Хоть два, – расслабился Василий, усилием воли останавливая кровь из раны под ключицей, собираясь дать последний бой, несмотря на невыгоднейшее положение, в какое попал. – Глаз-то зажил, я смотрю? Не чешется? Быстро же вы, кардиналы, себя залечиваете.

Глаза Рыкова сверкнули, Вася почувствовал нечто вроде падения, удар в грудь и сотню уколов иглами в глазные яблоки, ослепивших его на несколько мгновений, затем короткий обморок. Не показывая, что шокирован и потрясен, он улыбнулся, ткнул пальцем в шкафоподобных сопровождающих Германа Довлатовича:

– Это и есть гаранты вашей уверенности, кардинал? Сами выращиваете такие экземпляры? А не хотите один на один, без них и этих ваших штучек – раппортов и психокинезов?

– Предложение такое, – пропустил Рыков мимо ушей слова Балугева. – Мне нужен профессионал твоего класса в качестве агента по особым поручениям. Принимаешь?

– А если приму и сыграю против? – Вася окончательно пришел в себя. – Или ты меня сделаешь зомби, как этих громил?

– Не слышу ответа.

– Вот тебе ответ! – Вася сунул руку в карман, цепляя рукоять «болевика», и в тот же момент Рыков ударил его в полную силу, задействовав максимум того, что было ему доступно на

психофизическом уровне – Силу Иеговы (Сущность Бытия), преломленную третьей «сферой света» Самаэль, что образно выражалось словами: Жестокость Бога.

Сознание Васи погасло, как пламя свечи под порывом ветра. Но за тысячную долю секунды до этого палец его нажал курок «болевика», пославшего разряд в голову Рыкова, а подоспевшие к месту сражения Пармонов и Ульяна накрыли Василия «колоколом защиты», ослабившим страшный удар кардинала.

Телохранителям Рыкова досталась лишь малая толика излучения «болевика», заставившая их тем не менее выронить оружие, упасть на землю и кататься по ней: обоим показалось, что их охватило пламя. Рыков же принял весь импульс, который пробил его пси-блок и сбросил сознание в измененное состояние, требующее адаптации. А когда он пришел в себя, оказался в окружении Посвященных и Горшина, прибывшего в самый последний момент.

– Не стоит продолжать этот разговор, – качнул головой Тарас, подходя к Герману Довлатовичу вплотную. – Вы все время проигрываете, кардинал, пора задуматься над этим. Мы не можем вас уничтожить, хотя я сделал бы это с большим удовольствием, но мы можем принудить вас к миру. Если же вы еще раз попытаетесь причинить вред кому-либо из наших друзей, клянусь – мы достанем вас из-под земли! В любой реальности! Среди Великих Вещей Мира есть одна очень любопытная – кодон, я думаю, вы слышали о ней. Так вот я обещаю найти его, чтобы сделать из вас вечного зомби-идиота. И я сделаю это!

– Он сделает, – кивнул Иван Терентьевич, разглядывая равнодушное, белое, в бисеринках пота лицо Рыкова. – А мы ему поможем. Подходят вам такие условия мира, господин кардинал?

– Да, – проскрипел Герман Довлатович. – Но учтите: то, что не сделаю я, сделает Сход. Вы обречены.

– Учтем, спасибо за предупреждение, – учтиво произнес Пармонов. – Вы свободны.

Рыков повернулся, махнул рукой своим гвардейцам и, деревянно переставляя ноги, пошел прочь от почти полностью разрушенного взрывами здания. Скрылся за деревьями, где уже начала собираться толпа привлеченных взрывами местных жителей.

– Что с ним? – оглянулся Горшин на Балуюева, над которым склонилась Ульяна.

– Жив, – слабо улыбнулась девушка и добавила с гордой, печальной и нежной интонацией: – Жестокий воин и невоспитанный, глупый, простодушный мальчик...

Глава 39

ОТВЕТВЛЕНИЕ СОВЕСТИ

Стас смотрел на него такими глазами, что у Матвея дрогнуло сердце. Но взять его с собой он не мог. Прощаясь, прижал паренька к себе и сказал ему на ухо:

– Я скоро вернусь, малыш, обещаю тебе. А ты обещаешь мне не запускать учебу в школе и тренироваться. Обещаешь?

– Обещаю, – едва слышно ответил Стас, сдерживаясь из-за всех сил, чтобы не заплакать.

Поцеловав его в макушку, Матвей попрощался с Марией Денисовной и вышел, переживая приступ свирепой тоски. Будущее свое он видел смутно и не знал, вернется ли когда-нибудь в эту квартиру, в эту страну и вообще в земную реальность. Кристина видела его состояние, поэтому о планах не спрашивала и больше молчала, за что Матвей был ей благодарен. Впрочем, в последнее время они все больше понимали друг друга без слов, словесное общение становилось если и не лишним, то необязательным. В их отношениях начинался этап, который можно было бы назвать одним словом: неразделимость. Матвей просто не мыслил себя без Кристины, образ которой под влиянием Светлены претерпел некоторые изменения и слился с образом Светлены воедино.

Оставив Стаса с бабушкой, они поехали на старую квартиру Матвея на Варшавском шоссе. Засад он не боялся, но на всякий случай прощупал район в ментальном поле и «темных уплотнений угрозы» не обнаружил.

Квартира хранила следы чужого недоброго присутствия и запахи зла. Матвей задумчиво прошелся по комнатам, отмечая слой пыли на вещах, разбросанную одежду, но убирать ничего не стал. Погладил корпус компьютера в рабочем кабинете, сел за стол.

– Что ты задумал? – спросила Кристина, поставив кипятить воду для чая.

– Хочу прогуляться в прошлое, – сказал Матвей. – Ты меня подстрахуешь?

– Это опасно, ты же знаешь. Тебя стерегут везде, в том числе и в ортоснах.

– С тобой я ничего не боюсь. Но если не хочешь, я пойду один.

Кристина улыбнулась – словно солнышко вспыхнуло в комнате, прижала затылок сидящего Матвея к груди, потянула его за ухо.

– Ты неисправим, ганфайтер. Ты же знаешь, что я пойду за тобой куда угодно, вплоть до нарка^[37] – дна «розы» с его системой нижних «адовых» реальностей.

– Тогда не будем терять времени.

– А чай?

– Потом, после возвращения.

Матвей закрыл двери квартиры на все замки, поставил на нее «печать отталкивания», настроенную поднять тревогу не только при любой попытке взлома, но даже от мысли взломщика. Они сели в кресла в гостиной напротив друг друга и привычно углубились в себя, начиная сеанс медитации и настройки организма на путешествие «вниз», в прошлое, по родовой памяти мировой линии предков Соболева.

Однако на этот раз Матвей пошел другим путем. Ему нужно было нащупать мировые линии кардиналов Союза Девяти, проследить их до самых корней и попытаться предотвратить рождение хотя бы двух – Рыкова и Бабуу-Сэнгэ. Только в случае успеха, как считал Матвей, ему удастся обезопасить себя и своих близких в настоящем времени. Но для достижения цели ему был нужен выход на третий уровень энергоинформационного поля Земли – логос, а может быть, и на четвертый – универсум.

Астрал и ментал он прошел спринтерски, почти не задерживаясь. Его там действительно ждали «цепные псы» чужих разумов – иерархов и кардиналов Союза, готовые вцепиться в сознание, подавить его, подчинить волю и душу человека, дерзнувшего замахнуться на «тьму власти», на благополучие избранных. Но Матвей теперь знал, как избежать информационно-эмоциональных засад – с помощью полного подавления чувственных желаний, и «псов» обошел.

Состояние человека, путешествующего по астралу и менталу, невозможно описать словами, мирской язык слишком беден для этого и не в состоянии отразить гамму ощущений даже приблизительно. Пейзаж астрала, да и ментала тоже, многомерен, сложен, текуч, полон

пропастей и бездн, способных засосать неопытного путешественника, и заснеженных горных пиков неподвластной ему информации, грозящих засыпать лавинами и селями чужеродных понятий. Ориентироваться в вечно меняющемся «болоте» астрала невероятно трудно, все время натыкаешься на ненужные тебе «кочки» и «островки» чьих-то индивидуальных информационных владений, проваливаешься в «ямы» и «колодцы» недоступных понятий, увертываешься от «пуль» и «метеоритов» нацеленных сообщений. Только человек с устойчивой психикой и сильной волей способен сохранить свое сознание и душу в этой растворяющей все и вся хаотичной многомерной структуре и найти то, что ему нужно, – потоки, кольца и коконы информации, не исчезающей здесь никогда.

Но астрал – лишь первая и самая неорганизованная ступень энергоинформационного поля Земли. Структура ментала иная, ее можно сравнить с кристаллической решеткой какого-нибудь минерала, невероятно сложной, но упорядоченной, снабженной «указателями» – каналами озарений в разных областях знаний, и ориентироваться там проще, вот только перейти на уровень ментала труднее. Подняться же на уровень логоса еще сложнее, для этого надо обладать огромными запасами душевной энергии и тонкими Силами, управляющими законами магической физики – главной физики «розы реальностей».

Матвей продавил волей потенциальный барьер, отделяющий ментал от логоса, и оказался в стремительно мчащемся энергетическом потоке, напоминавшем могучую горную реку! Забарахтался изо всех сил, пытаясь не захлебнуться в «воде», с трудом «высунул голову» из взбаламученной пенистой субстанции, заработал «руками и ногами», стараясь удержаться на плаву. И тотчас же оказался внутри странной черной сферы, пронизанной лучиками света от бесчисленных черных звезд, в полной тишине и неподвижности, и в то же время сохраняя ощущение несущейся с дикой быстротой горной реки...

Успокоив дыхание, испытывая огромное внутреннее напряжение и трепет – он попал в слой информполя, хранящего все тайны Вселенной, и мог получить исчерпывающий ответ на любой вопрос в тот же момент, – чувствуя, что надолго его не хватит, Матвей позвал нужное знание и через мгновение получил его – знание мировых линий кардиналов Союза Девяти, их истоков и пересечений с его

собственной линией. Теперь он знал, где и как встретить предков кардиналов, как достичь этого момента, спускаясь по собственной мировой линии в прошлое, и что сделать потом, чтобы изменить настоящее из прошлого. Однако в голову вдруг пришла дерзкая мысль пойти еще дальше, в универсум, и Матвей прыгнул «вверх» изо всех сил, поднимаясь на предельный уровень своих возможностей, уровень сверхбыстрого сгорания психики.

Оглушающий удар по голове, рывок — и он оказался в невообразимо странном мире, в мире без объектов и свойств, одновременно бесконечно большом и бесконечно малом, в мире оглушительно грохочущей тишины, где ничего не происходит, но и ничего не забывается, где ощущаешь себя ничем и одновременно всем...

Взгляд пронизал его, взгляд Брахмана — безличной абсолютной реальности, основы всего сущего, взгляд Великой Пустоты. Матвей, отождествив себя со Вселенной, ощутил вдруг дивный восторг прямого переживания своей бесконечности и... умер!..

чтобы, пройдя...

миллион состояний...

вновь осознать себя...

в человеческом теле!

Кто-то большой и сильный помог ему спуститься с горных высей универсума, обладающего столь высокой плотностью энергии, что выдержать это состояние мог только могучий интеллект, владеющий тайнами прямого преобразования физических тел в ментальные объекты. Кто-то поддержал Соболева в момент входа в универсум и еще более — в момент выхода, и лишь благодаря этой помощи Матвей сохранил свою индивидуальность, свою личность.

Если бы он не был так ошеломлен и потрясен, он бы понял, кто ему помог, но рядом находилась Кристина-Светлена, и Матвей решил, что это была она.

Открыв глаза, он увидел ее тревожный, тут же прояснившийся взгляд.

— Все в порядке? — вырвался у девушки вздох облегчения. — Почему ты не предупредил меня, что пойдешь так далеко?

— Сам не знал, — пробормотал Матвей, снова закрывая глаза. — Любопытно стало, смогу ли выдержать такую нагрузку.

– Без подготовки ты мог раствориться...

– Все позади, – перебил Кристину Матвей. – Отдохну немного и поплыву вниз. Если не передумала сопровождать, держись рядом. И молчи!

Кристина пристально посмотрела на заострившееся, потемневшее, с провалившимися глазами – общение с логосом и универсумом явно не прошло для Матвея даром, отняв часть души, – лицо друга и отгородилась от него личным «колоколом отталкивания», чтобы позвать того, кого она считала ответственным за происходящее. Ответа получить не успела, Матвей начал погружение в ортосон.

Падение в прошлое по цепи родовой памяти не вызвало привычных ощущений. Просто был черный провал, короткое забытие, и Матвей осознал себя в теле первопредка, стоящего в цепи таких же гигантов, закованных в сияющие всеми цветами радуги «латы» – хитиновые сегменты тел Инсектов. Цепь окружала исполинское, слепяще белое сооружение в форме пирамиды, ажурные стены которого казались страницами древних манускриптов с иероглифическими письменами, рунами, создающими эффект эстетического совершенства и гармонии. Откуда-то Матвей знал, что пирамида – гнездо-замок ликозидов, разумных тарантулов. Такие замки вообще были большой редкостью, но ценились они перволюдьми не за красоту и величие, а за набитые всякими полезными (и опасными) вещами кладовые. Кланы перволюдей часто воевали между собой за обладание таким гнездом, что в первую очередь и стало главной причиной их уничтожения.

Информация, выуженная Матвеем из логоса, не подвела. Сознание Матвея внедрилось в голову предка в тот момент, когда на его родовой клан, защищавший пирамиду ликозидов, напали воины другого племени, среди которых находился тот, кто начинал мировую линию потомков Германа Довлатовича Рыкова. И Матвей, получивший достоверное знание логоса, без труда узнал его.

Глава рода «Рыковых» в отличие от трехметровых великанов – воинов клана не участвовал в сражении. Он занимал пост советника вождя (вероятно, это послужило печатью, отметившей всю линию его потомков вплоть до Германа Довлатовича) и терялся в его свите, незаметный, небольшого роста (всего два метра) – по сравнению с воинами, одетый в бурый плащ поверх доспехов, превращавший его в

немощного на вид, безобидного, никому не опасного старика. Лишь взгляд выдавал в нем существо умное, хитрое и жестокое. Должно быть, он здесь тоже представлял местный Союз Неизвестных, корректирующий реальность по своему разумению. Матвей знал, что Внутренний Круг человечества к этому времени уже существовал.

Матвей оглядел шеренгу солдат, защитников замка ликозидов, своих сородичей, и понял, что замок они не удержат. Силы были слишком неравными: против полусотни стражей – две сотни солдат вражеского клана, половина которых образовывала на шестиногих зверях своеобразную конницу. У защитников тоже были «лошади», но всего с десяток.

План созрел сразу, как только Матвей оценил положение, а выполнение его упрощалось тем, что предок Соболева был здесь не простым солдатом, а «сотником», командиром отделения. Завладев его сознанием, Матвей взял инициативу в свои руки и начал сражение не так, как его представляли обе стороны. Он отдал приказ десятку воинов оседлать «коней» и, не давая противнику возможности опомниться и подготовиться, стремительно атаковал цепь наступающих.

Удар был так стремителен и неожидан, что конница врага не успела на него отреагировать. Отряд Матвея легко пробил строй атакующих, рассеял арбалетчиков, идущих следом и успевших сделать всего один залп, и в мгновение ока взлетел на холм, на вершине которого обосновалась ставка враждебного клана. Лишь после этого пришла в движение «конница», заворачивая к подножию холма, и повернулись лицом к вождю растерявшиеся шеренги переднего «полка». Но было уже поздно. Прорвавшиеся воины Матвея всю рубились с охраной вождя, а сам Соболев, вооруженный знаниями многовековых традиций воинских искусств, пробился к его свите, свалил двух «офицеров» и приблизился к предку Рыкова, загородившемуся двумя рослыми воинами и готовому улизнуть с поля боя в подходящий момент.

Одного воина Матвей проткнул копьем со светящимся наконечником, которое легко пробивало любые доспехи. Второго сбил грудью шестинога и затоптал. Однако достать прапрадедушку Германа Довлатовича не успел. Тяжелая холодная тень легла на холм,

придавила все живое, заставила отвлечься от боя и напрячь силы, чтобы сбросить с себя путы странного оцепенения.

Матвей глянул вверх и увидел плывущий над холмами колоссальный трехкилометровый черный веер – чудовищное творение акридоидов, существ из вида разумной саранчи. Усеянное стометровыми колючками, гнездо акридоидов представляло собой довольно сложный сросток геометрических форм, образующих веер, создающих впечатление гармонии и совершенства, только эта гармония была гармонией угрозы и несла неизгладимый отпечаток агрессивных устремлений обитателей гнезда.

Все поплыло перед глазами Матвея, он едва не вывалился из седла. С трудом отбил выпад копья предка Рыкова, проявившего вдруг с появлением веера невиданную прыть и смелость. Снова волна искривления побежала по земле, накрыла холм, исказила форму всех объектов, встряхнула всех, кто там сражался. Слабость, охватившая Матвея, едва не погубила его предка. Пока он боролся с неожиданным пси-нападением (это было именно нападение, а не случайное явление), пра-Рыков подобрался ближе и метнул что-то вроде длинного светящегося шипа, пробившего щит Матвея, кирасу и распоровшего плечо. Если бы не рывок шестинога в сторону, шип вонзился бы предку Соболева в горло и, вполне вероятно, прервал бы его мировую линию.

Волна слабости схлынула, кто-то помог ему отбить чужую атаку, зажавшую было волю в тиски. Матвей ответил врагу яростным выпадом такого же четырехгранного шипа (не меч и не шпага, просто заостренная металлическая палка), заставив его кубарем покатиться с холма, направил следом шестинога, но в спину ему вонзились сразу три стрелы со светящимися наконечниками – защитники вождя не дремали, и схватка с пра-Рыковым отошла на второй план. Следовало срочно позаботиться о собственной жизни, явно нуждавшейся в спасении.

Если бы предок Матвея в данной ситуации остался без «водителя»-потомка, он неминуемо бы погиб. Но Матвей не дал ему пасть смертью храбрых, хотя вынужден был сражаться на два фронта: против сородичей клана Рыкова и с чьим-то холодным и беспощадным разумом, занявшим замок акридоидов. Это мог быть и разум уцелевшей семьи разумной саранчи. Матвей не встречался с подобным

видом Инсектов ни в одном своем походе в прошлое и возможностей акридоидов не знал, однако после нескольких атак понял, что воюет с кем-то из людей Круга, может быть, даже с иерархом, пси-матрица которого и оккупировала гнездо акридоидов. Спустя некоторое время стало ясно, что бой он проигрывает.

Шестинога под ним убили. Матвей вынужден был сражаться с сородичами Рыкова пешим, что намного сузило его маневр и возможности контратаки. Гнездо акридоидов приблизилось, нависло сверху, и пси-давление на сознание Соболева, ослабленное ментальной помощью Кристины, увеличилось до предела, перейти который он не мог: не мог ни отбить атаки врага, ни бросить своего предка в безнадежной ситуации. Он проигрывал.

И в этот момент в схватку вмешались иные силы.

Внезапно послышалось стремительно нараставшее гудение, из-за пирамиды ликозидов вывернулись два гигантских жука (колеоптеры!): один с ходу атаковал летающее гнездо акридоидов фиолетовым выскерком «лазера», а второй спикировал на холм с кипевшим на нем сражением, подхватил теряющего силы Матвея и взмыл в небо. Последнее, что отметил Матвей гаснущим сознанием, – беззвучный вопль разочарования, изданный существом в гнезде разумной саранчи. Затем начался стремительный подъем – в прямом и переносном смысле: колеоптер, захвативший предка Соболева, набирал высоту, а сознание Матвея устремилось в будущее, – и очнулся Матвей уже в своей комнате, откуда начал трансперсональное путешествие в прошлое.

Он не удивился, обнаружив в гостиной гостя, хотя и не ожидал увидеть его в домашней обстановке. Это был Хранитель.

– Кажется, вы спасли мне жизнь, – вяло проговорил Матвей, наслаждаясь покоем и тишиной. – Но я не просил вас следить за мной.

– Хорошо, что я успел, – с вежливым укором сказал Матфей. – Вы продолжаете делать ошибки, которых можно было бы избежать по зрелом размышлении. Зачем вам понадобился этот последний выход в прошлое?

Матвей отпил глоток сока из стакана, принесенного Кристиной, откинулся на спинку кресла. Ему показалось, что под черепом у него пробежал паучок. Попытался избавиться от этого неприятного

ощущения и не смог. Опустил стакан, внимательно глянул на невыразимо спокойное лицо Хранителя.

– Вы... преступаете Закон... невмешательства...

– Всякое поправление какого-нибудь закона есть всего лишь следствие срабатывания закона более высокого ранга. В данном случае я представляю именно тот, более высокий закон, регламентирующий жизнь реальности в момент возникновения глобальной опасности.

– Какой опасности? – Матвей задал вопрос машинально, он знал ответ. Паучок под черепом продолжал бегать, это отвлекало и раздражало. Хранитель явно проверял возможности собеседника и его выдержку.

– Своим возвращением по личной мировой линии в прошлое вы одновременно включили процесс падения Закона обратной связи, частным случаем которого является Закон возмездия.

– Я это знаю.

– Процесс этот ускоряется, – как ни в чем не бывало продолжал Хранитель, – происходит беспрецедентная ломка социальных структур, и не только в России, весьма серьезно загрязненной «черной магией», но и во всем мире! Вы уже анализировали происходящие на Земле процессы: рост преступности, терроризма, волна самоубийств, передел власти...

– Дальше.

– Близится всеобщий кризис, хаос управления. Вы в курсе, что на двадцать второе июня кардинал Союза Девяти Герман Довлатович Рыков запланировал «большую войну»? Войну «чистилица» и СС с целью захвата власти?

Матвей поставил стакан на столик, встретил взгляд Кристины, устроившейся на диване с ногами, покачал головой.

– Он не сможет...

– Если ему не помешать – сможет.

Матвей опустил голову, некоторое время молчал, потом в упор взглянул на Хранителя.

– Я хотел прервать мировые линии кардиналов Союза, в том числе и Рыкова. Для этого я и рискнул опуститься вниз.

В глазах Матфея мигнули огоньки сочувствия, понимания и печали.

– Вы слишком спешите, идущий.

– Но все меня уверяли, в том числе и она, – не выдержал Матвей, кивая на Кристину, не делая различия между ней и Светленой, – что я иду слишком медленно!

– Вы идете быстро, Матвей Фомич, но не в том направлении. Опасность того, что вы придете не туда, станете «темным аватарой», все более возрастает, и это нас тревожит. Вы не избавились полностью от следов программы Удди, на что я надеялся, поселив вас в храме Будды для восстановления, а сегодня добавили к этому черному следу еще одно пятнышко.

– Не понимаю, – холодно сказал Матвей.

– Своим проникновением в универсум вы преодолели пятнадцатую ступень «лестницы самосовершенствования», называемую Ответвлением Совести. А это очень скользкая ступень, с которой можно не только подняться вверх, к Идеалу, но и скатиться вниз, в Инферно, в «темные подвалы» Мироздания. Ваш поход вниз, в прошлое, для отсечения мировых линий ваших врагов, есть балансирование над пропастью. Кстати, отсечение не решает проблемы, а добавляет новые. Вы знаете, к примеру, что отсечение линии Рыкова автоматически влечет уничтожение линии русских князей Голицыных? Они находятся в родстве. А также влечет изменение рода изобретателя знаменитого автомата Калашникова. Но Бог с ним, с изобретателем. Отрубив линию потомков координатора Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ, вы сразу же ликвидируете моих предков.

Хранитель улыбнулся, заметив, как округлились глаза Кристины. Матвей остался сдержанно-бесстрастным, но было видно, что и на него подействовали слова тезки.

– Так что все гораздо сложнее, чем вы себе представляете, – продолжал Матфей. – И даже если бы вам удалось отсечь потомков кардиналов Союза, вы добились бы лишь изменения его состава. А этого мало. Нужен более радикальный шаг, чтобы довершить начавшийся излом зла.

– Как вы сказали? – недоверчиво посмотрела на Хранителя Кристина. Излом зла... начался?

Матвей тоже смотрел на Хранителя непонимающе, и тот тихо рассмеялся.

– Ваши враги добились не того, чего хотели, – нейтрализовать вас, а обратного результата: вы в принципе решились на изменение

существующего положения дел. Но никто из них, в том числе и многие иерархи, все-таки всерьез вас не воспринимали и пока еще не воспринимают. Даже пентарх Удди, самый дальновидный из всех. И я очень надеюсь, что, когда они оценят вас по заслугам, вы будете к этому готовы. Вы можете занять трон Мастера Мастеров, я это знаю, но лишь в том случае, если не наделаете новых ошибок, если не будете полагаться только на свои вкусы и желания. Прислушайтесь к мнению своих спутников и достигнете тех высот, которые позволят вам добраться до Материнской реальности и утвердить в «розе реальностей» высший закон – Закон справедливого воздаяния.

– Материнская реальность – легенда... – тихо сказала Кристина. – Никто из людей Круга не знает наверняка, существует она или нет. По-моему, даже Аморфы не знают.

– Когда-нибудь эта загадка будет решена. – Хранитель посмотрел на Матвея, и тот на дне его глаз увидел вдруг бесконечную печаль. А может быть, усталость. – Я хочу попрощаться с вами, идущий. Мне пора уходить, земная реальность не выдерживает нас.

– Кого? – не поняла Кристина. – Не выдерживает Хранителей? Почему? Как – не выдерживает?

Матфей на мгновение стал совершенно прозрачным, превратился в язык пламени, сохранивший форму человеческого тела, и снова стал самим собой.

– Мы достигли физических и нравственных пределов, ограничивающих земной мир. Чтобы идти дальше, нам необходимо избавиться от самих себя, полностью перейти на энергетический уровень Магического Оперирования.

– На двадцатую степень, – медленно сказал Матвей. – И тогда останутся только две...

– Да, – кивнул Хранитель. – Останутся еще две. Но они нам недоступны: Двойник Совершенства и Карусель Бесконечности. Двадцать первая – это уровень аватары.

Они посмотрели в глаза друг друга, вполне понимая недосказанное. Потом Хранитель развел руками:

– Ну а двадцать вторая ступень характеризует уровень Творца. Не знаю, удавалось ли кому-нибудь из смертных достичь этой ступени, кроме Безусловно Первого. Может быть, вы попытаетесь? Если только не поменяете знак. Учтите, идущий, как только вы воспользуетесь

тхабсом, вами займутся иерархи. Вы станете нужны всем, даже Аморфам.

– А Безусловно Первому? – невольно улыбнулся Матвей, почувствовав внезапное облегчение: паучок перестал бегать под черепом и унес с собой эйфорический дым собственной – Матвея – исключительности и вседозволенности.

– Может быть, и ему тоже, – улыбнулся Хранитель, и его не стало.

Матвей и Кристина смотрели на то место, где он сидел, и молчали, пока не вспомнили, где находятся.

– Ты все понял, быстро идущий? – серьезно сказала девушка. – Больше не будешь ошибаться?

– Обещаю перед тем, как сделать ошибку, предупредить тебя, – так же серьезно ответил Матвей и вдруг застыл, прислушиваясь к себе. Замерла и Кристина, поймав ментальный сигнал. Затем, не сговариваясь, они вскочили, забрали сумки и выбежали из квартиры, оставив ее открытой. Оба приняли вызов Горшина, который можно было выразить словами: «На нас напали! Идите на помощь!»

Глава 40

ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ

Человеческая природа, вобравшая все негативные стороны психики Инсектов, склонна толкать человека на удивительные поступки, стоящие на противоположных полюсах морально-этического кодекса, – от убийства ближнего из-за куска хлеба до самопожертвования. И даже лучшие из людей совершают ошибки, которым нет объяснений, кроме все тех же загадочных толкований: такова природа человека.

Не сильно отличались от других людей в этом смысле и люди Круга, проповедующие принцип интеллектуальной чистоты и одновременно не способные изменить или полностью нейтрализовать свою эмоциональную сферу. Поэтому ничего удивительного в действиях кардиналов Союза Девяти, созданных Бабуу-Сэнгэ на Сход, не было, когда некоторые из них, звавшие причину созыва, решили отличиться и захватить перед Сходом строптивного смертного по имени Матвей Соболев и его друзей. Они были так уверены в своих силах, что предупредить координатора не стали. Этими кардиналами были Кирилл Данилович Головань – заместитель директора Международного института стратегических исследований, Виктор Викторович Мурашов – секретарь Совета безопасности, Дмитрий Феоктистович Блохинцев – член-корреспондент Академии наук и Везирхан Шароев – президент Ичкерии, прибывший в столицу России инкогнито с целью отомстить. Именно он и убедил кардиналов начать акцию раньше, преисполненный «святого гнева» на человека, посмеявшегося поднять на него руку.

Столкновение Рыкова с Посвященными у Таганского парка позволило кардиналам засечь «объекты воздействия» и проследить их путь до Строгина. После чего они с помощью своих манипулов перекрыли подходы к дому, в котором скрылись трое Посвященных и профессионал спецназа Василий Балугев, к которому Шароев имел не меньше претензий, чем к Соболеву, и ровно в тринадцать ноль-ноль по московскому времени собрались у ворот Троице-Лыковского кладбища. Везирхан Шароев порывался первым броситься на штурм

квартиры, в которой укрылись Посвященные, но Мурашов посоветовал ему «не гнать лошадей». Первыми должны были пойти в атаку зомби-солдаты личного манипула Блохинцева, задача которых была отвлечь внимание противника, заставить его увязнуть в бою, вынудить раскрыться и отступить. Лишь после этого в схватку должны были вступить сами кардиналы, видевшие в предстоящем деле хорошее развлечение и ради этого готовые блеснуть друг перед другом своей силой и удалью.

Однако открытого боя не получилось. Посвященные быстро разобрались в обстановке, соединенными усилиями перепрограммировали людей Блохинцева, и те открывать огонь и врываться в квартиру не стали. Дмитрию Феокистовичу пришлось возиться с ними, чтобы снова взять под свой контроль и послать в атаку. И снова Посвященным удалось повернуть сознание зомби-атакующих на сто восемьдесят градусов, заставить их выйти из дома и напасть на своих же союзников.

Блохинцев в ярости «сжег» мозг командира манипула и повел своих боевиков в атаку сам. Он дошел до двери квартиры, но вынужден был остановиться. Пси-заслоны Посвященных оказались более крепкими, чем он думал, а острые ментальные выпады отступника Горшина иногда пробивали собственную защиту Дмитрия Феокистовича. Пришлось отступить. При этом он попытался прощупать мысленные объемы всех, кто находился в доме, чтобы выяснить количество защитников, но это Блохинцев выяснить не смог. А так как он мысли не допускал, что его, Посвященного II ступени, могли остановить всего трое Посвященных I ступени, Дмитрий Феокистович сделал вывод, что группа Соболева находится в полном составе.

– Их всего четверо, – презрительно скривил губы Шароев, – и уровень магического манипулирования каждого на порядок ниже нашего. Чего вы осторожничаете? Соболев еще не аватара, а всего лишь кандидат... хотя я в это не верю. Я уделал его дома свободно. – Президент Чечни не стал добавлять, что в момент, когда он «уделял» Соболева, он был авешей пентарха Удди. – Что может сделать нам непосвященный? Ничего! Надо действовать проще.

– Простое решение, как правило, ошибочно, – веско заметил Головань. – Если бы мы вынудили их отступить, выйти из квартиры,

задача перехвата намного упростилась бы.

– Что ты предлагаешь? – бросил недовольный своей пассивностью Мурашов.

– Дать пару залпов из гранатометов по окнам квартиры. Не думаю, что нашим приятелям удастся выдержать такую плотность огня. Они наверняка побегут из дома. Тут мы их и перехватим.

– На взрывы съедутся все местные бригады ОМОНа и милиция.

– Пока съедутся, мы уже будем далеко отсюда.

Мурашов раздумывал недолго, план был хорош, и они его приняли. Однако не учли, что противник тоже способен на анализ возможностей противоборствующей стороны и разработку контрмер. Поэтому когда гвардейцы манипула Голованя сделали из гранатометов залп по окнам четвертого этажа – со стороны дороги и со двора, Посвященных в квартире уже не было.

Но во дворе, где их ждали кардинальские командос, они не появились. Мало того, члены Союза Девяти вдруг с удивлением отметили, что излучение тройки Посвященных слабеет. Впечатление складывалось такое, будто они удаляются с возрастающей скоростью. А так как бежать им было некуда, кроме трубы канализации под домом, кардиналы решили, что именно туда беглецы и направились.

Кардиналы пересекли улицу, вбежали во двор, полный взбудораженных взрывами жителей микрорайона, и в этот момент Горшин (он и придумал эту уловку с ослаблением пси-излучения, создающим эффект удаления), Парамонов, Ульяна и Василий выпрыгнули из окна угловой квартиры на первом этаже, куда они успели спуститься, и взяли под мысленный контроль цепь гвардейцев, окруживших дом со стороны кладбища. Но сесть в микроавтобус, на котором приехал кто-то из кардиналов со своим манипулом, не успели. Снайперы, оставленные опытным секретарем Совета безопасности на кладбище и не попавшие в сферу раппорта Посвященных, открыли по ним огонь.

Первым был ранен Иван Терентьевич – в грудь, что сразу сказалось на ментальной мощи группы. Падение напряжения пси-излучения не позволило беглецам держать под контролем сознание всех зомби-солдат, и те из них, кто вышел из зоны влияния, тоже открыли огонь по четверке беглецов.

Вторая пуля снайпера досталась Ульяне, пробив ей предплечье навылет.

– Займись снайперами! – крикнул Горшин Василию, начиная ментально-физическую атаку на сбегавшихся со всех сторон к кладбищу гвардейцев кардиналов.

Дальнейшие события длились всего с десятков секунд.

Раненый Парамонов помог Тарасу переориентировать атакующих таким образом, чтобы они открыли огонь по своим, доковылял до микроавтобуса «Форд-Транзит», отключил водителя и сел на его место, тут же потеряв сознание от шока.

Ульяна на пределе возможностей прикрыла бегущего Василия «колпаком невидимости», щедро отдавая свою энергию, и к микроавтобусу приползла, что называется, «по-пластунски». Сил ее хватило лишь на то, чтобы открыть дверцу салона, влезть внутрь машины она уже не смогла, также потеряв сознание.

Василий, прикрытый ментальным щитом Ульяны, успел добежать до гранитной стелы центрального входа на кладбище, из-за которой стреляли снайперы, и поразил обоих в голову из «волка», прежде чем его нашла пуля кого-то из зомби-солдат. Пуля («бизон», 9 миллиметров) ударила akurat в поясницу, но наткнулась на лезвие ножа за поясом, отклонилась и пропахала правую ягодицу. Не имея возможности держать темп, возвращался Василий к дороге гораздо медленней, чем позволяла ситуация, хотя успел-таки расстрелять две обоймы и существенно помочь Горшину.

Тарас же, удерживая под давлением воли с десятков парней, начал оставшихся «брать на прием» по очереди, двигаясь с немыслимой скоростью, и успел пройти дюжину гвардейцев, прежде чем из-за дома появились потерявшие былой лоск и блеск кардиналы, сообразившие, что их ловко и эффектно одурачили.

На отступление оставались какие-то мгновения, Тарас и Василий сесть в микроавтобус уже не успевали, и в этот момент в бой вмешались подоспевшие к развязке Матвей и Кристина.

И сразу стрельба стихла. Уцелевшие зомби-бойцы безвольно опустили оружие, почувствовав полнейшее равнодушие к происходящему. Остановились и кардиналы. Лишь горячий Шароев продолжал бежать через улицу, собираясь пустить в ход «глушак», и Василий остановил его броском стрелки сюррикэна с двадцати метров,

пробив горло насквозь. Упал координатор Союза Неизвестных Чечни прямо под колеса машины Соболева.

– За руль! – резко бросил Матвей Тарасу, выходя из ослепительно синего «Шевроле». Остановился, расставив ноги и неотрывно глядя на кардиналов Союза Девяти.

Горшин помог Ульяне и Парамонову дойти до машины, усадил их на заднее сиденье, сел за руль. Василий, стиснув зубы, с трудом устроился рядом с Кристиной. И все четверо посмотрели на Матвея, не понимая, чего он медлит. Они не знали, что он в этот миг вел неощутимый и незримый другими бой на высших частотах с Бабуу-Сэнгэ, мчавшимся на помощь своим кардиналам, и выиграл его, отбив свирепую атаку «зеркалом шага». Затем глаза его вспыхнули нестерпимо холодной голубизной, и между автомобилем и опомнившимися, шагнувшими вперед кардиналами протянулась полоса яростного багрового пламени.

– Гони!

Матвей вскочил в машину, и с визгом шин Горшин погнал «Шевроле» вперед, прямо через тело Шароева.

Через две минуты они были уже далеко от кладбища.

– Куда? – лаконично спросил Тарас, выезжая из микрорайона Строгино на Кольцевую автодорогу.

– Обратно, – так же лаконично ответил Матвей.

Тарас притормозил, искоса посмотрел на отрешенно-спокойное лицо Соболева и остановил машину. Остальные тоже смотрели на Матвея непонимающе, и он пояснил:

– Эта кардинальская компания сейчас уедет, и мы вернемся. Под Троице-Лыковской церковью расположен МИР ликозидов, спрячемся там.

– Зачем нам прятаться? – буркнул Василий, страдая от боли в ягодице, но предпочитая не жаловаться.

– Нас загоняют в угол, неужели не понятно?

– Но ведь не загнали же.

– Войну со всем Союзом Девяти нам не выдержать. К тому же мой Путь Воина действительно закончен. – Матвей еле заметно улыбнулся, заметив озадаченно-недоумевающие взгляды друзей. – Я имею в виду – здесь, в земной реальности. А Путь Воина в «розе

реальностей» только начинается. Я принял решение уйти в «розу». Немедленно. Пора наводить там порядок.

– Но ведь вас там ждут, – мягко сказал Иван Терентьевич, еще бледный, но уже почти залечивший рану в груди, – причем не с распростертыми объятиями.

– Пусть ждут. Пентарх Удди считает, что я зомбирован. Не буду его разочаровывать. Это даст мне время определиться и действовать по обстоятельствам. Поворачивай, Тарас. Кардиналы уже направились в погоню за нами и выехали из Строгина.

– Ты запустил «зайца»? – догадался Горшин, трогая «Шевроле» с места.

Матвей кивнул. При выезде из района боя он «вставил» в голову одного из гвардейцев особую программу, включавшуюся при попытке пси-пеленгации энергетических сфер беглецов. Программа начинала «шуметь» и создавала впечатление удаляющегося пси-энергетического объема. Именно такого «зайца» запустил сам Горшин, обманув кардиналов.

– Но они вернутся, – тихо сказала молчавшая до сих пор Кристина.

– Да уж, Бабуу провести подобными трюками не удастся, – проговорил Иван Терентьевич. – У нас в запасе не более часа. Кардиналы соберутся все вместе и примутся за нас всерьез.

– Отобьемся, – бесстрашно махнул рукой Василий и охнул.

– Лихой казак, – подмигнул Ульяне Иван Терентьевич, – только бледный почему-то. Посмотрела бы ты его?

– Что там у тебя? – дотронулась Ульяна через спину нагнувшейся Кристины до плеча Василия.

– Ерунда, поболит и перестанет, – сквозь зубы ответил Вася.

Горшин оглянулся, оценивающе посмотрел в глаза Балуюеву и хмыкнул.

– По-моему, у него пуля в заднице.

– Это правда? – нахмурилась Ульяна.

– Невоспитанный ты, Граф, – огрызнулся Василий, поморщился и признался: – Сидеть невмочь...

В кабине «Шевроле» стало тихо, потом засмеялась Кристина, а спустя мгновение смеялись все.

Времени на созерцание МИРа, располагавшегося под Троице-Лыковской церковью на глубине трехсот метров, у них не оказалось. Бабуу-Сэнгэ догадался о «зайце» раньше, чем рассчитывал Матвей, и знал, где искать беглецов. Поэтому экскурсии не получилось, Василия оторвали от восторженного столбняка насильно, и ему пришлось подчиниться и следовать за Посвященными, нашедшими вход в замок древних разумных тарантулов – Ликозидов. А МИР был безумно красив – точно такая же ажурная ослепительно белая пирамида, которую защищал Матвей со своим предком во время последнего броска в прошлое.

Вскоре они благоговейно стояли в тронном зале замка ликозидов перед саркофагом последнего царя семьи, представлявшим собой копию замка-пирамиды. Матвей шел первым и теперь задумчиво склонил голову набок, рассматривая саркофаг. Остальные смотрели то на него, то на светящуюся, сплетенную из паутины пирамиду, и молчали. В подземелье, где хранился МИР Ликозидов, царила глубокая, торжественная тишина, насыщенная тайнами канувшей в небытие цивилизации.

Пока спускались под землю, Вася успел кое о чем порасспросить Ивана Терентьевича и теперь знал, что каждый МИР, по сути, – ворота в определенную реальность. Тот, кому были подвластны Великие Вещи Инсектов – «Игла Парабрахмы» и «саркофаг» – своеобразный компьютерный комплекс управления семьей насекомых, мог включать себя в контур комплекса и пересекать границу реальности, на которую был ориентирован МИР. Матвей Соболев, по его словам, давно был включен в контур «Иглы», принадлежащей галиктам – разумным пчелам, и мог бы уйти из земной реальности в «розу» практически в любой момент, однако узнал он об этом лишь нынешним утром, после выхода в логос и универсум. Правда, все это уже не имело значения, Матвей обладал возможностью включения собственного тхабса – способа преодоления магических границ между реальностями. Чем руководствовался Монарх Тьмы, активируя у Соболева тхабс, можно было только гадать.

– Пора, – тихо проговорила Кристина, стоявшая сзади Матвея. Тот очнулся от размышлений, оглянулся.

– Да, пора. Кардиналы Союза уже близко.

– Будем драться? – с готовностью расправил плечи Василий, хотя ему досталось больше всех.

Матвей покачал головой, обнял Кристину за плечи, поворачивая ее лицом к остальным.

– Драки не будет. Я перемещу вас куда захотите. Давайте прощаться.

Стало совсем тихо. Потом раздался неуверенный, спотыкающийся голос Балужева:

– То есть как это – прощаться? Разве мы не идем с тобой?

– Тебе нельзя, – грустно улыбнулась Кристина. – Путь в другие реальности человеку, не владеющему энергетикой «розы», заказан. Я не уверена, что даже Посвященные II ступени могут пересекать границы реальностей без ущерба для психики, не говоря уже о... других людях Круга.

Василий с недоумением посмотрел на молчаливых Ивана Терентьевича и Ульяну.

– Вы тоже так считаете? Крис, ты же сама говорила, что мы – спутники аватары...

– И могу повторить свои слова. Вы еще догоните нас.

Где-то далеко за стенами пирамиды Ликозидов зародился слабый шум. Матвей прислушался к нему, шагнул к Василию, обнял его.

– До встречи, идущий. Отвечаешь мне за Стаса... и за Улю, конечно. Береги их. Если у нас ничего не получится, ты доделаешь то, что мы начнем.

И Вася проглотил вертевшиеся на языке возражения.

Матвей обнял Ульяну, Ивана Терентьевича, то же самое сделали Кристина и Тарас. Прощаясь последним с Василием, он сунул ему визитку «чистилища».

– Может быть, пригодится.

– Что это?

– Телефоны командира моего мейдера и лидера «Стопкрима» Завьялова.

– Зачем?

– Всегда можешь надеяться на их помощь. Прощай.

Трое уходящих отступили от тройки остающихся, и Матвей подошел к «саркофагу» царя Ликозидов.

Шум стремительно нарастал: топот, голоса людей, позвякивание, гудение. Кардиналы торопились изо всех сил, чтобы успеть помешать переходу границы, они еще издалека начали наносить ментальные удары по противнику, но пирамида Ликозидов мешала им, рассеивала излучение и не позволяла довести концентрацию пси-энергии до порога прямого воздействия.

Что-то вдруг произошло.

По залу дворца Ликозидов прошло колебание, усилившее на миг свечение стен. Топот и шум, доносившиеся из многочисленных тоннелей, выходящих в зал, стихли, потом возобновились с новой силой.

Василий, во все глаза наблюдавший за действиями Соболева, тем не менее не заметил, как Матвей оказался внутри «саркофага». Новая волна искривления обежала зал, отозвалась в телах людей сперва тяжестью, потом невесомостью и кровавым туманом в глазах. Когда зрение прояснилось, Василий увидел, что и Кристина с Горшиным стоят уже внутри «саркофага» – зыбкие прозрачные фигуры с возникающими и тающими звездами в глубине тел.

Какая-то жуткая сила стала мять «саркофаг», изгибать стены и пол зала, сплющивать тела оставшихся. Движимые инстинктом, они обнялись, пытаясь защититься «колоколом отталкивания», но это помогало мало, чудовищная сила продолжала корчить зал, пирамиду, всех, кто находился в ней.

Вася не знал, что вся эта метаморфоза – результат ментальной атаки кардиналов, сконцентрировавших волю в единый кулак и на короткое время преодолевших барьер магического оперирования в «запрещенной реальности», как бы отменивших физические законы в данном локальном объеме. В принципе это было равносильно инициации еще одной «Иглы Парабрахмы», что категорически запрещали законы Внутреннего Круга, потому что противоборство столь мощных Сил – группы Соболева и Союза Девяти – могло запросто нарушить равновесие потенциалов границы, создать своеобразный эйнсоф – многомерный провал в глубины «розы реальностей», способный засосать в себя весь город.

Затем все успокоилось – на несколько мгновений. Рядом с Посвященными возникла темная фигура в змеящемся голубыми молниями плаще – Хранитель Матфей. Он дернул Василия за плечо,

отшвыривая в сторону, подтолкнул согнувшихся Парамонова и Ульяну к «саркофагу», пророкотал гулким басом:

– Ныряйте за ними!

Иван Терентьевич поддержал пошатнувшуюся девушку, и они исчезли в усиливающемся свечении «саркофага».

– Я... с ними! – прохрипел Василий, пытаясь оттолкнуть горячую и твердую руку Хранителя, и в этот момент «саркофаг» погас, исчез, провалился сам в себя. Команда Соболева перешла границу реальности.

С гулким ударом вспучился пол, застыл причудливым многометровым стеклянным сталагмитом, стены зала пошли трещинами, начали стрелять искрами, осыпаться, рушиться. В зал вбежало множество людей – девятка кардиналов Союза с координатором во главе, их телохранители и солдаты. Судорога разрушения перестала корчить замок ликозидов, шум стал стихать... и все поплыло перед глазами Василия.

Последнее, что он увидел, было черное кривляющееся клыкастое лицо дьявола, выглянувшее из переплетений балок потолка. Потом пришли тишина, темнота и покой...

ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ

Каждый год в течение десяти лет он приходил на это место, к церкви Троице-Лыковского кладбища, в надежде встретить тех, кого потерял в тот страшный день перехода границы Соболевым. Десять лет Василий Балугев искал Ивана Терентьевича Парамонова и Ульяну по всей России и за ее пределами, десять лет он ждал их возвращения, веря, что им удалось пройти границу реальности вместе с Матвеем и уцелеть. Десять лет он шел тем же Путем, что и Посвященные, пока не стал человеком Круга.

Четыре раза сменилось правительство, ушел старый, пришел новый президент, спрятался в тень Союз Девяти, власть в стране захватила СС – Сверхсистема криминально-государственного управления, базой для которой стало «чистилище».

Многое изменилось в жизни страны и рядовых ее членов, кроме одного: власть тьмы продолжалась.

А ушедшие все не возвращались. И не подали ни одного знака, что они живы.

Возможно, время в «розе реальностей» текло как-то иначе, быстрее, чем на Земле. Возможно. Однако это было для Василия слабым утешением. Он ждал изменения, а его все не было. Он ждал Ульяну, но она не отвечала на его зов... Что-то надо было предпринимать самому.

– Пойдемте, дядя Вася, – раздался сзади заботливый голос.

Василий обернулся.

На него исподлобья смотрел двадцатилетний парень, высокий, гибкий, ощутимо сильный и спокойный. Стас Котов. Бывший приемный сын Матвея Соболева. Его надежда и опора. Ученик. Идущий...

Примечания

1

Управление «Т» – Управление по борьбе с терроризмом и бандитизмом.

ФАПСИ – Федеральное агентство правительственной связи и информации.

Древний литературный памятник даосизма (*кит.*).

Бандлик (ликвидация бандформирований) – термин, обозначающий любую акцию «чистилища» по пресечению деятельности криминальных группировок.

МИСИ – Международный институт стратегических исследований.

Жюль Ренар (1864—1910).

Сякэн в форме треугольника с вырезами, превращающими углы метательной пластины в острия.

Состояние ментального озарения.

9

Больше вопросов нет?

Вибхути – манифестация сверхобычной силы, состоящей из выдающихся способностей, в которые входит превращение в сверхмалые, сверхвеликие объемы, утрата веса, достижение любых сверхудаленных предметов и тому подобное (буддизм).

Дэваяна – путь богов, которые идут после смерти к вечному блаженству, очистившиеся от грехов и познавшие вечную истину (буддизм).

А. Межиров.

Генри Луис Менкен (1880—1956) – американский критик и публицист.

Свингер – член супружеской пары, вступающий в интимную связь с членом другой супружеской пары.

Махавидья (великое ведение) – метафизическое знание как свойство личности.

Сатариял – Дьявольское Понимание; Цафкиель – Размышления Бога (Каббала); в данном случае – уровни внутренних энергий и психофизических возможностей.

Прайм-тайм – наиболее выгодное и самое дорогое время для размещения теле– и радиорекламы.

Ваха – живи (живите) (*чечен.*).

Эхейх – Я Есть (Каббала).

Иегова – Сущность бытия. Ханиэль – Милость Бога. Голаб – Дьявольская Жестокость (Каббала).

Рэндзоку-гэри – комбинация из нескольких ударов ногой.

У-цзи – безграничность, пустота. Тайцзи – высшее (ступени ниндзюцу).

США, штат Колорадо.

«Состояние пустоты» позволяет мгновенно реагировать на неожиданное нападение.

На жаргоне спецслужб бандаж – совместная операция.

Декарх в иерархии Круга – Хранитель десятой ступени, отвечающий за контроль границ земной реальности.

Тхабс – способ действия (буддизм).

Ниен лас – время совершенных поступков.

Компайлер – программа перевода с одного программного (машинного) языка на другой – тот, что читается данным типом компьютера.

Аварийный запас.

Бонно – пауза в дзэнской психотехнике.

Гамчикот – Дьявольское Милосердие (Каббала).

Игра слов: сука си – немного, соку си – мало (*яп.*).

Бу-дзюцу – владение оружием (*яп.*).

Маяковский В. Клоп.

Дюма А. Виконт де Бражелон.

Нарака — совокупность адов, расположенных под столицей царства бога смерти Ямы (*инд. миф.*).